Евреи и Еврейский Народ
Jews and the Jewish People

ЕВРЕЙСКИЙ САМИЗДАТ
JEWISH SAMIZDAT

ТОМ
VOL. 10

Еврейский университет в Иерусалиме Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства
The Hebrew University of Jerusalem The Centre for Research and Documentation of East-European Jewry

В этом издании вышли:

"ЕВРЕЙСКИЙ САМИЗДАТ"

Том 1 - "Итон" א, ב /материалы о государстве Израиль и духовном наследии еврейского народа/: первый выпуск א - февраль 1970; второй выпуск ב - май 1970, Рига.

Том 2 - "Исход" /сборник документов/: вып. I - IV, 1970 - 1971, Москва.

Том 3 - "Вестник Исхода" /сборник документов/: вып. I - III, 1971 - 1972, Москва.

Том 4 - "Евреи в СССР"/материалы по истории, культуре и проблемам евреев СССР/: вып. I - октябрь 1972; вып. II - декабрь 1972, Москва.

Том 5 - "Белая Книга Исхода" /сборник документов/: вып. I - II, 1972, Москва.

Том 6 - "Евреи в СССР"/материалы по истории, культуре и проблемам евреев СССР/: вып. III - апрель - июнь 1973; вып. IV - сентябрь 1973, Москва.

Том 7 - "Евреи в СССР" /материалы по истории, культуре и проблемам евреев СССР/: вып. V - октябрь 1973; вып. VI - ноябрь 1973-март 1974, Москва.

Том 8 - "Взор, к Сиону обращенный..." /разные материалы 1968-1975 гг./.

Том 9 - "Евреи в войне против гитлеровской Германии".

"ПЕТИЦИИ, ПИСЬМА И ОБРАЩЕНИЯ ЕВРЕЕВ СССР"
/подлинные документы/

Том I - II, документы за 1968 - 1970 гг.

Том III - IV, документы за 1971 год.

Евреи и Еврейский Народ
Jews and the Jewish People

ЕВРЕЙСКИЙ САМИЗДАТ
JEWISH SAMIZDAT

под редакцией А. Бен-Арие
edited by A. Ben-Arie

том
vol. 10

Иерусалим 1976
Jerusalem 1976

This publication is supported by the Memorial Foundation
for Jewish Culture, New York and the Society for Research on
Jewish Communities, Jerusalem.

The Hebrew University of Jerusalem
The Centre for Research and Documentation of East-European Jewry;

Еврейский университет в Иерусалиме
Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства;

ОТ РЕДАКЦИИ

Шестидневная война привела к глубоким изменениям в жизни евреев Советского Союза. Участились проявления солидарности с государством Израиль, и со временем они приняли форму борьбы за право выезда в Израиль для каждого, кто этого пожелает. /По этому вопросу см. сборник "Петиции, письма и обращения евреев Советского Союза", также изданный Центром документации Восточно-европейского еврейства/. Наряду с этим возрос интерес к сущности еврейства, стремление лучше узнать культуру еврейского народа, его историю, его современные проблемы.

Так как у евреев Советского Союза нет свободного доступа к достоверным источникам, из которых можно было бы почерпнуть необходимые сведения, а также нет печатного органа для обсуждения волнующих их вопросов, естественно, что они обращаются к самиздату, чтобы заполнить этот пробел. Первая брошюра еврейского самиздата появилась в Риге в феврале 1970 года.С тех пор вышли и продолжают выходить в Советском Союзе новые издания. Наряду с текущей информацией в них публикуются также статьи,очерки,а иногда и произведения художественной литературы.

Публикацией серии "Еврейский Самиздат" редакция претворяет в жизнь поставленную перед собой цель: собрать и издать произведения такого рода, попавшие на Запад. Материал подобран по первоисточникам, как правило, в хронологическом порядке его появления в самиздате. Так как оригиналы, находящиеся в распоряжении редакции, непригодны из-за плохого качества для воспроизведения в фотокопиях, они приводятся здесь в заново перепечатанном виде при соблюдении точности текста. В отдельных случаях, когда есть в этом необходимость, даются объяснения в квадратных скобках.

В настоящий десятый том серии "Еврейский Самиздат" включены 7 и 8 выпуски сборников "Евреи в СССР",вышедшие в Москве в мае-июне и июле-августе 1974 года. Предыдущие выпуски этого издания, основанного в 1972 г. профессором А.Воронелем и В.Яхотом, опубликованы в четвертом, шестом и седьмом томах данной серии.В составлении и редактировании публикуемых в настоящем томе сборников наряду с проф. А.Воронелем приняли участие проф.М.Азбель, кандидаты наук А.Лунц и В.Бра-

иловский, инженер-кибернетик М.Агурский, литераторы Н.Воронель, И.Рубин и Э.Любов /Любошиц/.

В публикуемых выпусках сквозными темами, объединяющими различные помещенные в них материалы, являются проблема ассимиляции и самосознания ассимилированного советского еврея /№ 7/ и проблема взаимоотношений еврейского и русского народов, рассматриваемые на широком историко-культурном фоне.

Несмотря на очевидный неполитический характер изданий "Евреи в СССР" оно систематически подвергалось и подвергается преследованиям со стороны властей. В частности, как выпуск № 7, так и выпуск № 8 были конфискованы во время обысков на квартире проф. А. Воронеля.

Как и в предыдущих выпусках, фамилии составителей и авторов являются подлинными и приводятся полностью.

EDITOR'S NOTE

The Six-Day War led to profound changes in the lives of the Jews in the Soviet Union. Manifestations of solidarity with the State of Israel became more frequent, and in time turned into a struggle for the right of emigration to Israel for everyone wishing to do so. /On this matter see the collection "Petitions, Letters and Appeals from Soviet Jews", also published by the Centre for Documentation of East European Jewry/. At the same time, a growing interest in the essence of Judaism became apparent, as well as an increasing desire to become more familiar with Jewish Culture, Jewish history and with the contemporary problems of the Jewish people.

As the Jews of the Soviet Union have no free access to reliable sources from which the necessary information might be obtained, and as they have no publication in which to discuss the questions that concern them, it is natural

that they turn to Samizdat in order to fill the gap. The first issue of the Jewish Samizdat appeared in Riga in February 1970. Since then new issues have continued to appear in the Soviet Union. Side by side with current information they also contain articles, essays and sometimes poetry and works of fiction.

In publishing the "Jewish Samizdat" series, the editors are fulfilling their aim to collect and publish works of this kind which have reached the West. As a rule, the materials were grouped by source publications and in the chronological order of their appearance in the Samizdat. Because of the relatively poor condition of the editor's copies, they could not be presented in the form of photocopies and were retyped in strict accordance with the original texts. Where explanations seem necessary, they are given in square brackets.

The present volume, the 10-th in number of the "Jewish Samizdat"series, includes collections seven and eight of the publication "Jews in the USSR", which appeared in Moscow in May - June and July - August 74. Previous issues of the latter publication, which was founded by Prof. A.Voronel and V. Iakhot,appeared in volumes 4, 6 and 7 of the "Jewish Samizdat" series; In the publication and editing of the collections appearing in this volume, there took part, together with Prof. A.Voronel, Prof. M.Azbel, Dr. A.Lunz and Dr. V.Brailovsky, computer-engineer M.Agursky, writers N.Voronel, I.Rubin and E.Liubov /Liuboshiz/.

The subjects characterizing the present collections and uniting the various documents appearing in this volume,are the problem of assimilation and the self-awareness of the assimilated Soviet Jew /No 7/,and the problem of the reciprocal relations between the Russian and Jewish peoples, elucidated against a broad historical-cultural background.

The publication "Jews in the USSR", despite its saliently apolitical nature, has been and continues to be systematically persecuted by the authorities. Both the seventh and eighth collections were confiscated in the course of searches in Prof. Voronel's apartment.

As has been the custom in previous publication, the true and full names of the editors and authors are given.

JEWS IN THE SOVIET UNION

ЕВРЕИ В СССР

Сборник материалов по истории, культуре и проблемам евреев Советского Союза

Выпуск VII - VIII

Москва 1974

ЕВРЕИ В СССР VII, стр. 1

ЕВРЕИ В СССР VIII, стр. 125

Е В Р Е И В С С С Р

Сборник материалов по истории, культуре и проблемам
евреев Советского Союза

№ 7

май - июнь 1974 г.

Составители:

А.Воронель и Н.Воронель

Москва
ул. Народного Ополчения
д.45, кв.103

М.Азбель

Москва
ул.Вешняковская
д.4, корп.2, кв.5

М.Агурский

Москва
ул.Профсоюзная 102
корп.5, кв.176

А.Лунц

Москва
ул.Гарибальди
д.15, корп.2, кв.76

В.Браиловский

Москва
Пр.Вернадского
д.99, корп.1, кв.128

И.Рубин

Москва
Причальный проезд
д.3, корп.3, кв.109

Авторские права резервируются

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

А.Воронель

О вредной функции слов и проблеме ассимиляции евреев 2

О.Мандельштам

Хаос иудейский 11

А.Волин

Ассимиляция и свободный выбор 15

Р.Медведев

Ближневосточный конфликт и еврейский вопрос в СССР 22

И.Домальский

Родина, государство, народ 50

Э.Любов

Стереотип 60

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ 66

Ф.Кандель

Рассказы 67

Н.Воронель

Первое апреля 72

СТИХИ

И.Рубин 88

Н.Коржавин 90

ДОКУМЕНТЫ

С.Агурский
Письмо из ссылки 94

М.Каган
Автобиография 100

КТО Я ? 103

Ж.Долгополова
Кто я? Это я знала всю жизнь 104

В.Лерман
Два поколения 105

Б.Хазанов
Новая Россия 109

Л.Левитин
На следующий день 115

Ф.Кандель
Поздравьте меня! 119

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Интерес к проблеме евреев в СССР возник у нас давно и первоначально был связан с естественным стремлением к самопознанию. Но для того, чтобы ответить на вопрос "КТО Я?", человеку приходится поставить перед собой также множество других, более общих вопросов. Как и в естественных науках, оказывается необходимым включить в рассмотрение взаимодействие объекта с окружающей средой. Это взаимодействие веками разворачивалось в истории, а многие свойства изучаемого объекта отстоялись в культурных особенностях нашего народа.

У разных людей, с которыми мы беседовали на эти темы, обнаружились совершенно различные взгляды на историю, культуру и социальные проблемы евреев СССР Воистину - сколько людей - столько мнений! Нас поразила при этом необычайная бедность имеющейся по данному вопросу литературы.По-видимому,в науке о народах именно в этом разделе существует пробел.

Мы решили начать систематическое изучение проблемы, применяя при исследовании те критерии научной добросовестности, к которым привыкли в нашей профессиональной деятельности. Для серьезного анализа необходимо собрать достаточно представительный материал, отделить объект от субъекта познания и провести грань между множеством наблюдений и интерпретациями.

С этой целью и решено выпускать настоящий сборник.

Ни одна из статей, помещенных в сборнике, не может быть рассматриваема как окончательный результат. Картина должна сложиться не из одной какой-нибудь работы, а в результате рассмотрения всех выпусков сборника в целом. Поэтому любые статьи или замечания, характеризующие какую бы то ни было тенденцию внутри или по отношению к еврейству, будут с благодарностью приняты. Разумеется, это приглашение относится не только к евреям и не только к тем, кто близко к сердцу принимает судьбы еврейского народа.

Взгляд со стороны также представляет для нас большой интерес. Поэтому мы обращаемся также и к тем, кто критически или даже резко отрицательно относится к роли евреев в истории России.

Статьи, направляемые в сборник, должны:

1. НАХОДИТЬСЯ НА УДОВЛЕТВОРЯЮЩЕМ СОСТАВИТЕЛЕЙ УРОВНЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ЗАТРАГИВАЕМЫХ ВОПРОСАХ,
2. НЕ ПРЕСЛЕДОВАТЬ НИКАКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ;
3. НЕ СОДЕРЖАТЬ ЗАВЕДОМОЙ ЛЖИ И ОСКОРБИТЕЛЬНЫХ ВЫПАДОВ.

Статьи принимаются по единогласному решению составителей. Анонимные и псевдонимные /если автор под псевдонимом неизвестен/ работы не рассматриваются.

Составители готовы оказывать консультативное содействие любым организациям или частным лицам по данной проблеме и предоставлять им все имеющиеся в их распоряжении материалы.

А.ВОРОНЕЛЬ

О ВРЕДНОЙ ФУНКЦИИ СЛОВ И ПРОБЛЕМЕ АССИМИЛЯЦИИ ЕВРЕЕВ

Обычно мы избегаем прямых оценок печатаемого материала, чтобы не создавать у читателя ложного впечатления, будто нам известны решения проблем, которые по-настоящему даже еще не поставлены. В особенности это замечание относится к необычайно сложной проблеме еврейской ассимиляции и своеобразия, которой посвящен весь этот выпуск сборника. Поэтому моя статья пишется не для того, чтобы дать каждому нашему автору "правильную оценку" /где взять критерий для такой правильности?/, но скорее для того, чтобы, напротив, извиниться за излишне категорический тон, который у многих из них пробивается, несмотря на их общее /вполне еврейское, с моей точки зрения/ стремление к максимальной /и даже преувеличенной/ объективности.

Быть может, это-то стремление к объективности и играет с нами наиболее злые шутки. Когда царю Соломону предложили определить, кто настоящая мать ребенка, из-за которого спорили две женщины, он велел разрубить ребенка пополам и "справедливо" отдать по половине каждой. Более объективная согласилась с этим справедливым решением, и именно по ее "объективности" Соломон безошибочно узнал самозванку. Настоящая мать предпочла отказаться от ребенка и стерпеть несправедливость, лишь бы сын ее остался жив.

Наш еврейский ребенок чудесным образом еще жив, несмотря на то, что уже много лет он воспитывается чужой, слишком объективной матерью. Посмотрим же на него не со строгостью профессиональных поборников разных типов благочестия, удивляющихся, что он жив вопреки очень правильным теориям, а с любовью и пониманием, продиктованными родственным чувством! Вглядитесь! Вы увидите у этого приемыша, беспризорника свои фамильные черты, свои наследственные признаки, даже свои типичные /и небезобидные/ чудачества.

Некоторая переоценка роли политических факторов вообще, и в судьбе евреев России в частности, внешние обоснования антисемитизма, основанные на представлений, что мы якобы ничем от других не отличаемся и нас не за что ненавидеть, и постоянно присутствующий в сознании образ некоей планируемой и всеудовлетворяющей справедливости очень характерны для взглядов советских евреев и, конечно, должны быть отражены в нашем сборнике. Также, и в неменьшей степени, некий голубиный, вневременный и вне пространственный гуманизм, позволяющий рассматривать жизненные нужды своего народа "объективно", как бы с высоты птичьего полета, при котором "нет ни эллина, ни иудея", типичны для "русского интеллигента еврейского происхождения", которым и стал в своей определяющей группе советский еврей.

Наш собственный агностицизм происходит не от отсутствия всякой точки зрения, а от понимания, что любая точка зрения в этом ряду не может быть научно обоснована. Научным в этой ситуации является только изучение всей совокупности имеющихся взглядов как некоего целого, отвечающего конкретной социальной и этнологической реальности.

Однако в реальном мире непрерывно происходят различные изменения, и характер этих изменений, возможно, тоже меняется со временем. В отличие от реальностей слова, которыми мы их обозначаем, долгое время могут оставаться неизменными. Это обстоятельство часто создает почву для трагических конфликтов даже внутри одной души, а тем более - между разными людьми, употребляющими одни и

те же слова в их разных значениях: отжившем и вновь приобретенным. Многие обнаруживают большую преданность словам, чем собственно обозначаемым ими реальностям и готовы примириться с невыносимой реальностью, если она обозначена респектабельным словом, и погибнуть за красивое слово, не обеспеченное никакой реальностью. Классический конфликт отцов и детей в значительной мере основан на различном отношении к ключевым словам, сложившимся в разной обстановке, а не на реальном различии идеологий.

В еще большей степени, чем сами слова, источником недоразумений в меняющемся мире оказываются сцепленные в сознании пары слов /или целые гнезда понятий/, связь между которыми определяется старой семантикой, а не сегодняшним течением жизни. Такие пары создают в сознании мнимые антиномии, вынуждающие нас занимать одностороннюю позицию в споре, которого в действительности нет. Так, мы в СССР с детства привыкли к навязанной нам антиномии "религия - разум" /иногда в форме "вера - знание"/, присутствие которой всю жизнь мешало нам понять, что наш рационализм носит в заметной мере религиозный характер и основан на нашей вере в достоверность знания /очень сомнительную, кстати сказать/, полученного эмпирическим путем.

Множество таких окаменевших антиномий загромождают наше поле зрения, не давая взглянуть на явление или другого человека без участия некоего третьего действующего лица. Это таинственное лицо, представляющее Сложившееся Мнение, а точнее, обломки сложившихся в прошлом мнений, оказывается тем влиятельнее, чем меньше его присутствие осознается и учитывается нами. Не надеясь сейчас исчерпать эту тему, я только назову несколько подобных мнимых дилемм, чтобы дать понять, насколько мы в самом деле окружены и отрезаны: "революция и реакция", "прогресс и консерватизм", "правые и левые /и еще новые левые/", "гуманизм и насилие", "национальное и общечеловеческое", "субъективное и объективное", "свобода и ограничение", "независимость личности и власть толпы", "внутреннее достижение и внешний успех", "талант и посредственность" и даже "ум и глупость". Все эти противопоставления ничего не стоят, и в конкретной жизни могут быть оспорены и вывернуты наизнанку. Реальный мир не описывается двоичной логикой и для языка недостаточно пары "да-нет".

В этом номере собраны материалы, которые такое двоичное, поляризованное сознание должно было бы охарактеризовать антиномией: "ассимиляция евреев или сохранение их национального своеобразия". Мне кажется, что здесь мы имеем типичный случай, когда традиционная постановка вопроса только запутывает его и уводит в сторону от реальных задач, а противопоставление не задевает существа проблемы, лежащей в иной плоскости.

Во всех обычно употребляемых смыслах слова "ассимиляция" около двух миллионов русских евреев давно ассимилированы и вопрос об ассимиляции для них не стоит. Но зато вопрос об их национальном своеобразии только теперь, после окончательной ассимиляции в России, приобрел действительную остроту и выступил в незамаскированном виде. Если прежде, чтобы удовлетворить национальные чувства евреев, предполагалось достаточным открыть для них театр на идиш, то теперь мы сталкиваемся с таким комплексом культурных и политических проблем, который даже в СССР /стране, где нет нерешенных вопросов/ вывел этот вопрос из числа скрытых и превратил чуть ли не в один из самых актуальных вопросов советской политики.

Чтобы объяснить этот феномен, совершенно недостаточно жалоб на антисемитизм властей или ссылок на положение на Ближнем Востоке. Необходимо еще признать наличие чего-то реального, что вызывает этот антисемитизм и может использовать положение на Ближнем Востоке, поскольку оно ему небезразлично. Это что-

то, по-видимому, двух-трехмиллионный еврейский народ в России, обладающий еще достаточным своеобразием, чтобы стать объектом антисемитизма, и достаточной исторической /или этнической/ памятью, чтобы интересоваться положением на Ближнем Востоке. Даже среди сверхобъективных русских евреев мало таких, которые станут утверждать, что положение в Юго-Восточной Азии волнует их так же живо.

Людей, задумывающихся на эту тему, обычно сбивает с толку тот несомненный факт, что родным языком всех этих евреев оказывается русский язык. Не означает ли это, что мы и сами уже русские? Да. Означает. В такой же степени, как "сефард" означает испанец, а "ашкенази" - немец. Но все же это не больше, чем названия разных групп евреев.

Грузинские евреи уже несколько веков говорят на грузинском языке, но никто еще на этом основании не отрицал существования грузинских евреев как национальности. Конечно, грузинские евреи зато сохранили гораздо больше традиционных особенностей в своем житейском и духовном обиходе, но сам по себе этот факт свидетельствует о второстепенности языка как признака, определяющего национальную принадлежность. В тысячелетней истории диаспоры разные группы евреев в разное время переходили на иранский, испанский или верхне-немецкий /а в античное время и на греческий/ языки, создавали даже богатую литературу на этих языках /см. в № 5 нашего сборника статьи о марранах и еврейской диаспоре в Римской империи/ и, тем не менее, оставались евреями для себя и других. Смена языка переоценивается нами в случае русских евреев, потому что она произошла в исторически рекордный срок и почти на наших глазах. Мы не можем отнестись к этому факту академически спокойно и переоцениваем его идеологическое содержание. Но вчуже мы все отлично знаем, что зяык вовсе не определяет национальную принадлежность /ирландцы, мексиканцы и т.п./.

Можно было бы привести еще множество примеров, по которым было бы видно, что и все остальные объективные признаки национальности столь же второстепенны, чтобы не сказать несущественны. Среди других признаков следовало бы выделить вероисповедание, которое традиционно определяет национальную принадлежность евреев, но распространенность атеизма /вернее, его внешнего проявления/ в СССР сделала евреев и в этом пункте объективно неотличимыми.

Национальная принадлежность никогда не является абсолютно несомненной - даже цвет кожи зачастую может оспариваться - и не может быть превращена в объект изучения сама по себе. Национальная принадлежность в существенной степени определяется субъективно /самими членами этнической общности или окружающей средой/, как, например, принадлежность к семье /Иванов может принадлежать к семье Хаима Рабиновича, а Абрам Рабинович оставаться однофамильцем/ и может изучаться только по своим последствиям и отражению в поведении. Но разве наше поведение определяется научными соображениями? Наше поведение /в национальном вопросе, скажем/ определяется осознанным выбором /пусть даже не всегда свободным; у людей с черной кожей или с особенно выдающимся носом выбор существенно ограничен/, который в свою очередь определяет судьбу. А разве мы строим свою судьбу в угоду каким-нибудь теориям /особенно научным/?

По-видимому, в основе национального самоопределения всегда лежит миф об общности происхождения, причем степень достоверности, так сказать, реалистичность этого мифа есть наименее существенное его свойство. Важным в действительности оказывается его духовное богатство, содержательность, определяющая приемлемость или неприемлемость для народа соответствующей традиции и ее способность быть соновой мировоззрения. В статье А.Волина "Формирование нации" было пока-

зано /№ 6 нашего сборника/, насколько определяющим было влияния Пятикнижия на формирование душевного строя и культурной ориентации евреев. Пока молодая идишистская культура внушала советскому еврею, что он произошел от героя Шолом-Алейхема, он не спешил откликнуться на зов предков. Но когда советский еврей, перейдя на русский язык, дошел в своей русской культуре до необходимости прочитать Библию, свершилась победа Моисея, и множество ушей отверзлось, чтобы слышать.

Когда русский человек читает Библию, он может и не соотносить слова об избранном Богом народе с известными ему из обыденной жизни востроглазыми людьми. Но еврею читать Библию и не соотнести ее с собой невозможно. Немало способствует этому процессу происходящая в широких слоях советской интеллигенции консолидация русских национальных сил... Пока речь шла о противопоставлении Ф.Тютчева и Ф.Достоевского Н.Некрасову и Н.Чернышевскому, простодушные евреи бежали в самых первых рядах. Но теперь доходит до необходимости предпочесть сбивчивый и малопонятный миф о русском народе-богоносце чуть ли не Синайскому откровению. Тут задумываются и самые бойкие.

Спектр русской национальной мифологии очень широк: от "Москва - третий Рим" и, соответственно, "Всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя", до "Сплотила навеки великая Русь" и "Я русский бы выучил только за то..." Но в любом варианте этот миф оспаривает историческое первородство Израиля, и поэтому отношение к евреям в русской культуре не может быть уподоблено другим этническим предрассудкам и предпочтениям - это вопрос онтологический, как и для христианской цивилизации в целом. Принять этот миф для еврея - значит повторить подвиг Исава. Вот почему все евреи в русской культуре - западники и предпочитают чаадаевскую линию в этой культуре славянофильской.

В этом номере приведен отрывок из "Египетской марки" О.Мандельштама, относящийся к 20-м годам, который ярко характеризует психологическую обстановку при смене языка в еврейской семье. Такое событие не могло происходить на узкопрактической основе, и дух чечевичной похлебки все время присутствует в тексте, хотя и не одерживает решительной победы. Уже в "Четвертой прозе" /начало 30-х/ Мандельштам находит другие слова, обращаясь к своему происхождению /"кровь патриархов и царей"/ и показательно, что он берет их из Библии. Замечательна в этом отрывке та особая еврейская чуткость к языку, которая составляет основу своеобразного языкового патриотизма, присутствующего почти у всех русских евреев /см. в сб. Ф.Кандель, Н.Воронель, Б.Хазанов и др./.

В нашей жизни в СССР, кроме национальных мифов, присутствует еще миф, обещающий в конечном счете интернациональную общность людей - миф социального детерминизма. Вообще говоря, обсуждать мифы с точки зрения их достоверности - неплодотворно. Мифу может противостоять только другой миф, и оцениваться они могут только по их приемлемости и духовному содержанию. Но, возможно, миф, претендующий на научную обоснованность, должен составить исключение и может обсуждаться с точки зрения методологических обоснований.

Наука, чтобы оставаться наукой, должна иметь предмет изучения, существующий не только внутри нашего сознания, не зависящий хотя бы от сознания пишущего. Но национальная принадлежность и связанное с ней самочувствие, определяющие мотивы действий, принадлежат как раз к кругу понятий, целиком зависящих от нашего сознания и вне его даже несуществующих. Поэтому наукой в этой области могло бы быть только эмпирическое наблюдение фактов и лишь отчасти объяснительная интерпретация. Последняя уже может сильно зависеть от национального сознания наблюдателя. Марксизм, однако, напротив, исходит в национальном вопросе

/как подчиненном к основному, классовому/ из предписывающих теорий /например, "что полезно для дела пролетариата"/. Поэтому в научном отношении он не более доказателен, чем любая другая предписывающая идеология: "возлюби ближнего твоего", "не противься злому" или "падающего толкни".

Очень хорошо представляет марксистскую точку зрения большая работа Р.А.Медведева, помещенная в этом номере сборника. Р.Медведев придает проблеме ассимиляции евреев откровенно гражданский характер благодаря чему его рассмотрение проблемы обладает известной логической законченностью. Существенными здесь мне представляются три четко сформулированных положения:

1/ Ассимилированный еврей - не еврей, а русский.

2/ Признаком ассимиляции является язык и общая культурная ориентация, а также участие в соответствующей общественной жизни.

3/ Добровольная ассимиляция есть процесс прогрессивный /т.е., по-видимому, полезный для дела пролетариата/, а антисемитизм, мешающий ассимиляции, - явление реакционное.

Должен сказать, что эта система взглядов представляется мне вполне последовательной и я не мог бы указать в ней на логические изъяны, кроме той мелочи, что насильственная ассимиляция кажется мне нисколько не менее прогрессивной, чем добровольная, поскольку само понятие прогрессивности определено без всякой оглядки на субъективные ощущения ассимилируемого. Как всякая дедуктивная система, имеющая аксиоматический фундамент, она может существовать, лишь пока суровая действительность не заставит нас усомниться в самих аксиомах. А нужно сказать, что действительность, в отличие от теорий, логически безупречной не бывает и, похоже, только тем и держится.

Если всерьез принять точку зрения Р.Медведева, то следует признать, исходя из двух первых его положений, что евреев в России, по сути говоря, нет, хотя их исчезновение и нельзя назвать вполне добровольным. Тогда официальные журналисты в сущности правы, когда они утверждают, что в СССР нет еврейского вопроса /ведь нет евреев, откуда же вопрос?/. Но тогда и антисемитизма, в сущности, тоже нет /и третий пункт работы повисает в воздухе/.

Чтобы избежать таких радикально парадоксальных выводов, Р.Медведеву приходится создавать у читателя своей работы такое впечатление, будто бы где-то в СССР есть современная еврейская культура и еврейский язык, и советскому еврею только еще предстоит выбор /добровольный или какой-нибудь другой/ между русской и еврейской культурами. Между тем уже больше двадцати пяти лет /время созревания целого поколения/ русские евреи не имеют никакой альтернативы русской культуре, если не считать Арона Вергелиса, чьи дети уже неспособны прочитать издаваемый им журнал "Советиш Геймланд", потому что они действительно русские /не только по определению Р.Медведева/. Таким образом, русские люди /многие даже и по паспорту/ вызывают неприязненные чувства, называемые в просторечии антисемитизмом, тысячами толпятся в последнее время у синагог и изучают иврит, по-видимому, с единственной целью - опровергнуть марксистские теории. Правда, можно было бы еще предположить, что они мстят за свою недобровольную ассимиляцию, если бы большинство современных русских евреев не происходило как раз от той части российского еврейства, которая ассимилировалась еще до войны и, следовательно, почти добровольно /больше миллиона традиционных евреев погибло в своих местечках во время войны/. Внелогическая природа реальности, таким образом, самым пагубным образом сказывается на применимости марксисткой теории.

Люди, которые вызывают раздражение окружающих, выдумывают про себя антисемитские анекдоты и с замиранием сердца следят за судьбой государства Израиль, виртуозно владеют русским языком /и никаким другим/ и в остальное время, в разной степени и с разной интенсивностью, занимаются развитием русской технической и гуманитарной культуры. Многие из них достигли в этом деле заметных успехов. Но еще ни один не достигал предела, за которым окружающие забыли бы, что он еврей. Это редко удается даже и тем, у кого только мать еврейка.

Означает ли такая неотступная память патологический антисемитизм среды, в которой мы живем? - По правде говоря, вовсе нет.

Видеть чуждое чуждым еще не значит ненавидеть.Иногда это даже означает-любить.Максим Горький,например,очень любил евреев.Он был филосемитом.Но суть здесь в том, что он их отличал, а это делает все разговоры о прогрессивности ассимиляции по меньшей мере бесплодными. Любить евреев или не любить - дело индивидуальное, а быть русским или считаться им, вопреки видимому, хотя бы и по праву - это проблема массовая. Решить эту проблему, рекомендуя русским людям прижмуривать глаза, чтобы не так ясно различать, вряд ли когда-нибудь удастся.

В статье Р.Медведева приведены /со ссылкой на Л.З.Копелева/ два случая национального самоопределения личности в сомнительной ситуации, которые кажутся мне очень удачными для характеристики общей проблемы.

Русский дворянин Р.Пересветов, принимаемый всеми окружающими в сталинских лагерях за еврея, не стал оправдываться, выучил еврейский язык, принял на себя все неприятности, связанные с таким отождествлением, и был хорошо принят в еврейской среде.

Сам Л.З.Копелев, записавшись в начале 30-х годов /когда это делалось добровольно/ евреем, несмотря на свою полную поглощенность русской культурой, был пристыжен своим комсомольским руководителем. Комсорг /одобряемый Л.Копелевым/ упрекал его в "мелкобуржуазном уклоне", состоявшем в том, что Копелеву было почему-то стыдно отказываться от своего еврейского происхождения при наличии на свете антисемитизма /как пережитка капитализма, конечно/. Он, таким образом, как бы делал им /"классовым врагам"/ послабление.

В обоих случаях, на мой взгляд, выступает на первый план тот несомненный факт, что человеку недостаточно самому считать себя русским /или евреем/. По-видимому, существенно также, что по этому поводу думают окружающие.

Национальность - это в значительной степени конвенциальная /условная и обусловленная/ характеристика, связанная с взаимным принятием обязательств: личность берет на себя обязательства, необходимые с точки зрения ее среды, а среда-народ выполняет обязательства-условия, достаточные для существования этой именно личности. Такой принцип "принятия в народ" /равносильный заключению Завета с Богом/ господствует в Ветхом Завете и остается определяющим во всей Западной цивилизации, высоко оценивающей обоюдность в договорных отношениях и соблюдающей равновесие прав и соответствующих обязанностей.

Можно возразить, что так в партию вступают. Действительно, похоже. Но так вступают и в семью. Глубина согласия личности со средой может быть очень разной, и личность может как угодно далеко продвигаться по пути этого слияния либо как угодно рано остановиться на этом пути. Р.Пересветов, конечно, поступил лучше тех евреев, которые навязываются в братья людям, упорно желающим избежать этого родства, но он, наверное, продолжал все же считать себя русским для себя самого и вряд ли скрывал это от своих товарищей-евреев. Таков уровень причастности личности к народу в том гражданском смысле, который, по-видимому,

исчерпывается марксистскими определениями. Он объективно существует и всю внутреннюю душевную /и духовную/ жизнь человека оставляет почти незатронутой, как всякая объективация.

Неизмеримо глубже взаимоотношения с родом Иакова у библейской Фамари, добившейся удела среди сыновей Израиля для своего потомства. Здесь /а также в книге "Руфь"/ выступает религиозный смысл приобщения к народу как семье. Но и судьба Фамари построена на тех же договорных началах и чувстве ответственности, заставившем Иегуду сделать шаг ей навстречу. Когда он сказал: "Она правее меня"..., он признал ее права равными своим. На любом уровне /договор или Завет/ принятие в члены любого сообщества остается актом двусторонним и обоюдно обязывающим.

Совершенно иная ситуация осуществляется при ассимиляции еврея в русской среде. Вслепую, в ранней юности, он делает несколько шагов навстречу русскому народу и, прозревая с возрастом, убеждается, что никто не спешит ему навстречу. Нужно сказать, что так было не всегда. Вернее, не во всех группах населения громадной, способной заслонить человеку весь остальной мир России.

С начала двадцатого века, и особенно после революции, в русской культуре намечалась универсалистская тенденция, захватившая множество людей нерусской крови /в том числе и евреев/ иллюзией сверхнациональной общности на богатой почве русской литературы XIX века. Этот соблазн для евреев, грузин, украинцев и др. сопровождался искренним порывом навстречу со стороны какой-то части русской интеллигенции. Но сколь бы ни были искренни чувства этой небольшой группы, они не скомпенсируют того факта, что она никак не была уполномочена своим народом на такие авансы. Наивный, восторженный комсорг Л.Копелев в 30-е годы мог не знать, что антисемитизм распространен не только среди "классовых врагов", но, вообще говоря, и тогда это было известно многим /см. ст. И.Домальского "Еврейский вопрос признан" в № 6 нашего сборника/ и, во всяком случае, всем, кто желал знать правду. Л.Копелев при выборе своей национальности вопреки своим идеалам поступил правильно из соображений интуитивных, нравственных, которые всегда, в конечном счете, оказываются точнее наукообразных рассуждений.

Никаких обязательств быть справедливее к евреям за то, что они будут лучше говорить по-русски и меньше размахивать руками, русский народ на себя не брал. Наоборот, возникает впечатление, что не говори мы так хорошо /прямо заливисто/ по-русски и отличайся хоть длинными пейсами, что ли, русские терпимее относились бы к нам. Они таким образом как бы чувствовали, что с нашей стороны нет претензии на хозяйские права по отношению к русской культуре и национальным святыням. Но в том-то и дело, в этом-то вся трудность и реальная боль, что такая претензия есть.

Добровольно лишились евреи в России своей культуры или насильственно, во всяком случае теперь они не имеют никакой другой культуры, кроме русской. Добровольно ли они оказались вне собственной религии или это произошло под нажимом, но теперь они не имеют никакого выхода своей религиозной энергии, кроме того, который возможен на русском языке и в пределах русской культурной ориентации. Для народа с такой громадной культурной и религиозной потенцией, как евреи, это означало творческое, хозяйское отношение ко всем сферам русской культурной жизни, оказавшее на нее заметное /может быть, еще не оцененное/ влияние. В литературе, науке, живописи и даже в православной церкви евреи создают прецеденты профессиональной деятельности, которые не могут оставить русского человека равнодушным и своим ярким своеобразием вызывают столько же высокое уважение, как и лютую неприязнь. Евреи составляют всего 1-2 процента населения

России и Украины, но в русской культуре их процент в десять раз больше. А их действительная культурная роль непропорционально выше количественного соотношения, потому что культура - не производство мануфактуры. Совершив по отношению к евреям некоторое неосознанное насилие, русская культура попала в плен, последствий которого никто не мог предвидеть. Так народ, угнетающий других, оказывается несвободным сам.

Вопрос, обогащают ли евреи при этом русскую культуру, в таких условиях лишен смысла, хотя бы потому, что сложился массовый потребитель культуры-еврей.* Среди лиц с высшим образованием евреи составляют около 5 %, а среди научных работников, врачей, адвокатов и артистов около 10%, но уже среди докторов наук в Москве они насчитывают больше 25 процентов... Писатель, который издает книгу тиражом 0,5 млн. экземпляров, может никогда не узнать, что ста миллионам русских книга эта могла бы не понравиться, если он сумел угодить своим читателям-евреям.

Русский человек вовсе не склонен отказываться от кавказского шашлыка, цыганской песни или еврейского анекдота. Но он бессознательно /а часто и с намерением/ хочет оставить их на периферии своего сознания. И вклад евреев в русскую культуру остается для него периферийным, побочным явлением.

Однако еврей, которого не спросясь сделали русским, не такое, чтобы позволить себя не замечать. Он всегда танцует в самой середине сцены. Он навязывает окружающим свои вопросы как коренные вопросы бытия **, и антисемитизм становится гвоздем, за который русский человек зацепляется, куда бы он ни шел по своему узкому коридору. "Культура общая - значит и моя!" - вот формула, перед которой многие русские интеллигенты отступают, но почти никто не смиряется. Права евреев на русскую культуру рассматриваются ими как прямое продолжение их гражданских прав /тут в констатирующей части своей работы Р.Медведев совершенно прав/. Но... Культура - не материальная ценность и вовсе не принадлежит поровну всем, кто работает и ест.

Отсутствие традиции договорных отношений в России, непонимание взаимности обязательств и, таким образом, самого духа Завета, оказывало и оказывает чудовищное воздействие на всю историю и общественную жизнь СССР. В очень большой мере сказывается этот фактор и на рассматриваемой нами проблеме. Самозванство евреев, желающих во что бы то ни стало и вопреки всему развивать русскую культуру***, с избытком компенсируется наглостью властей, не желающих расплачивать-

---

* Интересно, что Р.Медведев в качестве примера, обогащающего развитие русской культуры, настойчиво рекомендует широко известного артиста Аркадия Райкина, который вызывает особенно злобную реакцию русских националистов /см.журн."Вече"/, как опошлитель и засоритель русской культуры, чуть ли не подосланный им мировым сионизмом.

** Они и есть коренные вопросы бытия, но каждый народ ставит их в присущей ему специфической форме и только тогда, когда его культура созреет для этого. Форма вопроса часто предопределяет ответ, который для данной культуры может быть неорганичен.

*** Один из любопытных видов этого развития состоит в разоблачении русской исторической мифологии, которая, как все в СССР, имеет наукообразный характер. Когда обнаруживается недостоверность большей части исторических "фактов", составляющий национальные святыни, многие не удерживаются от антисемитского негодования по адресу разоблачителей. Но ведь мифы и не претендуют на достоверность!

ся за многолетнее использование и эксплуатацию еврейских талантов и трудолюбия, лишивших евреев собственной общественной жизни и культуры и теперь вытесняющих их из общей. Так многолетнее пренебрежение взаимностью интересов приводит к взаимности претензий и обид...

На наших глазах сейчас творится история русского народа, и мы должны признать его право на свободный исторический выбор. Я даже думаю, что мы сейчас должны отойти в сторону и, пока не поздно, отделить свои проблемы от его проблем. Иначе он решит проблемы вместе с нашей судьбой, и это решение будет радикальным.

Русский народ, даже в лице лучших своих представителей, ведет себя сейчас по отношению к евреям так же, как евреи периода восстановления Храма вели себя с самаритянами. Было ли это справедливо? - Такой вопрос по отношению к Истории неправомерен. Русская интеллигенция сейчас пытается восстановить свой храм и при этом имеет право на некоторые иллюзии, что бы мы ни думали об этом. Мы - не самаритяне и не так бедны, чтобы навязываться к русской истории в нахлебники /в настоящей ситуации, как и полвека назад, это наполовину значит - в наставники/. Достаточно было сделано исторических бестактностей в прошлом.

Может быть, основа исторического нонсенса, в который превращается проблема ассимилированных евреев, коренится в том недостатке чувства меры, который всегда выделял нас среди других народов. Когда наши деды вышли из местечек в большие города и отцы перешли от еврейского партикуляризма к еврейскому же универсализму, для нас было самое время остановиться на этом. "Я положил песок границею морю и, хотя волны его устремляются, хоть они и бушуют, но перейти не могут... А у народа сего сердце буйное и мятежное... Они отступили и пошли..." Продолжая этот путь, мы прогневили Бога, не заметив, как, идя все дальше, отошли назад. От еврейского универсализма наше поколение, воображая, что идет к общечеловеческому, скатилось просто к русскому великодержавию. Недаром на Украине и в Литве к обычному антисемитизму добавляется еще ненависть к евреям как к русификаторам.

Наверное, всякий путь "дальше" был бы путем назад, потому что мы еще не исполнили свой Завет, от которого не освободит ни ассимиляция, ни идишистская народная культура. Мы лишены традиционной веры, но религиозное ощущение призванности и миссионерский пыл еще живы и постоянно искушают вопросом: "Кто, если не ты?" На том языке или на этом, по материальным причинам или по глубокой вере, в гневе или обдуманно, мы не в силах разорвать Завет, заключенный на тысячелетия в точке, которую никогда не перестанем считать началом нашей истории.

О.МАНДЕЛЬШТАМ

ХАОС ИУДЕЙСКИЙ

Весь стройный мираж Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал.

Иудейский хаос пробивался во все щели каменной петербургской квартиры угрозой разрушенья, шапкой в комнате провинциального гостя, крючками шрифта печатаемых книг "Бытия", заброшенных в пыль на книжную полку шкафа, ниже Гейне и Шиллера, и клочками черно-желтого ритуала.

Крепкий румяный русский год катился по календарю с крашеными яйцами, елками, стальными финляндскими коньками, декабрем, венками и дачей. А тут же путался призрак - новый год в сентябре и невеселые страшные праздники, терзавшие слух дикими именами: Рош-Гашана и Йом-Кипур.

Как крошка мускуса наполнит весь дом, так малейшее влияние юдаизма переполняет целую жизнь. О, какой это сильный запах! Разве я мог не заметить, что в настоящих еврейских домах пахнет иначе, чем в не еврейских. И это пахнет не только кухня, но люди, вещи и одежда. До сих пор помню, как меня обдало этим приторным еврейским запахом в деревянном доме на Ключевой улице, в немецкой Риге, у дедушки и бабушки. Уже отцовский домашний кабинет был непохож на гранитный рай моих стройных прогулок, уже он уводил в чужой мир, а смесь его обстановки, подбор предметов соединились в моем сознании крепкой вязкой. Прежде всего - дубовое кустарное кресло с балалайкой и рукавицей и надписью на дужке "Тише едешь - дальше будешь" - дань ложно-русскому стилю Александра Третьего; затем турецкий диван, набитый гроссбухами, чьи листы папиросной бумаги исписаны были мелким готическим почерком немецких коммерческих писем. А в обстановке торговой комнаты стеклянный книжный шкапчик, задернутый зеленой тафтой. Вот об этом книгохранилище хочется мне поговорить. Книжный шкап раннего детства - спутник человека на всю жизнь. Расположение его полок, подбор книг, цвет корешков воспринимаются как цвет, высота, расположение самой мировой литературы. Да, уж тем книгам, что не стояли в первом книжном шкапу, никогда не протиснуться в мировую литературу, как в мирозданье. Волей-неволей, а в первом книжном шкапу всякая книга классична, и не выкинуть ни одного корешка.

Эта странная маленькая библиотека, как геологическое напластование, не случайно отлагалась десятки лет. Отцовское и материнское в ней не смешивалось, а существовало розно, а в разрезе своем этот шкапчик был историей духовного напряжения целого рода и прививки к нему чужой крови.

Нижнюю полку я помню всегда хаотической: книги не стояли корешок к корешку, а лежали как руины: рыжие пятикнижия с оборванными переплетами, русская история евреев, написанная неуклюжим и робким языком говорящего по-русски талмудиста. Это был повергнутый в пыль хаос иудейский. Сюда же быстро упала древнееврейская моя азбука, которой я так и не обучился. В припадке национального раскаяния наняли было ко мне настоящего еврейского учителя. Он пришел со своей торговой улицы и учил, не снимая шапки, отчего мне было неловко. Грамотная русская речь звучала фальшиво. Еврейская азбука с картинками изображала во всех

видах - с кошкой, книжкой, ведром, лейкой - одного и того же мальчика в картузе с очень грустным и взрослым лицом. В этом мальчике я не узнавал себя и всем существом восставал на книгу и науку. Одно в этом учителе было поразительно, хотя и звучало неестественно - чувство еврейской народной гордости. Он говорил об евреях, как француженка о Гюго и Наполеоне. Но я знал, что он прячет свою гордость, когда выходит на улицу, и поэтому ему не верил.

Над иудейскими развалинами начинался книжный строй, то были немцы: Шиллер, Гете, Кернер и Шекспир по-немецки. Это отец пробивался самоучкой в германский мир из талмудических дебрей.

Еще выше стояли русские книги - Пушкин в издании Исакова семьдесят шестого года. Я до сих пор думаю, что это прекрасное издание, оно мне нравится больше академического. В нем нет ничего лишнего, шрифты располагаются стройно, колонки стихов текут свободно, как солдаты летучими батальонами и ведут их, как полководцы, разумные, четкие годы включительно по 37-й.

С исаковским Пушкиным вяжется рассказ об идеальных, с чахоточным румянцем и дырявыми башмаками, учителях и учительницах, восьмидесятые годы в Вильне. Слово "интеллигент" мать и особенно бабушка выговаривали с гордостью.

У Лермонтова переплет был зелено-голубой и какой-то военный, недаром он был гусар. Никогда он не казался мне братом или родственником Пушкина. А вот Гете и Шиллера я считал близнецами. Здесь же я признавал чужое и социально отделял. Ведь после 37-го года и кровь, и стихи звучали иначе.

А что такое Тургенев и Достоевский? Это приложение к "Ниве". Внешность у них одинаковая, как у братьев. На Достоевском лежал запрет, вроде надгробной плиты, и о нем говорили, что он "тяжелый". Тургенев был весь разрешенный и открытый с Баден-Баденом, "Вешними водами" и ленивыми разговорами. Но я знал, что такой спокойной жизни, как у Тургенева, уже нет и нигде не бывает.

А не хотите ли ключ эпохи, книгу, раскалившуюся от прикосновений, книгу, которая ни за что не хотела умирать и в узком гробу девяностых годов лежала, как живая? Вглядываясь в лицо юноши Надсона, я изумляюсь одновременно огненностью этих черт и совершенной их невыразительностью, почти деревянной простотой. Не такова ли вся книга? Не такова ли эпоха? Пошли его в Ниццу, покажи ему Средиземное море, он все будет петь свой идеал и страдающее поколение - разве что прибавит чайку и гребень волны. Не смейтесь над надсоновщиной - это загадка русской культуры и в сущности непонятый ее звук, потому что мы-то не понимаем и не слышим, как понимали и слышали они... В сущности, вся большая русская литература отвернулась от этого чахоточного поколенья с его идеалом и Ваалом. Что же ему оставалось? Бумажные розы, свечи гимназических вечеров и баркароллы Рубинштейна... Происходило следующее: интеллигенция с Боклем и Рубинштейном, предводимая светлыми личностями, в священном юродстве не разбирающими пути, определенно поворотила к самосожжению. Как высокие просмоленные факелы горели всенародно народовольцы с Софьей Перовской и Желябовым, а эти все, вся провинциальная Россия и "угасающая молодежь" сочувственно тлели, не должно бы остаться ни одного зеленого листика.

Какая скудная жизнь, какие бедные письма, какие не смешные шутки и пародии!

... Однажды к нам приехала совершенно чужая особа, девушка лет сорока, в красной шляпке, с острым подбородком и злыми черными глазами. Ссылаясь на происхождение из местечка Шавли, она потребовала, чтобы ее выдали в Петербурге замуж. Пока ее удалось спровадить, она прожила в доме неделю. Изредка появля-

лись странствующие авторы: бородатые и длиннополые люди, талмудические философы, продавцы вразнос собственных печатных изречений и афоризмов. Они оставляли именные экземпляры и жаловались на преследования злых жен. Раза два в жизни меня водили в синагогу, как в концерт, с долгими сборами, чуть ли не покупая билеты у барышников; там на торговых, попадаются еврейские вывески с быком и коровой, женщины с выбивающимися из-под косынки накладными волосами и семенящие в сюртуках до земли многоопытные и чадолюбивые старики. Синагога с комическими своими шапками и луковичными сферами, как пышная чужая смоковница, теряется среди убогих строений. Бархатные береты с помпонами, изнуренные служки и певчие, гроздья семисвечников, высокие бархатные камилавки. Еврейский корабль с звонками альтовыми хорами, с потрясающими детскими голосами, плывет на всех парусах, расколотый какой-то древней бурей на мужскую и женскую половины. Заблудившись на женских хорах, я пробирался, как тать, прячась за служащими. Кантор, как силач Самсон, рушил львиное здание, ему отвечали бархатные камилавки, и дивное равновесие гласных и согласных в четко произносимых словах сообщало несокрушимую силу песнопениям. Но какое оскорбление скверная, хотя и грамотная речь раввина, какая пошлость, когда он произносит "государь император", какая пошлость все, что он говорит. И вдруг два господина в цилиндрах, прекрасно одетые, лоснящиеся богатством, с изящными движениями светских людей, прикасаются к тяжелой книге, выходят из круга, и за всех, по доверенности, по поручению всех, совершают что-то почетное и самое главное. Кто это? Барон Гинзбург. А это? Варшавский.

В детстве я совсем не слышал жаргона, лишь потом я наслушался этой певучей, всегда удивленной и разочарованной, вопросительной речи с резкими ударениями на полутонах. Речь отца и речь матери - не слиянием ли этих двух речей питается всю долгую жизнь наш язык, не они ли слагают его характер? Речь матери - ясная и звонкая, без малейшей чужестранной примеси, с несколько расширенными и чрезмерно открытыми гласными, литературная великорусская речь, словарь ее беден и сжат, обороты однообразны, но это язык, в нем есть что-то коренное и уверенное. Мать любила говорить и радовалась корню и звуку прибедненной интеллигентским обиходом великорусской речи. Не первая ли в роду дорвалась она до чистых и ясных русских звуков. У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие. Русская речь польского еврея? Нет. Речь немецкого еврея? Тоже нет. Может быть, особый курляндский акцент? Я таких не слышал. Совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоучки, где обычные слова переплетаются со старинными философскими терминами Гердера, Лейбница и Спинозы, причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза - это было все что угодно, но не язык, все равно по-русски или по-немецки.

По существу, отец переносил меня в совершенно чужой век и отдаленную обстановку, но никак не еврейскую. Если хотите, это был чистейший восемнадцатый или даже семнадцатый век просвещенного гетто где-нибудь в Гамбурге. Религиозные интересы вытравлены совершенно. Просветительная философия претворилась в замысловатый талмудический пантеизм . Где-то поблизости Спиноза разводит в банке своих пауков, предчувствуется Руссо и его естественный человек. Все до нельзя отвлеченно, замысловато, схематично. Четырнадцатилетний мальчик, которого натаскивали на раввина и запрещали читать светские книги, бежит в Берлин, попадает в высшую талмудическую школу, где собрались такие же упрямые, рассудочные, в глухих местечках метившие в гении юноши, вместо талмуда читает Шиллера и, заметьте, читает его как новую книгу; немного продержавшись, он падает из этого странного университета обратно в кипучий мир семидесятых годов, чтобы запомнить конспиративную мелочную лавку на Караванной, откуда под-

водили мину под Александра, и в перчаточной мастерской, на кожевенном заводе проповедует обрюзгшим и удивленным клиентам философские идеалы 18-го века.

Когда меня везли в Ригу, к рижским дедушке и бабушке, я сопротивлялся и чуть не плакал. Мне казалось, что меня везут на родину непонятной отцовской философии... Дорога была тревожная. Тусклый вагон в Дерпте ночью, с громкими немецкими песнями, приступом брали какие-то ферейны, возвращаясь с большого певческого праздника. Было очень страшно.

Дедушка - голубоглазый старик в ермолке, с чертами важными и немного сановными, как бывает у очень почтенных евреев, улыбался, радовался, хотел быть ласковым, да не умел - густые брови сдвигались. Он хотел взять меня на руки, я чуть не заплакал. Добрая бабушка в черноволосой накладке на седых волосах и в капоте с желтоватыми звездочками, мелко-мелко семенила по скрипучим половицам и все хотела чем-нибудь угодить.

Она спрашивала: "Покушали? Покушали?" - единственное русское слово, которое она знала. Но не понравились мне пряные стариковские лакомства, их горький миндальный вкус...

Вдруг дедушка вытащил из комода черножелтый шелковый платок, накинул мне его на плечи и заставил повторять за собой слова, составленные из незнакомых шумов, но недовольный моим лепетом, рассердился, закачал неодобрительно головой! Мне стало душно и страшно. Не помню, как на выручку подоспела мать.

Отец часто говорил о честности деда, как о высоком духовном качестве. Для еврея честность - это мудрость и почти святость. Чем дальше по поколениям этих суровых голубоглазых стариков, тем честнее и суровее. Прадед Вениамин однажды сказал: "Я прекращаю дело и торговлю - мне больше не нужно денег". Ему хватило точь в точь по самый день смерти - он не оставил ни одной копейки.

Рижское взморье - это целая страна... Всю землю держал барон с моноклем по фамилии Фиркс. Землю свою он разгородил на чистую от евреев и нечистую. На чистой земле сидели бурши и растирали столики пивными кружками. На земле иудейской висели пеленки и захлебывались гаммы. В Майоренгофе, у немцев играла музыка - симфонический оркестр в садовой раковине - "Смерть и просветление" Штрауса. В Дуббельте, у евреев, оркестр захлебывался патетической симфонией Чайковского и было слышно, как перекликаются два струнных гнезда.

Чайковского об эту пору я полюбил болезненным нервным напряжением... Широкие, плавные, чисто скрипичные места Чайковского я ловил из-за колючей изгороди и не раз изорвал свое платье и расцарапал руки, пробираясь бесплатно к раковине оркестра. Не помню как воспиталось во мне это благословение к симфоническому оркестру, но думаю, что я верно понял Чайковского, угадав в нем особенное концертное чувство.

Как убедительно звучали эти размягченные итальянским безмолвием, но все же русские, скрипичные голоса в грязной еврейской клоаке!

А.ВОЛИН

АССИМИЛЯЦИЯ И СВОБОДНЫЙ ВЫБОР

Мы отметим четыре права, которые современным правосознанием и моральным сознанием всех народов любого лагеря признается за всеми народами и индивидами, и, следовательно, должны быть признаны и за евреями. Поскольку правам корреспондируют обязанности государства и общества, мы рассмотрим в каждом случае, в какой мере эти права гарантированы и, наконец, в какой мере сами евреи заинтересованы в использовании этих прав.

1. Право на жизнь, личную свободу и владение своим имуществом наравне со всеми остальными гражданами государства. Теоретически это право гарантировалось и гарантируется всюду, включая и царскую Россию, за исключением гитлеровской Германии, где само государство организовало физическое истребление всех своих граждан-евреев и конфисковало их имущество. Возможность появления такого государства в центре Европы, а также угроза массовой депортации в другой стране в начале 50-х годов свидетельствует о том, что такая гарантия отнюдь не является полной и вполне прочной. Ни одно правительство не может гарантировать и даже предвидеть, какое правительство и какой режим придет ему на смену. Если для граждан других национальностей такая смена в худшем случае может означать ущемление политических или гражданских прав, то для евреев она может означать полное физическое уничтожение.

Судьба евреев - постоянная Extremsituation. Отсюда их экзистенциальная чуткость и невозможность атараксии. Еще Талмуд отмечал, что евреи раньше других ощущают постигающие мир бедствие или радость.

В Веймарской Германии евреи, гордившиеся своими богатствами и культурой, также не допускали возможности гибели, как не опасаются на этот счет евреи в современных США, Англии, Франции и т.п. А польским евреям даже не пришлось дожидаться смены правительства. Не приходится говорить, что в использовании этого права заинтересованы все евреи.

2. Право на свободу от дискриминации в любой сфере жизни и деятельности, например, при приеме на работу и продвижении по службе, при приеме в школу, институт и т.п. Юридически это право в настоящий момент признано всюду, но это далеко не означает отсутствия фактической дискриминации. Полное отсутствие дискриминации является скорее исключением, чем правилом. Такое исключение составляла Советская Россия в годы 1917-1937; быть может, приближалась к этому Италия до 1935 г., где одно время премьер-министр и мэр Рима были евреями. Во Франции были три премьер-министра еврея или еврейского происхождения /Блюм, Мендес-Франс и Дебре/ и ряд министров /Мок, Мандель и др./, как и в Англии и США; однако в этих трех странах и особенно в США говорить о полном отсутствии фактической дискриминации не приходится. Само собой разумеется, что в осуществлении и этого права заинтересованы все евреи.

3. Право жить не среди враждебно /или неприязненно/ настроенного населения. Это право не может гарантировать ни одно правительство в мире, кроме израильского, так как народный антисемитизм не может быть ликвидирован ни законодательством, ни правительственными мероприятиями, ни, тем более, его замалчиванием. Опыт первых лет Советской России, как и Франции, Веймарской Германии и других стран показал, что нередко отсутствие или ослабление официальной дискриминации приводит как раз к усилению народного антисемитизма /раздуваемого к тому же противниками существующего режима/, как реакции на "еврейское засилье". Конечно, в осуществлении этого права заинтересованы все евреи, однако

интенсивность ощущения этой заинтересованности или придаваемое ей значение весьма различны в разных группах. Многое тут зависит от "толщины кожи", от степени чувствительности. Многие привыкли к враждебности среды, рассматривают ее как нечто нормальное, чуть ли не естественное. Они не испытывают унижения от того, что приходится прятаться от народной вражды за спиной власти.

Унизительная доля - зависеть от благосклонности начальства, прятаться за его спиной от неприязненного отношения большинства населения. И какова тупость и толстокожесть тех, кто считает, что евреи обязаны с этим мириться, что так уж у них на роду написано. С ней может сравниться лишь тупость и толстокожесть самих евреев, которые с таким положением освоились и его приемлют. С моей точки зрения, самым невыносимым является народный антисемитизм - отнюдь не официальный. К свободам, провозглашенным Атлантической хартией, надо бы было добавить еще одну: свободу от враждебности окружения.

Автора никогда не избивали и не оскорбляли в гимназии, как сейчас нередко оскорбляют и избивают еврейских школьников. В течение всей его жизни складывалось почему-то так, что будучи по природе малообщительным и интравертным, он, при прочих равных условиях, легче сходился с русскими, чем с евреями. Может быть, это объяснялось сходством характеров, а может быть - повышенными требованиями к евреям, ибо именно за их поведение он сознавал себя в какой-то мере ответственным. Он пользовался неизменным расположением русских друзей и знакомых, мужчин и женщин. Он не сомневался ни минуты в искренности этого расположения и отвечал им тем же. Но уже самый факт, что об этом приходится говорить и что это приходится особо /а не просто/ ценить - несет в себе нечто унизительное. Быть может, эта чувствительность чрезмерна - но разве человек не имеет права быть чувствительным? Но в большинстве случаев такая чрезмерная чувствительность вовсе и не требуется.

Мои личные отношения с еврейством вообще довольно сложны. С одной стороны- неотвязный и эмоционально окрашенный интерес к еврейской культуре, исторической судьбе народа и его молодого государства; с другой - отсутствие в личных отношениях какого-либо, даже малейшего предпочтения именно единоплеменникам. Мне неприятно, когда я замечаю такое предпочтение в других евреях. Вообще я всегда легче и ближе сходился с русскими /в университете, домах отдыха, на службе/ и, может быть, причиной этому служило как раз национальное чувство. То, что я с легким сердцем прощал русскому, часто шокировало меня в еврее... Это прежде всего относится к недостатку тонкости, утонченности в мыслях и представлениях. Для многих евреев, как национально настроенных /особенно с Украины/, так и настроенных марксистски, такой недостаток характерен и бросается в глаза именно у интеллигентов, ученых и т.п. Вообще говоря, еврейский интеллигент в этом отношении "не дотягивает" до русского, в то время как средний еврей превосходит среднего русского. В молодом поколении различие стирается как в первом, так и во втором случае.

Пока меня не поволокли в газовую камеру как еврея, я сохраняю некоторую независимость в еврейском вопросе. Можно быть одного мнения и настроения с другими - и все же по-разному - ибо эти мнения и настроения могут занимать различное по своему удельному весу и качеству место в жизни и сознании и иметь различные контексты и подтексты.

4. Право на сохранение своего национального тождества и передачу его следующему поколению. Это право признается в СССР даже за самыми мелкими народцами, за ингушами и ненцами. В ряде стран оно официально признавалось государством и за евреями в виде национальной автономии /в Литве до 1939/ или еврейской

школы и театра /в СССР до какого-то года/ или допущения широкой сети частных школ с правами государственных /в Польше до 1939 и во многих других странах/. Однако в данном случае никакая государственная поддержка или допущение государством национальных культурных учреждений не решают сути дела.

Сохранение еврейского национального тождества надолго ни в одной стране /кроме Израиля/ невозможно в силу действия объективных факторов, повсюду ведущих к ассимиляции - полной или же на 99 процентов. В этом направлении действуют все факторы - экономические, социальные, культурные, биологические. Другие факторы могут задержать, но не приостановить этот процесс.

Заинтересованы ли сами евреи в сохранении своего национального тождества, т.е. в осуществлении своего права на него? На этот вопрос нельзя дать односложный и однозначный ответ. Несомненно, что у большей части молодого поколения, не знающей ни языка, ни истории, ни культуры еврейства, такая заинтересованность отсутствует. Здесь ассимиляция происходит автоматически. Более активны в этом же направлении те представители старшего поколения, для которых еврейство ассоциируется с невежественным меламедом, запыленными ветхими фолиантами и принудительным исполнением странных, ничего не говорящих сердцу обрядов.

Все это понятно и естественно. Можно быть русским "по третьему лишь отделенью", а евреем по пятому лишь пункту. Нельзя любить родителей, которых вовсе не знаешь или знаешь с самой непривлекательной стороны.

Я не могу проповедовать ни ассимиляции, ни сионизма, ибо я не могу не видеть комплекса неполноценности у представителей первого направления и известной ограниченности /как, впрочем, в любом национальном движении/ у представителей второй. Философия изолирует... Но я считаю, что и евреи, как и другие народы, имеют право на национальную ограниченность, на сосредоточенность на своих делах и интересах, на свой "священный эгоизм", на свое национальное самосознание - тем более, что еврейская национальная идея богаче духовным содержанием и человечностью, чем любая другая /за исключением гандизма/, - не говоря уже об "аль-кавмийя аль-арабийя".

Хотелось бы, однако, в связи с этим сделать несколько оговорок:

1. Если ассимиляция диктуется трусостью, сервилизмом, комплексом неполноценности или карьеризмом, то и оценка ее не может не совпадать с оценкой таких побуждений.

2. Также, как человеку, не знавшему своих родителей, все же естественно желать что-либо о них узнать, так и вполне ассимилированному еврею было бы естественно проявить хоть какой-либо интерес к исторической судьбе и культуре тех, чьи гены он унаследовал. Такое знакомство - необходимое средство против комплекса неполноценности, принимающего иногда патологические формы и доставляющего немало душевных страданий. Оно может уберечь и от гнетущего сознания полной бессмысленности и трагической хаотичности всего того, что иногда приходится переносить из-за еврейского происхождения - от болезненных уколов самолюбия вплоть до смерти в газовой камере.

3. И при полной ассимиляции необходимо "не забываться", т.е. помнить, что ты ассимилирован в себе и для себя, но не для всех других, сохранять чувство такта, сознание уместного и неуместного. Не надо брать на себя разрешение тех вопросов, которые связаны с субъективными ценностями именно "коренников", но которые могут не играть такой роли для "пришельцев". Еврей должен помнить, что если он перестал быть евреем, то это отнюдь не значит, что и русский перестал быть русским. Таким русским, как он есть есть и был "отродясь", а не таким,

каким стал ассимилированный еврей. Я допускаю, что сионист скорее поймет, как много в том или ином звуке для сердца русского слилось, чем средний ассимилированный еврей. Как известно и как это отмечал Ленин, участие евреев в революционном движении было непропорционально велико. Обычно люди склонны приписывать это еврейскому бесправию, антисемитизму и т.п. С таким объяснением, однако, трудно согласиться. Евреи, протестовавшие против бесправия и антисемитизма, шли в сионистские и другие еврейские национальные партии, а не в русскую социал-демократию. Сюда шли как раз интеллигенты, а частично и рабочие, не придававшие особого значения еврейскому вопросу и даже не испытавшие дополнительных тягот из-за своего еврейства. Они давно забыли, что они евреи. Бронштейн, Нахамкес, Розенфельд стали Троцким, Стекловым и Каменевым не только для партии, но и для себя. О пролитой при погромах еврейской крови они пустили крылатую фразу, что эта кровь должна послужить смазочным маслом для колес русской революции. В лучшем случае они утверждали, что еврейский вопрос, как сугубо частный, разрешится сам собой, когда решится вопрос общий, когда победит русская революция. В противоположность им сионисты /в частности, Ахад-Гаам/ утверждали, что еврейский вопрос не будет разрешен с решением общего вопроса.

Кармазинов в "Бесах", говоря о более благоприятных для революции условиях в России по сравнению с Западом, объяснял это тем, что в России она не встретит "отпору" в народном сознании /Достоевскому казалось, что этот либерал-западник заблуждается, не понимая народной жизни/. Непропорционально большое участие евреев в революции объясняется тем, что у них, денационализированных и беспочвенных, "отпору" было еще меньше, чем у русских, что дворян, что разночинцев. Для них ничего не значили ни Сион, ни Святая Русь. У всех их побуждения были одинаковы - облегчить страдания масс, страждущих братьев, русских рабочих и крестьян. Но не сказал им спасибо сердечное ни русский народ, ни те, кто больше всех воспользовались результатами их самоотверженной борьбы.

Обобщая этот опыт, следует сказать, что непропорциональное участие /если не вообще любое участие/ евреев в каком-либо движении не столько усиливает это движение, сколько дает его противникам дополнительное , довольно эффективное оружие /вспомним лозунг, ставший военным кличем: "Бей жидов, спасай Россию!"/, и в то же время оно создает дополнительную угрозу дискриминации для миллионов беззащитных людей.

Мы рассматриваем право на сохранение национального тождества как право, а отнюдь не как обязанность или моральный долг. Всякое субъективное право предполагает и право отказа от него, т.е. в данном случае право на ассимиляцию. В действительности выбор является более сложным, так как возможны и различные промежуточные линии и оттенки. Например, даже сторонники сохранения национального тождества не отдали бы своих детей в условиях СССР в школы с преподаванием на языке идиш /или даже иврит, может быть/. И не только из практических, но и из общекультурных соображений. Ведь ясно, что даже при самых благоприятных условиях еврейская культура вне Израиля не может стать всесторонней и полнокровной. Ни один из еврейских языков не может стать в этих условиях орудием такой всесторонней культуры.

Наконец, возможен, а в некоторых случаях и неизбежен, бинациональный вариант. Автор рос и воспитывался в условиях, когда имела место не коллизия, а гармоническое сочетание культур еврейской /на иврит/ и русской. Этим он обязан, с одной стороны, высококультурному учителю еврейского языка и литературы Радзивилловскому, с другой стороны, русской гимназии, а с третьей - созданной отцом домашней обстановке, где еврейский элемент выступал в праздничной и осмысленной форме, овеянной национальной религиозной романтикой. Еврейство выступа-

ло не как хаос /ср. "Хаос иудейский" О.Мандельштама/, а как ритмический и осмысленный жизненный порядок, где радость праздников чередовалась с одухотворенными буднями... Вспоминая более позднее время, конец десятых и начало двадцатых, т.е. годы интеллектуального формирования автора, он может сказать, что период наиболее глубокого проникновения в русскую культуру, художественную и философскую, совпал у него со временем еще не ослабевшей живой связи с еврейской культурой, к которой он и сейчас возвращается как к источнику мысли и эстетического наслаждения /Библия, Агада, средневековые и новейшие поэты, прозаики/.

Я считаю большим благом, выпавшим на мою долю, возможность читать Библию и Достоевского в подлинниках, и притом не на языках выученных, а на своих. Тот, кто не знает еврейского языка, не может себе и представить, сколько Библия теряет в переводе.

Такой путь не был, пожалуй, вполне типичным для того времени. Совершенный контраст к нему представляют воспоминания О.Мандельштама о своем детстве.

В исходных пунктах много общего /вплоть до места рождения/. И я помню кресло с надписью "тише едешь, дальше будешь" - правда, стояло оно не в квартире, а в конторе. Разница во времени играет некоторую роль, так как за десять лет облик еврейской культуры изменился, но все же не решающую. В обоих случаях - распад традиционного еврейского быта. Однако в одном случае отец и учитель пытаются создать на его месте нечто цельное, органическое, содержательное и праздничное. В другом случае бывший кандидат в раввины, следуя рутине, предлагает своему сыну формальные и бесплодные уроки, спорадические посещения синагоги, рижских дедушку и бабушку и т.п. В результате сын воспринимает еврейство как "иудейский хаос", как нечто, "лишенное благодати" и уносит воспоминание о "невеселых праздниках". Надо было действительно быть косноязычным просветителем, чтобы сделать эти праздники невеселыми. Мандельштам говорит о той роли, которую играет в духовном развитии ребенка родительский книжный шкаф. В книжном шкафу его родителей книги "со странными крючками" лежали в беспорядке, запыленные, в самом низу... И у нас был книжный шкаф. Я помню лишь две полки - вторую и третью. На одной стояли вперемежку, в золотых тисненных переплетах - Пушкин, Гоголь, Бялик, Жуковский, Гордон, Некрасов, Менделе-Мойхер Сфорим и т.д. На другой - 40-50 томов "Библиотеки иврит". Здесь наряду с произведениями современных еврейских писателей /в большинстве довольно посредственных/ были "Король Лир", "Каин", Гюго, Мопассан, биографии Аристотеля, Коперника, Спинозы, Руссо и т.д. Со многими из этих авторов и мыслителей я впервые здесь и познакомился. Таковы были предпосылки моего приобщения к двум культурам.

Во всяком случае, ясно одно: выбирать между различными возможностями дело самого еврея. Нееврей, предлагающий евреям ассимилироваться, в лучшем случае бестактен или несведущ в этом вопросе, а в худшем случае - антисемит, отказывающий евреям в том праве, которое он признает за латышами или чукчами. Ссылка на интернационализм, на устарелость и вред национальных различий существа дела не меняет. Отказ от национальной культуры, языка и т.п. надо начинать с самого себя, со своей нации, а не с других.

Мы видим, таким образом, что ни в одной стране диаспоры элементарные права, признанные за всеми, не могут быть гарантированы евреям. Первые два права всегда остаются проблематичными, а последние два - заведомо неосуществимы. Это и является <u>объективной</u> причиной еврейского национального движения, которое будет существовать, пока евреи диаспоры не растворятся полностью в окружающем населении, что, может быть, никогда не наступит. До образования государ-

ства Израиль положение тех евреев, которые не желали отказаться от этих прав, было безвыходным. Теперь можно говорить /по крайней мере теоретически/ о наличии такого выхода. Но это предполагает право на оптацию /свободный выбор/ иного местожительства и гражданства. Это была бы не привилегия, а лишь слабая частичная компенсация /ибо какая полная компенсация возможна за Освенцим и Бабий Яр?/ за неосуществимость других прав. Ведь не является же привилегией право американских армян на облегченную процедуру получения советского гражданства.

Право оптации, как это явствует из данного в тексте обоснования, может означать лишь право выбора между страной проживания и Израилем, но отнюдь не включает право выбора какой-либо третьей страны. Последнее было бы уже не правом, а недопустимой привилегией.

Надо отметить, что в огромном большинстве государств право оптации юридически признано за всеми гражданами. Оно формально допускается и советской конституцией и законодательством. Именно из этого права и исходит законодательство об облегчении приема в гражданство зарубежных армян, переселяющихся в Советскую Армению. Советская конституция даже прокламирует право выхода союзных республик из Союза, чего нет ни в США, ни в Швейцарии - классических демократиях.

Миллионы итальянцев, ирландцев и пр., эмигрировавших в Америку, никто никогда не обвинял в измене родине. Здесь скорее можно было бы говорить об измене родины. Ибо их родина, обращавшаяся со своими сынами как с пасынками, изменила своему материнскому долгу. "Двойная лойяльность" - это миф; двоякий статус гражданина - это реальность. Подобные эмигранты, как правило, становятся носителями идей и культуры своей родины в новых странах, создавая новые точки опоры для распространения ее влияния. Так, Израиль - один из главных потребителей русской книги за рубежом. Там имеется специальный институт для перевода русской научной литературы на другие европейские языки и т.п. ...

Внутренняя духовная связь между Россией и Израилем гораздо более глубокая. Россия наложила на Израиль неизгладимую печать. Создатели Израиля были и всю жизнь оставались Сашами, Яшами, Семами. На выступлениях в память Эшкола особо подчеркивалась его "русскость". Организатор движения пионеров-поселенцев, Трумпельдор, был офицером царской армии, а все движение находилось под влиянием толстовства и народничества, что нашло свое отражение в работах идеолога этого движения - Гордона. О живучести русской культурной традиции говорит хотя бы то, что в 1970 г. первой постановкой театра "Габима" была чеховская "Чайка". Еще более длительным и глубоким оказывается и окажется влияние русской культуры через классиков израильской, т.е. новой еврейской литературы /Бялик, Черниховский, Гордон и др./, которые все, или почти все были русскими евреями и глубоко впитали в себя русскую культуру. В этом отношении Израиль представляет собой единичное явление в мире, воплощая в каком-то смысле продолжение русской культурной традиции. Все это придает нынешней расстановке сил особенно трагический характер.

Нужно заметить, что этот трагизм возникает только в ситуации еврея, ассимилирующегося в русской культуре. Пример противоположной ситуации, не приведшей ни к какому комплексу неполноценности, - Елизавета Жиркова - дочь православного священника, переводившая вначале с иврита на русский язык, а потом вошедшая как поэтесса, романистка и критик в еврейскую /израильскую/ литературу. В начале 20-ых годов на литературном вечере в частном доме она читала свои первые стихи, написанные на иврите. В середине 20-ых годов она выехала в Палестину. В книге стихов "Тайные песни", Москва, 1918 г., она писала, обраща-

ясь к своему библейскому "прообразу" - моавитянке Руфи:

"Как мне жребий твой завиден,
Моавитянка! С любовью
Под крыло тебя, чужую,
Приютил народ великий, -
Тот, чья мощь и пламя духа
И мое пронзили сердце:
По краям их тучной нивы
Я колосья собираю...
И отрадна мне надежда,
Что, безмерно духом щедрый,
Не откажет он мне в доле
От богатств своих великих...
... И когда умру я, скажут:
"Вот, она была чужая, -
И покинула отчизну,
Возлюбив народ Егуды;
Дар любви пред Богом равен:
Пусть покоится под сенью
Нашей мощи и твердыни -
Стен незыблемых Сиона;
Пусть ей спится тихо, сладко;
Пусть привет лучом горячим
С высоты небес бездонных
Шлет ей солнце Иудеи"...

Мечта ее сбылась... "Дом Елизаветы", с большим концертным залом, превратился теперь в место встречи выходцев из России. Свободная личность включает и национальность как субъективную ценность, эмоционально обогащающую человека. Иудаизм /и еврейская мудрость/, в отличие от буддизма, стоицизма и отчасти христианства, никогда не отрицал значения субъективных ценностей - семейных и национальных в первую очередь. Может быть, потому он смог укорениться в жизни целого народа больше, чем какая-либо другая религия или учение.

Несмотря на все, что было дурного в царское время, судьбы и особенно духовное развитие русского и еврейского народов переплелись теснейшим образом, и в самом основании новой еврейской Палестины лежало почти не меньше русского, чем еврейского. Даже теперешние американо-еврейские друзья Израиля - это в большинстве выходцы или потомки выходцев из России. До XIX в. еврейская культура в восточной и центральной Европе жила обособленной жизнью. В XIX и начале XX вв. она - при всем своем развитии - могла иметь лишь субсидарное значение. Только с образованием Израиля эта культура становится всеобъемлющей; не отказываясь от более чем трехтысячелетней своей истории, сохраняя особенности национального облика, она в то же время открыта для широкого и плодотворного взаимодействия со всеми другими. Образование Израиля дает евреям уникальную возможность культурного творчества в своей стране, оставаясь собой, не взирая ни на какие влияния. Участие в таком культурном творчестве есть реальная и совместимая с чувством собственного достоинства человека альтернатива ассимиляции.

Конечно, о таком разрешении вопроса легче писать, чем сделать. Даже если бы не существовало никаких юридических препон, для очень многих оставались бы не менее могущественные фактические препятствия - не только экономические и служебные, но и семейные, дружеские и др. Воспоминания, связь со страной, ее культурой, языком, пейзажем, тесное переплетение судеб и интересов /особенно в интеллигентной среде, в больших городах/ и многое другое. Чтобы решиться, надо быть очень гордым, сознавать, что в любви без взаимности, что в навязывании своего присутствия нелюбящему есть что-то унизительное.

Ситуация любви без взаимности не только унизительна, но и трагична, и трагизма в ней тем больше, чем острее чувство унижения. Я не сомневаюсь, что Циля Израилевич из Чернигова горячо любит свою родину. Я только сомневаюсь, что родина так же горячо любит Цилю Израилевич. Но у многих это чувство унижения притупилось. Им вполне достаточно того, что они любят, эта любовь заполняет их жизнь, а унизительность их положения кажется им иллюзией, происходящей от гордости. Стоя перед выбором: жить там, где нравится нам, или там, где нравимся мы, между страной, которую мы считаем <u>своей</u>, или страной, которая нас считает <u>своими</u> - многие выбрали бы первое. Чувству собственного человеческого достоинства могут противостоять и другие эмоции, а иногда и трезвый расчет...

Р.А.МЕДВЕДЕВ

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В СССР

Антисионистская и антиизраильская кампания в СССР приобрела в последнее время особенно широкий характер. Однако при этом вопрос о сионизме и государстве Израиль до крайности упрощается. Сионизм, как правило, отождествляется с империализмом. Во многих газетах мы можем прочесть утверждения о том, что сионизм "политически сросся с монополистическими кругами США и других империалистических стран", что "в условиях, когда фашистские методы были окончательно дискредитированы в глазах народов, мировой сионизм стал для империалистов тем основным орудием, которое они используют в своей борьбе против Советского Союза, социалистического государства, коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы". А некоторые из авторов заявляют, что и сам империализм сегодня является производным от сионизма, что он служит целям Сиона. Представляется поэтому необходимым сказать несколько слов об истории еврейского народа и происхождении сионизма.

1. Из истории евреев

Евреи ведут свое происхождение от древнееврейской народности, проживавшей еще до начала нашего летоисчисления на территории нынешней Палестины. Многочисленные войны уже тогда привели к рассеянию большей части евреев. Особенно большие еврейские общины были в Египте и Вавилонии. Часть евреев переселилась в Грецию, усвоив греческий язык, но сохранив иудейскую религию. Однако Палестина оставалась национальным и религиозным центром еврейского народа. Попав вначале под власть Вавилонии, потом - Персии, затем - сирийских Селевкидов, евреи лишь после восстания Иуды Маккавея ненадолго обрели независимость. Однако вскоре Палестина была покорена Римом и в 6 г. н.э. объявлена римской провинцией. Жестокость римского владычества вызвала восстание евреев в 66 г. Подавив восстание, римляне сравняли Иерусалим с землей и сожгли главный храм евреев. Десятки тысяч евреев были проданы в рабство. После нового восстания в 132-135 гг. Иудея была окончательно разрушена. Значительная часть евреев была уничтожена, остальные были проданы в рабство или рассеяны по всей почти территории Римской империи. Палестина стала римской колонией без евреев.

Однако даже и потеряв более полутора тысяч лет тому назад свою национальную территорию, свое государство и свой национальный очаг, евреи сохранились как определенная этническая общность, как народность, они сохранили свою национальную самобытность и религию /иудаизм/. Естественно возникает вопрос - почему именно евреи показали столь большую стойкость против ассимиляции, тогда как от десятков народностей, населявших ранее Римскую империю, в том числе и от самих римлян, остались только названия и археологические памятники.

Одна из главных причин этого явления лежит,бесспорно,в национальных обычаях и религии евреев.Любая религия противится бракам с иноверцами.Однако иудаизм,в отличие от христианства и магометанства,не стал религией многих народов, его исповедовали только евреи и небольшое сравнительно племя хозар. И все же основная причина поразительной на первый взгляд стойкости евреев против ассимиляции состояла, по-видимому, в антисемитизме христианской церкви и христианского населения Европы.

Массовые гонения на евреев начались еще в Римской империи, особенно с того времени, когда христианство было объявлено здесь государственной религией. После падения Рима положение евреев несколько улучшилось, однако еще в раннее

средневековье в Европе существовало множество законов, ограничивающих права и занятия еврейского населения. Массовые избиения евреев возобновились в Европе с началом первого крестового похода. Эти преследования стали с тех пор постоянным явлением европейской истории. Более того, евреи не раз поголовно изгонялись в средние века из той или иной страны. Из Англии все евреи были изгнаны в XIII веке, из Франции - в XIV веке, из многих областей Германии - на рубеже между XIV и XV веком, из Испании евреи были изгнаны в XV веке. При этом католическая инквизиция только в Испании уничтожила около 100 тысяч евреев. Постоянно подвергаемое всяческим насилиям, оскорблениям и грабежу со стороны феодалов, бюргерства и особенно со стороны церкви, насаждавшей вражду к евреям, как к "врагам христианства", еврейское население, естественно, не могло "ассимилироваться" в столь враждебной для него среде. Значительная часть еврейских общин постепенно переселялась на Восток, сначала в восточные области Германии и в Австрию, затем в Польшу. Большая часть евреев жила при этом в обособленных городских районах - в гетто, что способствовало сохранению национальной замкнутости и религиозной ортодоксальности евреев.

Буржуазно-демократическая революция во Франции в конце XVIII века положила начало эмансипации евреев в Западной Европе. Равноправие евреев было провозглашено во Франции, Бельгии, Голландии, Дании, несколько позднее - в Англии, Австрии, Италии, наконец, в 1871 году и в Германии. В большинстве городов Западной Европы исчезли гетто, евреи получили гражданские права. И хотя некоторые ограничения еще сохранились /а тем более антисемитские настроения и традиции/, однако в целом антисемитизм в Западной Европе резко пошел на убыль, и как следствие этого, заметно ускорилась в XIX веке ассимиляция евреев. Еврейская молодежь все сильнее стремилась к овладению европейской культурой и пренебрегала изучением Талмуда.

Ассимилированные евреи или, лучше сказать, бывшие евреи сыграли огромную роль в развитии всех основных европейских национальных культур /а также в начавшей складываться в XIX веке общемировой культуре/. Можно упомянуть в этой связи Карла Маркса, который уже в молодые годы был безусловно больше немцем, чем евреем, а затем стал интернационалистом. Можно вспомнить о Генрихе Гейне, который, несмотря на еврейское происхождение, стал великим немецким поэтом. В первой половине XX века этот процесс еще более усилился. Десятки выдающихся немецких, английских, французских, американских ученых, писателей, деятелей искусства были по своему происхождению евреями, но они приняли более высокую культуру европейских наций и США и развивали эту именно культуру. Можно упомянуть в этой связи такие имена, как А.Эйнштейн, Н.Винер, Лион Фейхтвангер, Стефан Цвейг, Ф.Кафка, Джек Лондон, Р.Оппенгеймер, Ж.Бизе, Б.Мендельсон, Ж.Оффенбах, Ч.Чаплин, А.Пикар, Н.Бор, М.Борн, Э.Шредингер, А.Моруа, А.Бергсон, И.Солк, Э.Чеин, И.Кальман и десятки других.

Во многом иначе сложилось к концу XIX века положение евреев в царской России, где проживала большая часть еврейского населения Европы /по переписи 1897 года - 5110 тысяч человек/. Еще в XVIII веке для евреев была установлена в России черта оседлости, за которой разрешалось жить евреям лишь с ученой степенью, врачам и фармацевтам, а позднее части купцов и ремесленников. В черте оседлости для евреев существовало множество ограничений, уже отмененных в Западной Европе, еврейское население подвергалось различным притеснениям и дискриминации. В конце XIX века эти притеснения еще более возросли. Когда после 1 марта 1881 года в стране поднялась волна реакции, положение евреев особенно ухудшилось. Во многих городах и местечках прошли еврейские погромы. Подъем революционной борьбы народных масс России привел в начале XX века к новым погромам. Особенной жестокостью отличался Кишиневский погром 1903 года

и еврейские погромы в октябре 1905 года.

Подъем черносотенного антисемитского движения в России вызвал массовую эмиграцию евреев, которая поощрялась царским правительством. Как заявил один из царских сановников, "западная граница для евреев должна быть открыта". В 1905 году из России эмигрировало 92 тысячи евреев, в 1906 году - 125 тысяч, в 1907 году - 115 тысяч, в 1908 году - 72 тысячи евреев. Всего из России эмигрировало с 1881 по 1908 год более 1,5 миллиона евреев, большая часть которых выехала в США, а около 250 тысяч - в Англию, Францию, Канаду и другие страны.

Массовое переселение евреев из России в сочетании с некоторыми другими экономическими и политическими причинами вызвали в конце XIX - начале XX веков усиление антисемитизма и в Западной Европе, о чем свидетельствовало, в частности, "дело Дрейфуса". Именно в этот период и появилось на европейской политической арене еврейское националистическое движение, получившее название сионизма.

2. Из истории сионистского движения

Религиозный сионизм существовал, как известно, среди евреев многие столетия, он нашел свое отражение и в религиозном гимне: "Этот год еще рабы, а в следующем - свободные люди. Этот год еще в изгнании, но следующий в Иерусалиме". Однако как политическое течение сионизм ведет свое начало с книги Т.Герцля "Еврейское государство", вышедшей в свет в 1896 году. Уже в следующем году на Всемирном конгрессе в Базеле была основана Всемирная сионистская организация.

Националистическое сионистское движение было своеобразным ответом части еврейского населения как на усилившийся в ряде стран антисемитизм, так и на усилившийся в Европе и в США процесс ассимиляции евреев.

Своей основной задачей сионисты считали образование еврейского государства, создание еврейского национального очага путем сосредоточения евреев на какой-либо территории и социальное восстановление еврейского народа на основе физического труда, возвращения к земле и к труду на промышленных предприятиях.

В течение многих столетий евреи были не только рассеяны по территории десятков стран, но и допускались в большинстве этих стран лишь к немногим занятиям: к ремеслу, торговле, финансовым делам, врачеванию. В отличие от многих других национальных меньшинств, основу которых составляло крестьянское население, евреи не имели возможности жить в виде какого-то полноценного национального сообщества, они жили, по выражению К.Маркса, "в порах общества". Вместе с отсутствием территориальной общности и общности языка это обстоятельство не позволяло евреям конституироваться как нации. Национально-освободительное движение евреев, существовавшее задолго до возникновения сионизма, выдвигало требование национального, религиозного, социального и политического равноправия евреев в пределах тех стран, где они фактически проживали. Однако развитие еврейской эмансипации сопровождалось и быстрым развитием их ассимиляции среди европейских народов и в США. Сионизм выступил в этих условиях не только за национальное и гражданское равноправие евреев, но и против их ассимиляции и растворения среди других народов. Сионистское движение ставило своей задачей создание самостоятельной и полноценной еврейской нации, которая могла бы стать воспреемницей всей длительной истории еврейского народа, хранителем его национальных особенностей, религии и традиций. В сложившихся конкретных условиях достижение этих целей было возможно только путем заселения евреями под покровительством какой-нибудь из великих держав какой-нибудь мало заселенной терри-

тории и образования здесь со временем еврейского государства. Из нескольких предложенных для такого заселения территорий /в Уганде, Аргентине, Австралии, в Синайской пустыне/ выбор большинства сионистов пал, как этого и следовало ожидать, на Палестину, входившую тогда в состав Оттоманской империи. Основное население Палестины составляли к концу XIX века арабы. Имелись в Палестине и еврейские поселения, большинство из которых возникло во второй половине XIX века. Создание в 1897 году Всемирного сионистского движения, а также многих сопутствующих ему организаций и фондов, естественно, привело к заметному увеличению потока иммигрантов-евреев в Палестину.

Нетрудно доказать тесные связи верхушки сионистов с еврейской буржуазией, а также с определенными капиталистическими кругами Западной Европы и США. Однако было бы ошибочным связывать сионизм только с еврейской буржуазией. Напротив,значительная часть буржуазии еврейского происхождения выступала за интенсивную ассимиляцию евреев. С другой стороны, в сионистском движении, хотя и в искаженной форме, нашли отражение некоторые национальные чаяния еврейского народа. Как и всякое почти националистическое движение, сионизм включал группы людей с самыми различными политическими взглядами: его поддерживали как некоторые крайне правые буржуазно- националистические группы, так и многие искренние социалисты; за создание самостоятельного еврейского государства выступали и религиозные фанатики, и некоторые атеисты.

В каждом народе живет инстинкт самосохранения, и евреи не являются в этом отношении исключением. Это показало не только движение за еврейскую Палестину, но и более позднее движение за создание еврейского национального очага с центром в Биробиджане, о котором мы еще будем говорить ниже.

Тем не менее в конкретных условиях демократического движения в России и в Западной Европе сионистское движение играло объективно реакционную роль, отвлекая еврейских трудящихся от общих задач борьбы против царизма и за освобождение рабочего класса. К тому же наиболее экстремистские группы среди сионистов дополняли идею еврейского государства проповедью национальной исключительности евреев, их "богоизбранности", "особой и единой еврейской нации" и т.п.

Нельзя не отметить, однако, что в первые годы после своего возникновения сионизм был сравнительно маловлиятельным националистическим движением. Так, например, подавляющее большинство евреев в России и не помышляло о переселении в Палестину. Евреи - трудящиеся принимали самое активное участие в первой русской революции 1905-1907 гг. Среди руководителей и среди рядовых членов всех революционных партий и групп этого времени было немало евреев, особенно много было их в РСДРП - и среди меньшевиков, и среди большевиков. Боролись тогда с царизмом и бундовцы - самостоятельная еврейская рабочая партия. Однако революция 1905-1907 гг. кончилась поражением, что обернулось для еврейского населения десятками новых погромов.

Разумеется, сионисты использовали в своих целях еврейские погромы в России. Русские социалисты, однако, и в этих условиях решительно выступали против сионистской пропаганды. Во многих южных городах России революционные рабочие организации всеми силами пытались предотвратить погромы. Большевики разъясняли тогда еврейским трудящимся, что евреи в России имеют только одного верного друга - революционное движение пролетариата. Напротив, сионистское движение может только усилить вражду к евреям в народных массах, поскольку оно увеличивает обособление еврейства от остального населения и все более делает евреев чуждым племенем, которому нечего добиваться на русской почве. И этим оно помимо желания играет на руку царизму. Такая социал-демократическая пропаганда среди евреев в России имела гораздо больший успех, чем сионистская

пропаганда. Однако нет ничего удивительного, что перед лицом непрекращающихся еврейских погромов десятки тысяч еврейских семей и отдельных евреев стали покидать Россиию. Многие из этих людей поддавались агитации сионистов и принимали помощь сионистских организаций для переселения в Палестину. Именно переселенцы из России составили в начале XX века основную часть еврейского населения Палестины. В большинстве своем это были трудящиеся, рабочие и ремесленники. Они жили не только мечтой о создании своего национального очага, но и мечтой о создании на "земле обетованной" подлинно справедливого человеческого общества. Социалистические настроения были преобладающими среди первых переселенцев в Палестину. Преодолевая огромные трудности, осушая болота и обводняя пустынные земли, эти люди создали первые кибуцы - коллективные хозяйства, один из важных социальных институтов современного Израиля.

После Первой мировой войны Оттоманская империя распалась и мандат на управление Палестиной захватила в свои руки Англия. Преследуя свои корыстные цели, Англия еще до конца войны выступила с поддержкой идеи образования в Палестине "еврейского национального очага". Обнародованная 2 ноября 1917 года знаменитая декларация Бальфура, названная так по имени министра иностранных дел Англии, гласила: "Правительство его величества относится с благосклонностью к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и готово принять все меры, чтобы облегчить достижение этой цели, причем само собой разумеется, что не будет предпринято ничего, что могло бы причинить ущерб гражданским и религиозным правам существующих в Палестине нееврейских народностей или правам и политическому статусу евреев в других странах".

Однако почти одновременно с принятием декларации Бальфура, которую сионисты могли рассматривать как свою важную победу, произошла Октябрьская революция в России, которая лишила сионистов главного источника более или менее массовой иммиграции в Палестину.После окончания гражданской войны и победы советской власти эмиграция евреев из СССР в Палестину стала стремительно сокращаться, а затем практически прекратилась. Число же переселенцев из Западной Европы и США и раньше было очень незначительным. Сионистское движение переживало явный кризис.

Положение, однако, изменилось после победы фашизма в Германии. Воинствующий антисемитизм был одной из основ гитлеровской идеологии, и потому преследования и погромы начались в Германии сразу же после прихода Гитлера к власти. Десятки тысяч еврейских семей стали эмигрировать из Германии, где им грозило полное физическое уничтожение. Большинство переселялось во Францию, Англию и США. Небольшое число немецких евреев эмигрировало в СССР /очень многие из этих эмигрантов были репрессированы в 1937-1938 гг. и погибли в сталинских концлагерях/. Тысячи еврейских семей приняли предложение сионистских организаций о переселении в Палестину. Конечно, большинство немецких евреев остались жить в Германии. Они надеялись, что времена изменятся и не хотели покидать страну, где жили десятки поколений их предков.

Вторая мировая война и оккупация Европы была трагедией для всех народов Европы. Гитлеровские вожаки планировали полное или частичное истребление многих европейских наций, в том числе и славян: поляков, русских, белоруссов, украинцев и др. Однако свою чудовищную программу геноцида гитлеровцы начали с евреев. 6 миллионов евреев, мужчин, женщин, детей и стариков - почти все еврейское население Европы, включая и оккупированные территории СССР - были уничтожены: расстреляны, отравлены в душегубках, зарыты заживо, сожжены в крематориях и лагерях смерти: Освенциме, Майданеке, Треблинке и др. Мир еще не знал подобного злодеяния. Когда фашизм был, наконец разгромлен Советской Армией и

ее союзниками, в Европе оставалось в живых лишь несколько сот тысяч евреев, многие из которых были уже привезены в лагеря уничтожения, но еще не были сожжены. И можно ли осуждать этих людей, что после всех перенесенных ими страданий многие из них стали добиваться переселения в Палестину?

3. Из истории израильско-арабского конфликта

Палестина с ее сравнительно большой территорией и не слишком плотным населением была местом, где, вероятно, могли бы жить в мире и согласии и евреи, и арабы. И к этому стремились как умеренные круги еврейского населения, так и значительная часть арабов. Такое положение не устраивало, однако, английский империализм, который продолжал и после Второй мировой войны господствовать на Ближнем Востоке. Англия не только сохранила мандат на управление Палестиной, но и занимала по-прежнему доминирующее положение в большей части арабского мира. Разжигание розни между еврейским и арабским населением Палестины позволяло Англии сохранять предлог для усиления своего военного "присутствия" на Ближнем Востоке. И все же усиление национально-освободительного движения арабских народов, с одной стороны, и усиление еврейской иммиграции,с другой, создавали значительные трудности для Англии в этом районе. Неудивительно, что Англия стала чинить всяческие препятствия еврейской иммиграции в Палестину. Однако в это же самое время все более активную роль на Ближнем Востоке начал играть американский империализм, в лице которого сионисты нашли теперь своих главных покровителей. Мотивы, по которым США решили активно поддержать сионистское движение, хорошо известны. И Республиканская и Демократическая партии США стремились заручиться таким образом поддержкой значительного еврейского населения США и влиятельных кругов буржуазии еврейского происхождения. Естественно также, что империализм США стремился потеснить Англию и укрепить свои собственные позиции в столь важном во многих отношениях районе как Ближний Восток. Менее известно, однако, что в 1946-1947 гг. Советский Союз также поддерживал борьбу еврейского населения Палестины против британского владычества. Используя выгодную для них международную ситуацию, сионистские круги стали усиливать движение за создание самостоятельного еврейского государства.

Оказавшись в крайне затруднительном положении, Англия передала в апреле 1947 года палестинский вопрос в ООН. Для Англии это был только политический маневр, она не предполагала отказаться от своего мандата и с самого начала заявляла, что будет рассматривать любое решение ООН только в качестве рекомендации. Однако обсуждение палестинского вопроса в ООН сразу же приняло крайне нежелательное для Англии направление. Большинство стран - членов ООН решительно выступили за лишение Англии мандата на управление Палестиной. При этом особенную активность проявила именно советская делегация в ООН.

Еще 14 мая 1947 года представитель СССР в ООН А.А.Громыко в своей речи на специальной сессии Генеральной Ассамблеи сказал: "Как известно, с вопросом о Палестине и ее будущем связаны чаяния значительной части еврейского народа. Это положение едва ли нуждается в доказательстве. Еврейский народ пережил в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания, без преувеличения, не поддаются описанию. На территориях, где господствовали гитлеровцы, евреи подвергались почти полному физическому истреблению. Общее число погибших от рук фашистских палачей евреев определяется приблизительно в 6 миллионов человек". Объясняя причины, по которым еврейский народ стремится к созданию своего государства, А.А. Громыко далее сказал: "Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления. Необходимо принимать во внимание тот бесспорный факт, что... насе-

ление Палестины состоит из двух народов - арабов и евреев. Каждый из них имеет исторические корни в Палестине. Палестина стала родиной обоих этих народов" /"Известия", 16 мая 1947 г., см. также сборник "Внешняя политика СССР" - 1947г., ч.2, изд. 1952 г./.

Советская делегация в ООН от имени Советского правительства предложила образовать на территории Палестины демократическое арабо-еврейское государство, гарантировав национальную автономию как еврейского, так и арабского населения. Если же это окажется невозможным, то СССР предлагал в качестве альтернативного варианта создание на территории Палестины двух самостоятельных государств: еврейского и арабского. Обосновывая свое предложение, А.А.Громыко заявил на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 26 ноября 1947 г.:

"Противники раздела Палестины на два самостоятельных демократических государства указывают обычно на то, что это решение направлено будто бы против арабов, против арабского населения Палестины и против арабских государств вообще. На это особенно указывают делегации арабских стран по понятным мотивам. Советская делегация не может разделять такую точку зрения... Представители арабских государств указывают на то, будто бы раздел Палестины является исторической несправедливостью. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться хо бы уже потому, что еврейский народ связан был с Палестиной на протяжении длительного исторического периода времени" /"Правда" от 30 ноября 1947 г. или тот же сборник по внешней политике СССР/.

Мы видим таким образом, что советский представитель в ООН связывал вопрос об образовании еврейского национального государства не с сионизмом или американским империализмом, а с "чаяниями значительной части еврейского народа". И это объяснялось не только соображениями дипломатической вежливости, но и существом дела. Мы знаем, что советская делегация в тот период, когда это было необходимо, не стеснялась в выражениях при осуждении английского или американского империализма. Кроме того, и во внутренних пропагандистских материалах вопрос о еврейском государстве в Палестине освещался примерно также, как и с трибуны ООН.

За принятие советского предложения в ООН голосовали 33 государства, в том числе все социалистические страны, а также США и многие капиталистические страны. Против этой резолюции голосовали 14 государств, в том числе все входившие тогда в ООН арабские страны. 10 государств воздержались, в том числе Англия. Резолюция Генеральной Ассамблеи гласила: "Действие мандата на Палестину прекращается в возможно более короткий срок, но не позднее 1 августа 1948 года. Вывод английских войск не позднее 1 августа 1948 г."Территория еврейского государства определялась в 14 тысяч кв.км/на этой территории проживали в тот момент 498 тысяч евреев и 407 тысяч арабов/.Территория арабского государства определялась в 11 тысяч кв.км. /На этой территории проживали тогда 725 тысяч арабов и 10 тысяч евреев/. Города Иерусалим и Вифлеем с прилегающими к ним территориями выделялись в самостоятельные административные единицы с особым международным режимом. Население Иерусалима определялось тогда в 105 тысяч арабов и 100 тысяч евреев.

Это было в тех условиях наиболее справедливое решение палестинского вопроса, однако его не удалось провести в жизнь главным образом из-за позиции Англии и арабских националистических и реакционных феодальных правителей. Уже в декабре 1947 года в Палестине были спровоцированы столкновения между арабами и евреями, которые с начала 1948 года вылились в открытые военные действия. В связи с обострением положения Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН еще несколько раз обсуждали палестинскую проблему, настаивая на выполнении

ранее принятых решений. Стремясь сорвать политическое урегулирование, Англия неожиданно 14 мая 1948 года объявила о прекращении мандата и выводе из Палестины своих войск. Расчет строился на провоцировании арабо-израильской войны. Поддержав крайних арабских националистов, Англия рассчитывала на их победу в войне и на союз между английской буржуазией и арабскими националистическими кругами.

Как только в Палестине стало известно о решении Англии отказаться от своего мандата, органы самоуправления еврейского населения провозгласили в ночь с 14 на 15 мая 1948 года создание государства Израиль. В Тель-Авиве были созданы временные государственные органы Республики Израиль. Ведущими партиями в Израиле стали правосоциалистические политические партии.

Однако никакой самостоятельной демократической арабской палестинской республики не было создано. Этому воспрепятствовали тогдашние реакционные правители арабских стран. Уже 15-го мая 1948 года созданный еще ранее так называемый Арабский легион под командованием английского генерала Глабба начал военные действия против Израиля. Семь арабских стран объявили войну только что возникшему еврейскому государству. В первых боях израильская армия потерпела ряд поражений. Новому государству оказали поддержку, однако, не только США.

Советский Союз был первой страной, признавшей Государство Израиль. Советское правительство /и это было в тех условиях совершенно правильным решением/ выступило против нападения на Израиль возглавляемых англичанами арабских войск и против оккупации этими войсками территории арабской Палестины. Более того, СССР оказал Израилю определенную материальную поддержку. В Израиль было направлено некоторое количество советского оружия. Из СССР выехала на Ближний Восток группа советских офицеров еврейского происхождения, которые приняли участие в военных действиях на стороне Израиля. Для помощи небольшим организациям коммунистической партии Израиля сюда были направлены и некоторые работники из СССР.

Во второй половине 1948 года израильская армия нанесла ряд поражений арабским войскам и затем вытеснила их не только с территории Израиля, но и заняла часть территории арабской части Палестины. Когда поражение арабских армий стало очевидным, начались переговоры, в результате которых не удалось, однако, найти приемлемое для всех мирное решение. Официально состояние войны семи арабских стран с Израилем никогда не отменялось. Было заключено лишь перемирие, и линия этого перемирия, совпадавшая с линией фронта, стала фактической границей нового государства Израиль почти на 20 лет. Под контролем Израиля оказались не только 14 тысяч кв.км собственно израильской территории, но и примерно 7 тысяч кв.км территории арабской Палестины. Значительная часть арабской Палестины была аннексирована ставленником Англии королем Трансиордании Абдаллахом. Небольшие районы Палестины оказались присоединенными к Египту и Сирии. Иерусалим был разделен между Трансиорданией и Израилем. Таким образом, территория, на которой в соответствии с решением ООН предполагалось создать самостоятельное арабское палестинское государство, была фактически разделена между Израилем и некоторыми арабскими странами. Этот факт следует отметить, так как он имеет большое значение и в нынешних спорах на Ближнем Востоке.

Еще в результате арабо-израильской войны 1948-1949 гг. на Ближнем Востоке возникла проблема палестинских беженцев, которая придает сложившейся здесь ситуации особую остроту. Боевые действия, которые проводились в основном на территории арабской Палестины, а также жестокие репрессии военных властей Израиля в прифронтовых районах привели к тому, что за линией перемирия в 1949 году оказалось около 600-700 тысяч беженцев, многие из которых после заключения пере-

мирия разместились в специальных лагерях для палестинских беженцев. Мы не знаем всех деталей положения палестинских беженцев. Однако даже и то, что нам известно, вызывает осуждение не только в адрес Израиля, но и в адрес арабских стран. Совершенно очевидно, что эта проблема требует для своего разрешения совместных усилий Израиля и арабов. Поскольку война 1948-1949 гг. была начата не Израилем, то ответственность за сложившееся положение нельзя возлагать только на Израиль. Однако арабские страны фактически отказались от поисков конструктивного решения данной проблемы. Хотя речь идет о судьбе единоплеменников, палестинские беженцы не получали почти никакой материальной помощи от арабских стран и в течение 20 лет живут на мизерное пособие, которое им предоставляет ООН.

Только Иордания предоставила палестинцам все гражданские права. Некоторое число палестинцев получило работу на нефтепромыслах Кувейта и других небольших арабских стран. Однако значительная часть палестинских беженцев не имела ни прав гражданства, ни работы. Результатом этого явилось крайнее ожесточение больших групп людей, а также возникновение экстремистских палестинских организаций, которые не желают слышать ни о каком компромиссе и настаивают лишь на одном решении - на уничтожении государства Израиль и выселении евреев из Палестины.

Такая политика в отношении людей, ставших жертвами войны и вынужденных покинуть свою национальную территорию, недопустима и не имеет, видимо, прецедента в истории. Когда в Оттоманской империи была организована младотурками страшная резня армян, и из армянских провинций Турции на территорию Кавказа хлынул поток беженцев, то эти люди были расселены в Армении, Грузии и Азербайджане, а не помещены в лагеря для беженцев на границе Турции и России. Как известно, ФРГ до сих пор еще не признала новых восточных границ Германии. Однако переселенцы из Восточной Пруссии, из западных земель Польши и из Судетской области Чехословакии были расселены по всей территории Германии, в том числе и в ФРГ, они получили работу и жилище. Совершенно очевидно, что непризнание тех или иных аннексий не должно служить поводом для неоказания максимальной помощи людям, вынужденным покинуть свои прежние жилища.

Рассматривая проблему арабских беженцев, нельзя не связывать ее и с проблемой еврейских беженцев. Дело в том, что крайнее обострение национальных отношений на арбском Востоке привело к преследованию евреев в большинстве стран арабского мира. В результате после 1948 года арабские страны покинули около 500 тысяч евреев, подавляющее большинство которых нашли приют в Израиле. Эти люди не были сионистами, но у них в сложившейся ситуации не было иного выхода. Произошло, таким образом, известное перераспределение еврейского и арабского населения, результат которого сегодня уже нельзя полностью игнорировать. За 19 лет - с 1947 по 1967 гг. - в Израиль также переселились около 900 тысяч евреев из разных стран мира, в том числе и из социалистических стран /119 тысяч из Румынии, 104 тысячи из Польши, 40 тысяч из ЧССР и др./. Таким образом, в середине 60-х годов в Израиле проживало более 2 млн. евреев и около 200 тысяч арабов.

4. Новая война и новая ситуация на Ближнем Востоке

Уже в середине 50-х годов положение на Ближнем Востоке существенно изменилось по сравнению с концом 40-х годов. Во многих странах этого района были свергнуты проанглийские монархические режимы. К власти пришли здесь арабские националистические партии, причем арабский национализм оказался вскоре в остром конфликте не только с английским, но и с американским империализмом. Все

основные империалистические державы стали поддерживать в сложившейся ситуации Израиль, видя в нем противовес арабскому национально-освободительному движению. Советский Союз стал поддерживать арабский национализм, объективно направленный против господства империализма в Азии и Африке.

Наша политика на Ближнем Востоке была в своих главных чертах безусловно правильной. Однако мы допустили здесь и ряд серьезных просчетов. Объективно выступая против господства империализма, арабский национализм в его наиболее крайних проявлениях и течениях настаивал на безоговорочной ликвидации еврейского национального государства и даже на выселении большинства евреев из Палестины. Арабский экстремизм не признавал и не хотел никакого компромисса. Это подрывало в Израиле позиции умеренных кругов и течений и было на руку крайним экстремистским группам в Израиле, которые ждали нового военного столкновения с арабами, надеясь одержать военную победу и вновь расширить территорию еврейского государства. Как известно, экстремизм одной стороны неизбежно усиливает и поощряет экстремизм другой стороны.

Хотя политические интересы и цели СССР на Ближнем Востоке существенно отличались от политики и целей крайних арабских националистов, мы не использовали своего влияния для ослабления арабского экстремизма; наша критика этих течений была очень слабой, а наша помощь и поддержка весьма и весьма существенными. К тому же мы явно переоценили возможности и силу арабских националистических режимов и недооценили возможности и силу Израиля. К сожалению, наша концепция экономической и военной помощи странам "третьего мира" разработана весьма поверхностно. Как известно, ни одной стране в мире СССР не оказывал столь большой экономической и военной помощи, как ОАР. На строительство Асуанской плотины, на строительство более 100 крупных промышленных предприятий, на создание в ОАР около 50 центров профессионального обучения, на неоднократное перевооружение египетской армии Советский Союз израсходовал, вероятно, не менее 10-15 миллиардов рублей. Значительная помощь ОАР предоставлялась также Чехословакией, ГДР, Польшей и Венгрией. Нередко указывается, что наша помощь предоставляется "без политических условий". Но это, конечно, иллюзия. Наша помощь создает определенную зависимость ОАР от СССР. Однако, как это ни странно, и Советский Союз попал в большую зависимость от ОАР и вынужден нередко поддерживать те или иные политические амбиции египетских лидеров, весьма далекие от интересов социализма и демократии. Опасения за судьбу колоссальных капиталовложений в ОАР, которые обеспечены совершенно недостаточно, заставляют нас иногда следовать в этом районе той политике, которая разрабатывается не в Москве, а в Каире. Опасаясь недовольства советских людей огромными масштабами экономической и военной помощи ОАР, наша пропаганда в течение многих лет отмечала лишь некоторые прогрессивные изменения в Египте, но предпочитала не замечать здесь развития явных антидемократических тенденций и тоталитаризма. Мы предпочитали не замечать чрезвычайного роста коррупции в египетской армии и государственном аппарате. Мы писали о "социалистических" преобразованиях в ОАР, но не писали о жестоких преследованиях здесь коммунистов и демократов, о созданной Насером системе концлагерей, о страшных пытках и физическом уничтожении сотен и тысяч коммунистов в Египте и Сирии и т.д. Чрезвычайно скупые сведения обо всем этом можно было почерпнуть только из международного коммунистического журнала "Проблемы мира и социализма". И хотя факты массовых репрессий в Египте и Сирии были достаточно хорошо известны в советских верхах, хотя было известно также и о прошлых связях некоторых египетских лидеров с гитлеровцами /немецкий империализм пытался использовать в годы Второй мировой войны против английского империализма некоторых арабских националистов/, как Насер, так и его заместитель Амер были награждены орденами Ленина и им было

присвоено звание Героев Советского Союза!

Шестидневная война в июне 1967 года, закончившаяся тяжелым военным поражением ОАР, Сирии и Иордании, была агрессией со стороны Израиля, и крайние сионисты давно вынашивали планы такой войны. Однако это была, если можно так выразиться, "спровоцированная агрессия", так как и крайние арабские националисты также давно вынашивали планы этой войны и стремились к ней. Мы уже не говорим о том, что ни одно из семи арабских государств, объявивших в мае 1948 года войну Израилю, не объявляло никогда об официальном прекращении состояния войны, действовало лишь соглашение о перемирии.

Незадолго до 5 июня 1967 года Насер потребовал от ООН вывести свои подразделения с линии перемирия и объявил о блокаде Акабского пролива для всех судов, идущих из Израиля и в Израиль. Как известно, понятие "агрессии" до сих пор не получило общепризнанного международного определения. Однако во всех обсуждавшихся проектах блокада портов и международных проливов оценивается как агрессия. /Суэцкий канал и ранее был закрыт для израильских судов, что вытекало из официального состояния войны между ОАР и Израилем/. Эти действия и заявления арабских лидеров неизбежно выдвинули в Израиле на первый план самые крайние экстремистские течения и обеспечили им не только поддержку большинства населения Израиля, но и поддержку большинства европейского общественного мнения. Характерным было в этом отношении поведение западных социалистических партий. Эти партии выразили свою солидарность с народом Израиля, "защищающим свое существование и свою свободу против агрессии". Эти партии заявили о своей поддержке всем демократическим силам на Ближнем Востоке в их борьбе за свержение "всех видов феодализма и диктатуры". Даже коммунистические партии не были единодушны в своей оценке событий на Ближнем Востоке.

Сознание того, что действия сравнительно небольшого еврейского государства изменили ситуацию на Ближнем Востоке и спутали некоторые наши карты, порождает у некоторых влиятельных советских руководителей сильное раздражение, которое вряд ли сможет помочь урегулированию в этом районе и которое отражается на положении евреев в СССР, тем более, что значительная часть евреев в СССР /и, конечно, не только евреев/ не одобряет определенных аспектов советской внешней политики на Ближнем Востоке. Военная победа маленького Израиля вызвала усиление еврейского национализма во всем мире. В какой-то степени это относится и к Советскому Союзу. И вот мы видим, как на смену прежних формул о "некоренном населении", которые служили основанием для дискриминации евреев и научная несостоятельность которых очевидна, приходят новые формулы насчет "лиц, принадлежащих к национальности, государственное образование которой проводит недружественную политику по отношению к СССР". И если общие дискриминационные меры относятся почти ко всем евреям, то в особенно трудное положение попали в последние годы те евреи, которые выражают желание выехать на постоянное жительство в Израиль. Однако чтобы лучше понять нынешнее сложное состояние "еврейского вопроса" в СССР, следует хотя бы кратко остановиться на истории возникновения у нас этого вопроса.

5. Октябрьская революция и еврейский вопрос

До революции основным лозунгом большевиков в еврейском вопросе был, как известно, призыв к ассимиляции на основе полного искоренения антисемитизма и всех форм дискриминации еврейского населения. "Еврейский вопрос, - писал еще в 1903 году В.И.Ленин, - стоит именно так: ассимиляция или обособленность? - и идея еврейской "национальности" носит явно реакционный характер не только у последовательных сторонников ее /сионистов/, но и у тех, кто пытается совме-

стить ее с идеями социал-демократии /бундовцы/. Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо или косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение "гетто" /Полн.собр.соч., т.8, стр.74/. Эта же точка зрения разделялась тогда и большинством революционно настроенной еврейской молодежи, которая пополняла ряды всех почти существовавших тогда революционных политических партий.

Эмансипация евреев и отмена пресловутой черты оседлости была провозглашена уже после февральской революции. Однако только Октябрьская социалистическая революция решительно покончила с государственным антисемитизмом и дискриминацией евреев. Очень многие из евреев приняли самое активное участие в революции, они поддержали Советскую власть в самые трудные годы гражданской войны. В сознании большинства членов партии в первые годы Советской власти понятие антисемитизма прочно ассоциировалось с понятием контрреволюции. Никого не шокировало в нашей партии, что сразу же после победы революции формальным главой Советского государства - председателем ВЦИК - стал еврей Л.Каменев, которого через несколько дней сменил также большевик еврейского происхождения - Я.М.Свердлов. Никого не шокировало, что в составе первого Советского правительства было немало евреев, или, лучше сказать, людей еврейского происхождения /сами они считали себя в первую очередь интернационалистами, а также деятелями русского рабочего движения и РКП/б/ - Российской коммунистической партии/. В начале 20-х годов евреи составляли не менее четверти членов ЦК РКП/б/. На всех партийных съездах до 14-го включительно евреи составляли более 10 % всех делегатов с решающим голосом, прочно занимая в этом отношении второе место за русскими.

Национальное равноправие еврейских масс привело действительно к быстрому прогрессу ассимиляции евреев. Поток еврейской молодежи хлынул из местечек в города, в школы и ВУЗы. Еврейская молодежь с воодушевлением осваивала русскую культуру, активно участвуя в развернувшемся социалистическом строительстве. Очень скоро выяснилось, однако, что прежняя формула большевиков: "ассимиляция или обособление" оказалась недостаточной. Действительность была более сложной.

Значительные массы еврейского населения, полностью поддерживая все социалистические преобразования, выступали одновременно за сохранение своей национальной самобытности, за развитие еврейской национальной жизни. Оказалось, что на языке "идиш", презрительно именуемом ранее многими как "жаргон", существует интересная литература, некоторые из представителей которой смогли подняться до уровня классиков мировой литературы. Оказалось, что значительное число евреев стремятся развивать свою еврейскую культуру, свою литературу, свой язык, иметь свои школы и т.д. Ничего реакционного в таком стремлении не было. И для советской власти, которая поддерживала аналогичные стремления у всех народов бывшей царской империи, в том числе даже у таких, которые не имели до революции своей письменности, было бы нелогично не поддерживать стремления евреев к созданию и развитию своей национальной культуры и своей национальной жизни.

Ассимиляция евреев не могла при Советской власти быть принудительной, она могла быть только процессом, основанным на полной добровольности. Поэтому нет ничего удивительного, что процесс еврейской ассимиляции сопровождался в первые 20 лет Советской власти и процессом быстрого развития еврейской культуры, формированием евреев в качестве полноценной национальной группы среди более чем ста народностей, составивших Советский Союз. Широкое развитие получила еврейская печать и литература, появился еврейский театр, стали возникать еврейские школы. Возникло массовое движение за расширение занятий еврейского населения, в первую очередь за создание еврейских земледельческих поселений. Это движение

под лозунгом "евреи - за плуг" охватило более 150 тысяч человек и привело к возникновению многих еврейских колхозов, главным образом в Крыму и на Украине. Логическим продолжением этого движения стало движение за создание на территории СССР еврейского национального очага. Советское правительство не только не осудило это движение как какой-то доморощенный сионизм, но активно его поддержало. Под землеустройство евреев ЦИК СССР выделил на Дальнем Востоке огромную и малозаселенную территорию площадью около 4 миллионов гектаров. Было решено создать здесь еврейскую автономную национальную республику, причем в это движение включились не только многие евреи СССР, но некоторые еврейские организации капиталистических стран. Решение о создании на Дальнем Востоке еврейской национальной автономии было принято в 1928 году. И уже в годы первой пятилетки, должно быть, не менее 20 тысяч евреев переселилось в Биробиджан и окружающую его область. Однако очень скоро это движение пошло на убыль. По мере развития культа Сталина и усиления сталинизма "еврейский вопрос" в нашей стране все более приобретал иной характер и иное значение.

6. Еврейский вопрос в СССР в годы культа Сталина

Из воспоминаний старых большевиков мы можем узнать сегодня, что определенные антисемитские тенденции проявлялись в деятельности и в разговорах Сталина еще в двадцатые годы. Однако открытое проявление антисемитизма было тогда невозможно даже и для Сталина. В 1931 году, отвечая на вопрос еврейского телеграфного агентства в США, Сталин заявил, что антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма. "Антисемитизм, - говорил тогда Сталин, - опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть последовательными и заклятыми врагами антисемитизма" /соч., т.13, стр.28/.

Сказано, как мы видим, весьма решительно. Однако Сталин очень скоро забыл об этих словах.

Уже во время Отечественной войны Сталин настоял на проведении некоторых мер, ограничивающих права евреев. Эти антисемитские тенденции Сталина в послевоенный период приняли характер государственной политики.

В послевоенный период на роль "козлов отпущения" были избраны евреи.

Все мы хорошо помним, что уже нелепая массовая политическая кампания против "безродных космополитов" имела явный антиеврейский характер. Дело только началось с группы театральных критиков. Кампания быстро перекинулась на другие области искусства, а затем и на все сферы культурной жизни страны. Евреи снимались с руководящих постов, изгонялись из идеологических учреждений. Интенсивно проводилось "очищение" от евреев аппарата ЦК, МК, МГК, всех вообще обкомов и райкомов, газеты "Правда", органов прокуратуры, судов, органов МВД и МГБ, военных организаций, МИДа, Совинформбюро, Радиокомитета и многих других организаций. Дело, однако, не ограничилось одними увольнениями и перемещениями. В конце 40-х годов органами НКВД при бесспорном участии Сталина была создана провокационная версия о существовании в СССР "проамериканского заговора евреев". В связи с этим в нашей стране начались аресты видных общественных и государственных деятелей еврейской национальности. Были арестованы почти все члены Антифашистского еврейского комитета, созданного в годы войны. Большинство из них /кроме академика Штерн, отправленной в ссылку/ были расстреляны. Был расстрелян при этом и старейший член партии, член ЦК ВКП/б/, заместитель министра иностранных дел С.А. Лозовский /Дридзо/, которому незадолго перед расстрелом исполнилось 74 года. /Проводя репрессии, Сталин не щадил даже ближайших сво-

их помощников. Была арестована, например, жена Молотова - Жемчужина. Узнав о выдвинутых против него обвинениях, покончил самоубийством брат Л.Кагановича М.Каганович/. Были арестованы и расстреляны почти все крупнейшие еврейские писатели: Перец Маркиш, Д.Бергельсон, И.Фефер, Л.Квитко и многие другие. Органами НКВД был фактически разгромлен Еврейский театр. При этом был убит в Минске руководитель Еврейского театра, выдающийся артист и видный общественный деятель С.М.Михоэлс. Многие из ведущих артистов Еврейского театра /Зускин и др./ были арестованы. Были арестованы десятки литераторов и критиков: Д.Гофштейн, С.Галкин, А.Исбах, Г.Гуковский, а также многие видные деятели советской науки: П.А.Гельвих, Е.Л.Штейнберг и другие. Все эти ученые и писатели в настоящее время полностью реабилитированы, но большинство из них - посмертно.

В конце 1952 года лично Сталиным при помощи некоторых работников НКВД была организована новая провокация - так называемое "дело врачей". Большая группа виднейших медиков из Кремлевской больницы: М.Коган, А.Фельдман, А.Гринштейн, Я.Этингер, Вовси и др. была обвинена в связях с некоей международной еврейской националистической организацией "Джойнт", а также в умерщвлении Жданова, Щербакова и в попытке умертвить маршалов и адмиралов Советской Армии. Клеветническая заметка об этом деле, опубликованная 13 января 1953 года в центральных газетах, послужила началом небывалой в истории нашей страны антисемитской кампании. Из всех медицинских учреждений, институтов, больниц, из ВУЗов и научных институтов изгонялись "в порядке профилактики" тысячи специалистов еврейской национальности. Многие кафедры, больницы, лаборатории лишились до половины своего состава. Из тематических планов издательств изымались книги, написанные авторами-евреями. Были запрещены даже некоторые лекарства, разработанные врачами-евреями. Одновременно органы НКВД в спешном порядке готовились к массовому выселению евреев из всех основных городов СССР. Вслед за чеченцами, ингушами, крымскими татарами, калмыками, немцами и некоторыми другими национальными меньшинствами, выселенными в отдаленные районы страны, эта же участь была уготована и евреям. В некоторых районах Казахстана срочно сооружались бараки для евреев. Был подготовлен текст Обращения к еврейскому народу, который должны были подписать некоторые видные деятели науки и культуры еврейской национальности, с "просьбой" о переселении. На некоторых крупных заводах были приняты резолюции о выселении евреев, в ряде районов страны были проведены погромы и избиения евреев. И только смерть Сталина в начале марта 1953 года остановила намечавшееся им новое чудовищное злодеяние.

7. "Еврейский вопрос" в 1954 - 1964 гг.

Как известно, сразу же после смерти Сталина "дело врачей" было пересмотрено, и все обвиняемые по этому делу были реабилитированы. Была отменена и готовящаяся высылка евреев. Постепенно была свернута, а позднее и осуждена кампания против "космополитов". Десятки тысяч уволенных ранее специалистов и ученых еврейского происхождения вернулись в свои прежние учреждения, правда, во многих случаях не на руководящие должности, уже занятые другими. Еще до XX съезда КПСС были освобождены из заключения и реабилитированы несколько десятков тысяч человек, в том числе и некоторое число евреев. После XX-го съезда сотни тысяч политических заключенных /оставшихся в живых из многих миллионов узников сталинских лагерей для политзаключенных/ были реабилитированы и вернулись к своим семьям. Среди вернувшихся было немало и евреев. Были нормализованы отношения с Израилем, разорванные в 1953 году. Не без множества проволочек был восстановлен один из еврейских общественно-политических и литературных журналов /на идиш/ "Советиш Геймланд".

Однако перечисленные выше мероприятия, устраняя наиболее кричащие формы государственного антисемитизма, не означали все-таки прекращения всех видов и форм дискриминации евреев, дискриминации, которая в некоторых отношениях была даже утончена и усовершенствована.

Под прикрытием невежественных рассуждений о "коренной" и "некоренной" национальности * лицам еврейского происхождения и после смерти Сталина был практически закрыт доступ на работу в высший партийный аппарат, в обкомы и райкомы партии, в различного рода центральные идеологические учреждения, в высшие органы военного руководства, на дипломатическую службу, в органы КГБ и прокуратуры. Конечно, имелись в этом отношении некоторые исключения, но они лишь подтвердили общее правило и были связаны главным образом с необходимостью доказывать отсутствие у нас в стране дискриминации евреев.

Сохранилась и при Н.С.Хрущеве процентная норма при приеме молодежи еврейского происхождения во многие высшие учебные заведения, особенно низкая норма имелась при приеме в военные академии и училища и некоторые специальные ВУЗы. Ограничивалось число руководящих работников еврейской национальности в научных учреждениях и в учреждениях культуры. Устойчивость антисемитских традиций в некоторых звеньях аппарата отчетливо выявилась после публикации в "Литгазете" стихотворения Е.Евтушенко "Бабий Яр".

В тематических планах издательств по-прежнему ограничивалось количество книг, написанных евреями. Автору данной статьи, тогда заместителю главного редактора крупнейшего московского издательства "Учпедгиз", неоднократно приходилось выслушивать замечания от директивных инстанций насчет того, что в тематических планах издательства слишком много еврейских фамилий. "Почему у вас по русской стилистике готовят к изданию книгу Розенталя, - говорил мне тогдашний инструктор ЦК М.Рякин. - Что, у вас других авторов по этой теме нет?" Тот факт, что автором учебника /школьного/ по русскому языку был армянин Бархударов, не вызывал у М.Рякина никакого раздражения. Тогда же мне пришлось познакомиться и с главной особенностью подобного рода указаний: все они давались устно, не разрешалось составлять на этот счет никаких письменных документов и решений.

Иногда дело обходилось даже и без каких-либо определенных указаний, объяснение происходило при помощи намеков и междометий. Руководитель издательства, например, представлял в отдел кадров министерства документы нужного нам работника еврейского происхождения. Начальник отдела кадров, просмотрев бумаги, спрашивал: "Сколько их у тебя?" "Четыре". - "Ну, и достаточно". И все было ясно из этого диалога и тому, и другому.

Знакомясь с множеством подобных дел, я вынес убеждение, что такая политика поддерживается, как это ни прискорбно, и определенными кругами интеллигенции. Речь идет о большинстве тех научных работников, деятелей культуры, высших служащих и т.д., кто смог благодаря массовому сокращению числа людей еврейского происхождения на руководящих постах улучшить свое собственное положение и ускорить свое продвижение по служебной лестнице. Вообще мы видим, что чем меньше

---

* Возникает вопрос: сколько лет данная национальная группа должна проживать на данной территории, чтобы перейти в разряд "коренной" национальности? На территории Украины, Белоруссии, во многих районах России евреи живут уже несколько столетий. Первые же еврейские поселения на Кавказе и в Киевской Руси появились более тысячи лет назад и тогда же летописцами "зарегистрирован" первый еврейский погром.

круг лиц, из числа которых происходит выдвижение руководящих кадров /дискриминация и сегодня осуществляется не только по национальному признаку/, тем более те, кто проходит по всем статьям, дорожат своей "чистотой происхождения" и другими анкетными пунктами, которые помогают им опережать своих товарищей по работе. Всякая привилегия создает своих защитников, к ней привыкают, начиная считать ее своим законным правом. Создается психологическая обстановка, при которой нелегко бывает позднее отменить эту привилегию.

Таким образом важно не только отменить те или иные дискриминационные правила, но и провести на этот счет большую организационную и воспитательную работу.

К сожалению, большинство дискриминационных правил и рекомендаций в отношении лиц еврейского происхождения сохранились у нас в стране и после 1964 года. И как же можно после этого утверждать, что "еврейского вопроса" в СССР нет и никогда не было, как это делают авторы многочисленных статей и брошюр на эту тему!

8. О пресс-конференции "граждан еврейской национальности"

Особое место в проводимой ныне антисионистской кампании должна была, по-видимому, сыграть пресс-конференция советских граждан еврейской национальности, которая состоялась 4 марта в Москве для советских и иностранных корреспондентов. На этой пресс-конференции перед собравшимися журналистами выступала большая группа советских граждан еврейского происхождения, которые добились больших успехов в области искусства и литературы, в научной деятельности или в служебной карьере. Одно перечисление должностей, званий и почетных титулов собравшихся людей должно, казалось бы, опровергнуть "домыслы" западной и израильской пропаганды о каких-то трудностях для еврейского национального меньшинства в СССР. Невозможно, однако, опровергнуть известные всем факты.

Конечно, большинство приведенных на пресс-конференции фактов об успехах многих советских евреев в различных областях науки и культуры соответствует действительности. Но этих же фактов было бы гораздо больше, если бы в нашей стране не существовало длительной и многосторонней дискриминации граждан еврейского происхождения. Конечно, никакие преграды не являются абсолютно непреодолимыми и какая-то часть людей еврейского происхождения поднимается к вершинам науки и культуры, достигает высоких служебных постов, получает самые почетные награды, премии и иные знаки признания. Кроме того, и сама система нынешних дискриминационных мер предусматривает небольшое число узких проходов. Евреям не вовсе запрещено поступление в ВУЗы, здесь установлена определенная процентная норма, которая при этом изменяется в разных городах и разных ВУЗах. В Киеве эта норма меньше, чем в Москве, а в Москве меньше, чем в Одессе. В МГУ меньше, чем в МГПИ. А в военные академии и дипломатические школы молодежь еврейской национальности практически и вовсе не может поступить. Почему? Ведь еще 35 лет назад наркомом иностранных дел СССР был Литвинов М., еврейское происхождение которого всем известно. Немало евреев было и среди высшего командного состава Красной Армии /И.Якир и другие/. Существует определенная норма и на замещение евреями руководящих должностей в ВУЗах и научно-исследовательских институтах. И если в каком-либо институте среди девяти-десяти заведующих отделами или кафедрами имеется один еврей, то второго сюда уже не возьмут, а если и возьмут, то это придется "компенсировать" за счет какого-либо другого института. Разумеется, лишая нашу науку и культуру многих потенциально талантливых людей, мы действуем во вред высшим национальным интересам нашей страны. Успех той или иной страны в нынешнем соревновании зависит во

многом от того, насколько полно будут мобилизованы не только все экономические, но и интеллектуальные ресурсы данной страны. Но это, видимо, мало беспокоит тех, кто определяет в СССР политику в отношении евреев.

Основным оратором на пресс-конференции был В.Е.Дымшиц - депутат Верховного Совета СССР, заместитель Председателя Госплана СССР. Служебная карьера В.Дымшица, который является, бесспорно, крупным экономистом и способным администратором, давно уже используется в нашей пропаганде. Но разве этот единичный факт может опровергнуть другие гораздо более весомые факты. Нетрудно убедиться, что среди высших государственных руководителей и командиров производства число работников еврейского происхождения неизменно уменьшается, и сейчас у нас в ранге министра остался едва ли не один В.Дымшиц. Среди первых секретарей обкомов партии у нас, видимо, нет сейчас ни одного еврея, также как и среди первых секретарей райкомов. Евреев нет ни в Секретариате ЦК, ни в Политбюро ЦК КПСС. Мы уже писали выше, что в начале 20-х годов не менее четверти состава ЦК РКП/б/ составляли евреи, что было отражением огромного вклада, который внесли трудящиеся и интеллигенция еврейского происхождения в победу Октябрьской революции и Советской власти в России. В настоящее время среди более чем 300 членов и кандидатов в члены ЦК КПСС имеется едва ли 4-5 лиц еврейского происхождения.

Определенная дискриминация проводится и в литературе и искусстве, что находит свое отражение в приеме абитуриентов в консерватории, артистические школы, в литературный институт им.Горького, в отборе молодых исполнителей для участия в международных конкурсах. Видимо, только шахматы свободны до сих пор от дискриминации по признаку национального происхождения.

Разумеется, мы полностью согласны с участниками пресс-конференции, когда они осуждают совершенные на Ближнем Востоке преступления израильской военщины, бомбардировки гражданских объектов, репрессии среди мирного населения на оккупированных территориях, систему заложников, пытки в местах заключения. Но и в этом осуждении мы не должны быть односторонними. Ибо осуждения заслуживают также и взрывы мирных сооружений на территории Израиля, нападения на школьные автобусы, террористические акты на гражданских воздушных линиях. Советская общественность не может молчать, когда убивают коммунистов и душат демократические свободы в Греции или Португалии. Но она не должна была молчать и тогда, когда убивали коммунистов и нарушали элементарные демократические права граждан не только в Ираке и Иордании, но и в Объединенной Арабской республике.

Но кого, спрашивается, могут обмануть попытки участников пресс-конференции отрицать существование "еврейского вопроса" в СССР? Хотя организаторы этого мероприятия придавали ему большое значение, что видно хотя бы из того, что пресс-конференция не только широко освещалось во всех газетах, но даже транслировалось по телевидению, однако устроители данного зрелища вряд ли добились поставленных ими пропагандистских целей как в нашей стране, так и тем более за границей. Генерал-лейтенант Д.А.Драгунский является, бесспорно, достойным человеком. Однако мало кто в нашей стране и за границей примет сегодня всерьез его утверждение, что никакого еврейского вопроса в СССР не существует и что национальный вопрос в СССР вообще уже решен. К сожалению, не только еврейский вопрос, но и многие другие проблемы национального строительства в СССР далеко еще не решены, и этим проблемам придется уделять в ближайшем будущем все больше и больше внимания.

Точно также зам.председателя исполкома Еврейской автономной области И.Л. Бокор, видимо, вполне достойный человек. Однако его заявление о том, что сре-

ди советских граждан еврейской национальности нет желающих уехать на постоянное жительство в Израиль, было немедленно опровергнуто многими коллективными и индивидуальными заявлениями советских евреев, заявлениями, которые в марте и апреле 1970 года были опубликованы в зарубежной прессе и даже обсуждались в ООН.

Многочисленные факты дискриминации советских граждан еврейской национальности не являются сегодня секретом ни в нашей стране, ни за границей. И потому трудно рассчитывать, что нынешняя пропагандистская кампания поможет изменить сложившееся в общественном мнении многих стран представление о положении евреев в СССР. Для этого нужны не шумные пропагандистские кампании, а действительное изменение некоторых аспектов нашей национальной политики.

9. О статье И.Брагинского в "Правде"

Из множества статей, посвященных еврейскому вопросу и сионизму, которые публикуются в последние месяцы в наших газетах и журналах, мы попытаемся рассмотреть ниже только одну - статью главного редактора журнала "Народы Азии и Африки" профессора И.Брагинского: "О классовой сущности сионизма". Эта статья была опубликована 17-го марта в "Правде".

В самом начале своей статьи И.Брагинский пишет о существовании двух тенденций в развитии еврейских поселений в европейских странах и, в частности, в России: тенденции к изолированности и тенденции к единению с национальным большинством данной страны. "Тенденция к единению, - говорится в статье, - к органическому включению в жизнь той или иной страны выражалась, в частности, в сфере культуры: евреи осваивали язык данного народа , что приводило и к полному слиянию /ассимиляции/ с большинством населения, с преобладающей народностью. Тенденция же к изолированности вызывалась как внешними насильственными факторами /например, поселение в гетто/ и дискриминационными мерами, так и стремлением консервативных кругов евреев к самоизоляции, обосновывающейся концепциями "исключительности" и "богоизбранности". Именно эту консервативную тенденцию сионизм положил в основу своего пути "разрешения" еврейского вопроса".

Констатация правильная, но все же никак нельзя уравнивать эти факторы. Несмотря на проповедь "исключительности", несмотря на старания "еврейских консервативных кругов", евреи давно бы ассимилировались с народами Европы и Африки, если бы не периодически возникавшие здесь антисемитские кампании, доходящие даже до попыток полного физического истребления всех евреев. Конечно, все эти кампании используются сионистами, но не они являются инициаторами и проводниками таких кампаний. Не антисемитизм является порождением сионизма, а наоборот, сионизм является в основном порождением антисемитизма. И если бы не было антисемитизма, то не было бы и нынешнего сионизма: последний укреплял свои позиции после каждой крупной антисемитской кампании, а их было уже немало с конца XIX века. Являясь крайним националистическим движением, современный сионизм и сам был порожден крайностями антисемитизма. Показательно, что из США в последние 20 лет выехали в Израиль едва ли больше 20 тысяч человек, хотя в наших газетах и говорится об антисемитских настроениях в США. Евреи едут в Израиль не столько по религиозным соображениям, а тогда, когда их существованию, жизни их семей грозит гибель: так было во время еврейских погромов в России в 1905-1907 гг., так было во время еврейских погромов на оккупированных белогвардейцами территориях в годы гражданской войны, так было в годы гитлеровского "нового порядка" в Европе.

И.Брагинский пишет далее: "Естественная, добровольная ассимиляция евреев, происходившая на базе гражданской эмансипации, исторически доказала свою прогрессивность, тем большую, чем глубже развивались буржуазно-демократические изменения в той или иной стране. За такое решение еврейского вопроса высказывались все подлинно прогрессивные деятели как еврейской, так и нееврейской национальности. Это отстаивал и К.Маркс. В.И.Ленин писал: "Еврейский вопрос стоит именно так: ассимиляция или обособленность".

На этой проблеме, т.е. на проблеме ассимиляции евреев, следует остановиться подробнее. Действительно, В.И.Ленин выступал за ассимиляцию евреев, за объединение рабочих и трудящихся всех национальностей в борьбе против царизма и буржуазии. И большинство еврейских трудящихся активно откликнулись на этот призыв В.И.Ленина и большевиков. Но нельзя забывать и другого - главным условием ассимиляции евреев после победы революции Ленин считал решительное искоренение в нашем советском социалистическом государстве всех форм и видов антисемитизма. Не переселение на какую-то "землю обетованную", а создание подлинно демократического социалистического общества в данной стране с полным уравнением политических и иных прав всех проживающих в этой стране наций и народов - в этом видел В.И.Ленин залог правильного решения еврейского вопроса.

И эта именно ленинская политика в еврейском вопросе проводилась, как мы уже говорили выше, в 20-е и в начале 30-х годов в СССР с большим успехом. Наряду с развитием еврейской национальной культуры, языка, литературы и т.п. евреи получили самый широкий доступ ко всем областям русской советской культуры. С антисемитизмом решительно боролись, и он быстро сходил на нет. Одновременно происходила довольно быстрая и интенсивная ассимиляция еврейского населения. Росло число смешанных браков. Подавляющее большинство советских евреев уже не говорило на идиш, их родным языком становился русский язык. Это была правильная и разумная политика, которая выбивала почву из-под ног сионистских пропагандистов и которая привела к почти полному исчезновению в нашей стране сионистских настроений. Является фактом, что после окончания гражданской войны советские евреи практически перестали эмигрировать в Палестину или в США и перестали добиваться разрешения на такую эмиграцию.

Усилия, направленные на ассимиляцию евреев, были сорваны в нашей стране в первую очередь по вине Сталина и других подобных ему антисемитов. Выступая на словах против идеологии сионизма, мы на деле оказали ему огромную поддержку, и эта практическая поддержка сионизма продолжается и сегодня, благодаря сохранению многих дискриминационных мер по отношению к евреям как в СССР, так и в некоторых других социалистических странах /особенно в Польше, где большая часть евреев была вынуждена в 1968-1969 гг. покинуть страну из-за непрекращающихся преследований и унижений/.

И нужно сказать прямо: многие из тех возможностей, которые имелись у нас 40 лет назад по части борьбы с сионизмом и в направлении ассимиляции евреев, сегодня уже утрачены.Прежде всего мы не можем не считаться с тем кардинальным фактом, что государство Израиль уже возникло и существует более 20 лет. Это государство создано благодаря усилиям сионистских организаций, создание Израиля является их решающей победой. Однако, как мы уже писали выше, созданию Израиля предшествовало движение против английского империализма на Ближнем Востоке, движение, которое поддержал и Советский Союз. Вообще идея еврейской государственности и еврейского национального очага не является монополией сионистов. Ведь и у нас в СССР предпринимались попытки создать автономную еврейскую республику. Следы этого неудачного проекта мы видим сегодня в виде так называемой Еврейской автономной области.

Создание государства Израиль существенно меняет так называемый еврейский вопрос во всем мире. Самое главное, с нашей точки зрения, изменение состоит в том, что уже сам факт существования самостоятельного еврейского государства делает совершенно иным порог чувствительности еврейского населения любой страны к антисемитизму. Если в прошлом еврейская семья могла поехать в далекую Палестину, находившуюся к тому же под турецким или позднее под английским господством, только в самых исключительных условиях, когда существованию этой семьи грозила гибель, то теперь и более "умеренные" формы антисемитизма, которые в прошлые времена евреи терпеливо сносили, вызывают резкий протест, становятся нетерпимыми. У еврейского населения всех стран возросло чувство национального самосознания и чувство собственного достоинства, а это неизбежно уменьшает возможность дискриминации и произвола в отношении евреев в любой стране. Это положительный факт. "Как вы относитесь к государству Израиль?" - спросил одного израильского рабочего, приехавшего сюда из Чехословакии, советский ученый К. в 1966 году. "У нас тут многое мне не по душе, - ответил рабочий, - и жизнь моя еще нелегка. Но когда мне кто-нибудь говорит "грязный еврей" - то я просто иду и умываюсь".

Естественно, что многие из указаний и высказываний В.И.Ленина по еврейскому вопросу требуют сегодня частичного пересмотра, без этого они не могут использоваться как основа нашей политики в отношении евреев.

Так, например, сегодня уже иначе стоит вопрос и об ассимиляции и о "репатриации" евреев. Евреи имеют сегодня свое национальное государство, свой национальный очаг, свою нацию, и нет ничего удивительного, что определенная часть еврейского населения в любой стране будет стремиться по разным причинам и соображениям к переселению в Израиль. И это стремление никак нельзя оценивать как "предательство", как "реакционное движение" или как "пособничество империализму". Сейчас мы должны продемонстрировать гораздо более трезвый и реалистический подход к данной проблеме.

И.Брагинский решительно выступает против переселения евреев в Израиль. Он неоднократно заявляет, что в "социалистическом обществе полностью подорваны корни антисемитизма, ликвидированы условия его существования", что именно "Советский Союз доказал исторически, что еврейский вопрос может быть радикально решен и снят тем самым с повестки дня лишь на основе победы социализма". Но все эти утверждения - заведомая неправда. К сожалению, еврейский вопрос вовсе не снят у нас с повестки дня. И наша история показывает, что, хотя победа социализма действительно создает условия для полного преодоления антисемитизма, эти условия и возможности не были нами должным образом реализованы на практике. Более того, именно Советский Союз показал миру некоторые примеры особеннно изощренного и утонченного антисемитизма. И нет поэтому ничего удивительного в том, что многие десятки тысяч евреев /по последним данным - вместе с семьями около 200 тысяч человек/ вот уже несколько лет настаивают на разрешении выехать в Израиль, разрушая тем самым пропагандистский миф о полном преодолении у нас еврейского вопроса.

Можно отметить, что в каждой нации в нашей многонациональной стране отчетливо видны три группы людей и множество переходных типов.

Во-первых, речь идет об основном ядре данной нации. Это армяне в Армении, грузины в Грузии, украинцы на Украине, буряты в Бурятской АССР и т.д. Эти армяне, грузины, украинцы, буряты, как правило, говорят на своем национальном языке,активно участвуют в развитии своей национальной культуры,заботятся о сохранении и приумножении своих национальных ценностей,традиций своей национальной самобытности.Большое место в их национальном самосознании занимают события

национальной истории.Как известно,в нашей стране происходит интенсивный процесс развития таких социалистических наций и национальных культур - и это прогрессивный процесс.

Однако наряду с этим процессом-развития социалистических наций-происходит и другой процесс,а именно процесс взаимного перемешивания и взаимной ассимиляции различных наций и народностей Советского Союза. И этот процесс также является прогрессивным. Естественно также, что ассимиляция представляет собой весьма длительный процесс, происходящий в течение нескольких поколений и потому дающий множество переходных типов.

Так, например, армяне живут не только в Армении, но также в Грузии, Азербайджане, в некоторых других республиках. При этом живущие в других республиках армяне нередко стараются сохранить свою национальную самобытность, традиции, обычаи, язык и культуру. И Советское государство идет им навстречу. Армянские школы, армянские театры, армянские газеты и журналы имеются, как известно, не только в Армении, но и в Грузии и Азербайджане. Однако наряду с этим грузинские или азербайджанские армяне,как правило, хорошо знают грузинский или азербайджанский язык, знакомы с местными обычаями и традициями. Знают они также и русский язык,и русскую культуру.

Армяне, проживающие в Москве или, скажем, в Свердловске, демонстрируют уже гораздо большую степень ассимиляции. Если старшее поколение этих армян знает армянский язык, то их дети, а тем более внуки, как правило, этого языка не знают и считают своим родным языком русский язык. Они мало связаны с Арменией, редко готовят национальную пищу, часто не знают деталей истории армянского народа и т.д. Но можем ли мы осуждать этих армян за то, что они ассимилировались с большинством русского населения? Можем ли мы требовать /как это делает Дзюба/, чтобы все украинцы, в какой бы республике они ни проживали, были обязаны изучать украинский язык? Конечно, нет! Ибо речь идет о естественном и прогрессивном процессе. И хотя для части той или иной нации этот процесс сопровождается утратой некоторых национальных ценностей, однако он сопровождается также и приобретением многих других ценностей, взаимообогащением национальных культур, а также более быстрым развитием общесоветской науки, культуры и экономики.

Немало армян проживает, как известно, и за границами СССР: на Балканах, в Северной и Южной Америке, на Ближнем Востоке. Эта армянская диаспора является результатом жесточайших преследований армянского населения в Оттоманской империи, закончившихся попыткой полного физического уничтожения всех проживающих в Турции армян. Жертвой этого геноцида пали более 800 тысяч человек, остальные армяне из провинций Турецкой Армении рассеялись по всему миру. Многие из этих армян как-то приспособились к своей вынужденной эмиграции, другие стремятся вернуться в Армению - в Советскую Армению, и Советское правительство оказывает им в этом посильное содействие.

Но ведь весьма сходные процессы происходят сегодня и среди евреев, с той, правда, существенной разницей, что национальное ядро и национальная территория еврейского народа находится вне границ СССР.

Большинство советских евреев практически ассимилировались с русским /реже с украинским, белорусским, грузинским/ населением нашей страны. Эти евреи не знают еврейского языка /ни идиш, ни иврита/, они почти не знакомы с собственно еврейской национальной культурой, у них почти нет еврейского национального самосознания. Они перемешаны с русским населением, они активно участвуют в создании русской советской культуры и науки, в хозяйственном строительстве. Ев-

рейские обычаи и традиции они утратили, еврейской религии, как правило, не исповедуют, многие из них являются атеистами и марксистами, состоят в КПСС. От еврейской национальности у них остались только некоторые внешние черты и фамилия /впрочем, многие евреи в 20-е годы изменили свои имена и фамилии/. Эти люди чувствуют себя русскими, и практически они являются больше русскими, чем евреями. Как известно, крайние сионисты решительно выступают против ассимиляции евреев и стараются нередко оскорбить и унизить ассимилировавшихся евреев. Такое поведение сионистов вызывает решительное возражение. Ассимиляция евреев является /если она осуществляется добровольно/ прогрессивным процессом. Никто не может и не должен, например, осуждать такого замечательного артиста, как Аркадий Райкин, за то, что он принимает столь активное участие в развитии именно русской советской культуры. Райкин живет в СССР и огромный талант этого человека может в наибольшей степени выразиться в формах русской культуры. Точно также и Майя Плисецкая является выдающейся артисткой русского балета. Еврейского балета у нас в стране вообще не существует, возможно, его нет и в Израиле. Поэтому только русский балет может дать возможность таланту Майи Плисецкой достигнуть высших вершин в искусстве и тем самым принести сотням миллионов людей во всем мире наибольшее эстетическое наслаждение. Но, к сожалению, прогрессивный процесс ассимиляции советских евреев не может завершиться по вине наших отечественных антисемитов, заботящихся больше о "чистоте расы", чем о развитиии русской советской культуры, науки, искусства и литературы. Хотя большинство ассимилировавшихся евреев чувствуют себя больше русскими, чем евреями, им постоянно напоминают, что они именно евреи. И в паспорте, и в анкете этих людей стоит слово "еврей", и все незаконные ограничения, существующие у нас в отношении евреев, автоматически распространяются как на неассимилированных, так и на ассимилированных евреев. В этом отношении весьма показательна и пресс-конференция от 4 марта 1970 года. Среди ее участников была также и известная русская актриса Э.А.Быстрицкая. Как известно, Э.Быстрицкая является создательницей глубоко русского образа Аксиньи в кинофильме "Тихий Дон", а также многих других образов русских женщин. Совершенно очевидно, что, несмотря на свое происхождение, Быстрицкая считает себя или чувствует себя русским человеком. Русской считали ее и многочисленные почитатели ее таланта. Но для кого же она еврейка? Для чиновников из паспортного отдела милиции и чиновников из отдела кадров? Но какое право они имеют определять национальность человека? И что является для них главным критерием при определении национальной принадлежности? "Чистота крови" или совокупность гораздо более важных признаков: культуры, языка, национального самосознания и т.п.? Как можно в социалистическом государстве при определении национальной принадлежности человека исходить из такого по существу расистского признака, как происхождение или "чистота крови"? Право же, мы идем в этом отношении существенно дальше, чем даже царское правительство. Ведь до революции для еврея, принявшего православие, уже не существовало ни процентных норм, ни черты оседлости, ни заметных ограничений в продвижении.

По свидетельству Л.З.Копелева, его близкий друг Роман Пересветов - автор книг о русских летописях, потомок древнего боярского рода, был рыжеват, близорук, носил очки и картавил, поэтому в лагере его принимали за еврея, а он, как интеллигент, коммунист и дворянин, не мог и не хотел этого оспаривать. Он даже выучил идиш и древнееврейский, благо хорошо знал немецкий и арабский, и легко нашел в своем бараке доброжелательных учителей. Так вот, Роман Пересветов, пожалуй, мог бы считаться евреем с большим основанием, чем русские поэты Борис Пастернак, Д.Самойлов, А.Межиров, Б.Слуцкий, которые никогда не знали еврейского языка и не были вынуждены отстаивать свое еврейское национальное и просто человеческое достоинство кулаком или поленом от бывших полицаев.

Да, мы согласны с И.Брагинским - ассимиляция евреев является исторически прогрессивным процессом,как об этом не раз писал В,И.Ленин,а еще раньше К.Маркс. Но тогда все мероприятия, которые мешают ассимиляции /включая и знаменитый пятый пункт в анкетах и третий пункт в паспорте/, следует рассматривать как реакционные. Достаточно убрать эти пункты из анкет и паспортов и запретить отделам кадров интересоваться национальностью принимаемого на работу - и ассимиляция евреев /а также и многих других лиц нерусского происхождения/ пойдет значительно более быстрыми темпами.*

Имеется и вторая большая группа среди советских граждан еврейского происхождения. Речь идет о евреях, которые хотят сохранить свою национальную самобытность, свой язык и культуру, а если речь идет о верующих, то и свою религиозную принадлежность. Эти люди хотят быть евреями, а не русскими или украинцами. Но они хотят быть евреями в СССР, а не в Израиле. Они хотят оставаться советскими гражданами и в качестве одного из национальных меньшинств участвовать вместе с другими народами нашей страны в создании социалистического об-

---

* Некоторые молодые люди в прошлом при получении паспорта называли себя русскими, хотя родители этих людей были евреями и имели еврейские фамилии. Такой поступок свидетельствовал не только о желании избежать дискриминации /по совету родителей/. Просто эти молодые люди чувствовали себя русскими, у них отсутствовало еврейское национальное самосознание. Естественно, что и в анкетах этих людей при поступлении на работу стоит слово "русский". И тем не менее отделы кадров и спецотделы продолжают считать этих людей евреями. В эти последние годы во многих закрытых учреждениях, при приеме на ответственную работу и даже в некоторые ВУЗы заполняется анкета, где введены две новые графы: "национальность отца" и "национальность матери". Интересно было бы знать мнение об этих анкетах И.Брагинского, выступающего за ассимиляцию евреев. К сожалению, он ничего не говорит о подобных фактах, а их немало.

Л.З.Копелев рассказал автору такой эпизод. Когда в 1932 г. вводили паспорта, он колебался, что написать в графе "нац.": все его деды и бабки были евреями, но уже родители говорили и думали по-русски; с детства он рос в стихии русского и украинского языков, быта, фольклора, истории, литературы. Секр.ком.ячейки цеха, где он работал, был очень удивлен, узнав, что он записался евреем: ... "Ты что, сдурел?! Ты же ни говорить, ни читать по-еврейски не умеешь! Ты должен писаться украинцем: ты же украинскую школу кончил, вирши по-украински пишешь... Я вот занимался русским, хотя батьки - украинцы, но я русскую школу кончал, по-русски лучше умею и говорить, и писать. Ну и ты можешь в крайности писаться русский, ты же одинаково умеешь /!/..." Я возразил, что пока существует хоть малая возможность услышать упрек: "ага, он стыдится, скрывает", я буду значиться евреем. Он сердито пожал плечами: "Ну, это у тебя какой-то мелкобуржуазный интеллигентский уклон получается... Кто такое может сказать? Только гад - белогвардеец, петлюровец. Гадов надо искоренять, а не думать, что они скажут. Не по-комсомольски это у тебя получится".

щества и советской культуры. Многие поколения этих людей родились и выросли на территории России, Украины, Белоруссии, Грузии, Дагестана, здесь их дом, их семья, родственники, друзья. Они не хотят покидать свою родину, но они стремятся сохранить свою принадлежность к еврейской национальности, т.е. иметь все те права, которые имеют в СССР другие национальные меньшинства. И это законное и естественное требование.

Развитие еврейской национальной культуры и языка на территории СССР также является прогрессивным процессом. Во время переписи 1959 года больше 500 тысяч человек назвали идиш своим родным языком. Это немалая национальная группа, и она должна иметь все возможности для выражения своего национального самосознания. Мы уже писали о тех мерах, которые были приняты в первые 15 лет после Октябрьской революции для развития еврейской национальной культуры на территории СССР. Огромный ущерб еврейскому национальному меньшинству нанесла во всех отношениях гитлеровская оккупация, в результате которой все почти поселения с преобладающим еврейским населением, которых было еще немало на территории Украины и Белоруссии, были уничтожены. Уже после войны, в страшное для евреев пятилетие 1948-1953 годов, почти вся еврейская национальная культура у нас была разрушена; а любое стремление части еврейского населения сохранить свою национальную самобытность или культуру стало рассматриваться как "сионизм". Трудно рассчитывать после всего,что произошло,на полное восстановление еврейской национальной жизни и еврейской культуры в СССР. Однако все, что возможно сделать для этого, должно быть сделано.

Имеется, наконец, в нашей стране и третья группа евреев. Это люди, которые выражают настойчивое желание переехать на постоянное жительство в Израиль. Мотивы на этот счет высказываются самые различные. Одни из подавших заявление о выезде в Израиль стремятся соединиться со своей семьей /сыном, дочерью, матерью, отцом/, оказавшимися в Израиле чаще всего в результате событий Второй мировой войны. Для большинства - это главный мотив, может быть, потому, что только такие заявления и принимают к рассмотрению в ОВИРе /отделе виз и разрешений/. Еврейский писатель Иосиф Керлер в своем "Открытом письме" просит разрешить ему и его семье выехать в Израиль, так как сейчас в СССР нет массового еврейского читателя. "Ну, а мне, - пишет он, - еврейскому поэту, что прикажете делать без такого читателя, без соприкосновения с живым разговорным и литературным языком, без еврейской культурной жизни?" И этот мотив тоже можно понять. Нельзя лишь согласиться с оценкой Керлера по поводу ассимилированных евреев, которых он называет "капитулянтами". Встречаются мотивы религиозного характера. Имеется среди стремящихся в Израиль и молодежь, которая выражает желание участвовать в возрождении еврейской нации на "земле ее предков".

Конечно, можно предположить, что если бы государство Израиль возникло не 20, а 40 лет назад, то и тогда какая-то часть советских евреев пожелала бы принять израильское гражданство. Но тогда это была бы, вероятно, очень небольшая группа сионистски настроенных людей. Советский патриотизм наших еврейских сограждан запечатлен кровью, пролитой ими в Великой Отечественной войне, самоотверженным трудом в советском тылу.

Однако десятилетия преследований и унижения сделали свое дело. История советских евреев в последние 25 лет полна горестных страниц, эти люди подвергались и продолжают еще подвергаться оскорбительной дискриминации. Выросло целое поколение молодых евреев, которые никогда не дышали чистым воздухом национального равноправия, никогда не чувствовали себя полноправными советскими

гражданами. В этих условиях третья группа пополнилась за счет двух первых - и число людей, желающих выехать в Израиль, оказалось довольно значительным /по некоторым данным 1/8 - 1/10 часть советских евреев/. На настроение этих людей влияет также и нынешняя обстановка на Ближнем Востоке и опасения за судьбу государства Израиль.

Только немногие из подавших заявление получили разрешение на выезд в Израиль. Каковы причины этого? Серьезные препятствия для "репатриации" создает, конечно, нынешняя военная обстановка, боязнь навлечь на себя гнев арабских лидеров. Кроме того, отъезд из СССР 200-300 тысяч евреев доказал бы существование в нашей стране еврейской проблемы, наличие которой официально отрицается. Выдвигаются и некоторые другие соображения. В частной беседе один из высокопоставленных чиновников сказал: "Вы представляете, сколько государственных секретов увезут с собой эти евреи" - хотя, конечно, мало кто из евреев, добивающихся репатриации, располагает государственными секретами.

Мы считаем, что уже сейчас можно было бы облегчить выезд в Израиль части советских евреев, а после урегулирования на Ближнем Востоке разрешить выезд в Израиль всем тем евреям, которые на этом настаивают. И если мы хотим, чтобы число "репатриантов" было не слишком значительным, мы должны решительно изменить положение всех евреев в СССР, отменив и запретив все проводимые в отношении этой национальной группы дискриминационные мероприятия.

10. Что же дальше?

Пути решения "еврейского вопроса" в СССР предельно ясны. Мы должны просто последовательно выполнять важнейшие указания В.И.Ленина и программные установки КПСС по национальному вопросу. Должны быть безусловно отменены все виды открытой и тайной дискриминации евреев /также как и некоторых других народностей, в отношении которых все еще сохраняется практика дискриминации, например, крымских татар, немцев Поволжья, армян в районах Нагорного Карабаха и др./. Должны быть отменены процентные нормы при поступлении молодежи еврейского происхождения в высшие учебные заведения. Гражданам еврейского происхождения должно быть обеспечено равноправие при участии их в политической, культурной и экономической деятельности. Необходимо отменить пятый пункт в анкетах и третий пункт в паспортах. Вопрос о национальности того или иного гражданина СССР должен задаваться только во время переписи. Все эти "реформы" должны быть провозглашены в каком-либо специальном выступлении ответственного советского руководителя, например, на съезде КПСС, причем наше руководство должно открыто признать ошибки и искажения прошлых лет и отмежеваться от них.

Отмена всех видов и форм национальной дискриминации необходима не только для максимальной мобилизации всех интеллектуальных и культурных сил страны на нужды коммунистического строительства. Это необходимо и для правильного морального воспитания всех граждан нашей страны. Дискриминация евреев не только тяжело отражается на самих евреях. Она оказывает отрицательное влияние и на тех людей, которые практически осуществляют эту дискриминацию, а также на тех, кто пользуется ее плодами /например, занимая место более сильного и более способного работника/. Дискриминация любой национальной группы оказывает разлагающее влияние и на всех тех, кто знает об этой дискриминации, но не протестует против нее.

Можно не сомневаться, что отмена всех дискриминационных мероприятий в отношении евреев приведет к значительному ускорению процессов ассимиляции, что как раз полностью соответствует ленинской национальной политике в этом вопросе.

Быстро сойдут на нет и сионистские настроения, усилившиеся в последние годы среди некоторой части советских евреев. Уменьшится в несколько раз и число заявлений о переезде в Израиль.

Гораздо сложнее будет урегулировать нынешнее трагическое положение на Ближнем Востоке.

Если новая вспышка активных военных действий закончится поражением Израиля и победой арабской коалиции, то при нынешних до предела обостренных национальных противоречиях не исключена массовая резня евреев, выселение остатков их из Палестины и ликвидация государства Израиль. Такая "полная победа" крайних арабских националистов была бы "пирровой победой" и для арабских стран и для СССР. При таком ходе событий /а, возможно, и до окончательной развязки/ арабский национализм попадет под еще более сильное влияние Китая и может составить важное звено создаваемой Китаем антисоветской коалиции.

Имеются сообщения о работах Израиля /при помощи некоторых немецких специалистов/ по созданию своего атомного оружия. Не исключено, что через 2-3 года Израиль будет иметь в своих руках несколько атомных бомб, что сделает урегулирование конфликта на Ближнем Востоке еще более затруднительным.

Решение ближневосточного конфликта должно быть достигнуто путем дипломатического и политического урегулирования, а не на полях сражений. Необходимо найти компромиссное решение, которое не будет соответствовать ни требованиям крайних сионистов, ни требованиям крайних арабских националистов.

Нельзя оттягивать решение этой острой проблемы, успокаивая себя формулой, что "время работает против Израиля". На кого работает сейчас время - это еще не вполне ясно. Совершенно очевидно, что 20-летие 1948-1967 гг. "работало" на Израиль, в эти годы на оккупированных землях арабской Палестины произошли необратимые изменения, и теперь даже некоторые арабские страны не требуют возвращения Израиля к границам, которые были установлены для этой страны решением ООН. Кроме того, Израиль лучше подготовился к новой вспышке военных действий в 1967 году. Крайние сионистские круги рассчитывают и сейчас удержать за собой новые оккупированные земли, они форсируют заселение этих районов евреями и их экономическое освоение. И если нынешний конфликт продлится еще на 10-12 лет, как этого хотят крайние сионисты, то и на новых оккупированных территориях могут произойти необратимые изменения. Необходимо поэтому форсировать проведение переговоров.

Конечно, потенциальные возможности арабских стран очень велики. Однако все эти страны относятся к числу слаборазвитых и между ними нет единства. Поэтому мобилизация их ресурсов может потребовать 10-15 лет. К тому же нынешняя война с Израилем тормозит экономическое развитие арабского мира. Только прекращение судоходства по Суэцкому каналу обходится ОАР в 150-200 миллионов долларов. Возрастают и долги ОАР за предоставленное советское оружие.

С другой стороны, хотя Израиль и является небольшой по населению страной, но это полностью военизированная страна, где даже женщины проходят обязательную военную подготовку и призываются в армию наравне с мужчинами. Израиль получает очень большую финансовую и экономическую помощь от сионистских и других еврейских националистических организаций во всем мире, а также от многих крупных миллионеров и миллиардеров еврейского происхождения. Израиль получает

большую помощь от США, ФРГ и Англии. Военный потенциал этой страны поэтому непропорционально велик и продолжает возрастать. Сохранение военного противоборства на Ближнем Востоке пока еще очень выгодно наиболее экстремистским сионистским и израильским кругам.

Резолюция Совета Безопасности является крайне важным начальным документом. К сожалению, она недостаточно конкретна в ряде очень серьезных пунктов и содержит много туманных формулировок, допускающих различное толкование. Эта резолюция может поэтому служить лишь в качестве основы для начала переговоров, в которых должны принять участие все заинтересованные страны. Без переговоров, без мирной конференции невозможно урегулировать никакой конфликт. Неправильно отклонять идею переговоров под тем предлогом, что участие в них означает будто бы капитуляцию. Сейчас ведутся советско-китайские переговоры в Пекине, и это не является капитуляцией ни для одной из сторон. США и их ставленники в Сайгоне согласились начать в Париже переговоры с правительством ДРВ и революционным правительством Южного Вьетнама, и эти переговоры также не свидетельствуют о капитуляции какой-либо из сторон конфликта. Только переговоры могут дать всему миру четкое представление обо всех спорных проблемах и выявят позиции сторон, что может послужить поискам компромиссного решения. В этих мирных переговорах с правом совещательного голоса должны принять участие и делегации СССР и США.

Необходимо также обеим сторонам соблюдать соглашение о перемирии и прекращении огня. Это соглашение на период перемирия должно быть обязательно и для палестинских партизан.

Мы повторяем, что прочный мир на Ближнем Востоке может быть достигнут только на основе компромисса и отказа от крайних требований.

Совершенно очевидно, например, что сейчас уже нереально говорить о восстановлении границ Израиля в границах, определенных решением ООН в 1947 году. Все основные арабские страны и арабские лидеры должны отказаться от требования ликвидации государства Израиль. Израиль должен начать со своей стороны постепенный /поэтапный/ вывод войск с занятых в 1967 году территорий, которые должны быть, по-видимому, временно демилитаризованы. Вопрос о религиозном или светском характере государства Израиль не может решаться в Каире, как этого хочет Насер. Этот вопрос решит сам израильский народ. Неясно, в какой мере возможно еще создание самостоятельного палестинского государства на тех населенных арабами землях, которые с 1949 года находятся под управлением ОАР и Иордании. Нельзя не учитывать, что часть арабского населения Иерусалима и западного берега реки Иордан, протестуя против режима израильской оккупации, вовсе не стремится снова попасть под власть деспотического и полуфеодального монархического режима. Многие арабы на оккупированных территориях не поддерживают и партизанское движение, во главе которого стоят экстремисты, выдвигающие нереальные требования.

Возможно, что будет разумным вернуться к первым советским предложениям в ООН о создании на территории Палестины демократического еврейско-арабского государства, в котором обе нации будут равноправны в политическом отношении, и на территориях, где имеется большинство арабов или евреев, им будет обеспечена автономия. При этом должно быть достигнуто соглашение о взаимном разоружении сторон и гарантии границ со стороны ООН и великих держав.

Все лагеря для беженцев должны быть ликвидированы. Вопрос о судьбе беженцев должен быть решен на основе добровольного выбора. Не только Израиль, но и все арабские страны должны предложить этим людям право гражданства и работу на

своей территории. При этом каждая семья должна получить значительную компенсацию, необходимую ей для устройства на новом месте. Средства для такой компенсации должны быть предоставлены всеми странами, заинтересованными в урегулировании на Ближнем Востоке. Необходимо приостановить поставку оружия всеми великими странами в район Ближнего Востока.

Следует надеяться, что решение проблем этого района возможно и без принудительного арбитража ООН и Совета Безопасности, хотя разгул экстремистских страстей может сделать желательным и такое решение.

Но что касается "еврейского вопроса" в СССР, то он может быть решен еще раньше, чем будет найдено решение всех ближневосточных проблем.

Создание государства Израиль существенно меняет так называемый еврейский вопрос во всем мире. Самое главное, с нашей точки зрения, изменение состоит в том, что уже сам факт существования самостоятельного еврейского государства делает совершенно иным порог чувствительности еврейского населения любой страны к антисемитизму. Если в прошлом еврейская семья могла поехать в далекую Палестину, находившуюся к тому же под турецким или позднее под английским господством, только в самых исключительных условиях, когда существованию этой семьи грозила гибель, то теперь и более "умеренные" формы антисемитизма, которые в прошлые времена евреи терпеливо сносили, вызывают резкий протест, становятся нетерпимыми. У еврейского населения всех стран возросло чувство национального самосознания и чувство собственного достоинства, а это неизбежно уменьшает возможность дискриминации и произвола в отношении евреев в любой стране. Это положительный факт. "Как вы относитесь к государству Израиль?" - спросил одного израильского рабочего, приехавшего сюда из Чехословакии советский ученый К. в 1966 году. "У нас тут многое мне не по душе, - ответил рабочий, - и жизнь моя еще не легка. Но когда мне кто-нибудь говорит "грязный еврей" - то я просто иду и умываюсь".

Естественно, что многие из указаний и высказываний В.И.Ленина по еврейскому вопросу требуют сегодня частичного пересмотра, без этого они не могут использоваться как основа нашей политики в отношении евреев.

Страница оригинала. Фото. Текст приведен на стр. 41 настоящего издания.

И.ДОМАЛЬСКИЙ

РОДИНА, ГОСУДАРСТВО, НАРОД

"Народ мыслит, несмотря на глубокое молчание. Доказательством, что он мыслит, служат миллионы, тратимые с целью подслушать мнения, которые мешают ему выразить".

М.Лунин. "Сибирские письма".

Одним из главных обвинений, которые выдвинули теоретики и практики великодержавности против евреев, был космополитизм. Космополитизму противопоставляется любовь к родине. В течение 23 довоенных лет советские люди меньше читали и слышали красивых слов, лозунгов, романов и стихов о родине, чем сейчас читают и слышат за неделю. Тем не менее, когда грянула война, все как один встали на защиту родины, так мало к тому времени воспетой, но так естественно близкой. Нормальное человеческое чувство пробудилось и без пропаганды.

В далекие довоенные годы, о которых наша молодежь имеет очень смутное представление, отечеству /тогда употреблялось, хоть и не часто, это слово, а слово родина вообще не говорили/ придавали не тот смысл, какой оно имеет сейчас. Само собой разумеется, что с Октябрьской революции у пролетариев всего мира, ранее вообще не имевших отечества, как это категорически заявлено в "Коммунистическом Манифесте", теперь оно появилось. Его граница - станция Негорелое, его столица - Москва. Иначе говоря, это отечество было не родина, не место рождения, а нечто более обширное и отчасти даже символическое. Но вместе с тем это понятие было реальным, очень важным и целиком отраженным в жизни страны. Признаком активной сопричастности к делу революции и именно через революцию - к делу государства служили личные убеждения, большей частью обусловленные социальным положением, но никак не местом рождения. Латышским стрелкам, чьей родиной была буржуазная Латвия, доверили ответственную роль охраны Кремля и жизни членов советского правительства.

Начиная с войны слово "родина", получив прописную букву, стало прописью. Было переосмыслено и понятие о людях, с нею связанных. В частности, начало переосмысливаться мнение о евреях и их отношении к Родине с большой буквы.

Любовь евреев к социалистическому отечеству, давшему им избавление от преследований царизма, не изменилась. Не уменьшилась, а стала еще большей ответственность евреев за революцию: когда к гитлеровцам попадала в плен наша воинская часть, они выискивали в ней евреев и коммунистов, чтобы убить их тут же: евреи - солдаты и офицеры - были в ответе за коммунизм наравне с членами партии.

Но изменился государственный подход к народам: стала возможной оценка целой национальности как плохой /или хорошей/ национальности. По каким-то тайным, известным лишь наверху признакам,устанавливалось, что такой-то народ, в среде которого нашлись люди, радовавшиеся приходу немцев, весь является народом-изменником. Где применяется тотальная оценка к целому народу, там непременно пойдет традиция: одни нации возвеличивать, другие ссылать. Возвеличивались большие, а ссылались малые, ибо вся эта новая система была крайним выражением резко усилившихся в годы войны великодержавных тенденций.

После того, как в руках Сталина победа сделалась поводом для возрождения русского шовинизма, а неизбежное в военных условиях усиление централизации стало поводом для еще большего его усиления в мирные годы-после этого и понятие родины стали официально и юридически сливать с понятием советского государства. В 1939 и 1940 гг. десятки тысяч украинцев и поляков западных областей были присуждены к огромным срокам заключения в лагерях как изменники родины за то, что они отстаивали с оружием в руках свою польскую родину от Советской Армии: уже тогда, в сентябре 1939 г. им следовало знать, что их родиной является не Польша, а Советский Союз.

Для государства это удобная точка зрения: заранее считать себя родиной всех тех людей, которые завтра станут его подданными.

Понятие родины далеко не однозначно, действительно, есть народы, для которых государство и родина исторически слились. Так, русское государство /первые свои два столетия бывшее Московским государством/ уже 500-600 лет включает в себя большинство земель, которые являются родиной русского человека. Но само советское правительство не сочло возможным считать родиной таких народов как калмыки, ингуши, чеченцы и др. весь Советский Союз, когда оно вернуло их из среднеазиатской ссылки в Калмыкию и Чечено-Ингушетию. Их родиной являются именно эти области и республики, входящие в состав советского государства, которое в целом является их государством, но не родиной. То же самое относится к корейцам, 40 лет назад переселенным с Дальнего Востока, несомненной своей родины, в различные области СССР: в Среднюю Азию, на Северный Кавказ и т.д. Где теперь их родина? Весь Союз или эти несколько областей, или все же Дальний Восток? Но если весь Союз, то тем самым оправдывается высылка любого советского народа в любую советскую область.

Возьмем еще один пример: курды. В СССР 89 тысяч курдов, но весь курдский народ разделен между пятью государствами: Турция, Ирак, Иран, СССР и Сирия. Самого же курдского государства нет. Где родина курдов?

Родина и государство - это понятия, лежащие в разных плоскостях. Государство - понятие политическое и правовое. Оно территориально изменчиво: сегодня в него входят земли Калининградской и Закарпатской областей, которые чуть не тысячу лет входили в состав других государств. Государство, его статус и его границы определяются договорами, которые узаконивают все изменения, наступившие в основном в результате войн. Содержание и границы родины, какой бы широкий смысл в нее ни вкладывать, никакими договорами и законами не определишь. Когда при Сталине родину и государство отождествили, то автоматически в огромных размерах увеличилось количество деяний, которые без труда можно было втиснуть в понятие "измена Родине" и карать самыми строгими наказаниями.

С точки зрения тождественности родины и государства Шаляпин, Бунин, Рахманинов и другие невозвращенцы являются изменниками. Только Шаляпину и Рахманинову мы прощаем, не желая отдавать Западу великих артистов, а прочих невозвращенцев караем забвением и позором.

Сейчас само советское государство официально не усматривает измены в желании покинуть место своего рождения. Оно присоединяется к общечеловеческой точке зрения, что семейные связи и любовь мужчины и женщины все же выше. Оно допускает воссоединение мужа-англичанина с женой-русской так же, как воссоединение еврейских семей, одни члены которых находятся в Израиле, а другие в СССР.Но наша передовая общественность продолжает морально осуждать желание таких семей воссоединиться. Поэтому, возражая нашей передовой общественности, я опираюсь на законы советского государства, не считающие желание уехать из СССР

изменой и предательством.

Уточним само понятие "предательство". Если мой друг мне доверил свою жизнь или даже не жизнь, а только какую-то свою тайну, а я ее раскрыл врагам его, то я его этим предал. Называя его своим другом /если бы этого не было, он бы мне не доверял своих тайн/, я тем самым добровольно взял на себя все вытекающие из дружбы обязательства. Предательство - это нарушение добровольных обязательств, нарушение произнесенного или явно подразумеваемого слова /или клятвы/, которое я сознательно дал. Так, если я дал клятву хранить военную тайну и нарушил ее, я предатель.

Выдал ли Шаляпин какую-то тайну своей родины, если даже допустить странную мысль, что у родины могут быть свои тайны? Тайн у родины нет и быть не может, и Шаляпин ничего не выдал. Он унес родину с собой, он увез ее в своем сердце. Он, эмигрант и невозвращенец, способствовал ее истинной, а не мишурной славе в тысячу раз больше, чем самый ревностный и исполнительный служака. Герцен же или, если взять пример поближе к нашим дням, Ф.Ф.Раскольников не просто косвенно способствовали славе родины своим талантом, а верно и преданно служили ей. Раскольников бежал во Францию от казни, ждавшей его, как и многих других старейших деятелей большевистской партии, в 1938 г. В Париже он напечатал /в буржуазной газете, ибо "Юманите" не хотела печатать/ открытое письмо Сталину, раскрыв тайны, которые Сталин усиленно скрывал: он рассказал правду об убийствах 1937 г. В этом своем поступке Раскольников еще не прощен. А между тем это был поступок, вполне отвечающий характеру истинной любви к родине. Подлинная любовь к революционной советской родине состоит не в том, чтобы скрывать преступления Сталина, а в том, чтобы о них рассказывать.

Никто не в силах отнять у человека его родину. Мне показывали письмо одного еврея, недавно прибывшего в Израиль из СССР, где есть такие строки: "Здесь нас называют русскими - понадобилось оставить Россию, чтобы тебя признали русским". И в самом деле, в России его русским не признавали. Но сколько бы нас ни отчуждали от нее, мы воспитались как русские. Так же, как национальность, родина является личным делом и личным достоянием /понимая это слово в широком смысле/ человека. Родина принадлежит мне, а я принадлежу ей, по моему праву личности.

И если, как было с испанскими детьми, привезенными в СССР, человек обретает в другой стране свою вторую родину, то и это нисколько не противоречит ни его любви к своей первой родине, ни его интернациональным чувствам вообще. Иметь два места своего рождения физически невозможно, но родина есть не только моя собственная родина, а и родина моих отцов, мое отечество. Ни в этом смысле, ни в том расширительном смысле, какой придавали отечеству пролетарии всех стран в первые годы революции, родина не тождественна государству.

Положение, когда родина и государство исторически слиты, есть случай частный, а не общий. Он верен для русских, французов и англичан /т.е. большей частью для народов, исторически бывших господствующими, угнетающими нациями/, но неверен для украинцев, корейцев, шотландцев, поляков, армян, ирландцев, курдов и многих других народов, исторически чаще бывших угнетенными, а не угнетающими. У них государственность либо целиком, либо частично в разные периоды истории не совпадала с родиной.

Зато всегда и везде неотрывно от понятия родины идет понятие народ. Важнейшим элементом родины является не государство, чья юрисдикция сегодня распространяется на мою родную землю, а народ, который я ощущаю, как родной мне. Народ и родина - неразделимы не потому, конечно, что в русском языке они происходят от одного грамматического корня, - они неразделимы по самому своему

существу. Народ органически входит в состав сложного комплекса, который человек считает своей родиной.

Никто не может упрекнуть еврейский народ в том, что он хоть один раз в истории России, даже тогда, когда он подвергался самому жестокому угнетению, не сохранил верности земле, на которой он родился. Было время, когда еврейских детей хватали на улицах, чтобы отдать их в школы кантонистов, - так с начала XVIII в. стали именовать солдатских сыновей, с самого рождения считавшихся принадлежащими военному ведомству. Но в школы кантонистов насильственно определяли и еврейских мальчиков, подвергая их крещению. В мрачные годы царствования Николая I не было, вероятно, детских судеб страшнее, чем судьба, уготованная еврейским мальчикам, захваченным, чтобы быть превращенными в солдат. Я коротко изложу страницу из воспоминаний В.Гиляровского "Мои скитания" /Вологда, 1938/. Капитан Ярилов, дослужившийся в старости из кантонистов до офицерского звания, рассказывал в присутствии Гиляровского о том, как муштровали несчастных детей: "У нас в полку по тысяче палок всыпали... Взять хоть наше дело, кантонистское, закон был такой: девять забей насмерть, десятого живым представь... Меня в мешке из Волынской губернии принесли в учебный полк. Ездили воинские команды по деревням с фургонами и ловили по задворкам еврейских ребятишек. Многие помирали дорогой, а которые не помрут, привезут в казарму, окрестят и вся долга. Вот у меня теперь офицерские погоны, а розог да порок я съел - конца краю нет"...

За период с 1836 по 1872 г. было окрещено более 34 тысяч евреев - очевидно, детей, так как крещение среди взрослых было редчайшим случаем. Никто не знает, сколько умерло по дороге в полк. Наивысшее число крещеных - 4439 человек - приходится на 1854 г. /см. И.Преображенский. "Отечественная церковь по статистическим данным". СПб., 1872/.

Но и в последующие годы служба в царской армии была для евреев тяжким испытанием. Еврей даже унтер-офицера получить не мог. В русско-японскую войну один еврей был впервые за всю историю представлен к офицерскому чину - солдат Иосиф Трумпельдор, отличившийся выдающейся самоотверженностью и храбростью. Впоследствии он уехал в Палестину, там его качества ему не изменили, и он погиб в 1920 г., задолго до образования Израиля, защищая свой кибуц от нападения арабов. В Израиле он провозглашен национальным героем. Есть нечто знаменательное в том, что этот русский патриот, каким он несомненно проявил себя на полях Манчжурии, этот первый в России еврей-офицер, объявлен национальным героем Израиля.

Таковы были евреи в старой русской армии. А что до Красной Армии, то надо ли снова напоминать о беззаветной борьбе еврейской молодежи в годы гражданской и Отечественной войны? Через 6 лет после окончания всех фронтов, во время переписи 1926 г., процент евреев в Красной Армии все еще превышал их процент в общем составе всего населения страны /2,1% в армии при 1,8% в составе населения/. В Отечественной войне евреи показали себя верными солдатами армии-освободительницы. В рядах советских вооруженных сил сражалось более 500 тысяч евреев. За героизм и отвагу были отмечены орденами и медалями 162722 солдата-еврея. Из них 144 человека получили звание Героя Советского Союза.

Любовь к родине - благородное чувство. Оно вдохновляет всех поэтов, включая и Чуевых. Но проверяется-то оно делом - и вернее всего кровью. Еврейский народ с достоинством прошел эту проверку. Не только во Второй мировой войне, но и в гражданской нашлось ничтожно мало евреев, готовых служить врагу. Сионологи /например, Большаков/ с ликованием перечисляют фамилии пяти-шести евреев, приветствовавших Петлюру и Деникина, не замечая всей нелепости своего

демагогического кунштюка: а сколько русских и украинцев приветствовали их? И сколько неевреев состояло в их армиях? Сионологи прощают другим народам всю армию Деникина, а евреям ставят в вину десяток приветствовавших.

Понятие родины чаще всего пытаются утвердить с помощью упрощенных /а потому - демагогических/ схем. Но оно слишком сложно, чтобы его удалось втиснуть в схему. В него входит, кроме простой географии, еще и народ, - и кроме народа еще и понятие "свобода". Именно стремление к свободе и влияло с особой силой на евреев, так действенно воспринявших тезис: СССР есть отечество всех борцов за свободу, всех угнетенных и эксплуатируемых.

Но и это еще не все: Родина заключает в себе и умерших, если их помнят. Возвращением сосланных Сталиным народов было официально признано: родина это не одно мое место рождения, а и земля моих предков. Но спрашивается - до какого колена?

Правильным ответом мне кажется: до того, о котором в народе жива историческая память. Родиной помнящих себя поколений болгар являются берега Дуная, хотя установлено, что они вышли с берегов Волги. Венгры, финны, марийцы и мордва также не помнят своей древнейшей родины, хотя она, как выяснено наукой, и была общей. А евреи помнят гораздо более ясно свое древнее место рождения. Почему?

Письменность - вот тому причина. Письменность, и особенно та, которая широко известна массам. Вульгарная антирелигиозная пропаганда с легкой руки Емельяна Ярославского затвердила, что Библия вся как есть выдумана. Но если отделить от нее религиозные легенды и жреческие предписания, то останется реальный костяк: вполне достоверная, подтверждаемая археологией, география и история. Мне даже думается, что в библейской истории царя Давида меньше умолчаний о его вероломстве /убийство своего полководца Урии/, чем в современной нашей истории имеется умолчаний о преступных делах Сталина.

Археология целиком подтверждает библейскую географию. Место, где стоял храм иудеев, действительно существует, и это подтверждает, что существовал народ иудеев, посещавший храм. С тех пор евреи писали свою историю столетие за столетием, создавая преемственность исторической памяти. Конечно, чтобы память жила, ей надо войти в сознание каждого. Песни и рассказы родителей оседают в сознании человека в детстве, но читаемые им книги - всю жизнь. Нельзя преуменьшать ту роль, которую играли в жизни еврейского народа его религиозные книги. Не все евреи их читали, но все, включая и тех, кто ходил в синагогу не чаще раза в год, знали, что означает фраза "в будущем году в Иерусалиме". Это было пожелание, религиозное пожелание, если хотите, но очень распространенное. В этих трех словах - сгусток писаной еврейской истории, рассказывающей о возникшем 3 тысячи лет назад иудейском царстве и о его главном городе.

История начинается, если вдуматься, именно с того дня, как ее кто-то стал записывать, если даже он перемешал достоверное с недостоверным: связь времен все же удается проследить. Записывая, древний автор зафиксировал важнейшую подробность истории народа: его самосознание. Славянские племена, возможно, древнее греческих и еврейских. Но греки и евреи записали себя в книгу истории на тысячелетия раньше славян. И родину свою записали, поэтому их связь с родиной начинается с той страницы, с какой начинается их собственная писаная история.

Родина - сложный комплекс мыслей и чувств человека. Сводить ее к лишенному историзма географическому понятию есть крайнее упрощение. Но и национальная принадлежность -это сложный комплекс мыслей и чувств, которые изменяются не

только от одного поколения к другому, но, бывает, и в пределах одного и того же поколения.

Какое-то время, на самом гребне Октябрьской революции, когда у большинства ее бойцов господствовало воззрение, что она является лишь преддверием революции мировой, - может быть, тогда интернациональное чувство было настолько сильно, что приглушало национальную ноту любви к отечеству. Но те времена прошли. Вследствие множества причин национальное сознание обострилось /выражаясь, конечно, по-разному в разных странах/ среди всех народов, и среди советских в том числе. Сейчас среди нас исчезли украинские хлопцы, покинувшие хату, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать.

Как советская литература, музыка, театр и другие виды искусства возникают только через национальное искусство, так и любовь к социалистическому отечеству преломляется в наши дни сквозь призму национального самосознания, и иначе проявиться не может. Чем гармоничнее сочетается в сознании людей привязанность к своему национальному с привязанностью к советскому в целом, тем труднее аналитически выделить одно из другого, чтобы рассмотреть каждое в отдельности. Но для гармонии абсолютно необходимо, чтобы национальное самосознание человека строилось на фундаменте положительного, а не отрицательного опыта. Пока якут или осетин видит, что его народ на протяжении полусотни лет пользовался и продолжает пользоваться правами, каких у него раньше не было никогда, до тех пор его опыт можно считать положительным опытом. Ущемление его прав сделает его опыт отрицательным. У евреев это как раз и случилось. В ответ на ущемление национальных прав возможны два ряда чувств, во многом несхожие. Одно дело, если против него можно выступить с протестом и бороться с ним. Тогда борьба сама по себе вселяет в людей веру в свою способность чего-то добиться. И другое дело, когда ущемление фактически существует, но его наличие официально отрицается, и всякая борьба с ним на этом основании заранее объявляется недопустимой и оказывается удушенной в самом зародыше. Это вселяет в людей не веру в свои силы, а скептицизм, уныние и разочарование. Это усиливает негативный характер их опыта.

Но, может быть, я преувеличиваю? Может, у евреев и сейчас еще имеется положительный опыт национального самоутверждения, подобный тому, какой они имели в первые десятилетия революции, когда цвели еврейская литература и театр, работали школы и научные учреждения, т.е. когда имелись налицо те основные элементы, которые питают живой кровью понятие о народе?

Рассмотрим, как относится к этому вопросу государство. Его отношение к тому или иному народу должно отразиться не на словах, а в различных государственных и общественных установлениях, принадлежащих данному народу: школы, театры, книги, органы управления и т.п. Самые малочисленные народы имеют больше установлений, которые по своей численности стоят на двенадцатом месте в СССР среди советских народов, непосредственно за литовцами и впереди таджиков, киргиз, латышей, эстонцев, чувашей, туркмен и многих десятков других наций.

Но из предыдущего изложения мы знаем, как мало оставлено евреям установлений, которые положительно указывали бы на существование еврейского народа, равного всем другим. У евреев нет школы, ни театра, ни научных учреждений, ни самодеятельных ансамблей песни, ни писателей... Впрочем, о писателях могут сказать: кто-то остался. Но что за писатель без книг? А книг-то и нет - в юбилейном сборнике, демонстрирующем на каких языках сейчас издаются книги в СССР /сборник "Народное хозяйство СССР", М., 1972, стр.454/, названы тувинский

/численность тувинского народа - 139 тысяч человек/ и калмыцкий /численность калмыков - 139 тысяч человек/ и ингушский /158 тысяч/, но книги еврейские не упомянуты вовсе.

В полемике с западной прессой у нас, случается, называют в качестве еврейского общественного установления синагогу. Это довод демагогический. Синагога-учреждение не национальное, а религиозное, не еврейское, а иудейское. Московская синагога не может служить даже символическим знаком государственного признания народа евреев, к слову, она стоит в переулке, который выходит на улицу, носящую имя Богдана Хмельницкого, убийцы евреев - вот уж случайность поистине символическая!

Остается одно, правда, весьма громкое установление, которое заслуживает внимательного рассмотрения: Еврейская автономная область, площадью вдвое больше государства Израиль. Несколько цифровых выкладок докажут, что это установление, бывшее некогда надеждой, сейчас стало лишь мемориальной доской погибших надежд. Правда, мемориальная доска может служить и вывеской.

Все население ЕАО равно 172 тысячам человек, из них евреев 11,5 тысяч, т.е. менее 7% /см. "Итоги Всесоюзной переписи населения", т.IV, стр.76/. Ни в одной автономной области нет столь резкого несоответствия между ее официальным названием и составом населения. С другой стороны, нет национальности, в столь слабой степени сосредоточенной на своей официальной территории, как евреи ЕАО. Так, всех карел в СССР 146 тысяч, живет в Карелии 84 тысячи, всех марийцев - 600 тысяч, живет в Марийской АССР 300 тысяч, наименее сосредоточенный в своей республике народ - мордва. Но и то в Мордовии живет 29% мордовского народа. А в ЕАО проживает чуть больше полпроцента - одна двухсотая часть всех советских евреев.

Вообразим, что евреи сами захотели переселиться в свою автономную область, и там решено для начала разместить не 29%, как у мордвы, а всего лишь 10% еврейского населения СССР вместо теперешних 0,5%. Всех, стало быть, должно там получится 215 тысяч евреев. Выходит, что за вычетом живущих 11,5 тысяч надо переселить 200 тысяч с небольшим. На первый взгляд, кажется, что это означает увеличить население области вдвое, и ничего другого. Но это только так кажется. Дело куда сложней.

Когда учреждали Биробиджан, еврейский народ состоял большей частью из недавних торговцев и ремесленников-кустарей. Речь шла о том, чтобы переквалифицировать их всех в земледельцев. И торговцы охотно соглашались стать крестьянами.

Теперешние евреи занимаются не тем, чем занимались их местечковые деды, а весьма престижными и нужными обществу делами: они в большинстве своем инженеры, мастера, учителя, врачи, библиотекари, механики и т.д. Социальный состав народа коренным образом изменился. Евреев с высшим и средним специальным образованием имеется около 700 тысяч.

Специалисты обслуживают народ, и для нормальной работы общественного организма должна сохраняться пропорция, соответствующая уровню развития общества. По Советскому Союзу в целом пропорция между специалистами и всем населением равна 23:240 или 1:10 /всех людей с высшим и средним специальным образованием в СССР 23,1 млн. - см. "Народное хозяйство СССР" за 1970 г., стр.522, сноска/. Переселение 200 тысяч, т.е. одной десятой части советских евреев, среди которой, следовательно, имеется 70 тысяч специалистов /одна десятая всех евреев-специалистов/, требует для сохранения этой пропорции добавочного переселения других граждан, среди которых тоже ведь есть специалисты, что требует еще

одного добавочного переселения. Одним словом, собирание евреев /даже одной десятой их части/ на территории ЕАО на добровольных началах является беспочвенной мерой, хотя дорогу туда не преграждают никакие органы.

Надо ясно осознать, что теперешний уровень образования советских евреев при современном состоянии научно- технического прогресса возможен только потому, что они живут разбросанно среди других народов СССР. Именно разбросанность ведет к тому, что евреи выделяются по своим занятиям среди всей массы населения. А это выделение, в свою очередь, поддерживает их разбросанность. Для евреев такая картина не нова: взаимозависимость между занятиями евреев и их рассеянием была и полтора тысячелетия назад.

Конечно, можно вообразить и такой выход для евреев: насильственно переселить любую их часть - 10, 50 и все 100% в ЕАО. Это потребует, чтобы все они переквалифицировались из учителей, мастеров и хирургов в лесорубов. Но тогда получится не ЕАО, а нечто чисто сталинское: ЕЛО. Этот путь, думается, нынче заказан. Превратить ЕАО из мифа в реальность невозможно. Самое бол.шее, что можно, - превратить ЕАО в витрину для иностранцев: обеспечить хорошую материальную жизнь тамошним 11,5 тысячам евреев и заснять на пленку их сияющие улыбки. С показухой мы так давно знакомы!

Но и в качестве витрины ЕАО с первого же внимательного прочтения сборника итогов переписи обнаружит свою несостоятельность: в то время, как по всей РСФСР среди евреев имеется 344 человека с высшим образованием на тысячу человек старше 10 лет, по ЕАО их только 40 на тысячу, т.е. в 8 раз меньше /см."Итоги переписи", т.IV, стр.449/. Годится ли такой показатель в витрину? Евреи ЕАО застыли приблизительно на том уровне образованности, на котором стояли выходцы из еврейских местечек лет 40 назад.

Нет, и витрины из ЕАО не получается!

Еврейская автономная область - это последнее неликвидированное установление, которому предназначено доказать, что евреи так же полноправны, как хакасы, чукчи и эвенки, этого доказать не в силах. Я отнюдь не утверждаю, что ЕАО была нарочно превращена в фикцию. Но сейчас выдавать Еврейскую автономную область с ее горсткой евреев за что-то такое национальное и автономное никак нельзя. Если ее упразднить, это пройдет так же незаметно, как незаметно сейчас ее показное, но тем не менее эфемерное существование.

Не лишне применить к ЕАО понятие "родная земля". Любая национальная республика и область СССР является исторической родиной живущего в ней народа. Но ЕАО - ни в малейшей степени. Там не родился ни один из наших отцов или дедов. Если не углубляться в историю русских евреев дальше трех-четырех поколений, то их родиной в нынешних пределах СССР были области, при царизме составлявшие черту оседлости. Еще немного удаляясь в глубь истории, мы найдем, что более старинной родиной советских евреев является Польша. Именно она по иронии истории закончила еврейскую эпопею тем, что в 1968 г., уже не будучи ни феодальной, ни панской, а социалистической страной, постаралась освободиться от последних живших в ней евреев.

В чем же проявляется равенство еврейского народа как народа со всеми остальными народами СССР, если нельзя найти ни одного положительного реального доказательства равенства? А вот доказательств неравенства - сколько угодно, и ЕАО не последнее. Приведу еще одно: участие евреев в демократических институтах.

Наша пропаганда сообщает, что евреи и здесь пользуются равными правами со всеми народами. В упоминавшихся уже брошюрах для заграницы С.Рабиновича "Евреи

в СССР" и "Евреи в Советском Союзе" пишется: "Насчитывается 7647 евреев среди депутатов Верховного Совета СССР, Верховных Советов республик и местных советов". Далее автор называет пять фамилий евреев - членов Верховного Совета СССР, не сообщая, однако, какова же общая численность всех депутатов советов, местных и республиканских, по всей стране и лишая таким образом читателя возможности познать вещи в сравнении.

Что ж, поищем общую численность депутатов в других источниках. Она указана, например, в отчетном докладе Л.И.Брежнева XXIV съезду: более 2 миллионов депутатов советов по всей стране.

Серьезное, а не демагогическое доказательство равенства требует сопоставления цифры евреев-депутатов с цифрой всех депутатов и численности евреев в СССР с общей численностью населения всей страны. Евреи составляют около 1% всех жителей страны, точнее, в 1959 г. - 1,1%, а в 1970 г. - 0,9%/. Полной пропорциональности в составе депутатов, конечно, ожидать нельзя, но если имеется очень уж значительная диспропорция, то это что-то значит. А диспропорция совершенно исключительная: при условии равенства численность депутатов-евреев должна хотя бы приближенно отвечать тому удельному весу, который евреи составляют в населении страны, 1% от 2 миллионов по стране означал бы 20 тысяч депутатов-евреев. а не 7600, несмотря на то, что выборы, конечно, не производятся непосредственно по национальностям. Но они не производятся по половому, скажем, признаку, однако известная пропорциональность мужчин и женщин в составе местных советов всегда соблюдается.

Такое расхождение - в два с лишним раза ниже оптимальной среднестатистической величины - простой случайностью не объяснишь.

Все кандидатуры в любой местный совет предварительно обсуждаются в районном /городском/ комитете партии. А он располагает всеми данными о населении, включая и его национальный состав. Наглядным доказательством того, как тщательно взвешивается в партийных инстанциях общая, целостная картина будущего состава избираемого совета, является его повсеместная близость к некой средней величине: во всех концах страны с большей или меньшей строгостью выдержан одинаковый средний процент женщин, беспартийных, молодежи и т.д.

Пропагандистская цифра 7600 депутатов-евреев, если рассмотреть ее поближе, говорит не о наличии равенства, а именно об его отсутствии, причем в такой важной области, которая у нас постоянно декларируется как первейший показатель нашей демократии.

Таким образом, и здесь, в вопросе о демократии, которая должна быть высшим выражением равенства, нет положительных признаков действительного равенства евреев со всеми народами СССР. И евреи,даже которые не склонны задумываться над общими проблемами, это чувствуют, хоть вслух и не говорят.

Большинству советских евреев свойственна некая странность, на первый вгляд ничем необъяснимая: будучи глубоко ассимилированными, не испывая внутренней нужды в своем национальном языке и своей культуре, не имея никакой объективной возможности сосредоточиться в пределах СССР на своей автономной территории, они тем не менее отчетливо и постоянно чувствуют себя евреями.

В большинстве случаев еврей достаточно обрусел, чтобы всей душой быть русским, считать своей родиной русскую равнину и умиляться при виде белой березы. Он весь русский, кроме одного: зеркало, в которое он глядится - ибо мнение окружающих есть наше зеркало - показывает, что он неправильно думает о себе.

Трагическая двойственность его положения состоит в том, что он любит свою родину неразделенной любовью.

Трудна любовь без взаимности.

Трудности еврея возводятся в квадрат, если он вдобавок еще и интеллигент. Чрезвычайно высокий удельный вес интеллигенции среди евреев способствует тому, что ее мнения и чувства передаются всему народу и, возможно, даже главенствуют в его настроениях, интеллигенция склонна к самоанализу, это всегда считалось у нее неприятным недостатком. Но самоанализ помогает понять и свое место среди людей. И видишь: неуютное оно, это место.

Хочу оговориться: речь идет, конечно, не обо всех поголовно советских евреях, а лишь о видимом их большинстве - о тех, кто полностью ассимилирован и не ищет себе и своим детям иного будущего, кроме как в советской стране. Нельзя забывать, что есть среди советских евреев и другая группа: те, которые даже пусть ассимилировавшись, ставят воссоединение выше места своего рождения. Ни с какой стороны и никоим образом нельзя оспаривать это их право, нельзя упрекать их за это желание. Оно так же достойно уважения, как и желание тех евреев, которые хотят слиться без остатка с русским или украинским народом.

Трудно сказать, какое из этих двух желаний требует для своего осуществления больше усилий, больше поклонов, больше долготерпения и настойчивости, больше сдержанности и больше всяких бумаг, удостоверений и справок, которыми обставлена твоя личность.

Да, не так просто - быть Вечным Жидом.

Э.ЛЮБОВ

СТЕРЕОТИПЫ

Подмена объекта анализа его субъектом /явление до некоторой степени тривиальное при обсуждении еврейского вопроса/ дает хорошую возможность для вычленения стереотипов субъективного сознания. Такое вычленение кажется специфически необходимым в нашем случае, поскольку теоретические выводы здесь зачастую предлагаются как руководство к практическим действиям.

Стереотип обладает кажущейся самоочевидностью; она, в свою очередь, обусловлена его природой. Стереотипы массового сознания реализуют те устойчивые схемы /архетипы/, которые истоирчески воспроизводятся в индивидуальном мышлении. Не всякий архетип архаичен; поэтому среди стереотипов можно обнаружить как наследованные в традиции, так и возникшие сравнительно недавно. Но независимо от возраста стереотипы обладают тем общим свойством, что способны порождать и подкреплять друг друга, сцепляясь в итоге в некую целостную систему взглядов, где трудно отыскать концы и начала. С другой стороны, однако, связность такой системы позволяет надеяться, что иногда обнаружение одного звена позволит вытянуть всю цепь. Начальная точка рассуждений, таким образом, может быть произвольной.

Среди стереотипов еврейского национального сознания прежде всего бросается в глаза один, который условно можно было бы назвать "мифом об уникальности". Речь идет о довольно широко распространенном /судя хотя бы по высказываниям в данных сборниках/ убеждении, будто национальная ситуация советских евреев является уникальной. В подтверждение этого взгляда приводятся широко известные факты дискриминации евреев, отсутствия у них современной национальной культуры и насильственного отторжения от предшествующей историко-культурной традиции.

Нисколько не оспаривая и не умаляя эти факты, хотелось бы, однако, заметить, что почти аналогична ситуация ряда других советских наций, лишенных государственной территории: крымских татар, немцев Поволжья, курдов, цыган; в некоторых отношениях эта ситуация даже трагичнее /хотя, опять же, в других отношениях она легче/. Соответствующие факты достаточно хорошо известны и приводить их, видимо, нет надобности.

Но вопрос можно поставить и шире. В определенном /почти чисто формальном/ аспекте евреи в СССР не являются экстерриториальной нацией: у них имеется свое автономно-национальное образование - т.н. Еврейская автономная область. На этой территории соотношение еврейского и нееврейского населения /прежде всего, русского/ составляет примерно 1:7; аналогичное соотношение имеет место во многих других автономных округах, областях и республиках. Еврейская советская культура /газеты, радио, театр, школы на языке идиш/ существует в Еврейской автономной области примерно в том же объеме, как, скажем, культура чукчей или коми в соответствующих районах.

Таким образом, евреи - и как экстерриториальная, и как территориальная нация - не вполне "уникальны". Что касается отторженности от традиции, то та или иная степень нарушения историко-культурных связей характерна для судьбы многих советских национальностей, особенно малых.

Еврейскую ситуацию точнее было бы назвать в этом смысле не уникальной, а предельной. Как почти всегда на протяжении своего исторического пути евреи реализуют типичное в его наиболее заостренном воплощении. Именно поэтому их ситуация всегда являлась наиболее чутким показателем общественного состояния и тенденций; "уникальная" ситуация в силу своей единичности не может отражать

массовые процессы.

Напрашивается возражение, что в предшествующих рассуждениях игнорируется полный запрет на еврейскую культуру иврит, которая одна и обеспечивает связь с национальной историко-культурной традицией. Предельно дискриминационный характер этого запрета вполне очевиден. Но в плане интересующей нас проблемы важнее, однако, выяснить, о какой традиции идет речь. Знакомство с соответствующей аргументацией /в этих же сборниках/ не оставляет сомнений, что имеется в виду традиция библейская. Это уточнение не тривиально, поскольку культура иврит /наравне с культурой идиш, хотя и по-иному/ могла бы пониматься еще и как мостик к т.н. "местечковой" традиции, т.е. к недавнему прошлому советского еврейства.

Библейская традиция - это далекое и великое историко-культурное прошлое советского еврейства, с которым его пытаются воссоединить с помощью восстановления культуры иврит. Декларации о таком "воссоединении" составляют основное содержание и пафос манифестов "Кто я?" Напротив, "местечковая" традиция в них тщательно обходится, ее восстановление не считается столь актуальным. В итоге возникает специфическая схема еврейской истории, включающая только два этапа, заслуживающих внимания - современный и библейский.

Эта схема является очередным стереотипом. В его основе, как и в основе стереотипа "уникальности", лежит архетип национальной "избранности". Но в стереотипах глубокая идея "избранного народа" приобретает вульгарный характер "уникального народа". Общая основа этих стереотипов обуславливает /хотя и не однозначно/ их взаимосвязь: "уникальное" настоящее требует себе "уникального" прошлого и наоборот.

Подобная схема весьма приятно щекочет национальное самолюбие. В таких условиях напоминание о местечке, конечно, выглядит бестактностью.

Осознав это, легко усмотреть еще один стереотип, тесно связанный с предыдущими. Мы имеем в виду стереотипное представление о "позорном" местечковом прошлом, которое является составной частью вышеупомянутой исторической схемы. Этот стереотип не имеет ничего общего с объективной оценкой соответствующего периода еврейской истории и тоже основан на вульгарно трансформированной идее "избранности". Такое представление о местечке, носителями которого /это весьма существенно/ являются современные советские "образованные евреи", получена ими, в значительной мере, из идишистской литературы типа Шолом-Алейхема; недаром из всего культурного наследия еврейского прошлого на русский язык усердно переводится именно эта литература. Этот стереотип подкрепляется соответствующей советской литературой - как еврейской, так и нееврейской. Характерным образчиком последней может служить брошюра АПН "Евреи в СССР: миф и действительность" /на англ.языке/, послужившая, кстати говоря, первоначальным толчком к данной статье. Авторы брошюры противопоставляют положение русского дореволюционного еврейства положению еврейства советского. Показательно, что в разделе о местечковом прошлом замалчиваются,прежде всего,духовные достижения русского еврейства, завоеванные им в невероятно трудных условиях; напротив, в разделе о советском еврействе подчеркиваются именно его достижения в области социалистической культуры. Этим достигается сразу несколько целей: создается превратное представление о местечке, унизительное для всякого современного еврея; ставится под сомнение духовный потенциал еврейского народа вообще /скрытая параллель с великой русской дореволюционной культурой/; и, как следствие, современные достижения советского еврейства приобретают характер как бы не вполне его собственной заслуги.

Брошюра апеллирует к стереотипу позорного "местечкового прошлого", одновременно подкрепляя его. В то же время она рикошетом бьет по идее "избранности".

К великому сожалению, чувство стыда за местечковое прошлое знакомо многим советским евреям /и притом тем больше, чем меньше они знают о местечке/; недаром, стыдясь определенных своих черт и проецируя их на соплеменников, они прибегают к опрелению "местечковый еврей" еврейскому эквиваленту русского "жида".

Даже самое поверхностное знакомство с историей и бытом местечка позволяет увидеть вздорность данного стереотипа. Материальный быт местечка был, действительно, ужасен /хотя вовсе не "грязен", как это пытаются внушить/. Но его духовная жизнь,вопреки всем ужасам быта, была глубокой и разнообразной. Сохранялась религиозная основа жизни народа; традиционно по-еврейски широкими были образование и книжность; существовал богатейший фольклор, литература, музыка, театр; зарождались и становились массовыми мощные идейные движения - хасидизм, сионизм. Русское дореволюционное еврейство сделало немалый вклад в русскую культуру XIX-XX вв.

Упомянув о русской культуре,нельзя не подчеркнуть два важных момента.Прежде всего,эта культура /в узком понимании/ складывалась в тонком верхушечном слое народа и в толщу его-в отличие от еврейской местечковой культуры - почти не проникала /единственное идейное движение, глубоко проникшее в народную толщу, - раскол/. А в силу этого любое "объективное" описание русского дореволюционного прошлого, которое ограничилось бы исключительно сферой крестьянской, деревенской жизни /более "типичной" для России/, неизбежно внушало бы представление о полной бездуховности русского народа.

Перед нами действительно вырисовывается связная система стереотипов еврейского национального сознания: представление об уникальности своей национальной ситуации - понимание этой уникальности как полной отторженности от своей историко-культурной традиции - толкование этой традиции как только библейской, предполагающее умышленное игнорирование местечкового прошлого - взгляд на это прошлое как унизительный и несовместимый с "уникальностью" этап истории еврейского народа.

Несколько подробнее следовало бы рассмотреть вопрос об "отторженности" советских евреев от своих историко-культурных корней.Опустим здесь проблему самих "корней": из сказанного выше достаточно ясно,что без доброжелательного и глубокого освоения местечкового наследия никакое органическое приобщение к библейской традиции не представляется нам возможным.Ложный пафос многочисленных деклараций о внезапном обретении в себе духа библейских предков наглядно это демонстрирует. Обсуждать стоит, на наш взгляд, причины упомянутой "отторженности". В самом этом термине скрыто, по существу, два разных определения. Одно из них констатирует факт запрета на иврит, упоминавшийся выше; другое как бы указывает на насильственный характер самого процесса отторжения. Второе утверждение имеет характер стереотипа, но стереотипа специфического, который держится на простой инерции мышления.

Всем известно, что никто не отторгал евреев от еврейской культуры более рьяно, чем они сами. Предыстория этой трагической ошибки достаточно длинна и восходит еще к спорам идишистов и гебраистов; впрочем, сама давность заставляет, хотя бы для объективности допустить, что это могла быть и не ошибка, а, например, необходимость или предначертание. Следующим шагом к выбору была бундовская /идишистская, социал-демократическая/ теория "национально-культурной автономии". Сам выбор был реализован уже советскими евреями в 20-30-е гг.,

когда они в своем бегстве из местечка в русский город сознательно отреклись от местечковой традиции и всего, что было с ней связано, - библии, хедера и иврита. Не подлежит сомнению, что они были готовы отречься и от идишистской культуры /об этом говорят хотя бы многократно цитировавшиеся данные переписей по вопросу о родном языке/, но тут - ирония судьбы - в роли охранителя остатков еврейской культуры от евреев выступила сама власть.

Сегодняшние советские евреи пожали то, что сеяли, в основном, их отцы. В основном, - ибо несомненна и роль официального давления в процессе утраты иврита, равно как и нынешнего его запрещения. Нас интересует, что выиграли и что потеряли евреи в результате такого, скажем компромиссно, полудобровольного выбора.

Советские евреи в массе вошли в русскую культуру и приобрели конкурентноспособность в соперничестве с другими нациями - прежде всего, русской. Они потеряли, однако, собственное национальное "я", и поэтому их вхождение в русскую культуру могло совершиться только на правах ассимиляции. Противоположный вариант - создание бикультуры, органическое освоение "чужого" на базе "своего"- требовал наличия "своего", т.е. сохранения себя как нации, своего "завета с Богом". /Можно предположить, что подлинная "избранность" еврейского народа в переводе на язык теории культуры означает, что только евреям было дано, проходя через века и страны и сохраняя свой культурный генотип, вбирать в него все созданное в великих культурах других народов и подготавливать выработку универсальных культурных ценностей; нечто подобное ставит своей задачей, видимо, и эти сборники/. Любопытно, как повторяется история. Сегодняшние евреи вместо того, чтобы сохранять "чужое свое" /им является у ассимилированных евреев русская культура, в которой они ассимилировались/, опять готовы отречься от него в пользу "своего чужого". В альтернативе "бикультура-монокультура" они предпочитают второе решение. Если верно наше понимание избранности, то это неверный выбор, идущий против предначертания; подобно тому, как некогда еврейская культура была единственным реальным достоянием местечкового еврея, так русская культура является сегодня единственной реальной ценностью еврея ассимилированного. Измена прошлому, как показывает наш же исторический опыт, влечет за собой измену будущему. Период ассимиляции - как когда-то местечковое прошлое - это уже неотделимый от советского еврейства этап его исторического пути, и если этот путь имеет какой-то высший смысл, то имеет смысл и каждая его ступень.

Из рассуждений об "отторженности" следуют практические выводы. Как и породившие их рассуждения, они отчетливо распадаются на две группы. С одной стороны, выдвигается вполне законное в абстрактном плане требование принципиального допущения иврита в семью конституированных советских языков. С другой, восстановление культуры иврит рассматривается как необходимое условие восстановления и дальнейшего сохранения национальной историко-культурной традиции и потому самой нации.

Первое требование, будучи совершенно справедливым формально-юридически, становится весьма запутанным, едва конкретизируется. Если это требование выдвигают евреи, собирающиеся эмигрировать в Израиль, то по отношению к ним оно звучит, как желание получить в СССР подготовку для конкуренции в Израиле; делать это не обязано ни одно государство. Если они выдвигают его по отношению к остающимся, не будучи уполномочены на это, то такая непрошенная забота выглядит бестактностью. Евреи, остающиеся в СССР - это люди, ассимилированные русской культурой и советским обществом, в котором они пока еще принадлежат к довольно узкой профессиональной элите. Они и их дети нуждаются, прежде всего, в конкурентоспособности; никакой иврит им этого не даст - это может дать,

в дополнение к одинаковому культурному старту, только ликвидация повышенного интереса к паспортной пометке о национальности. Иврит же - в условиях сохранения этой пометки и интереса к ней - может привести лишь к еще большей изоляции и большей "опознаваемости" советских евреев. С одной стороны, это означало бы добровольное самограничение, шаг назад от нынешнего положения. Формальное равноправие в таких условиях обернулось бы правом на равную второстепенность, что для евреев означало бы фактическое неравноправие. С другой стороны, самоизоляция сделала бы их еще более зависимыми от власти, т.е. еще более уязвимыми и безоружными перед любыми изменениями ее политики.

Таким образом, идея формального равноправия на практике оборачивается затверженным стереотипом.

Иногда приходится слышать, что взвешивание практических "за" и "против" бессмысленно, поскольку иврит все равно не получит официальный статус. Предполагается, что культура иврит всерьез опасна для основ существующего строя, поскольку ее разрешение немедленно толкнет, якобы, широкие массы советских евреев в объятья националистической и сионистской идеологии.

Прямой противоположностью этому утверждению может показаться высказываемое иногда мнение, что в вопросе о признании иврит проблемы реализации играют второстепенную роль, главное - добиваться этого признания как символа еврейского равноправия /как будто таких символических деклараций мало в конституции/.

Оба утверждения, в сущности, не противоположны, а идентичны, так как исходят из устоявшихся стереотипов, предпочитая их реальности.

Рассуждения о том, что восстановление культуры иврит является условием сохранения еврейской нации в СССР, тоже допускают различные толкования. Прежде всего, они предполагают, что сохранение еврейской нации в СССР возможно и необходимо; этот вопрос заслуживал бы особого обсуждения. Можно лишь сказать, что вряд ли стоит переоценивать значение одного какого-либо фактора в столь сложной проблеме, как сохранение нации. В такой переоценке ощущается привкус некритического доверия к формальному определению нации по набору определенных признаков - язык, территория, религия, культура и т.д. Любой из этих признаков с достаточным основанием можно объявить содержанием т.н. "еврейского вопроса", предложив соответствующие способы решения. В данном случае - вполне в духе эпохи - таким решающим признаком объявляется культура /можно было бы еще спросить, какая именно - библейская или ивритская по форме, социалистическая по содержанию?/.

Между тем самый интересный факт состоит в том, что огромное количество советских евреев, утеряв за последние полвека все без исключения формальные признаки нации, тем не менее продолжают ощущать свою национальную принадлежность и национальное единство. Таким образом, "сохранение нации" - не столько проблема, требующая решения, сколько наличный факт /правда, требующий более широкого и более свежего, не формального подхода к понятию "нация"/. Причины и последствия этого - вот подлинный "еврейский вопрос".

Для многих из этих людей требование восстановления иврита - не условие сохранения и тем более "восстановления" нации, как некоего логического конструкта, а следствие сохранения нации - в их собственном лице. И с такой постановкой вопроса нельзя не согласиться, хотя пути его решения, а главное - последствия далеко не очевидны.

В сущности, главным "условием сохранения нации" всегда была народная почва - те иногда более, иногда менее многочисленные группы евреев, которые

жили общим гетто в средневековых Лондоне или Страсбурге, а в наши дни - Жмеринок и Вильно. Связанные кровными узами /пусть даже отдаленными/, они создавали друг для друга ту реальность, которая хранила память о национальной судьбе и давала ощущение национальной принадлежности; религия, школа, фольклор и литература были уже формами этой памяти, но подлинными ее носителями всегда были люди, сменявшие друг друга в поколениях. Может быть, поэтому столь остро и значительно воспринимают евреи и по сию пору свои родственные связи, что подсознательно ощущают в семье - единственной реально сохранившейся клетке народа - то единственное, что делает их существование во времени реальным?

Для этих евреев, сохранивших в себе традицию, потребность в иврите, в еврейской культуре, в спокойном, не-истерическом, каждодневном осуществлении себя, как нации, рождена не абстрактными соображениями формального равноправия или расчетом практических выгод - невыгод, а глубоким и творческим чувством человеческого достоинства.

К великому сожалению, чувство стыда за местечковое прошлое знакомо многим советским евреям / и притом тем больше, чем меньше они знают о местечке/; недаром, стыдясь определённых своих черт и проецируя их на соплеменников, они прибегают к определению: "местечковый еврей" - еврейскому эквиваленту русского "жида".

Даже самое поверхностное знакомство с историей и бытом местечка позволяет увидеть вздорность данного стереотипа. Материальный быт местечка был, действительно, ужасен /хотя вовсе не "грязен", как это пытаются внушить/. Но его духовная ~~[illegible]~~ жизнь, вопреки всем ужасам быта, была глубокой и разнообразной. Сохранялась религиозная основа жизни народа; традиционно по-еврейски широкими были образование и книжность; существовал богатейший фольклор, литература, музыка, театр; зарождались и становились массовыми мощные идейные движения - хасидизм, сионизм. Русское дореволюционное еврейство сделало немалый вклад в русскую культуру XIX - XX вв.

Страница оригинала. Фото. Текст приведен на стр. 62 настоящего издания

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Творчество ассимилированных евреев в русской культуре еще ожидает своего исследователя, но и поверхностному взору бросаются в глаза некоторые общие черты и специфические особенности. Прежде всего, в содержательном плане евреи продолжают ту линию русской культуры, о которой справедливо в свое время говорили как о апокалиптической /см. предисловие к ст. В.Соловьева в № 3 нашего сборника/.

Устремленность к "конечным" вопросам, ощущение постоянной близости катастрофы, непрочности бытия и постоянная тяга к пределу характерны для всех наших авторов, так же как и переживание Истории как космического процесса. Так как этот набор сложился в качестве типично еврейской тематики еще в первых веках нашей эры, здесь он настигает нас как некий бумеранг, достигший русской культуры и попавший обратно к нам через нее. Быть может, это отчасти объясняет неудержимую тягу евреев к русской культуре и русскому языку.

Однако в русской культуре как в целом этот элемент отнюдь не господствует /что бы ни писал об этом Н.Бердяев/, и потому избирательность, которая приковывает внимание евреев именно к апокалиптической и метаисторической теме, по-видимому, не случайна. Это подозрение только укрепится, если к нашему набору авторов мы добавим таких общеизвестных писателей-евреев, как И.Бабель, О.Мандельштам, Б.Пастернак, Ю.Тынянов, И.Эренбург и др. По-видимому, все они не перестали быть евреями, даже если некоторые из них думали иначе.

Из формальных особенностей этой литературы отметим особую языковую изощренность, о которой говорят лингвисты /см. Ж.Долгополову в разделе "Кто я?" в этом номере/. Эта изощренность связана с любовью к языку, которая болезненно прочно привязывает наших евреев к чему-то невещественному, что по традиции принято отождествлять с вполне материальной и материалистической Россией /см. Н.Воронель в № 1 сб., а также Б.Хазанов в этом номере/.

Насколько неудобно это отождествление чувствительному человеку и какие страдания с этим связаны, видно по многим нашим авторам /напр., Л.Богораз в № 1, Э.Мандель в этом номере и др./, которые, запутавшись в словах, самоназваниях и переосмыслениях, приходят в полное отчаяние без исхода:

> "Бежать? - Не стоит... Не поможет это
> Тому, кто разлюбил свою страну..."

В общем можно было бы сформулировать, что ассимилированные евреи, оставаясь народом для других, не вполне осознают себя народом "для себя". Это осознание тем меньше, чем выше социальный слой, к которому принадлежат эти люди и, таким образом, этот народ также в значительной степени лишен своих вождей и идеологов. Речь все время идет именно о национальном сознании, а не о смутном ощущении, которое, напротив, присутствует у всех. Но для русских евреев характерно также преобладание сознательных идеологических мотивов над иррациональными. Вот почему их так обескураживает антисемитизм.

Вторым моментом, который нам хотелось бы здесь подчеркнуть, является высокая субъективная ценность русской культуры для русских евреев, заставляющая думать, что понять такой феномен как русское еврейство и предвидеть его судьбы без учета этого фактора абсолютно невозможно.

ФЕЛИКС КАНДЕЛЬ /Ф.КАМОВ/

ДЛЯ ОБЩЕГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ

- В древней Греции, - сказал Сидоров, - жители Спарты бросали младенцев в пропасть. Зачем, знаешь?
- Знаю, - сказал Петров. - Для общего оздоровления.
- Садись, - приказал Сидоров. - Составим списки кандидатур.
- Какие списки?
- Кого бросать в пропасть. Придет приказ, а у нас все готово.
- Не может быть такого приказа, - испугался Петров.
- Сам знаю, что не может. А подготовиться к нему надо.
- У нас и пропасти поблизости нет.
- Был бы приказ, а пропасти найдутся, - сказал Сидоров. - Я другого боюсь: столько надо бросать - пропастей не хватит.
- Много бросать нельзя, - быстро сказал Петров. - А то потом спустят план в два раза больше.
- Правильно. Бросим одного - и хватит. Какие будут предложения?
- Иванова можно бросить...
- Иванов! - закричал Сидоров. - Иди сюда.

Иванов вошел в комнату.

- Поступило предложение бросить тебя в пропасть.
- Меня? - удивился Иванов. - А зачем?
- Для общего оздоровления.
- Я возражаю, - сказал Иванов.
- Для общего - значит и для твоего, - объяснил Петров.
- Это я понимаю... А нельзя наоборот: для моего - значит и для общего?
- Нельзя, - отрезал Сидоров. - Да ты не бойся. Это мы списки на всякий случай составляем.
- А почему меня?
- А кого же еще? - удивился Петров. - Меня нельзя. У меня самоотвод. Я высоты боюсь.
- Меня тоже нельзя, - сказал Сидоров. - Кто-то должен следить за выполнением приказа, которого не будет.
- Не хочу...
- Вы поглядите, - обиделся Петров. - Мы его еще и уговариваем. Честь-то какая...
- Соглашайся! А мы зато в обязательство запишем: к концу месяца бросить в пропасть товарища Иванова.
- К концу месяца нехорошо, - уточнил Петров. - Лучше к двадцать восьмому числу. Бросим и отрапортуем.
- Лучше не надо... - прошептал Иванов.
- Глупости! Чего ты боишься? Мы же с тобой. До конца.
- Почти до конца...
- Я все-таки пойду, - сказал Иванов.
- Куда?
- На пропасть посмотрю.
- Нечего на нее смотреть. Пропасть как пропасть. Придет время - увидишь.

Но Иванов уже пошел из комнаты.

- Да, - сказал Петров. - Жителям Спарты со своими младенцами было гораздо легче. А с этим разве добьешься оздоровления?
- Иди за ним, - приказал Сидоров. - Как бы он случайно в пропасть не

упал. Нам нужен добровольный порыв, а не несчастный случай.

НАШИХ БЬЮТ

- На помощь! Караул!! Наших бьют!!!
- Что вы кричите?
- Наших бьют!
- Кто бьет?
- Не наши!
- Не наши бьют наших?
- Ну, да!.. Наших бьют не наши.
- А как вы определили, кто наши, а кто не наши?
- Как определил?.. Никак не определил. Наши - это наши, а не наши - это не наши.
- А может, наоборот?
- Что наоборот?
- Все наоборот. Наши - это не наши, а не наши - это наши.
- Глупость какая... Наши - это всегда наши!
- Не скажите. Бывают такие наши, которые совсем не наши.
- Откуда вы это взяли?
- Я предполагаю.
- Вы тут предполагаете, а там наших бьют!
- Не паникуйте. А вдруг это не наших бьют, а наши бьют, и вы своими криками помешаете нашим бить не наших. Тогда что?
- Не знаю...
- Вот видите. Никогда нельзя сказать заранее, кто наш, а кто не наш.
- Что же мне делать?
- Ничего.
- Но ведь там бьют! Там кто-то кого-то бьет! Я не могу молчать! Если наших бьют, надо кричать "Караул!" Если наши бьют, надо кричать "Ура!"
- Не горячитесь. А вдруг это совсем и не наши, а бьют они тоже не наших - какое нам до всего этого дело?
- Вы так думаете?
- Нет, нет, я так не думаю, но там, где есть наши и не наши, первым делом надо определить, а наши ли наши и не наши ли не наши, а уже потом что-то кричать.
- Ничего не понимаю... Наши не ваши, ваши не наши... Голова кружится.
- Что вы! Это сложная наука. Ее никто не понимает. Единственное спасение - один запасной вариант.
- Какой?
- Когда наших бьют наши.
- И что тогда?
- Тогда хорошо. Тогда уже нельзя ошибиться, кто наш, а кто не наш, потому как заранее известно, что все наши.
- А что же в это случае кричать? "Ура" или "Караул"?..
- Ничего не надо кричать. Наши бьют наших. Все нормально. Пусть себе бьют.

НЕ ЗАСОРЯЙТЕ МНЕ МОЗГИ!

- Алло!
- Здравствуйте. Мы с вами соседи по телефонному справочнику.
- Как, как?
- Я говорю, мы с вами соседи по телефонному справочнику.
- И это все?
- Все...
- Извините, мне некогда.
- Это вы меня извините. Я думал, вам будет интересно...
- Мне не интересно.
- Вообще-то, мне тоже не интересно. Но мне позвонили, попросили передать дальше.
- Кто позвонил?
- Мой сосед по телефонному справочнику.
- Он сумасшедший?
- Нет. Он совсем не сумасшедший. Оставляет приятное впечатление. Между прочим, его тоже попросили.
- Кто?
- Этого я не знаю. Я знаю только его и вас. У него вторая буква Е, у меня- И. У меня третья буква - М, у вас - Н. Поэтому мы так и идем: сначала он, потом я, а затем уже вы.
- Перестаньте хулиганить!
- Ну, вот... Это же алфавит.
- Какой еще алфавит?
- Славянский. Кирилл и Мефодий.
- Алфавит я знаю. Я сам специалист по алфавиту.
- По алфавиту мы все специалисты.
- Что вы от меня хотите?
- Не знаю... Меня попросили, я позвонил.
- Вы не знаете, другой не знает, третий не знает... А уже полсправочника как не бывало. Зачем-то ведь все звонят?
- Может, это игра такая?
- Игра? При игре люди получают удовольствие. Вы получили от этого удовольствие?
- Не сказал бы.
- Вот видите! Я разрываю цепочку.
- Это у вас не получится.
- Очень даже получится. Не буду звонить - и все!
- Тогда мы вынуждены будем перескочить через вас.
- Кто это "мы"?
- Мы - это я. Я позвоню следующему за вами.
- Но ведь это глупо!.. Глупо и бессмысленно!..
- Конечно. Я это знаю. Я так и заявил предыдущему.
- А он что?
- А он сказал, что тогда перескочит через меня и непосредственно позвонит вам. Я и согласился.
- Но теперь-то наедине мы можем договориться с вами. Вы разумный человек, я разумный человек... Кончим эту глупую игру, и все.
- Он тоже разумный человек. Он сказал, что позвонит через пять номеров вперед и проверит нас с вами.
- Ах, так.. Тогда перескакивайте через меня и оставьте меня в покое.

- Это невозможно. Вас тоже будут проверять.
- Тоже?
- Ага. Тот, кто за пять номеров до вас. Он будет звонить до тех пор, пока вы не позвоните следующему. Ведь его тоже будут проверять, проверил ли он вас, и проверил ли тот, кто проверяет того, кто проверяет его, проверил он вас... Понимаете?
- Смутно.
- Я тоже. Так что звоните и кончим на этом. Это вариант наименьшей потери времени.
- Я не хочу вообще терять время.
- Вы считаете себя умнее половины телефонного справочника?
- Ничего я не считаю.
- Тогда звоните, чтобы от вас отвязались.
- Вы так думаете?
- Конечно. Позвонили - и забудем об этом.
- Чтобы не засорять себе мозги?
- Чтобы не засорять себе мозги.
- Но я предаю вторую половину справочника!
- Никого вы не предаете. Им и без вас позвонят.
- В этом есть логика. Вы не знаете, кто за мной?
- Знаю. Я ему уже звонил.
- Зачем?
- Чтобы предупредить о предстоящем звонке. Он сейчас как раз дома.
- Это ваша личная инициатива?
- Ну, что вы... Это входит в разработанную систему проверок.
- Кем разработанную?
- Этого я не знаю. Я думаю, что этого никто уже не знает.
- Я даже думаю, что этого никто и не знал. Мне даже кажется, что у этого нет начала и нет конца.
- Ну уж конец-то есть... Дойдут до конца справочника - и точка.
- Вы наивный человек... Последний звонит первому. И снова по кругу.
- Откуда вы все знаете?
- Я догадываюсь. Так что звоните следующему и забудем об этом. Полчаса болтаем, а работа стоит. Позвоните, и от вас на время отстанут.
- У меня нет справочника.
- У меня есть.
- Я могу снять телефон.
- Вас вызовут на междугородную.
- Я не пойду!
- А телефонизация? Вы забыли про всеобщую телефонизацию. Так дать вам его номер? Дать или не дать?..
- А когда мне еще позвонят?
- Вы имеете в виду второй круг?
- Да.
- Думаю, что не скоро. Звоните и не засоряйте себе мозги.
- Давайте номер! А до второго круга, если повезет, может, еще и не доживем...
- Правильно! Они звонят, а нас в живых уже нет... Вот умора!
- Ха-ха-ха...
- Хо-хо-хо...

Я ОТКЛЮЧАЮСЬ ОТ ВАС!

Итак, у меня отключили телефон.

Я спал. Я спал глубоким сном ни в чем неповинного младенца, а в это время какой-то безымянный монтер поорудовал над какими-то клеммами, и с телефоном было покончено. Быстро и решительно.

Он даже не пикнул...
Как мне сказали сначала - за неуплату.

Как мне сказали чуть попозже - за нарушение 74 статьи телефонного устава.
Как мне сказали наконец - за хулиганство.

- За чье хулиганство? - спросил я. - Мое или телефона?
Мне не ответили.
Итак, у меня отключили телефон.
До этого они отключили меня от всех редакций.
Они отключили меня от издательств и киностудий.
Они отключили меня от моих фильмов, вырезав из титров мою фамилию.
И от советских денежных знаков они тоже меня отключили.
Что еще им осталось?
Могу подсказать:
Отключите от меня электричество.
Отключите водопровод и канализацию.
Отключите почтовую службу, скорую помощь и пожарную команду.
Отключите меня от всех благ цивилизации.
Отбросьте меня в каменный век, в пещеру, к троглодитам.
И я с удовольствием там останусь.
Потому что там ничего еще не изобрели. И им пока нечего отключать.
Отключите меня, отключите!..
Я от вас давно отключился.

НИНА ВОРОНЕЛЬ

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

/одноактная пьеса/

> Но знает Бог, что в день, в который вкусите их, откроются глаза ваши и вы будете, как боги, знающие добро и зло.
>
> Книга Бытия

Действующие лица

ЛИКА - поэтесса, вдова, была хороша собой, 75 лет.
ЛЕЛЯ - переводчица поэзии, старая дева, 77 лет.
ФЕДЯ - мелкий поэт, всю жизнь служил редактором в издательстве, 75 лет.
ЛЮБА - жена Феди, большую часть жизни провела в лагере и ссылке, 65 лет.
МОСЬЕ НИКОЛЯ - в середине 50-х годов вернулся из эмиграции, автор многих мемуаров, 77 лет.
ДОРОГОЙ /ЛЕВКА/ - дважды был в тюрьме, в промежутках воевал, 72 года.
ИЗГОЙ - очень дряхлый, всегда молчит, сидит в стороне, 80 лет.
ТОЛИК - молодой парень, шофер, склонен к духовной жизни.
ГОЛОВА В ШАПКЕ - случайный прохожий.

Место действия

Дом для престарелых писателей - что-то вроде богадельни, под Москвой. Сцена изображает столовую: большой стол со стульями в центре, сбоку большой резной буфет, окно, дверь.

Время действия

Начало 70-х годов XX века. Ранняя подмосковная весна.
Время обеда. На подоконнике стопка тарелок, супник с супом, половник, соусник со сметаной. У окна стоит ЛЮБА с половником в руке. За столом ЛЕЛЯ, ЛИКА, ФЕДЯ. У противоположного конца стола - ИЗГОЙ.

ЛЮБА. Леля, я наливаю?

ЛЕЛЯ /рыдающим голосом/. Мне все равно, все равно, все равно!

ФЕДЯ /паясничает, как ярмарочный зазывала/. Супа поменьше, сметаны побольше!

ЛЮБА /наливает суп/. Я уверена, к обеду он придет обязательно.

ЛЕЛЯ /берет у Любы тарелку/. Не знаю! Не знаю, что и думать. Так долго он никогда не задерживался /навзрыд/. С ним что-то случилось - мне сердце подсказывает!

ЛЮБА /наливает суп/. Зачем сразу отчаиваться? /подает тарелку Феде/.

ФЕДЯ /паясничая/. Супа поменьше, сметаны побольше!

ЛЕЛЯ. Мясо я ему оставлю - он обожает мясо /навзрыд/. Если только он придет! Но нет! Недаром я сон видела страшный!

ЛИКА. Сколько я в своей жизни видела вещих снов! И худшие всегда сбывались!

/ЛЮБА наливает суп/.

ЛЕЛЯ. Будто меня окунают в кипящий чан, а волосы мои плывут над водой, но не такие, как сейчас, а длинные-длинные. И какая-то рука давит на мой лоб,

чтобы я погрузилась с головой, и голос! /Вздрагивает/. Знаете, такой замогильный! - повторяет: "Ты у нас научишься кипеть под давлением. Ты у нас научишься!" И тут я захлебнулась. А теперь его все нет!

ЛИКА. И моего Дорогого тоже все нет и нет. /Кокетливо/. Просто не знаю, как быть: поухаживать за мной некому.

ЛЮБА /берет тарелку/. Налить?

ЛИКА /не встает/. Мне, право, неловко утруждать милую Любу...

ЛЮБА /нелюбезно/. Так я налью. Наливает суп/.

ЛИКА. Мне немного...

ФЕДЯ /пронзительно/. Супа поменьше, сметаны побольше.

ЛЕЛЯ /вздрагивает/. Тише! /Роняет ложку/. Нет, не могу есть. Если с ним что-нибудь случится, я не переживу!

ЛИКА. Все можно пережить. Я вот пережила всех, кто меня любил. А все они погибли! Все погибли! Ни один не умер своей смертью. /Берет тарелку у ЛЮБЫ. Люба со своей тарелкой садится к столу. Как только она отходит от окна, ИЗГОЙ направляется к супнику. Идет он нетвердой походкой, пока он доходит до своей цели, входит МОСЬЕ НИКОЛЯ. ИЗГОЙ испуганно шарахается назад/.

ЛЕЛЯ. Разве это любовь! Люди не способны на настоящую любовь. /Со слезами/. А он - такой любящий, такой нежный!

ЛИКА. Мой первый муж, поэт Виолантов, любил меня безумно, просто обожал. А я представьте, сначала даже не знала, что его настоящая фамилия - Кац! /Входит МОСЬЕ НИКОЛЯ/. Я понятия не имела, что он - еврей...

МОСЬЕ НИКОЛЯ. О Боже, опять еврейский вопрос! /Наливает себе суп/.

ЛИКА. А потом его убили бандиты на улице. Это было в Гражданскую войну... Мы всего два месяца были женаты...

/ИЗГОЙ, наконец, с трудом, дрожащими руками, наливает себе суп/.

МОСЬЕ НИКОЛЯ /садится к столу, начинает есть/. Сметана прогорклая.

ФЕДЯ. Милостивый государь, здесь богадельня, а не ресторан "У Максима" в Париже.

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Насчет Парижа - совершенно справедливо замечено.

ЛЮБА. Не надо требовать от жизни слишком много. Вот я в лагере каждый вечер молилась: "Господи, дай мне кончить жизнь на нижних нарах!"

ФЕДЯ. А я, наивный, поверил, что ей и впрямь ничего не надо. Поверил и потерял свою свободу.

ЛИКА. Мой первый муж был поэт. Свобода была для него важней жизни, но он принес ее в жертву мне. А потом его убили бандиты на улице...

ЛЕЛЯ /ломая руки/. Да, на улицах бандиты! Это невыносимо - ждать! Где он? Когда он, наконец, вернется?

ФЕДЯ /паясничая/. Майн либер Кац!

ЛИКА. Представьте, я сначала понятия не имела, что его фамилия - Кац!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. О-о! Опять еврейский вопрос!

ФЕДЯ /со страстью/. Да, именно вопрос! Я - русский дворянин, и вот, пожалуйста: связал свою жизнь с ней! /Показывает на Любу/. А ее родители держали бакалейную лавчонку в Жмеринке!

ЛЮБА. В Бердичеве.

ФЕДЯ /патетически/. Какая разница мне - русскому дворянину! - Жмеринка это была или Бердичев!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Часто ли вы вспоминали о своем дворянстве за последние пятьдесят лет?

ФЕДЯ. Пусть не часто! Пусть! Зато судьба моя всегда была неотделима от России! А некоторые предпочли Париж!

ЛЮБА. Федя, может, сходишь за вторым?

ФЕДЯ /капризно/. Для чего человек женится? Чтобы ходить за вторым? /ЛЮБА, не отвечая, выходит. Как только она выходит, ИЗГОЙ включает транзистор, который стоит перед ним на столе. ИЗГОЙ перестраивается с одной волны на другую - голоса, музыка, треск/.

ЛИКА /затыкая уши/. О, Господи!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. К сожалению, оказалось, что и моя судьба неотделима от России...

ФЕДЯ. Зачем вам понадобилось возвращаться?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Вы бы не вернулись?

ФЕДЯ /трясется/. Я бы не уехал!

ПРИЕМНИК /очень громко/. "... и тысячи звонких голосов повторили прекрасную клятву, тысячи голосов отозвались, как один: "Всегда готов!"

/Входит Люба с подносом/.

ЛЮБА. Опять включил?

/ИЗГОЙ выключает приемник и выходит на кухню/.

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Что, опять треска?

ЛЕЛЯ. Треску я ему оставлю - он обожает треску. /Вскакивает/. Господи, да что же я сижу? Может, он давно вернулся, влез в форточку и лежит на подушке! А я тут с ума схожу!

ФЕДЯ. Разве можно пускать кота на постель? Потом глисты заведутся.

ЛЕЛЯ /возмущенно/. От Мурзика - глисты? Ну, знаете! /Выбегает/.

ФЕДЯ. Вот, пожалуйста: возись потом с глистами!

ЛИКА. Что-то мой Дорогой и ко второму опаздывает. А ведь врач его предупреждал.

ФЕДЯ. Меня врач тоже предупреждал после операции геморроя, чтоб я по лестнице не ходил. Вам же, говорит, будет хуже. Ну, я и не ходил. И вот пожалуйста: все прошло. И горло тоже.

/ИЗГОЙ возвращается с тарелкой,с трудом идет в свой угол, ест/.

ЛИКА. Всю мою жизнь так: стоит кому-то меня полюбить, с ним тут же что-нибудь случается.

МОСЬЕ НИКОЛЯ /отодвигая тарелку/. Господа, вам не надоела треска?

ЛЮБА. Треска очень полезна при склерозе, не то что яйца.

ЛИКА. Мой второй муж - Мартынов - был боевой командир. Когда его арестовали в тридцать седьмом, его сразу расстреляли. А я не знала, мне никто не сообщил, - я его тринадцать лет ждала, а его давно и в живых не было...

ЛЮБА. Я в гражданку целый год одни яйца ела: мы в детдоме с ребятами забирались к завхозу на кухню, прокалывали яйца булавкой и выпивали из каждого понемногу, чтобы не заметил никто...

ФЕДЯ. Ела в детстве слишком много яиц и вот пожалуйста: ничего не понимает в поэзии. Я читаю ей Гумилева: "И забыли мы, что осиянно только Слово средь земных тревог", а она удивляется: "Разве Гумилев - хороший поэт?"

ЛИКА /декламирует/. И в Евангельи от Иоанна сказано, что Слово - это Бог!

ЛЮБА. Я потому спрашивала, что ты сам в предисловии писал...

ФЕДЯ /трясется/. Сам, сам! При чем тут "сам писал"? Сам! В предисловии! То в предисловии, а то в жизни! /Люба выходит, не отвечая/.

ЛИКА /декламирует/. Мы ему поставили пределом скудные пределы Естества, и, как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Можно подумать, будто вы стыдитесь того, что сами писали.

ФЕДЯ. Попробовали бы вы в те годы писать!

/Люба возвращается с двумя чайниками - большим и маленьким/.

ЛЮБА /достает сахарницу из буфета/. Сахару по два куска.

ФЕДЯ /паясничая/. Чаю поменьше, сахару побольше!

ЛИКА /кладет сахар в чашку/. У меня от завтрака кусок остался.
ФЕДЯ. Кто может это подтвердить? Так вот, берут, кто сколько хочет, а к ужину - пожалуйста: чай вприглядку!
ЛИКА. Фи, Федя, вы совсем не рыцарь!
ФЕДЯ. Какой там рыцарь! Я теперь человек женатый.
ЛИКА. Увы! Но, может, все же поухаживаете за мной, раз моего Дорогого все нет? /Протягивает ему чашку/.
ЛЮБА /берет чашку, нелюбезно/. Я налью.
ФЕДЯ /вырывает чашку/. Нет уж, лучше я. Вспомню молодость!
ЛИКА /кокетливо/. Но вы рискуете: каждый, кто меня любил, умирал не своей смертью. С ним всегда что-нибудь случалось. С каждым.
ЛЮБА. С ним ничего не случится - он так себя бережет!

/Стремительно входит Леля, она несет металлическую тарелку с песком/.

ЛЕЛЯ /бросается к Феде/. Вот, смотрите! Вот его кал! Если бы у него были глисты, тут были бы яйца! Вот! /Сует тарелку Феде под нос/.
ФЕДЯ /роняет чашку/. Вот пожалуйста: а она говорит, ничего не случится! /Выбегает из столовой/.
ЛИКА /осторожно поднимает чашку/. Мой сахар!

/В столовую входит ДОРОГОЙ/.

ДОРОГОЙ. Что это с Федей? Куда он?
МОСЬЕ НИКОЛЯ. В душевую скорей всего.
ДОРОГОЙ. Посреди обеда? /Целует Лике руку/. Как тут Дорогая без меня?
ЛИКА. Ужасно! Вас нет и нет, а Федя чуть не погубил мой сахар.
ЛЕЛЯ. Нет, вы подумайте: сказать такое! Что у Мурзика глисты! /Сует тарелку ДОРОГОМУ/. Вот! Вот его кал!
ДОРОГОЙ. Чей?
ЛЕЛЯ. Если бы у него были глисты...
ДОРОГОЙ. Кошки - это гадость! Это я вам говорю!
ЛЕЛЯ /отшатывается/. Как вы можете! Сегодня! Когда с ним наверняка что-то случилось! /Выбегает/.
ЛИКА. Она всегда кошек любила больше, чем людей. Потому и осталась старой девой.
ДОРОГОЙ. Из кошек надо делать шапки, это я вам говорю.
ЛЮБА. Да нет, у нее был муж, он погиб в тридцать седьмом...
ДОРОГОЙ. В тридцать седьмом? Вполне мог погибнуть, это я вам говорю. Я сам чуть не погиб.
МОСЬЕ НИКОЛЯ /картинно вздыхает/. Боже, опять тридцать седьмой!
ДОРОГОЙ. Конечно, вы тридцать седьмой в Париже пересидели!
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Дался вам этот Париж!
ЛИКА. Не было у нее никакого мужа. Она всегда была такая старуха, как сейчас, всю жизнь. И никакого мужа у нее быть не могло. Вот мой муж - боевой командир Мартынов - погиб в тридцать седьмом. Его тут же расстреляли, а я его после того тринадцать лет ждала...
ДОРОГОЙ /наливает суп, ест/. Суп остыл совсем. У меня сегодня аппетит! - только в войну такой аппетит был.
ЛИКА. Хотите, я почитаю свои стихи про войну?
ФЕДЯ /входит/. Только не про войну! Я лично отредактировал сотни тысяч метров военных стихов, там не было ни одной строчки стоящей.
МОСЬЕ НИКОЛЯ /усмехаясь/. Мы читали об этом в вашей книге о поэзии военных лет. Впрочем, там вы, кажется, говорили что-то другое...
ФЕДЯ /трясется/. Читатели! Читают зачем-то, а потом голову морочат!

ЛИКА. Моих стихов вы не читали - у меня такие неприятности вышли! Кто-то вспомнил, что я - жена врага народа, то-есть я была уже вдова, но тогда никто об этом не знал... Вот я прочту!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Надеюсь, там есть слова: "За Родину! За Сталина!"?

ФЕДЯ /трясется/. Вы! Вы! Разве вы понимаете, что такое - Родина?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Именно я и понимаю, ибо нашу Родину можно любить только издали.

ЛИКА /декламирует/. Тоска по родине - давно разоблаченная морока!

/ИЗГОЙ внезапно включает приемник на полную мощность, оглушая всех обрывками песен и передач на разных языках/.

ЛИКА /затыкая уши/. Ну, можно это вынести?

ЛЮБА. У нас в лагере его б давно уже заткнули.

ФЕДЯ. От такого тоже глисты завестись могут.

ДОРОГОЙ. У нас взводный тоже считал, что вши от грязи заводятся.

/Как потерянная, входит ЛЕЛЯ, наливает чай, садится, но не пьет. Сидит, глядя прямо перед собой немигающими глазами. Приемник громко кричит по-французски/.

ЛЮБА. Чего он там сообщает?

МОСЬЕ НИКОЛЯ /переводит/. Во Франции сейчас в моде макси-юбки и шляпы с большими полями...

ЛИКА /декламирует/. Как тальи носят? Очень низко. Почти-что вот до этих пор!

/Приемник продолжает оглушительно кричать по-французски/.

ЛЮБА /встает и, не обращаясь к ИЗГОЮ, выключает приемник. Идет к своему месту/. У нас в лагере одна такая была: тоже законы общежития не уважала. Раз платье постирала и на верхних нарах повесила, не отжавши. А на нижних нарах спала Маруська - татуированная блатнячка, королева барака. Ей ночью вода с платья на лицо натекла. Она своим свистнула - ох, они ту дуру расписали!

МОСЬЕ НИКОЛЯ /смотрит в окно/. Господа, интереснейшая новость: нашу скромную обитель осчастливило своим посещением высокое начальство!

ФЕДЯ. Начальство? Где?

ЛЮБА /смотрит в окно/. Толик привез. Из правления, что ли?

ФЕДЯ. Надеюсь, ревизия. Давно пора выяснить, куда они наше масло девают. А то все на маргарине.

ЛИКА. Может, попросить, чтоб сахару добавили?

ДОРОГОЙ. Не радуйтесь - от начальства всегда одни неприятности, это я вам говорю. Как бывший каторжник.

ФЕДЯ. Мы должны жаловаться - ведь мы отдаем всю пенсию.

ЛЮБА. Нет, жаловаться опасно.

ЛИКА /декламирует/. Храни нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Интересно все же, зачем пожаловало начальство в наше захолустье?

/Входит ТОЛИК. В это время ИЗГОЙ осторожно подбирается к чайнику/.

ТОЛИК. Хлеб-соль, товарищи писатели!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Рады тебя видеть. Кого привез?

ТОЛИК. Начальничка.

/ИЗГОЙ пытается налить чай дрожащими руками, роняет чашку и крышку от чайника/.

ТОЛИК /берет у него чайник/. Я помогу, Кирилл Юльевич.
ФЕДЯ /хватает Толика за рукав/. Мы ему не помогаем.
ТОЛИК. Ведь у него руки дрожат.

/Наливает чай, ИЗГОЙ спешит на свое место/.

ЛЮБА. Чтоб другим пакостить - они у него не дрожат.
ЛИКА. Он нас извел своим приемником. Просто жизни никакой нет, ни днем, ни ночью.
ФЕДЯ. Мы порвали с ним дипломатические отношения.
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Исторгли, так сказать, из своей среды.
ТОЛИК. Суровые вы люди! А я сегодня стишки сочинил. Не откажетесь послушать?
ЛИКА. Ну, Толик, ты же знаешь - мы с удовольствием.
ФЕДЯ. А начальничек зачем приехал?
ЛИКА. Федя, что за реализм? Поэзия прежде всего!
ТОЛИК /становится в позу/. Дорожный романс! /Поясняет/. За рулем очень располагает к поэзии. /Начинает читать/. Гори, гори, моя лампада, моя вечерняя...

/ИЗГОЙ включает приемник на полную мощность/.

ПРИЕМНИК /поет детский хор/. "О прошлом непросто поведать, но память не знает границ, и память о славных победах..."
ЛИКА. Ты видишь, какой это человек! А ты чай ему наливал!
ТОЛИК /обиженно ИЗГОЮ/. Кирилл Юльевич, я же стихи читаю, что же вы?
ИЗГОЙ /крайне любезно/. Выключить? Я - с величайшей радостью, если меня по-человечески попросить. /Выключает приемник/.
ЛЮБА /в пространство/. Нет, чтобы признать свою вину перед коллективом!
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Я вижу, уроки прошлого не прошли для вас даром, милая Люба.
ДОРОГОЙ /неожиданно страстно/. Главный урок: не давать свою бороду в чужие руки! Это я вам говорю. Вот в моем деле трех следователей сменили, из них двух расстреляли, а я все равно ничего не подписал...
ЛИКА. Ну, Дорогой, при чем тут вы? Мы ведь стихи слушать собирались...
ТОЛИК. Дорожный романс! /Читает, завывая/. Гори, гори, моя лампада,

Моя вечерняя звезда,
Мне больше ничего не надо, -
Вчера я умер навсегда!
Теперь судьба моя не значит
Ни для меня, ни для кого:
Пусть надо мной вдова заплачет,
Мне это будет все равно!

Ну, как?... /Взволнован/. Ничего стишки?

/Все молчат, кто-то откашливается смущенно, чтоб не рассмеяться/.

МОСЬЕ НИКОЛЯ /неопределенно/. Вполне. Чувствительные.
ТОЛИК. Непроходимые, да?
ФЕДЯ. Вот только рифма эта: для кого - все равно... Не звучит...
ТОЛИК /в упоении/. Рифма - ерунда! В стихах главное - чтоб душа! А у меня вдова заплачет! Конечно, не напечатают, ведь да?
ЛИКА. Ну, почему? Могут и напечатать... Всякое бывает.
ТОЛИК /гордо/. Нет, мои стихи - никогда! Настоящие - всегда непроходимые.
ФЕДЯ. А этот из правления, он что - с ревизией прибыл, не знаешь?
ТОЛИК /задет/. Далась вам ревизия! Человек, может, поделиться пришел... А вы! Я к вам - с открытой душой, а вы - ревизия!

ЛЕЛЯ. Самое трудное - чтобы тебя поняли, услышали! Вот я вчера читаю Бодлера, а Мурзик смотрит на меня и удивляется: отчего я плачу? И тут мне открылось: да, между нами пропасть! Даже между нами - такими близкими, такими любящими - пропасть! Непроходимая, бездонная!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Недаром народ /кивает на Толика/ говорит, что настоящее всегда непроходимое.

ЛИКА. Хоть раз можно выпить чай без кошачьих сентиментов?

ФЕДЯ /паясничая/. И без кошачьих экскрементов?

ЛЕЛЯ. У-у, какие вы все недобрые! Какие жестокие! А за что? Что вам сделал мой кот?

ФЕДЯ /паясничая/. Майн либер Кац!

МОСЬЕ НИКОЛЯ /с гримасой/. О Боже, опять еврейский вопрос!

ТОЛИК /с интересом/. Это что за кот - черный, что ли?

ЛЕЛЯ. Ты знаешь его? Ты его видел?

ТОЛИК. Видел я вашего Ваську. Очень даже видел.

ЛЕЛЯ /цепляется за его рукав/. Где видел? Когда?

ТОЛИК. Я даже стихи о нем написал. Прочесть? /Торжественно/. Стихи о черном коте! Русский народ говорит: встретишь черного кота - быть беде! /Читает/. Конечно, Васька б не серчал, когда б имел в виду:

Беду другому обещал, а сам попал в беду!

ЛЕЛЯ /в панике/. Какая беда? Что с ним случилось?

ФЕДЯ. Майн либер Кац!

ТОЛИК /буднично/. А в Димитров я сегодня Ваську вашего завез.

ЛЕЛЯ /ахает/. В Димитров?!

ТОЛИК. По дороге, как за начальством ехал.

ФЕДЯ. А что за начальство? Из правления?

ЛЕЛЯ /в отчаянии/. Зачем в Димитров? Это же далеко!

ТОЛИК. Затем и завез, что далеко.

ЛЕЛЯ. Как же он вернется?

ТОЛИК /искренно/. Разве завозят затем, чтоб возвращаться?

ЛЕЛЯ /осознавая/. Завез Мурзика? Зачем? За что?

ТОЛИК /вдохновенно/. Ну и глаз у него! Как глянет - прямо дух захватывает! Ведь вроде кошка - а глаз человечий. А как я его из машины высаживать стал, ух, он меня обматерил! Хорошо обматерил - душевно!

ЛЕЛЯ /хватает Толика за рукав/. Из машины? Куда из машины высадил?!

ТОЛИК. А прямо на дорогу...

ЛЕЛЯ /заходится/. Зачем - на дорогу? За что? Что он вам сделал?

ТОЛИК. А я при чем? Мне директор приказал. Кошек в доме, говорит, держать - против правил. У нас, говорит, писательский дом, а не зоопарк.

ЛЕЛЯ /сквозь слезы/. Как он узнал? Ведь Мурзик из комнаты никогда... Только через форточку... в коридор никогда... кому мешало... никогда...

ТОЛИК. Кому-то, значит, мешало, раз жалоба поступила.

ЛЕЛЯ. От кого жалоба?

ДОРОГОЙ. Донос, то-есть?

ТОЛИК. Что проживает в писательском доме незаконная кошка. Против правил.

ЛЮБА. Кто пожаловался?

ТОЛИК. А я откуда знаю. Из вас кто-то.

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Аноним?

ДОРОГОЙ. Какой аноним? Просто доносчик, это я вам говорю.

ФЕДЯ. Кто же это, интересно?

ЛЕЛЯ. Все! Вы - все! Ненавидели! Все против него! Завидовали - потому что любовь! Сами - без любви, вот и завидовали! И выбросили на дорогу! /Выбегает/.

ФЕДЯ. Вот пожалуйста - оскорблять людей из-за кошки!
ЛИКА /Толику/. Но ты, поэт, неужели не боишься, что черный кот отомстит?
ТОЛИК. У нас теперь двадцатый век и никаких предрассудков.
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Вероятно, господин доносчик тоже без предрассудков. Это неприятно.
ФЕДЯ. Доносчик с предрассудками приятней?
ЛЮБА. Доносчик необходим. Что за коллектив без доносчика?
ЛИКА. Но у нас, здесь - это ужасно!
ДОРОГОЙ. Без доносчика не бывает - это я вам говорю.
ФЕДЯ /визгливо/. Мне не нравится, что кто-то следит за каждым моим шагом.
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Что ж, постараемся выяснить, кто он?
ЛЮБА. Или она.
ФЕДЯ. Или оно.
ЛИКА. А зачем? Вот я не хочу знать, не хочу! Ведь от него все равно никуда не денешься! Все равно за одним столом сидеть.
ДОРОГОЙ /мечтательно/. На фронте - другое дело! Вот мы старшину своего с моста сбросили.
ФЕДЯ. Что значит - с моста?
ДОРОГОЙ. С моста, значит с моста. Пару раз предупредили его, чтоб не был сукой, а потом сбросили.
ЛИКА. Так он утонул?
ДОРОГОЙ. Не надо преувеличивать. Речка мелкая была. Только помялся. Помялся здорово, это я вам говорю.
ФЕДЯ. Что ж, теперь и мысли свои скрывать придется?
ЛИКА. Будто вы не привыкли мысли скрывать?
ФЕДЯ /визгливо/. Мне скрывать было нечего: я - русский дворянин и всегда был верен присяге!
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Что еще за присяга?
ФЕДЯ. Я три раза присягал: один раз государю-императору в 1914, второй - Временному правительству господина Керенского, а третий - Советам депутатов трудящихся. И всякий раз был верен присяге.
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Ну, раз вы всегда верны, что вам доносчик?
ФЕДЯ /трясется/. Верность! Где вам понять, что такое верность?

/Распахивается дверь, входит ЛЕЛЯ. На ней старенькая шубка, на голову она напяливает старенькую шапку/.

ЛЕЛЯ /Толику/. Поехали!
ТОЛИК /оторопело/. Куда?
ЛЕЛЯ. В Димитров, Мурзика искать!
ТОЛИК. Ну да, так он там сидит и ждет!
ЛЕЛЯ. Конечно, ждет! Он знает, что я за ним приду!
ФЕДЯ. Майн либер Кац!
ЛИКА. Виолантов, поэт, мой первый муж, тоже был Кац. Мы всего два месяца были женаты, когда бандиты убили его...
ЛЕЛЯ /тащит Толика/. Скорей! Нам надо успеть, пока с ним не случилось чего!
ТОЛИК /вырывается/. Бросьте вы мыло варить. Никуда я не поеду!
ЛЕЛЯ /не верит/. Как не поедешь?
ТОЛИК. А так. Мне начальство скоро назад везти, а вы придумали - в Димитров!
ЛЕЛЯ /на последнем дыхании/. Так не поедешь?
ТОЛИК. Да ведь сказал уже.
ЛЕЛЯ /лихорадочно пытаясь застегнуть пуговицы непослушными пальцами/. Хорошо, не надо! Пусть! Я сама... не надо! /Со слезами/ . Я обойдусь... а вы

все оставайтесь! Но не спешите радоваться! Я все равно его найду! Живого или мертвого! Найду! А вы оставайтесь! /Идет к выходу/.

ЛЮБА /пытается удержать/. Стойте, куда вы?

ЛЕЛЯ /вырывается/. Пойду по шоссе! До Димитрова! Навстречу ему! /Выходит/.

ДОРОГОЙ /вскакивает/. Куда она! Это же тридцать километров! Ее нельзя пускать, она ведь ничего не видит!

ЛИКА /спокойно/. Садитесь, Дорогой, ничего с ней не случится.

ДОРОГОЙ. Но она же почти слепая. Куда она?

ЛИКА /усаживает его почти насильно/. Я ее штучки знаю. Ей лишь бы шум поднять. Надеется, может, кто-нибудь внимание на нее обратит.

ЛЮБА /вдруг/. Отчего вы так ее не любите, Лика?

ЛИКА. Я? Ее? Что мне с ней делать?

ЛЮБА. Этого не знаю, знаю только, что не любите. Может, вы про кота и донесли?

ЛИКА. А что мне кот?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Кот - как символ верной любви.

ЛИКА. Что у меня в жизни любви не было? Просто все, кто меня любил, все погибли. Ни один не умер своей смертью. А любили меня многие. Вы знаете, какая я в молодости была?

ЛЮБА. То в молодости!

ЛИКА. Да вы хоть у Феди спросите - он меня знал.

ЛЮБА. Не сомневаюсь, что знал. И не он один!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. О, Люба, вы оказывается,способны,подняться до ревности! Несмотря на весь свой материализм?

ЛЮБА. При чем тут ревность? Просто не люблю доносчиков!

/ИЗГОЙ вдруг включает приемник на полную мощность/.

ПРИЕМНИК. "... и весь народ в напряженном ритме созидания, во вдохновенном порыве вперед, вверх, к сияющим вершинам..."

ЛЮБА /поднимается/ ... и воооще подонков!

/ИЗГОЙ быстро выключает приемник/.

ЛИКА /навзрыд/. ДОРОГОЙ, что же вы? Меня оскорбляют, а вы? Даже не вступитесь? Конечно, кому нужна одинокая старуха?

ДОРОГОЙ /взволнован/. Ну, Дорогая, ну зачем так? Не надо принимать близко к сердцу! Мало ли кто болтает? Стоит ли слушать? /ЛЮБЕ/. А вы, ЛЮБА, как вам не стыдно? Вот так просто, ни за что, ни про что!

ЛИКА /негромко/. Это она из ревности! Что Федя мне чай сегодня подал! Очень мне нужен ваш Федя! Да я, если б только захотела!

ЛЮБА /еще громче/. И что, если б захотела? В могилу уже пора, а все еще невесть что о себе воображает.

МОСЬЕ НИКОЛЯ /воздевая руки/. О, женщины!

ФЕДЯ. И все из-за какого-то паршивого кота!

ТОЛИК /который с интересом наблюдал эту сцену/. Удивляюсь я на вас. Из-за кота шумите, а что человек в беду попасть может, это вам без разницы.

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Что за человек?

ТОЛИК. А из вас кто-то.

ФЕДЯ. Кто?

ТОЛИК. А вот не знаю. Кто в церковь потихоньку ходит.

ЛИКА /звенящим голосом/. При чем тут церковь?

ТОЛИК. А при том, что советский писатель в церковь ходить не может - со званием несовместимо.

ЛЮБА. А мы при чем?

ТОЛИК. А этот, из правления, всю дорогу про церковь выспрашивал: кто из вас тут верующий, кто к службе ходит, кто свечки ставит. И вообще.

/Напряженная тишина/.

ФЕДЯ. А ты - что?

ТОЛИК. А что я? Мне про это ничего не известно. Я все больше про искусство интересуюсь, а не про предрассудки.

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Значит, ты ничего ему не сказал?

ТОЛИК. Я-то нет, да кто-то другой без меня полный отчет представил.

ЛИКА. О чем отчет?

ТОЛИК. Сами скоро услышите.

ФЕДЯ. И что будет?

ТОЛИК. Сами знаете: выгонят кого-то. С довольствия спишут. Как в правилах сказано. Раз нельзя в Бога верить, значит нельзя. Со званием несовместимо.

ЛИКА. А кого?

ТОЛИК. А это вам виднее. Ну, мое дело было - предупредить. А вы теперь сами разбирайтесь. Пойду-ка я на кухню, подрубаю перед дорогой. Сегодня что - опять треска? /Никто не отвечает, Толик выходит/.

ЛИКА /в отчаянии/. Что же это будет? Что будет?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Что это вы так взволновались, милая Лика? Разве вы ходите в церковь?

ЛИКА. Я? Нет, конечно! Конечно, не хожу! С чего вы взяли?

МОСЬЕ НИКОЛЯ /пожимая плечами/. Вы так разнервничались. Я и подумал...

ДОРОГОЙ /бросается на выручку/. А кто вас просит думать?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. А потом... Или мне показалось, или я вас там видел.

ЛИКА. Меня?

ФЕДЯ. А вы-то сами что там делали, интересно?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Так, мимо проходил. Для моциона.

ЛЮБА. Хороший моцион в ваши годы - такой крюк!

ФЕДЯ /трясется/. Моцион! Знаем мы эти моционы! Прошлое никак не забудете! Моцион в Париж, потом моцион из Парижа - и вот пожалуйста: все не сидится спокойно! Все подсматриваете, подглядываете, все записываете и докладываете! Ничего не поделаешь - привычка!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. О какой привычке вы говорите, не пойму.

ФЕДЯ. Все вы понимаете отлично! Или думаете, нам не известно, что вас назад в Россию принесло? Отслужили свое и вернулись. На пенсию. А привычка осталась.

МОСЬЕ НИКОЛЯ. То-есть, вы полагаете, - это я донес на милую Лику?

ЛИКА. Почему на меня? Я в церковь не хожу!

ДОРОГОЙ. И нечего зря говорить, когда не знаете!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Нет, все же уточним. Вы полагаете, что я донес на Лику...

ЛИКА. При чем тут Лика?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. ... или, может, на вас? Вы что, за себя боитесь?

ЛЮБА. Уж если кому бояться, так скорей вам, Мосье Николя! Уж я точно знаю: вы в эту церковь не для моциона захаживаете.

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Откуда вам знать?

ЛЮБА. Да из-под вашей двери каждый вечер ладаном тянет.

МОСЬЕ НИКОЛЯ. А раз вы знаете, да еще точно, значит вполне могли меня заложить. В лагере, небось, не раз к начальству с докладом ходили? Для спасения жизни, так сказать.

ФЕДЯ. Это вы бросьте. Сейчас ей зачем на вас докладывать?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Да затем, что сколько иуду ни корми, он все равно укусить норовит.

ЛЮБА /грубо/. Это кто меня кормил? Уж не ты ли? Пайкой лагерной!

ДОРОГОЙ. Да кто бы говорил! Ах ты, сволочь недорезанная! Попался бы ты мне в гражданскую войну, я б из твоей задницы белогвардейской котлету сделал!

МОСЬЕ НИКОЛЯ /в тон/. Не сомневаюсь! Такие, как вы с ней, изо всей России котлету сделать норовили!

ФЕДЯ. Ну уж нет, мосье, - выкуси! Она не при чем!Она у меня крещена,как жене дворянина положено!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Ах, крещена! А как при этом ваша партийная совесть? Молчала?

ЛИКА. Ну и что - пусть крещена! Все равно донести могла, это дела не меняет.

ДОРОГОЙ. Нет ничего хуже выкреста, это я вам говорю!

ФЕДЯ. Уж будто нет!

ЛИКА. Да и вы, Федя, сами хороши. Про вас ведь все знают.

ФЕДЯ /трясется/. Вот пожалуйста: все! Знают они! Все знают!

ЛИКА. Знают, знают! Даром, что ли, вы в редакторском кресле все эти годы удержались? При всех властях. Все про вас знают. Просто вслух не говорят.

ФЕДЯ. Ну да, вслух не говорят! Герои! За спиной шепчутся!

ЛИКА. Пусть не герои! Кто теперь герой! Конечно, шепчутся: вас боятся.

ФЕДЯ. Вот пожалуйста: меня, оказывается, боятся! А я и не знал!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Будто и не знал?

ЛИКА. Ведь все знают, ваш единственный талант - доносы писать. А то кто б ваши стишки печатать стал!

ДОРОГОЙ. И не посадили вас ни разу - ни в тридцать пятом, ни в тридцать седьмом, ни в сорок четвертом, ни в сорок девятом. А порядочных людей всех сажали, это я вам говорю!

ФЕДЯ /визгливо/. Можно подумать, одних порядочных сажали! Вон Любку мою восемнадцать лет в тюрьме продержали, а что в ней было порядочного? Только и стала человеком, как за меня вышла.

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Неужто брак с доносчиком так облагораживает?

ФЕДЯ. С чего вы взяли, что это я донес? Разве я виноват, что меня ни разу не посадили? Разве у меня спрашивали, кого сажать, кого не сажать? А может, это на меня вовсе донесли? Да, да, на меня! И пока вы тут напраслину на меня взводите, может там /отчаянный жест/ судьба моя решается?! Может, сейчас войдут, за руки меня схватят....

МОСЬЕ НИКОЛЯ /издевательски/. ... за белы руки!

ФЕДЯ /не слушая/. ... и выбросят на улицу! А куда я денусь? Куда пойду? Под забором подыхать?

ЛИКА. У вас жена молодая. Она за вами присмотрит. А вот мне куда деться?

ФЕДЯ. Молодая! А за ней, за молодой, кто присмотрит? Она все здоровье по лагерям да по тюрьмам растрясла. Или, думаете, ей легко пришлось?

ЛИКА. А мне что, легче было? Сперва один погиб - бандиты его убили, потом другой - в тюрьме его расстреляли, а я его тринадцать лет жди! И ведь как ждала: без паспорта, без прописки, по чужим домам... За мной тоже охотились как за женой врага народа. Хоть я тогда уже вдова была...

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Ладно, чего хвастать? Каждому несладко пришлось. У каждого жизнь позади...

ФЕДЯ. Жизнь - она тоже разная, хоть и позади. Кто в Париже по ресторанам...

ДОРОГОЙ. Кто в России по кабинетам...

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Какая б ни была, а она позади. А впереди только общее кладбище в шахматном порядке - без креста, без молитвы, без покаяния!

ДОРОГОЙ. Молитва - это глупость. Это я вам говорю!

ФЕДЯ /торжествует/. А-а, проговорился! Вот кто доносчик! Вот он, проговорился: молитва для него - глупость!

ДОРОГОЙ. Ты, как говоришь, ты думай сперва! Ты, крыса тыловая, кабинетная, ты по себе не суди! Я - пятьдесят лет по фронтам да по тюрьмам! А ты...

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Может, вы за эти пятьдесят лет награды ждете?

ДОРОГОЙ. Я уже все награды получил! Восемь месяцев в камере смертников!

ФЕДЯ. Что ж вас не расстреляли? Порядочных людей расстреливали!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. За особые заслуги, очевидно. Все же он пятьдесят лет своими немытыми руками Россию всю перекраивал...

ФЕДЯ. ... и вылез из грязи в князи...

ДОРОГОЙ /истошно/. А вы где все это время были? По канавам прятались? А потом на готовое явились?

ЛИКА. Постыдились бы! Будто сами святые, будто ничем и не попользовались!

ФЕДЯ. Хоть и не святые, а веру в сердце сохранили.

ЛИКА. Ах, в сердце? А в делах?

ФЕДЯ. Не вам наши дела судить! Вы тоже хороши: все подольститься старались, красотой торговали...

ЛИКА. Красотой, но не совестью!

ЛЮБА. Я говорила! Я говорила! Всем известно, как она поэтессой стала!

ЛИКА. Что ж делать, если они, как хищники... каждый моей бедой попользоваться хотел. Каждый хотел свое получить. За любую строчку напечатанную такую цену платить приходилось!

ЛЮБА. Есть чем хвалиться!

/ИЗГОЙ включает приемник/.

ПРИЕМНИК /громко/. " ... и славная наша армия, упругая и обновленная, подобна была тому богатырю, который всех одолеет, всех победит, перед которым сгинет черная сила!"

ЛИКА./затыкает уши/. Только этого не хватало!

ФЕДЯ /тычет пальцем в Изгоя/. Да ведь это он!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Конечно, он! Как мы сразу не догадались!

ЛЮБА. Злости, злости сколько! Лишь бы отомстить!

ПРИЕМНИК /играет военный марш/.

ЛИКА. И теперь торжествует!

ДОРОГОЙ. Такой на все способен, это я вам говорю!

ЛЮБА. Всему коллективу себя противопоставил.

ФЕДЯ. Один - против всех! Тихой сапой рассчитаться с нами хочет!

ЛЮБА. Ничего! /Медленно поднимается и идет к Изгою/. Он еще об этом пожалеет! /Заносит руку/. Он еще поплачет!

/ИЗГОЙ пятится. Сзади все полукольцом окружают ЛЮБУ, почти рыча, как стая волков. ЛЮБА смахивает приемник со стола. Грохот, треск, тишина/.

ФЕДЯ. Будет знать, как доносить!

ИЗГОЙ /дрожащим голосом/. За что?

/Входит ТОЛИК, утираясь после сытного обеда/.

ТОЛИК. Ну как, обсудили?

ФЕДЯ. А что, новости есть?

ТОЛИК. И что решили?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. А они что решили?

ТОЛИК. Имею небольшое сообщение.

ЛИКА. Ну! Что там?

ТОЛИК. Сейчас услышите.

ФЕДЯ. Да не томи ты. Что там?

ТОЛИК. А вот хочу сообщить вам, что сегодня - первое апреля!

ЛЮБА. И что?
ТОЛИК. А вы и забыли? /Доволен/. А значит, это шутка была!
ДОРОГОЙ. При чем тут первое апреля?
ТОЛИК. А вы, значит, поверили! /Смеется счастливо/. А ведь это шутка была, по случаю праздника! Первое апреля!

/Все смотрят на него, ошарашенные. Тишина/.

ИЗГОЙ /прижимая к груди разбитый приемник/. За что?
МОСЬЕ НИКОЛЯ. То-есть, как - шутка?
ТОЛИК. Ну шутка - на первое апреля, или не знаете? /Наставительно/. У русского народа есть обычай первого апреля развлекать друг друга веселой и жизнерадостной шуткой.
ЛИКА. Так ты пошутил?
ЛЮБА. Но начальство ты сегодня привез?
ФЕДЯ. Из правления?
ТОЛИК. Так разве это начальство! Это культмассовый сектор из Райсобеса насчет плакатов и другой воспитательной работы среди писателей, которые пенсионного возраста!
ЛИКА /все еще не верит/. Так это шутка была?
ЛЮБА. Ничего себе шуточка!
ДОРОГОЙ. Прибауточка!
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Уточка! Точка! Чка!
ФЕДЯ. Че и Ка! ЧеКа! Шуточка из Чека!
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Да за такие шутки расстреливать надо! Сразу - к стенке и конец!
ДОРОГОЙ. Его еще расстреляют, это я вам говорю!
ФЕДЯ. Нет, за это расстрелять мало! За это - повесить, и то мало! В сортире утопить - и то мало!
ТОЛИК /ошеломлен/. Вы что - всерьез? Я же с вами, как с людьми хотел, по случаю праздника! А вы... Эх!
ЛЮБА. Как с людьми? Еще чего! Да где ты их видел, людей?
ИЗГОЙ /рассматривая обломки приемника/. За что?
ФЕДЯ /Толику/. Уходи! С глаз прочь уходи! Шутник тоже нашелся!
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Палач, а не шутник!
ТОЛИК. Я думал, вы посмеетесь, а вы ... Только время с вами зря потерял! Ну вас к ... к этой самой маме! Тьфу! /Быстро уходит/.

/Молчание/.

ИЗГОЙ. Зачем? За что? /Плачет/.
ЛИКА. Что же такое случилось? Что мы наделали?
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Господа!.. То-есть, товарищи, я хотел сказать...
ФЕДЯ. Брянский волк вам товарищ, как известно!
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Мне кажется, мы тут увлеклись, так сказать, ситуацией и наговорили друг другу лишнего...
ФЕДЯ /паясничая/. Пе -ервое апреля!
ДОРОГОЙ. Считается, будто десять процентов людей - сволочи, а я вам говорю, все сто. А среди нас даже больше. Это я вам говорю.
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Так может, постараемся забыть этот печальный инцидент? Может, извинимся друг перед другом...
ФЕДЯ /паясничая/. ... а враг перед врагом - первое апреля!
ЛЮБА. Ну, извинимся, а дальше что?
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Ну, и будем по-прежнему...
ФЕДЯ /паясничая/. ... лучшими друзьями - первое апреля!

ЛИКА. Нет, нет, ничего уже не поможет! Ничего уже не может помочь! Раз каждый - сам доносчик и думает про другого, что он тоже доносчик... Как же после этого?

ФЕДЯ. А так же, как до этого - первое апреля!

ЛИКА. И так всегда! До конца жизни! И потом тоже... После смерти... там, на кладбище. Рядком будем лежать и доносить друг на друга...

ФЕДЯ. ... и враг на врага. Первое апреля!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Но ведь сегодня и впрямь первое апреля! И никто ни на кого не донес.

ФЕДЯ /паясничая/. Милые девочки, это была шуточка!

ЛЮБА. На этот раз никто не донес.

ДОРОГОЙ. Но некоторые могли - это я вам говорю!

ФЕДЯ. Что значит - некоторые?

ЛИКА. Все могли! Все! Все! Каждый мог! /Сквозь слезы/. Господи, что же делать? Как дальше жить? Как умереть? Как искупить? Как искупить позорно и жестоко Иудин грех до Страшного Суда?

ФЕДЯ. Вы еще помните это, Лика? О Господи, развей и расточи!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Пошли нам огнь, проказу и мечи!

ФЕДЯ. Нет, не так: пошли нам мор, проказу и мечи!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Нет, вы ошибаетесь: огнь, проказу и мечи!

ЛИКА. О Господи, развей и расточи! Пошли нам огнь, проказу и мечи!

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Германцев с Запада, монгол с Востока...

/Где-то за сценой словно возникает музыка, объединяющая все слова/.

ДОРОГОЙ. Что это? Что вы говорите?

ЛИКА /в ее глазах слезы, но уже не отчаяния, а умиления/. Это стихи Волошина! Макса Волошина - неужто не знаете?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Не знаете стихов Волошина?

ЛИКА. Милый Максик! Он немного ухаживал за мной, но тут я встретила Виолантова, он тоже был поэт, но я не знала, что его настоящая фамилия Кац...

ФЕДЯ. Посмотрите, вот человек, который не знает стихов Волошина!

ДОРОГОЙ. Не слышал никогда.

ЛИКА. Бедный ДОРОГОЙ: как же вы живете? Но мы спасем вас - мы вам почитаем, да? Сейчас вспомним и почитаем! /Дрожит от возбуждения/. А то ведь совсем человеком быть перестаешь! Кто первую строку помнит?

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Одну минуточку, сейчас вспомню!

ФЕДЯ. Может ты, ЛЮБА? У тебя память посвежее.

ЛЮБА. Кажется так: С Россией кончено!

МОСЬЕ НИКОЛЯ и ЛИКА /почти беззвучно, вслед/..С Россией кончено!

ЛЮБА. Ее на последях давно мы прокутили, проболтали...

ФЕДЯ. ... давно мы прокутили, проболтали...

ЛИКА. С Россией кончено: ее на последях
Давно мы прокутили, проболтали...

Я помню Максика в те дни! Это было в последний день эвакуации, когда наши... ну, в общем, когда армия уходила в Константинополь...

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Как же, до последнего часа этих дней не забуду!

ФЕДЯ. Когда перевернули последнюю страницу.

ДОРОГОЙ. Горячее было время - это я вам говорю!

ЛИКА. ... и Максик должен был отплыть со всеми вместе. На рассвете все закончилось, на улицах еще тихо, все сидят, двери заперли, головы высунуть боятся, - вдруг: стук в дверь! Открываю - он, Максик! "Лика, - говорит, - у вас перекусить чего-нибудь найдется?" А я ему: "Вы почему здесь, а не на корабле?" А он поцеловал меня: "Не смог, - говорит, - не смог! Своими глазами все до конца хочу увидеть!" И заплакал: "С Россией кончено!"

МОСЬЕ НИКОЛЯ. ... ее на последях давно мы прокутили, проболтали, пролузгали, пропили, проплевали...
Господи, что же дальше?
ФЕДЯ. Что там дальше? Ну, Люба!
ЛЮБА. Что-то такое - на "ах" кончается... забыла...

/Все смотрят друг на друга, шевеля губами и повторяя отдельные слова - пытаются вспомнить/.

ИЗГОЙ /вдруг/. ... пролузгали, пропили, проплевали, измызгали на грязных площадях! /При последних словах поднимается и идет ко всем/.
ЛИКА. Спасибо, Кирилл. Теперь можно сначала.

/ЛЮБА пододвигает ИЗГОЮ стул, он садится рядом с ней/.

ИЗГОЙ. С Россией кончено!
ЛИКА /читает громко, остальные почти беззвучно, как шелестом ветра, повторяют за ней/.

С Россией кончено! Ее на последях
Давно мы прокутили, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Измызгали на грязных площадях.
О Господи! Развей и расточи!
Пошли нам огнь, проказу и мечи,
Германцев с Запада, монгол с Востока,
Чтоб сей народ исчез бы без следа,
Чтоб искупить позорно и жестоко
Иудин грех до Страшного Суда!

ИЗГОЙ /один/. Чтоб искупить позорно и жестоко!
ЛИКА. С Россией кончено, и Максик умер. И все, кого я любила - умерли, и все, кто меня любил - умерли, и я тоже - скоро умру, а стихи - останутся!
ДОРОГОЙ. Иудин грех тоже останется - это я вам говорю!
ФЕДЯ /вконец подобревший/. Хватит каркать! Это все - первое апреля!
ДОРОГОЙ. И кот - первое апреля? Про кота ведь все равно кто-то донес, это я вам говорю.
ЛИКА. Бог с ним, с котом. Почитаем стихи! Давно мы не читали!
МОСЬЕ НИКОЛЯ. Что кот? Кот не человек - найдется!
ЛЮБА. Или она другого заведет, еще лучшего!
ЛИКА /декламирует/. Шел я по улице незнакомой,
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы, -
Передо мной летел трамвай.
Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен.
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

/В дверь просовывается незнакомая мужская ГОЛОВА В ШАПКЕ/.

ГОЛОВА. Граждане, там не вашу старуху на шоссейке подобрали?
ЛЮБА./испуганно/. Какую старуху?
ГОЛОВА. А вашу, говорят. В серой шубейке. У вас старуха пропадала?
ЛИКА /ахает/. ЛЕЛЯ!
ГОЛОВА. Что ж вы ее, старую, в такую скользь на шоссейку одну пустили?
МОСЬЕ НИКОЛЯ. А что с ней?

ГОЛОВА. Да упала старушонка, и лежит - не дышит.
ЛЮБА. Насмерть?
ГОЛОВА. Похоже, померла. Не дышит. Кто из вас тут ходячий - идите, гляньте, ваша или не ваша. Сперва опознать ее велено, а потом уже в морг везти.

/Все, кроме ЛИКИ, гурьбой идут к дверям/.

МОСЬЕ НИКОЛЯ. Какая нелепая смерть.
ДОРОГОЙ. А вы говорили - кот!
ИЗГОЙ. А кот вернется, что с котом делать будем?

/Все выходят. Только ЛИКА сидит у стола, что-то шепча непослушными губами/.

ЛИКА /сквозь рыдание/. О Господи, развей и расточи,
Пошли нам огнь, проказу и мечи,
Германцев с Запада, монгол с Востока...

З А Н А В Е С

ИЛЬЯ РУБИН

Из поэмы "РЕВОЛЮЦИЯ"

4

Листаю плоские равнины,
В далеких комнатах сижу,
Где полоумные равнины -
Как предисловье к мятежу.

На площадях и в синагогах
Они задумали меня,
Лаская женщин синеоких
Руками будущего дня.

Моя святая неудача, -
Россия... Плачу и молчу.
Твоей пощечиной, как сдачей,
В кармане весело бренчу.

Худыми, узкими плечами,
Глазами, полными луны,
Люблю тебя, люблю печально,
Как женщин любят горбуны.

Измерю ширь твою и дальность
Подробным шагом муравья.
Во мне твоя сентиментальность,
И только злоба - не твоя.

И только медленные слезы,
И тень ресниц на потолке...
Моя трагедия - заноза
В твоей сияющей руке!

5

Святые, легкие как щепки,
Уже покоятся в гробах.
Уже распятья в пальцах цепких
Саднят железом на губах.

Очередями воздух порван.
И поезда издалека
Вонзают станции, как шпоры,
В мои кровавые бока.

Уже мешочники пируют,
Искусство брошено за борт,
И полоумные хирурги
России делают аборт.

О революция! Растаешь,
Сгоришь в дыму библиотек.
Ты устаешь и вырастаешь,
Ты слезы пыльные глотаешь,
Грустишь и плачешь не о тех!

6

Страна повальных эпидемий,
Солдат, убитых наповал!
Нас тот же ветер отпевал,
Науки тех же академий
Двадцатый век преподавал.

Во-первых, серебро кадильниц
Среди обители пустой
Невероятно, как Кандинский
В стране, где только Лев Толстой!

Невероятно постиженье
Падений, слов и падежей,
И между тяжких этажей
Невероятно продвиженье.

И, во-вторых, бредут заводы,
И раздирают песней рот,
И падают, глотая воздух,
Держась руками за живот.

И невозможна остановка.
Возможен выстрел сгоряча,
Когда, о будущем крича,
Забьется песня у плеча
Продолговато, как винтовка!

И, в третьих, грустные Силены,
Стихами грустными звеня,
Проголосуют за меня
И вытолкнут меня на сцену.

Запричитаю торопливо.
Паду в тумане кровяном
Твоим суфлером терпеливым,
Твоим последним крикуном!

7

Я нахожу причину плача.
Она наивна и проста.
Под сенью черного креста
Обозначаю палача,
А рядом - жертву обозначу,
Не отрываясь от листа.

И, если жертва - это я,
То почему палач спокоен,
И почему его рукою
Начертана судьба моя?

А если убиваю я,
То почему мой труп холодный
Горой кровавого белья
Оголодавшим птицам отдан
Среди продрогшего жнивья? ...

1965 г.

* * *

Идут на плаху три еврея.
Идти бы надо не спеша,
Да тело молит: "Поскорее!",
Пока готовится душа.

Идут на плаху три еврея.
Им далеко еще идти.
Рассвет, гнилой, как гонорея,
Уже встречает их в пути.

Еще не вечер. Три еврея
Идут на плаху - отдохнуть,
Пока эпоха матереет,
Во всю выпячивая грудь.

Один - старик белобородый,
Несущий на руках сирот.
Загубленный чужим народом,
Он, может быть, и есть - народ.

Другой - нелепый стихотворец.
Ему шагается легко
Сквозь итальянский светлый дворик
До хрупкой смерти рококо...

А третий... Истиной любою
Он забавлялся, как вдовой...
А третий - это мы с тобою,
Товарищ непутевый мой.

Твое лицо с моим смешалось.
О чем бы нам поговорить?
Просить прощенья, бить на жалость,
Или за честь благодарить?

О чем молчать, когда звереют
Зеваки на твоем пути?...
... Идут на плаху три еврея.
Им далеко еще идти...

1971 г.

* * *

Об этой нежности не стоит горевать.
Войду в приемную, где секратарши грубы.
Отдам чиновнику лицо свое и губы,
Не смея зеркало по имени назвать.

Я стал другим. Хозяин, поспеши
Мне проворчать свои распоряженья.
Слепая плоть созрела для движенья
В перегорелом остове души.

Косяшки счетов двигать тяжело,
Когда Хозяин за спиной хлопочет,
Когда Хозяин выслужиться хочет,
Когда вокруг и голо, и светло.

Я стал другим. Хозяин в небесах
Все плачет обо ине, все суетится.
А мне о нем и думать не годится-
Я только гиря на его весах.

1967 г.

* * *

Я так хочу, чтоб научились Вы
Насвистывать, пока я повторяю:
"Уж нет бунтовщиков на площадях
Москвы,
А я и в смерти Вас не потеряю".

На берегах японских островов,
Где так печален йодный запах
мидий,
Смеется весело наш маленький
Овидий,
Наш Даниил среди беззубых львов.

Исчезла горечь памяти моей.
Людских сердец непрочные союзы -
Они печальны, как судьба медузы
На лоне этих штормовых морей,

Так далеко останется Москва,
Что жизни всей не хватит мне на
сборы.
И станут мной бедны ее соборы,
И станут мной печальны острова!

Уж нет бунтовщиков на площадях
Москвы,
Я ухожу за ними год за годом.
Так далеко, что все пропахло
йодом -
И даже письма, что писали Вы...

1971 г.

* * *

Не жалею, не прощу ни о чем,
Просто верю я в тебя, Конвоир.
И начищена луна кирпичом,
Будто небо нарядили в мундир.

Слушай, небо, я боюсь умереть,
Слушай, можно я еще поживу?
Я смотрю и не могу не смотреть
В полицейскую твою синеву.

Я не верю ни лесам, ни лугам,
Верю слову твоему: "Подыхай!"
Я молюсь твоим смазным сапогам
Я молюсь твоим усам, Вертухай.

Надо мною ты роняешь слезу.
Ты ведь знаешь - я тебя позову
Словно рыба, за тобою ползу,
Брюхом вспоротым пятная траву.

* * *

Я ведь страху научился не вдруг,
Хоть давно с твоей повадкой знаком
Мой безносый, мой единственный
друг,
Ты недаром стал моим двойником.

Сколько раз я обнимал, не любя,
Как мне верили, что страстью
горю
И не знал, что обнимаю - тебя,
И с тобою лишь одним говорю.

Нам вдвоем теперь легко вековать,
Сапогами приминая траву.
Ты кукушке прикажи куковать -
Пусть я буду, пусть еще поживу...

1974 г.

Н.КОРЖАВИН /МАНДЕЛЬ/

* * *

От созидательных идей,
Упрямо требующих крови,
От разрушительных страстей,
Лежащих тайно в их основе.

От звезд, бунтующих на кровь,
Мысль облучающих незримо, -
Чтоб жажде вытоптать любовь,
Стать от любви неотличимой.

От правд, затмивших Правду дней.
От лжи, что станет им итогом
Одно спасенье - стать умней,
Сознаться в слабости своей
И больше зря не спорить с Богом.

* * *

Иль впрямь я разлюбил свою страну? -
Смерть без нее. И с ней мне жизни нету.
Сбежать? - Нелепо. Не поможет это
Тому, кто разлюбил свою страну.

Зачем тогда бежать? Свою вину
Замаливать? - И так, и этак тошно.
Что ж, куст зачах бы, отвратясь от почвы,
И чахну я. Но лямку я тяну.

Куда мне разлюбить свою страну...
Тут дело хуже: я в нее не верю.
Волною мутной накрывает берег,
И почва - дно. А я прирос ко дну.

И это дно уходит в глубину.
Закрыто небо мутною водою.
Стараться выплыть? Но куда? Не стоит.
И я тону. В небытии тону.

АПОКАЛИПСИС

Мы испытали все на свете.
Но есть у нас теперь квартиры. -
Как в светлый сон, мы входим в них.
А в Праге, в танках, наши дети...
Но нам плевать на ужас мира. -
Пьем по подъездам на троих.

Мы так давно привыкли к аду,
Что нет у нас ни капли грусти. -
Нам даже льстит, что мы страшны.
К тому, что стало нам не надо,
Других мы силой не подпустим. -
Мы, отродясь, - оскорблены.

Судьба считает наши вины,
И всем понятно: что-то будет,
Любой бы каялся сейчас...
Но мы - дорвавшиеся свиньи,
Изголодавшиеся люди,
И нам не внятен Божий глас.

* * *

Уже июнь. Темней вокруг кусты.
И воздух сух. И стала осень ближе.
Прости меня, Господь... Но красоты
Твоей земли уже почти не вижу.

Все думаю, куда ведут пути,
Кляну свой век и вдаль смотрю не смея
Как будто я рожден был мир спасти...
И до всего другого нет мне дела.

Как будто не Тобой мне жизнь дана,
Не Ты все эти краски шлешь навстречу...
Я не заметил, как прошла весна,
И так зимы и лета не замечу.

... Причастности, проклятья ль тут печать
Не знаю... Но способность к вдохновенью
Как раз и есть уменье замечать
Исполненные сущности мгновенья.

... И гложет мысль, что ты на крест идешь,
Чтоб доказать... А ничего не будет:

Твой светлый крест зальет, как море, ложь.
И, в чем тут было дело, мир забудет.

Но все равно... Живи, любя, дыша:
Нет откровенья в схватках с низкой ложью,
Но без души - не любят... А душа
Всевластьем лжи пренебрегать не может.

Все рвется в правде, как из духоты.
Все мнится ей, что крылья - в грязной жиже...
... Мне стыдно жить, не видя красоты
Твоей земли, Господь... А вот - не вижу.

ДОКУМЕНТЫ

В этом номере сборника помещены два личных документа, принадлежащих евреям старшего поколения. Один из них - "Письмо из ссылки" С.Агурского представляет собой первый сохранившийся документ, из которого становятся известны трагические подробности дела о т.н. "Еврейском фашистском центре" 1937-1938 гг. Как явствует из него, планомерное уничтожение еврейской культуры на идиш началось еще перед войной. По делу "Еврейского фашистского центра" были уничтожены сотни известных еврейских общественных деятелей и писателей. После 1938 г. была резко сокращена еврейская издательская деятельность, закрылись почти все еврейские школы и т.п., так что во время войны и первые годы после нее еще продолжали влачить жалкое существование небольшая газетка на идиш "Эйникайт" и рептильное издательство "Дер Эмес".

И хотя основная база непосредственных потребителей еврейской культуры на идиш была уничтожена немцами в процессе массового истребления еврейского населения бывшей черты оседлости, имелись долговременные факторы, которые в любом случае рано или поздно привели бы к исчезновению культуры на идиш. Эти факторы хорошо видны из сравнения обоих публикуемых здесь документов.

На их примере можно видеть, насколько в действительности условно то понятие ассимиляции и национального своеобразия, которое опирается в основном на язык как национальный признак и которое обычно только и обсуждается.

Письмо С.Агурского написано на еврейском языке - идиш человеком, не потерявшим связи с еврейской средой, осознавшим себя еврейским лидером, и адресовано также еврейскому деятелю. Другой [документ] - "автобиография" М.Кагана - написан на русском языке человеком, получившим европейское образование, потерявшим связь с родной ему местечковой средой, осознавшим себя русским интеллигентом и вращающимся в этой русской интеллигентской среде. Автобиография написана по официальному поводу и потому обращена также к русскому читателю, а точнее - в учреждение.

В то время как документ, написанный на идиш деятелем еврейской культуры того времени, воспринимается как абсолютно чуждый еврейству, как оно теперь в России выглядит, "Автобиография" М.Кагана и круг его интересов ярко характеризует его именно как еврея, полностью погруженного в еврейскую проблематику, владеющего еврейской культурой и развивающего ее.

Разумеется, С.Агурский был более типичен для своего времени, но может быть, именно преобладание свойственной ему тенденции в советской еврейской культуре и обусловило окончательный отход евреев, сохранившихся после войны, от культуры на идиш и переход на русский язык, оставляющий, возможно, больше духовных возможностей и, во всяком случае, житейски и технически более полезный. В мировоззрении еврейских пролетарских писателей и общественных деятелей не было, естественно, ничего, что могло бы быть противопоставлено этой очевидной пользе.

По-видимому, в русской культуре даже в то суровое время оставалось что-то от традиции, укорененной в Библии, и потому она в чем-то оставалась более "еврейской", чем еврейская советская культура на идиш /см. также статью И. Бегуна в № 4 сборника/.

Социально заостренная и слишком молодая идишистская литература была полемически предназначена для "простого человека". Таким простым человеком до революции был человек, потерявший традиционную культуру и ничего не получивший взамен. После революции этот еврей не захотел остаться "простым человеком" и

устремился к высшему образованию. После этого кружок политграмоты на родном языке, который идейно был рассчитан на швей и сапожников, окончательно закрепил в русском еврее отвращение к идиш и желание поскорее забыть все, что с ним связано.

С. АГУРСКИЙ /1884-1947/

ПИСЬМО ИЗ ССЫЛКИ

/Перевод с идиш проф. В. Московича/

Уважаемый Шахно Эпштейн![1/]

Вы лично знаете меня вот уже четверть века. Несомненно, Вы знаете все этапы моей деятельности с тех пор, как я приехал в Советский Союз. Вы сейчас единственный человек, который в точности знает о моих нелегальных поездках в Америку и вообще знает о моей деятельности в Америке.* Вы больше, чем другие, знаете о том, насколько рискованными в то время /1919-1921/ были такие поездки. С того времени Вы знакомы с моей публицистической деятельностью и знаете о той пользе, которую принесли партии как здесь, так и за границей, мои статьи и книги. Вы знаете, как много заклятых врагов в среде еврейских и нееврейских мелкобуржуазных партий и их апологетов появились у меня в результате этой деятельности. Вам хорошо известна и та кампания клеветы, которую вел против меня Литваков [2/] и другие, и как они пытались неоднократно дискредитировать меня.

Именно потому, что Вам хорошо знакома моя деятельность, я решил написать Вам это письмо, ознакомить Вас с моей трагедией и обратиться к Вам за моральной поддержкой. Я уверяю Вас, что я - жертва ужасной клеветы и подлости, а не закоренелый враг партии и Советского Союза. Если бы я совершил хоть малейший проступок против партии и советской власти, я не осмелился бы ни в коем случае обратиться к Вам за какой бы то ни было помощью.

Вот уже более чем три года как я страдаю физически и морально, как я исключен из общественной жизни. Вот уже три года, как ко мне относятся, как к "врагу народа", как все мое революционное прошлое подвергается очернению и клевете со стороны низких и преступных элементов.

Я полностью невиновный человек. Я уверен, что Вы убедитесь в моей невиновности, узнав в точности факты о моей трагедии, которую я переживаю с 1937 г. Я надеюсь, что после того, как Вы узнаете точные факты о моей ужасной истории, Вы сделаете все, что будет диктовать Вам Ваша совесть для того, чтобы помочь мне реабилитироваться и очистить мое революционное и большевистское имя, которое я заслужил неустанной работой в течение более чем 30 лет в интересах рабочего класса и коммунистической партии...

Вот как началась моя трагедия.

В марте 1936 г. против меня была начата кампания клеветы. И на этот раз инициатором ее являлся Литваков. Предлогом послужила неудачная фраза из статьи, вышедшей в 1924 г. в "Эмес" [3/] под его собственной редакцией. На основании трех строчек он попытался обвинить меня в троцкизме. Он прислал эту пару строчек в искаженном переводе в парторганизацию Академии наук Белоруссии. Белорусская академия и остальные мои "добрые друзья" сразу же начали против меня дикую кампанию клеветы и потребовали, чтобы меня немедленно исключили из партии. Высшие

---

* С.Дангулов. Мандат на льняном полотне. - "Дружба народов", М., 1970, № 3.

партинстанции Белоруссии заинтересовались тогда этим вопросом и установили, что цитату, присланную Литваковым с целью моей дискредитации, я взял из официального партийного документа. Тогда меня полностью реабилитировали и сразу же после этого избрали членом-корреспондентом Белорусской Академии наук. На некоторое время меня оставили в покое.

В июне 1937 г. против меня в Минске началась новая дикая кампания клеветы. В минских газетах "Звезда"[4] и "Рабочий"[5] были одновременно напечатаны против меня статьи, где я обвинялся в ... бундизме. С конца июля против меня начали печататься статьи и в минском "Октобер"[6], где прямо писали, что я - замаскированный... бундист. Это обвинение выдвинул против меня некто Бухбинд, являвшийся в то время инструктором Минского горкома партии. Тот факт, что с таким тяжким обвинением выступил против меня инструктор Минского горкома партии, только добавил смелости тем, кто только искал случая рассчитаться со мной. Для них это было чрезвычайно удобно; ведь в самом деле, как могла газета, которая в течение 15 лет была моей боевой трибуной против бундизма, начать публиковать против меня серию статей, где меня обвиняли в том, что я замаскированный бундист? Но это факт! Газета поступила именно таким образом! Газета, которая обычно меня защищала!

Разумеется, что статьи в газетах, направленные против меня, были сигналом для окончательного удара. Прошло немного времени, и в Академии наук началась против меня ужасная кампания. Все стали требовать, чтобы меня немедленно исключили из партии. Некоторые даже говорили, что я "скрытый враг народа", и требовали, чтобы со мной поступили так, как следует с "врагом народа".

Тогда я оказался в ужасном положении: никто не вымолвил и не хотел вымолвить за меня ни одного доброго слова. Даже те, кто были убеждены, что обвинения против меня необоснованы, не осмеливались сказать обо мне доброе слово. Меня полностью бойкотировали и со мной никто не хотел разговаривать. Все это так сильно повлияло на меня, что я заболел и в течение нескольких месяцев находился в нервной клинике.

В чем же была причина того, что именно в Белоруссии против меня была поднята такая дикая всеобщая кампания преследования?

Тогда я еще не знал причины, да и не мог ее знать, но, к сожалению, я позже узнал, что всеобщая кампания клеветы была начата против меня по прямому указанию Шаранговича[7], который был тогда секретарем ЦК Белоруссии.

Прежде чем /в начале 1937 г./ его исключили из партии, он был вызван на заседание бюро ЦК партии Белоруссии, и там Шаранговичу в качестве одного из основных обвинений было прдъявлено то, что он не разоблачил меня как бундовца /об этом Ошерович[8] рассказал моей жене, когда она приехала в Минск во время моей болезни/.

Почему Шарангович так остро поставил вопрос о том, чтобы меня разоблачили? Почему он дал такую директиву? Формально Шарангович сделал это по следующим причинам.

Весной 1937 г. в Минске начались аресты эмигрантов, приехавших из Польши и Западной Белоруссии. Среди арестованных был и Дамесек, работавший тогда секретарем редакции журнала "Штерн". Во время следствия он показал, что является членом бундовской националистической организации, существовавшей якобы в Минске под вывеской журнала "Штерн", а редакторы журнала Дунец[9], Бронштейн[10], Харик[11] и Кульбак[12] были руководителями этой организации. На основании фантастических "показаний" Дамесека был сразу же арестован Бронштейн и возвращен в

минскую тюрьму Дунец, которого уже до этого сослали в удаленный лагерь.Когда Дунец был доставлен на новый допрос, он был спрошен: "Намерены ли Вы и дальше скрывать от советских карательных органов сведения о контрреволюционной организации и ее участниках?" На этот вопрос Дунец ответил, что он окончательно решил полностью сознаться и со всей откровенностью рассказать правду о своей контрреволюционной деятельности, указав всех участвовавших вместе с ним в контрреволюционной деятельности.

Действительно, со всей "откровенностью" Дунец рассказал, что по его инициативе в Минске "была создана" бундовская националистическая организация, ставившая в качестве одной из основных целей убивать руководителей партии и советской власти. Центром этой организации был Минск, но она имела филиалы в Москве и в других городах. Минской организацией руководил он и Бронштейн, а руководителями московской организации были Литваков, Расин и Стрелиц. Членов этой фантастической организации Дунец разделил на активных и пассивных. "Активные" члены - это те, кто должен был осуществлять террористические акты, а пассивными были те члены, кто только знал об этой деятельности. Как самых активных членов, которые занимались подготовкой террористических актов, он назвал Харика, Литвакова, Кульбака и других "страшных террористов". Меня Дунец включил в число пассивных, т.е. тех, кто знал о существовании этой организации На основании этих провокационных вымыслов Дунеца тогда / в августе 1937 г. / сразу же арестовали наиболее "страшных террористов" Харика и Кульбака и на основе тех же доказательств, тотчас же переданных тогдашнему секретарю ЦК КП Белоруссии Шаранговичу, им было дано указание об исключении меня из партии.

Вот в чем причина того, что в Минске в июне 1937 г. началась против меня дикая травля. То же, что меня не исключили сразу же из партии, объясняется тем, что тогда арестовали самого Шаранговича, а также президента Белорусской Академии наук Сурту [13], который по указанию Шаранговича травил меня в Академии.

После окончания "следствия" по делу "террористов" Харика, Кульбака и Бронштейна арестовали еще более "страшного террориста" Литвакова. Его привезли в минскую тюрьму и устроили очную ставку с членами минской организации. Как рассказывали, Литваков во всем "сознался" и заявил, что был также агентом гестапо. Литваков увеличил список членов и показал, что Ошерович также был одним из руководителей организации, а меня сделал "активным" членом, а не пассивным, как Дунец. Следствие по делу Литвакова закончилось в скором времени. 28 декабря 1937 г. Литвакова вывели из одной из камер минской тюрьмы и более о нем никто не слышал. Вечером того же дня, когда Литваков навеки сошел со сцены, арестовали Ошеровича и обвинили его в том, что он один из организаторов бундовской националистической организации. Это обвинение Ошерович не только подтвердил, но и заявил, что вся организация работала под его личным руководством. Кроме того, Ошерович заявил, что он агент польской Дефензивы [14] с 1919 г.

"Показания" Ошеровича включают 72 машинописных страницы, из которых 4 страницы - имена людей, названных им, как членов этой бундовской организации, выполнявших его приказы. На основании показаний Ошеровича были арестованы: Эстер [15], Вайнштейн [16], Нодель и другие, кого привезли также в минскую тюрьму в начале 1938 г. Обо мне Ошерович в своих показаниях написал, что в 1919-1921 гг. он посылал меня в Америку для ведения бундовской деятельности...

Когда мне после моего ареста дали прочесть эту кошмарную фантастическую небылицу, которую Ошерович возвел на себя и на других, я сначала не мог поверить, что это действительно написал он. Но, увы, позже я узнал - и сейчас это знают все - что кроме того, что он выдумал такие ужасные вещи на 72 страни-

цах его "показаний", он дал очные ставки 200 лицам и подтвердил все, что наговорил на себя и на других.

Мне Ошерович очной ставки не дал, потому что когда я этого потребовал, его уже не было в живых - он покончил самоубийством в минской тюрьме. Его нелепая выдумка о том, что он якобы командировал меня в Америку для проведения бундовской деятельности, осталась как обвинение против меня, которому, к сожалению, поверили следственные органы...

Все это произошло, когда я находился в московской больнице. Когда в конце февраля я возвратился в Минск, я не имел и не мог иметь представления обо всей этой кошмарной истории. Я не знал и не мог знать, что против меня подготовлена такая провокация. Напротив,я был тогда уверен,что после январского пленума 1938г. ЦК ВКП/б/ * мне удастся без труда доказать необоснованность клеветнических нападок на меня, имевших место в июне-июле 1937 г. Когда я приехал в Минск, парторганизация успокоила меня и велела активно взяться за работу по написанию второй части истории Белоруссии. Мне дали квартиру в новом доме Академии, и я действительно с усердием принялся за работу, считая, что сейчас я смогу снова спокойно заниматься интенсивной научной работой. В течение нескольких дней я трудился от зари до зари и подготовил конспект второй части учебника истории Белоруссии, которую я должен был написать. Но 4 марта моя работа прервалась. В этот день меня арестовали, а 8 марта я был вызван на допрос, где мне было предъявлено обвинение, что я ... польский "шпион" и член бундовской националистической организации. Услышав такое обвинение, я был ошеломлен. Вначале я думал, что это не более чем шутка, я заявил следователю, что обвинение против меня целиком похоже на дело Дрейфуса и потребовал, чтобы мне объяснили, на каком основании против меня выдвинуто такое необоснованное клеветническое обвинение. Ответом на мое требование была дикая фантастическая болтовня Ошеровича и краткие извлечения из "показаний" еще нескольких арестованных, которые якобы "показали", что я был членом "бундовской фашистской организации". Вот какие показания мне зачитали.

1. Некто Гольдберг, приехавший в 1930 г. и оставшийся в Минске, показал, что в 1931 г. он стал членом бундовской контрреволюционной организации, руководил которой тогдашний редактор "Октобер" Ошерович. Осенью 1931 г. в редакторском кабинете Ошеровича произошло заседание организации, на котором я присутствовал и там заявил, что ко мне приехал специальный представитель нью-йоркской газеты "Форвертс" /17/ по фамилии Ботвинник, передавший мне 150 тысяч долларов на проведение бундовской деятельности.

2. Литературный критик Царт показал. что в 1931 г. он был членом бундовской организации,руководители которой - Оршанский /18/ и я. Я был также "идеологом" этой организации. Далее он показал, что центром этой организации была минская Академия наук и что в 1932 г. он вместе со мной принимал участие в нескольких собраниях, происходивших в кабинете Оршанского в минской Академии.

Остальные давали другие "показания". Каждый из них выдумывал какую-нибудь организацию с тайными заседаниями, террористическими группами, и каждый уделял мне особую "подобающую" роль в его фантастической бундовской организации.

Когда мне прочитали краткие извлечения из этих вымышленных "доказательств", я потребовал очных ставок с Гольдбергом, Цартом и другими, выдумывавшими обо мне ужасные фантастические небылицы. Я попытался доказать, что Гольдберг не

---

* На этом пленуме Сталин выступил с лицемерным заявлением о перегибах в чистках.

был и не мог быть со мной в одной и той же подпольной бундовской организации в 1931 г. или в какое-либо иное время. На фактах я доказал, что никакого заседания бундовской контрреволюционной организации не происходило и не могло происходить в редакции Ошеровича в 1931 г., так как тогда Ошерович /19/ был на подпольной работе в Литве, а я тогда работал в Московском Истпарте и не был в Минске до конца 1933 г. Я попытался доказать, что показания Гольдберга - это низкопробная провокация и не более. Я также попытался доказать, что и другие показания, также, как показания Гольдберга, несостоятельны, так как в 1933 г. ни я, ни Оршанский в Минске не были и никакой связи с Академией не имели. Кажется, я сделал все, что можно было добиться в условиях тюрьмы, дабы добиться очной ставки с кошмарными клеветниками, с целью доказать свою невиновность. Но я был беспомощен и ничего не мог добиться.

19 месяцев меня продержали в минской тюрьме, ни одной очной ставки ни с кем мне не дали, и я не имел возможности доказать свою невиновность. Мое дело передали военному прокурору. Мне неоднократно говорили, что судить меня будет военный трибунал за шпионаж в пользу Польши и за членство в бундовской националистической организации. Я как раз хотел, чтобы меня судил военный трибунал, потому что надеялся, что в трибунале я все-таки смогу доказать свою невиновность. Но после 19 месяцев заключения в минской тюрьме меня вызвали и объявили, что по решению Особого совещания меня высылают в Казахстан на 5 лет за участие в контрреволюционной организации. Обвинение в шпионаже отпало, осталось лишь одно клеветническое обвинение, что якобы я являюсь членом бундовской контрреволюционной организации.

Уважаемый тов. Эпштейн! Я верю, что мне излишне опровергать это необоснованное обвинение. Я уверен, что Вы и все, кто знает меня, убеждены, что я никогда не был членом какой-либо бундовской или какой-либо иной контрреволюционной организации.

Павлодар, Казахская ССР. Написано между мартом и июнем 1941 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1/ Эпштейн Шахно - американский еврейский коммунист, приехавший в СССР в 30-х годах. В США был, в частности, организатором комсомольского лагеря "Кемп нит гидайге", которому посвятил свое известное стихотворение В.Маяковский. Во время войны с Германией был одним из руководителей Еврейского антифашистского комитета и редактором последней еврейской газеты "Эйникайт". Умер в Москве в 1946 г.

2/ Литваков М.И. /род. в 1880/ - известный еврейский литературный критик, один из руководителей Бунда перед его ликвидацией. После ликвидации Бунда в 1921 г. вступил в ВКП/б/. Редактор крупнейшей еврейской газеты "Эмес". В Литературной энциклопедии в качестве года его смерти указан 1939 г., но в свете показаний Агурского это может быть взято под сомнение.

3/ "Дер Эмес" - наиболее крупная еврейская газета, выходившая на идиш в СССР перед войной. Орган ЦК ВКП/б/.

4/ "Звезда" - ежедневная газета ЦК Компартии Белоруссии, выходящая на белорусском и русском языках.

5/ "Рабочий" - газета на русском языке, выходившая в 1927-1940 гг. Орган ЦК Компартии Белоруссии.

6/ "Октобер" - газета на идиш, издававшаяся в Минске.

7/ Шарангович В.Ф. - секретарь ЦК Компартии Белоруссии, белорус. Один из обвиняемых на открытом процессе Бухарина, где Бухарин назвал его провокатором, на основании показаний которого строилось обвинение против него. Расстрелян в 1938 г.

8/ Ошерович - главный редактор газеты "Октобер".

9/ Дунец Х. - еврейский литературный критик.

10/ Бронштейн Я.А. /1897-1938/ - еврейский литературный критик, член-корреспондент АН БССР.

11/ Харик И. /1888-1937/ - известный еврейский поэт.

12/ Кульбак М.С. /1896-1940/ - еврейский писатель и драматург.

13/ Сурта И.З. - президент АН БССР в 1936-1937 гг., белорус.

14/ Дефензива - название польской контрразведки.

15/ Фрумкина Э. - одна из бывших руководителей Бунда.

16/ Вайнштейн А. /1877-1938/ - бывший председатель Бунда до 1921 г., после ликвидации которого вступил в ВКП/б/. Впоследствии крупный советский работник.

17/ "Форвертс" - американская газета на идиш бундовской ориентации.

18/ Оршанский В. - еврейский советский общественный деятель. В 1938 г. был, по-видимому, освобожден из заключения и некоторое время работал в НКВД. Умер около 1941г.

19/ Институт истории партии МК ВКП/б/. С.Агурский был директором этого института до 1934 г.

Комментарии М.С.Агурского

МАТВЕЙ ИСАЕВИЧ КАГАН /1889-1937/

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в Псковской губернии в селе Пятницком в 1889 г., хотя по метрической записи я значусь родившимся в г.Невель Витебской губернии в 1888 г. В Псковской губернии, вне черты еврейской оседлости, не могло быть и речи о регистрации моего появления на свет. Спустя некоторое время меня внесли в книгу записей родившихся в Невеле 5 ноября 1888 г., потому что как раз на этой странице оказалось свободное место.

Детство я провел в Невеле, где поселились мои родители, когда мне шел второй год. Первые определенные воспоминания у меня начинаются с трех лет: совершается обычный в еврейской религиозной семье обряд первой стрижки волос мальчика. До этой поры воспоминания мои смутны и отрывочны. В синагоге я бывал с самого раннего детства, но с трех лет помню свою определенную связь с синагогой, не только с той, где трижды в день - утром, вечером и после заката молятся, но главным образом с той, где днем мальчики от 5 до 16 лет учатся у раби, еврейского учителя, еврейским знаниям. Настойчивое мое желание стать школьником исполняется, и с трех лет от роду я становлюсь хедерником. Школа находится в синагоге за домом моих родителей. Занятия идут с 8-9 часов утра до 7-8 часов вечера. Большую часть времени младшие дети играют, никто из взрослых играми не руководит. Лучшее время для нас, школьников, - сумерки, время между предвечерней и послезакатной молитвой, когда дети, собравшись в одном из углов синагоги, рассказывали друг другу не то страшные сказки, не то какие-то жуткие поэмы. Не знаю, откуда мы их брали - во всяком случае, не из книг. Сочиняли все. Не помню ни одного, кто не умел бы рассказывать. Рассказы всегда слушались с напряженным вниманием. Учитель наш и взрослые вообще никакого отношения к этим собраниям детей в углу синагоги под книжными полками не имели. Взрослые в это время в другом углу были заняты изучением того или иного теологического трактата.

Первые чрезвычайные представления о внешней природе связаны у меня с большим Невельским озером и лесами за городом, хотя при воспоминании о родном городе передо мной встают широкие поля между лесом и озером.

Чувство связи с людьми ощутил я во время смерти младшего моего брата Самуила. Мне было тогда около 7 лет, ему около пяти. После этого помню себя уже в другой еврейской школе, уже не в синагоге, а в частной школе на квартире учителя-меламеда. Обстановка тяжелая, крайняя бедность. На улицах встречаюсь с христианскими детьми, которые говорят по-русски. Я их не понимаю. Отношусь к ним с жалостью, так как слышал, что они не знают библейских рассказов и не происходят от тех предков-героев, которые есть у еврейских детей. Общее, что объединяет нас, еврейских мальчиков, с русскими детьми, - это сила, физическая сила. Частые драки. Но вскоре начинаются и общие игры, главным образом, бабки и городки. Первое русское слово, врезавшееся в мою память, - это слово "убью", произнесенное с ужасным возбуждением русским мальчиком, проигравшим мне партию в бабки. Слова этого я не знал, но тон меня так перепугал, что я поспешил убежать и скрыться в хедере. Там я и узнал, что значило это страшное слово.

С того дня и началось у меня изучение русской грамоты. На еврейских книгах еврейские названия книг повторялись русскими вокабулами. Через несколько дней я читал не только эти слова, русское произношение которых меня очень

смешило, но и "дозволено цензурою" и другие русские надписи на еврейских книгах. "Дозволено цензурою" я почему-то читал с неправильным ударением /"дозволЕно цензурОю"/. Эти слова для меня долгое время оставались чрезвычайно таинственными.

На девятом году жизни я неплохо говорил по-русски, читал и писал. Тогда же, хотя и против желания родителей, поступил во второй класс народного училища /русская школа для еврейских детей/. Проучившись там год, я перешел во второе отделение шестигодичного городского училища, где еврейских детей было меньшинство. Одновременно ходил в ремесленный класс этого училища - в столярно-токарное отделение. Хедер при этом не бросал до 1904 г. В 1905 г. окончил Городское училище и ремесленный класс. Учился неплохо. С 1904 г. вошел в ученическую группу РСДРП. Вскоре после окончания училища был арестован на собрании сходки Невельской организации РСДРП и оставался под арестом до амнистии 18 октября 1905 г. Арестовали меня в ночь перед предполагавшимся моим отъездом в Одессу, где я хотел поступить в школу живописи Общества изящных искусств - интерес к живописи у меня появился приблизительно в 1903 г.

В январе 1906 г. уехал в Смоленск, где учился и работал как пропагандист смоленского комитета РСДРП до 1908 г. В 1909 г. сдал экзамен на аттестат зрелости при Испытательной комиссии Петербургского учебного округа.

Пробуждение философских интересов должен отнести к 1905 г. Первые философские книги, которые я прочитал, были марксистские. Сильное влияние тогда оказали "Очерки реалистического мировоззрения", работы Луначарского, частично народники - Михайловский, Лавров. В 1907 г. я решил поступить на философский факультет какого-нибудь немецкого университета. С 1907 г. к систематическим занятиям живописью я уже никогда не возвращался.

Получив аттестат зрелости, я уехал в Германию для получения философского образования. Сначала поступил на философский факультет Лейпцигского университета. Пробыл там 6 семестров. Работал в это время также и у искусствоведа Шмарзова. Затем два семестра был студентом Берлинского университета, откуда уехал в Марбург сдавать докторский экзамен. К концу пятого семестра моего пребывания в Лейпциге во время работы над моей диссертацией, посвященной истории и ситематике проблемы трансцендентальной апперцепции от Декарта до Канта, я все более и более приближался к концепции марбургской школы. Из Лейпцига я и поехал в Марбург, но Герман Коген к тому времени перебрался в Берлин, где он у себя на дому вел философские занятия. В Берлине же находился тогда и Кассирер. Поэтому я решил пробыть два семестра в Берлине, откуда с законченной диссертацией отправился в Марбург к П.Наторпу. Там я был студентом всего один семестр.

Окончив университет, я хотел на некоторое время поехать в Италию, но поездка не состоялась, потому что началась война.

На второй день после объявления войны меня арестовали как подданного страны, воюющей с Германией. Под арестом пробыл около двух месяцев. В это время написал свою первую после диссертации работу, которая при содействии Пауля Наторпа была опубликована в Берлине. Статья эта делает попытку философского осмысления проблемы войны.

Обострившийся у меня в это время интерес к философии истории сделался с тех пор основным моим научным интересом вообще. Все вопросы, возникавшие у меня, будь то вопрос логики, эстетики и др., включаются с той поры мною в единую философскую проблему исторического бытия. Поскольку я в состоянии это проследить в памяти, самостоятельный интерес к философии истории возник у

меня году в 1907-м.

В Германии я пробыл до 1918 г. К концу первого года войны по хлопотам Наторпа, Когена и Кассирера мне разрешили переехать жить из Марбурга в Берлин. В Берлине Г.Коген обещал мне получение работы, которая давала бы мне средства к жизни. К сожалению, эта работа оказалась не нейтрального характера*. Я от нее отказался. На почве моего отказа возник разрыв в отношениях с Г.Когеном, назвавшим меня врагом. Отношения наши с Германом Когеном оставались натянутыми до Октябрьского переворота в России, когда вопрос о патриотизме как у меня, так и у Когена принял иное направление. Небезынтересно будет заметить, что Г.Коген принял начало Октябрьской революции за исполнение пророчества:"И будет конец веков..." К сожалению, здесь не место рассказывать об отношении Когена к революции. Я вспоминаю здесь эти беседы об Октябрьской революции, чтобы рассказать, как в беседах с Г.Когеном я тогда высказывался, что в России надо ждать коммунизма.

Во время Брестских переговоров на основании соглашения об обмене пленными я получил возможность вернуться в Россию.

Все, что делалось тогда в России, меня ужаснуло, и я все более и более уходил вправо. Обратный поворот стал намечаться у меня два года назад. Вполне осмысленное принятие совершившейся революции как возмездия я должен отнести к началу 1924 г.

Все внутренние моменты моего отношения к миру и историческим событиям выражены в моих научных работах, которые я здесь и назову: это "О личности в социологии", "Как возможна история" /напечатано в "Известиях Орловского Государственного университета". Орел, 1922/, "О ходе истории", "Два устремления искусства" /доклад, читанный в Философском отделении Российской Академии художественных наук/, "О художественной правде" /доклад там же/, "О промысле" /доклад, читанный в Философском обществе при Петербургском университете/, "Проблема исторического бытия" и другие доклады в Вольной Академии духовной культуры, курс лекций по истории философии в Орловском Государственном университете. Статьи "О проблеме скульптуры", "О живом смысле искусства", курс лекций по философии истории в Петроградском еврейском университете, курс лекций по библейской мифологии, читанный в Петербургском университете, и частично во Дворце искусств в Москве, курс лекций по введению в эстетику, читанный в Петербургском университете живого слова, и др. Главной своей работой считаю большое исследование "Философия истории". Последний год работаю над осмыслением творчества Пушкина, а также в связи со службой в ВСНХ, работаю над проблемами экономического характера.

---

* Работа, от которой отказался М.И.Каган в 1915 г., - должность научного сотрудника по экономике России в г.Киле. С 1916 г. по декабрь 1917 г. работал преподавателем математики в частном лицее Рихета в Берлине.

К Т О Я ?

В этом номере мы выбрали для этого раздела несколько самовыражений из элитарной интеллигентской среды. Их трудности не специфически бытового или служебного порядка и потому более показательны для проблемы ассимилированного еврея, как типа. Их права на русскую культуру и участие в советской общественной жизни не могут быть подвергнуты сомнению в связи с какими-нибудь профессиональными неудачами или неспособностью адаптироваться. Это люди вполне преуспевшие и склонные больше давать, чем брать.

Однако их объединяет созревшее по-разному стремление порвать с советским обществом и совершить это в наиболее радикальной форме эмиграции. Мы сознаем, что спектр высказанных здесь взглядов неполон. Но тот факт, что нам не удалось дополнить его высказыванием интеллигента, настаивающего на необходимости остаться в России, не может считаться случайным. Единственный известный нам случай подобного рода - проф. Эткинд /Ленинград/ - в настоящий момент ожидает разрешения на выезд из СССР, и потому публикация его призыва оставаться в России выглядела бы насмешкой.

Как можно видеть из публикуемого нами материала, сознание этой группы лишь в очень условном смысле можно было бы назвать национальным. Не все дошли до геркулесовых столпов, подобно Б.Хазанову, готовому строить "Новую Россию" еврейскими руками /а никакие другие руки не собираются работать в этом направлении/, но у всех ощущается решимость сохранить тот культурный капитал, который действительно оказывается нашим единственным достоянием. Лишившись его, русский еврей-интеллигент /лишенный еще раньше религии, национального сознания, социального престижа и пр./ действительно теряет все...

Несмотря на незавидное положение интеллигента в России, он все же имеет некое моральное удовлетворение, связанное с принадлежностью к одной из самых сильных интеллигенций мира, и для еврейского сознания, замешанного на идее избранничества и универсализма, это ощущение не из последних факторов, определяющих мотивы поведения.

ЖАННА ДОЛГОПОЛОВА

КТО Я? ЭТО Я ЗНАЛА ВСЮ ЖИЗНЬ

Жидовка, евреечка, еврейка, инвалид пятой группы, гражданка еврейской национальности. В этом некоротком синонимическом ряду все слова функционально маркированы: жидовка - я для толпы, евреечка - для благорасположенных соседей, гражданка еврейской национальности - для государства. Окрашены все эти синонимы одинаково пейоративно: даже доминанта "еврейка" создана по такой же словообразовательной модели, что "злодей", "прохиндей". Что уж говорить об "еврейке" - здесь "к" не столько указывает женский пол, сколько уничижает. "Еврейка" звучит в русском языке совсем не так как "черкешенка" или "итальянка".

Я никогда не жалела о том, что я еврейка, но никогда и не гордилась. Это была данность, из-за которой, благодаря которой, - реже - вопреки которой моя жизнь всякий раз складывалась так, а не иначе.

В институт я поступала в 1956 г., на работу устраивалась в 1961 - все было так хорошо, так безоблачно: досужие умы подсчитывали, что каждый десятый студент филологического факультета - еврей, что за пятьдесят лет существования кафедры русского языка в нашем институте я - первая еврейка, и что это хорошо, хотя все-таки, в принципе, русским языком должны бы заниматься сами русские. Словом, под этой безоблачностью таилось нечто невысказанное, мне не давали забыть, и я сама никогда не забывала, кто я.

Мои деды с адским трудом выбирались из злого и вязкого омута местечковой жизни и при детях старались не говорить на родном языке, чтобы еврейская мелодика речи не помешала им поступить в гимназию; мои родители были уже только русскоязычными; для меня русское слово - не только единственное, но и бесконечно любимое - я знаю его толерантность и непокорность, его типовую сочетаемость и окказиональные возможности, его постоянство и неожиданности.

И вот, как профессионал, я чувствую, что русский текст, созданный евреем, отличается от текста русского автора. Может быть, своеобразием отбора и употребления слов. Может быть, страстностью собеседования, диалогической напряженностью речи и даже игрой слов.

Кто же я для себя? Может быть, русская еврейского происхождения? Это происхождение всегда и дедов и пращуров стремило к другим народам и культурам. А может быть, я - еврейка, обогащенная, но и ограниченная одной лишь русской культурой? Тем не менее я хочу уехать в Израиль...

Сегодня моему сыну еще не исполнилось пяти лет и ему не успели сказать, кто он. Мне бы хотелось, чтобы мой сын, ставя перед собой этот вопрос, не был бы вынужден окунуться в поток синонимической брани. Пусть весь этот словесный ряд останется для него в историзмах - словах, употребление которых ограничено местом и временем.

Но я надеюсь, что и такие, как я, нужны нашей стране.

Израиль многоязычен. Родные языки его репатриантов, существующие в контакте-не в конфликте с ивритом,способствует тому,что "лингвистическое чудо" - возрожденный язык живет,развивается,обогащается.Сошлюсь на авторитет Б.Подольского:"Если раньше иврит оказывал сильное воздействие на разговорные языки евреев-идиш,ладино и др.,то теперь он черпает из них отдельные элементы. Так, в

современном разговорном иврите весьма употребительны пришедшие из русского языка суффиксы - чик /катанчик, бахурчик/, - ник /кибуцник, пальмахник/, ласкательный суффикс идиш - ле /имале - "мамочка"/. Много новых слов вошло в иврит из европейских языков, особенно английского; есть и слова, пришедшие из арабского /например, мабсут - "доволен"/. Некоторые из них еще воспринимаются как заимствования, другие полностью гебраизировались, и от них уже образуются новые слова по ивритским моделям /как, например, слово "летальпен"- от "телефон"/... В странах диаспоры прежние еврейские языки /идиш, ладино/ вытесняются языками большинства населения - русским, английским, испанским и др. Однако это далеко не всегда сопровождается национальной ассимиляцией. Напротив, возникает еврейская литература на русском, английском /кое-кто в Америке даже говорит о "нео-идиш" - английском языке еврейских писателей/ и на других языках.

Точно также, как и язык, творится, я думаю, и культура, и образ жизни современного Израиля; из взаимодействия и взаимовлияния своего и "своего".

ВИКТОР ЛЕРМАН

ДВА ПОКОЛЕНИЯ

Я родился в 1922 г. в Житомире, в семье врача. Отец был сыном бедных и малограмотных родителей. Без всякой помощи со стороны он аутодидактом получил образование и блестяще сдал на аттестат зрелости. Зарабатывал он репетиторством у своих сверстников, вместе с которыми экзаменовался в Университет. Их - неевреев - приняли, его - нет. В конце концов он получил медицинское образование в Германии, откуда возвратился перед самой мировой войной.

Еще в детстве меня в определенной мере травмировало ощущение принадлежности к выделенному меньшинству. Религии для моего поколения вообще не существовало, еврейская история была осмеяна заодно с религией, еврейская культура казалась провинциальной. Все подлинные ценности и достойное поле деятельности для нас находились вне еврейства, как мы его тогда видели. Вместе с тем отец не раз говорил мне: - "Не забывай, что ты еврей. Не имея своей национальной культуры и достоинства, ты ничего не сможешь противопоставить насмешкам, ущемлениям, а может быть, и худшему. Твоя жизнь только началась".

Отец с энтузиазмом отдавался врачебной, научной, административной и общественной деятельности. Организовав впервые на Волыни психоневрологическую службу, он вскоре стал главным врачом одной из первых на Украине специализированных больниц и с огромной энергией отдавался научной и лечебной работе. Многие из привлекавших его тогда проблем стали теперь самостоятельными разделами медицины. Отдыхал отец за работой в саду, спал несколько часов в сутки.

Не обходилось без конфликтов с местным руководством. В середине 30-х гг. отец несколько месяцев не ходил на работу. Впоследствии я узнал, что областное начальство, решив, что "от сумасшедших пользы для общего дела быть не может", приказало снять психбольницу с государственного снабжения, что по тем временам означало голодную смерть для больных. Не знаю, как была оформлена эта своеобразная забастовка главного врача, но отец победил и добился своего.

Войну он прослужил в госпитале. После войны он приступил к восстановлению больниц, однако работать и просто жить ему становилось все труднее.

В этот период где-то в сноске трудового законодательства впервые промелькнул термин "коренное население". Отец сразу оценил его значение и предсказал, что отныне наше неравноправное положение будет узаконено по крайней мере на срок жизни одного поколения.

Итог жизни отца был подведен в газете "Советская Украина" от 13 февраля 1953 года под заголовком: "Врачи-жулики и беззаботные ротозеи", где без всякого юмора сообщалось, что в результате "подозрительных ошибок" отца и его "вредного лечения" пациенты умирают. Его выгнали отовсюду. Он стал принимать в поликлинике и упрямо отказывался уйти на пенсию, несмотря на тяжелую болезнь и перенесенный инфарт. Тогда главврач перенес врачебный кабинет отца на последний этаж многоэтажного дома в надежде, что отец туда просто не доберется. Отец добирался. На это у него уходило 20-30 минут. Умер он, как и хотел, на работе.

Похоронная процессия надолго нарушила движение по улицам следования. Официальных представителей я не помню. Может быть, они и были.

Жизнь отца у меня перед глазами. В иных условиях, отданная своему народу, она была бы плодотворной и вдохновляющей. Его полувековой труд получил бы заслуженное признание и память следующих поколений. Однако он и многие его коллеги всю жизнь должны были быть благодарны только за то, что им разрешали трудиться. Он бывал счастлив, если ему удавалось принести пользу, но, как оказалось, он тратил свои силы на чужой ниве.

Отечественная война застала меня на третьем курсе мединститута. Пройдя ускоренное обучение, я отправился на фронт уже врачом. После демобилизации я был принят в нейрохирургический институт в Ленинграде, но уже через три года я был уволен "по сокращению штатов" в процессе ликвидации "засоренности кадров".

В Минск меня пригласил президент АН БССР Н.Гращенков, человек широких взглядов, решивший создать белорусскую нейрохирургию. Откровенно обсудив со мной положение, он на первых порах зачислил меня не в свой институт, а в Институт мелиорации/!/. "Ошибки в подборе кадров" не прошли для него даром, и вскоре он был вынужден оставить свой пост. Но я уцелел, и вскоре после защиты докторской диссертации мне даже позволили организовать курс нейрохирургии при мединституте.

Все значение оказанного мне благодеяния я оценил не сразу. Только непосредственное занятие оргвопросами в качестве главного нейрохирурга г.Минска и заведование нейрохирургической клиникой мединститута постепенно показало мне, какой приоритет отдается национальной принадлежности в ущерб всем другим аспектам работы врача. Зачисление еврея на работу врачом в обычный больничный стационар - благодеяние, за которое еврей должен быть благодарен всю жизнь. У меня в клинике подолгу оставались незанятыми вакансии. На эти места не брали не только евреев /таких я и не предлагал/, но и лиц с предполагаемой еврейской кровью. Я убедился, что администрация очень тонко и быстро ориентируется в существе этого интересующего их вопроса.

Постепенно я убедился, что меня будут терпеть только до тех пор, пока нужна моя практическая и преподавательская работа. Творческая моя деятельность не только никому не нужна, но просто нежелательна, и ей всячески препятствовали. Мне предстояло повторить судьбу моего отца...

Уволили меня даже раньше, чем я подал заявление о выезде в Израиль. Моя жена, тоже доцент мединститута, подверглась в связи с этим проработке на партсобрании. Активное участие принимали в обсуждении студенты. Одна девушка, потерявшая в детстве при взрыве немецкой бомбы пальцы, потрясая искалеченной рукой, требовала, чтобы мы /"родители фашистов"/ вернули ей пальцы. Я знаю, что истерию легко возбудить, но до сих пор думал, что управлять ею невозможно. Оказалось - возможно...

Так закончилось мое двадцатипятилетнее служение белорусской медицине. Сожалею, что оно не закончилось раньше и хочу надеяться, что это произошло не слишком поздно.

История цивилизации всегда была историей наций. С середины прошлого столетия национализм больших наций стал дополняться национализмом малых, развивающихся и даже новообразующихся наций. Национальная принадлежность и соответствующая культура создают как бы национальную одежду, без которой человек гол и бос в современном жестоком мире. Те, кто энергично развивая собственную национальную культуру, одновременно утверждают, что моей еврейской нации и культуры не существует, преследуют таким образом вполне ясную историческую цель.

Гитлер, в свое время стремившийся уничтожить евреев, провозглашал их принадлежность к преступной "единой еврейской нации". Теперь, напротив, отрицается само существование еврейской нации. Но ощущение опасности у человека, родившегося евреем, от этого не проходит. Если подытожить, что советскому человеку сообщает о евреях пропаганда и печать, получится приблизительно следующее: "Всемирной преступной нации нет, но о потенциальных наклонностях наших сограждан-евреев вы можете догадываться по кошмарным преступлениям их соплеменников за рубежом. Всемирной преступной нации нет просто потому, что нет вообще никакой еврейской нации и никакого еврейского вопроса; есть этнические группки, жаждущие позабыть свое позорное прошлое и влиться в лоно солидных наций. Не все, но многие граждане СССР еврейской национальности могут этого добиться путем смешанных браков, честного труда и порядочного поведения".

Таким образом мы встречаемся с вариантом "национального развития", который находится в полном противоречии с развитием других народов и духом времени. После нескольких столетий совместной жизни на территории нынешней Белоруссии мой народ подошел к Октябрьской революции таким же бесправным, как и белоруссы. Не то мы видим теперь. Мы являемся свидетелями и даже участниками бурного прогресса в белорусской национальной культуре, науке, искусстве. Историки обнаруживают корни белорусской государственности и культуры там, где о них трудно было даже подозревать, социологи смело объединили в понятие единой белорусской нации православную и католическую этнические группы, белорусский язык развивается и повсеместно насаждается, подвиги выдающихся белоруссов прославляются и изучаются. Нечто противоположное происходит с евреями. О языке и культуре не приходится говорить. Вклад евреев в Отечественную войну замалчивается или даже отрицается, несмотря на известные статистические данные. На всех международных форумах объявляется о тяжких потерях народа Белоруссии, но умалчивается о том, какую часть от погибших составляли евреи. Близ Минска воздвигнут мемориал сожженной белорусской деревне, но нигде нет даже камня, посвященного навсегда исчезнувшему из истории еврейскому местечку. С лица земли стираются даже старые еврейские кладбища. Маша Брускина - девушка-партизанка, повешенная немцами на площади Минска, объявляется "неизвестной", т.е. белорусской /1/. Маневич, Доватор и сотни других евреев, отдавших свои жизни в борьбе с фашизмом, объявляются белоруссами. Не говоря уже о многоводном по-

токе "антисионистской" литературы, время от времени прорываются прямые и погромные призывы. Недавно один уважаемый белорусский поэт сообщил своим читателям о народе, который от рождения подл, труслив, неблагодарен, коварен, нагл и омерзителен как манерой поведения, так и внешним видом. Несколько намеков на старые анекдоты помогают догадаться, о ком идет речь /2/. Я не собираюсь преувеличивать роль такой пропаганды, но существуют стороны жизни, подвластные литературе.

Специалисты знают, что существует не только психология, но и психиатрия человеческих масс. Обида еврейского ребенка, с которым белорусские ребятишки не хотят играть во дворе - серьезное предупреждение, касающееся мира взрослых. Выисканные на минских кладбищах и оскверненные еврейские могилы однозначно указывают на симптомы известной болезни /3/. Ненависть, выражаемая в адрес уезжающих в Израиль, свидетельствует о том, что болезнь уже далеко зашла /4/.

Не следует обманывать себя формулой, которая с мрачным юмором утешает: "Без приказа погрома не будет!" В 1972 году в Минске произошел взрыв цеха радиозавода, во время которого погибли более 200 человек. По городу поползли слухи... Я консультировал пострадавших вместе с хорошо знакомой мне женщиной, заслуженным врачом, безусловно честным человеком /5/. Не в силах скрыть волнение, она сказала: "Народ нельзя обмануть. Это не первый взрыв, а третий. Первые два не удались, но тоже произошли в пятницу вечером". С недоумением взглянув в ее ясные глаза, я вдруг почувствовал, что бледнею. Она имела в виду, что суббота по-еврейски начинается в пятницу вечером!...

Молчаливые толпы часами стояли перед больничными моргами, ожидая опознания трупов... На экстренных партсобраниях людей убеждали "не делать поспешных выводов. Комиссия по расследованию работает. Результаты будут объявлены..."

А кто средствами массовой информации подталкивал годами этих людей к "поспешным выводам"? Кто формировал у этих людей такое представление о моем народе, что они были готовы сделать "поспешные выводы"?

Я лично не считаю возможным игнорировать возможные предупреждения в адрес всего нашего народа. Наличие таких предупреждений резко отличает положение нашего поколения от поколения отца.

Изменилось и еще кое-что. Кроме мрачных предупреждений, есть в этой стране и признаки существования гуманных и благородных сил, олицетворяемых А.Д.Сахаровым и А.И.Солженицыным.

И я больше не хочу быть "человеком без роду и племени", "беспаспортным бродягой", плевелом, зачем-то засоряющим замечательные национальные кадры. У меня уже не первый год есть национальная родина, и в свете живого опыта двух поколений для меня нет ничего важнее этого.

Примечания:

/1/ - Маша Брускина, минская комсомолка, была повешена на площади Свободы и опознана на виселице, а затем на сделанном немцами кинофильме и фото, многими известными в Минске людьми. Письменные свидетельства были изъяты специальной комиссией, которая объявила данные неубедительными, так как состав свидетелей однороден /то-есть, все они евреи/. Состав свидетелей казни Зои Космодемьянской тоже, по-видимому, был однородным по национальности, но это не мешало ее опознанию.

/2/ - М.Лужанин, "Росы на колосе", Минск, 1973 г.

/3/ - В июле 1972 г. на минском кладбище было осквернено более семидесяти пяти еврейских могил /разбиты портреты, отбиты края памятников и т.д./.

/4/ - На минской скорой помощи врач-полковник в отставке Гридель заявил, что евреев нужно не выпускать в Израиль, а высылать в Сибирь или расстреливать. Врач Берин возбудил против него партийное дело, которое было замято посредством давления, оказанного на остальных четырех свидетелей.

/5/ - Заслуженный врач БССР, Н.Холодковская, 3-я клиническая больница г.Минска.

БОРИС ХАЗАНОВ

НОВАЯ РОССИЯ

"О чем же мы станем беседовать? У меня, вы знаете, всего одна идея, и если бы ненароком в моем мозгу оказались еще какие-нибудь идеи, они, конечно, тотчас прилепились бы к той одной: угодно ли это для вас?"

/Чаадаев в письме к Пушкину/

Вот я сижу и в который раз перебираю свои безутешные мысли. Вытаюсь извлечь из них какой-нибудь окончательный вывод. У меня в мозгу действительно только одна идея, и о чем бы я ни подумал, все сходится к ней. Я думаю о своей стране и о том, что такое я сам перед лицом моей страны. Я знаю, что тут решается вопрос всей моей жизни, ведь если бы это было не так, я воспринимал бы феномен этой страны лишь как более или менее возвышенную абстракцию; я сказал бы себе, что эта страна огромна, хаотична и разнолика, что ее история несоизмерима с моей жизнью, что она непостижима, что ее просто нет. И что на самом деле я сопричастен лишь некоторой эмпирической реальности, более или менее неприглядной, и вопрос в том, чтобы определить свое отношение к этой реальности, избегая метафизических терминов, таких как Россия, русский народ и пр.

В действительности это не так, и я ощущаю эту страну - всю страну - физически, как ощущают близость очень дорогого человека. И от того, что я сознаю, до какой степени запуталось, до какой невыносимой черты дошла моя жизнь с этим близким мне человеком, я не нахожу в себе решимости свести проблему к простому вопросу перемены квартиры, не могу спокойно обдумать, где и на каких условиях я обрету для себя новый очаг. Мысль о новом супружестве меня не привлекает. Для этого я слишком намучился в первом браке, да и слишком прирос к своей старой жене. Короче говоря, я слишком русский человек для того, чтобы всерьез надеяться на пятом десятке жизни начать новую жизнь в качестве израильтянина, парижанина или американца. Проще всего было бы сказать: эта страна погибла, и с ней больше нечего делать.

Вот уже по крайней мере три года я вижу себя в невероятной ситуации. Становится осуществимой мечта, столько лет сосавшая меня: уехать. Уехать вон - бежать, не оглядываясь, не прощаясь, не тратя времени на сборы и расставания, уехать, и чем дальше, тем лучше.

Когда-то, сидя в лагере, я представлял себе, что было бы, если бы на десять минут открыли ворота лагпункта и сказали бы: кому надоело - сматывайтесь. Это было бы какое-то нечеловеческое столпотворение. Самые знатные лагерные придурки, нарядчик, помпобыт, зав.столовой, побросали бы свои замечательные должности, свои теплые места и смешались бы с теми, кого совсем недавно отделяла от них социальная пропасть, не менее глубокая, чем пропасть, отделяющая рабочего от секретаря райкома. И начальник лагпункта, оперуполномоченный, часовые на вышках и вся псарня растерянно глядели бы на эту бегущую толпу и, может быть, втайне завидовали бы им, а потом спохватились бы, что десять минут уже прошли, и с наслаждением заперли бы тех, кто не успел выбраться.

Я слышу вокруг себя: такой-то уехал. И такой-то уехалИх становится с каждым днем все больше. Пустеет вокруг: все меньше остается друзей или тех, кто мог бы стать мне другом. Правда, такой-то все еще не добился визы, но и он непременно уедет. Что самое удивительное, этот Такой-то до такой степени полон решимости добиться своего, он так уверен в своей безнаказанности, он настолько сошел с ума, что даже не помышляет о том, чтобы скрываться. Наоборот: он трубит об этом на всех перекрестках, говорит и пишет, взывает и настаивает, и похоже, что и его, наконец, выпустят - чтобы избавиться от него. "Выпустят!" Вот словечко, сделавшее излишними доводы и объяснения. Выпускают из клетки, из тюрьмы.

Если бы даже уехало только сто семей, если бы их, этих отпущенников, набралось всего полтора десятка, ситуация не перестала бы выглядеть невероятной и чудесной, и такой она останется навсегда для поколения людей, выросших в убеждении, что покинуть Советский Союз невозможно, как невозможно забросить камень так высоко, чтобы он не упал обратно. Это поколение, искалеченное страхом, ни в чем не продемонстрировало так свою увечность, как в своем понимании патриотизма. Ведь ему и в голову не приходило, что любовь к родине ничего не стоит, если известно, что родину нельзя покинуть. Оно не могло усвоить ту очевидную для нормального человека мысль, что условием любви может быть только свободный выбор возлюбленной и что принудительность патриотизма умерщвляет самую идею привязанности к отечеству. Вы можете сколько угодно сидеть дома, не чувствуя надобности выйти на улицу, но как только до вашего сознания доходит, что дверь заперта и у вас нет ключа, родной дом превращается для вас в тюрьму.

Поколение, к которому я принадлежу, знало и, можно сказать, всосало с молоком матери, что говорить на эти темы не полагается. Самая мысль об отъезде была преступлением, высказанная вслух, она гарантировала лагерный срок, ибо ставила под сомнение коронный тезис о том, что мы живем в самом лучшем в мире государстве, где наконец достигнуто все, о чем мечтали спокон веков лучшие умы. Тут, как всегда, действовал закон двухэтажности, закон афишируемого и подразумеваемого, и радость по поводу воплотившихся грез весомо обеспечивалась безмолвным, но внятным предупреждением: а кто не радуется - пожалеет. Так вечно неунывающий массовик-затейник, называемый пропагандой, не давал скучать народу, хлопал в два прихлопа и топал в два притопа, и призывал становиться в круг; а в дверях маячили розовые лица, револьвер желт. И вдруг как бы сама собой дверь неизвестно почему приоткрылась.

Но ведь это были люди, которые выросли в тюрьме. Здесь они учились говорить, на этом каменном полу ползали несмышленышами. Я знал человека, сидевшего много лет. Он со страхом думал о приближающемся конце срока. В лагере, что бы ни произошло, он по крайней мере знал, что ему обеспечена пайка в четыреста

грамм и место на нарах. В лагере прошло полжизни, здесь были его друзья, прошлое, здесь все его знали и он знал всех. Лагерь был его отечеством. И он спрашивал себя, что он станет делать на воле. Кому он там нужен? Я хорошо понимал его. Я знал многих таких, как он. В конце концов я и сам когда-то вышел за ворота, испытывая противоречивые чувства: радость и растерянность. Растерянность была сильнее радости.

Сама собой - хоть и не без помощи властей - возникла теория о том, что нам нечего делать на воле. Теория, в известном смысле подобная теории о том, что свет вреден для зрения. Ожила легенда, которая должна объяснить, отчего мысль об эмиграции сама по себе, независимо от запоров и запретов и независимо от преимуществ советского строя, невозможна, несообразна, позорна и противоестественна. Легенда эта состоит в том, что истинно русский человек в силу коренных особенностей своей души не может жить на чужбине. Не нужен ему берег турецкий, и Африка ему не нужна. Он скажет: не надо рая, дайте родину мою. Если он писатель, ему не о чем писать, если он певец, то теряет голос и т.д. в бесчисленных вариациях, как будто бы не было или нет за границей русского языка, русской мысли, русского искусства и русской свободы. Поэтическая версия этого мифа заключается в том, что бесчеловечный Запад противопоказан идеалистической русской душе, а прозаическая - в том, что за рубежом придется худо, так как там надо вкалывать. С этой точки зрения все мы являемся своеобразными инвалидами: не говорим на иностранных языках, ни ступить, ни молвить не умеем и не умеем трудиться.

Нечего и говорить о том, что коварнейший момент всей этой ситуации - тот, что уезжают евреи. Вопрос нелепым образом обернулся чем-то вроде проверки подлинности. Истинно русскому человеку лучшего доказательства и не надо. Народное самолюбие, народная подозрительность, народный патриотизм злорадно тычут в нас пальцами. Тысячи губ складываются в презрительную гримасу.

"Бегут. А-га! Бегут, как крысы. Что им Россия!..."

И это еще относительно благородная позиция, ибо в ней как будто содержится признание, что Россия в самом деле - тонущий дредноут; можно встретить смерть, стоя на шканцах, а можно и спрыгнуть в воду. Я стараюсь вычленить из того, что говорится об эмиграции евреев все, принадлежащее собственно официальной точке зрения, так как очевидно, что она не заслуживает вовсе никакого уважения. Но в том-то и дело, что отделить "официальное" от "народного" нет никакой возможности. На самом деле то, что извергают газеты, то и есть vox populi.

Не видно, чтобы простой советский человек проявлял особую охоту рассуждать об эмиграции; не видно, чтобы эта тема его особенно воодушевляла. Когда же он все-таки пытается сформулировать свое мнение, выясняется, что собственного мнения у него не существует. Обо всем, что выходит за пределы обыденного, советский человек говорит словами, вычитанными из "Огонька". Иногда он как-будто чувствует, что за этими словами нет ничего - никаких чувств и никаких мыслей. Но это только подтверждает, что он не испытывает никакой нужды в собственном взгляде на вещи.

Он оскорблен, обижен. По его словам, оставить родину - это все равно что изменить родине. С одной стороны он представляет себе дело так, что за границей живется легко, там тепло и не нужно валенок, там можно спекулировать и наживаться, оттого они туда и едут. С другой стороны, он знает, что за границей безработица и власть капиталистов и что простаков ловит вражеская пропаганда; и вообще - там хорошо, где нас нет. Он похож на одного из героев Аверченко,

который объяснял детям, что курить папиросы нехорошо - особенно такие плохие папиросы. И детям хотелось курить все подряд: сухие листья, подобранные на тротуаре окурки и роскошные длинные папиросы "Герцеговина-Флор".

Хочется бежать без оглядки - а куда, не так уж важно.

И не все ли равно, что о нас будут говорить. Ведь мы представители племени, чье дело при всех обстоятельствах проиграно. Как бы мы ни поступили, о нас скажут дурно. Что нам терять!

"Coelum, non animum..." Небо над головой меняет тот, кто бежит за море. Небо, а не душу. Я этот стих зазубрил с младых ногтей. Страх и впитанное с материнским молоком рабство мешают нам оттолкнуться от берега. Значит, мы недостойны называться свободными людьми, недостойны свободы. Как это всегда бывает, мы заслужили свою участь. Но я не желаю признать себя рабом - и не хочу отрекаться от матери. И я нашел выход. Я сформулировал для себя главную мысль, но я не виноват, если она покажется абсурдной. Абсурдная истина порождается абсурдными обстоятельствами.

Как-то раз я присутствовал на сессии районного совета депутатов трудящихся, далеко от Москвы. Это было одно из немногих собраний такого рода, на которых мне пришлось побывать, и отнюдь не из тех, на которых принимают важные решения: я вообще не видел общественных собраний, на которых кто-нибудь что-нибудь бы решал; и все же я нахожу, что оно обогатило мой жизненный опыт. Обсуждалось положение дел в колхозах. Выступил местный прокурор. Он настаивал на решительных мерах для того, чтобы прекратить продолжающееся под разными предлогами бегство молодежи из села. Этот прокурор, говоривший с сильным деревенским акцентом и, очевидно, сам происходивший из деревни, не понимал, насколько нелепо звучали его слова. Но не о нем речь. На сессии выступила одна колхозница. В отличие от других ораторов она производила впечатление неглупой женщины. Она говорила о положении в их хозяйстве.

История до смешного напоминала ситуацию царя Авгия, но тут было не до смеха. Помещения для скота были настолько запущены, что коровы и телята стояли по брюхо в навозе. Через несколько месяцев они должны были утонуть.

Это была эпоха постановлений о крутом подъеме животноводства. Очистить стойла не было никакой возможности. Не найдя другого выхода, колхозники с большим трудом воздвигли новые помещения, а старые бросили.

Я уважаю позицию патриотически настроенной интеллигенции, выражающей надежду, что рано или поздно некий очистительный поток омоет Россию - эти единственные в своем роде Авгиевы конюшни. Я только не вижу Геракла, способного выполнить необходимые канализационные мероприятия. Это не попытка острить. Все черно впереди, и никогда еще не было столь ясного сознания всеобщей и невылазной беды, никогда я не чувствовал так отчетливо, что у всех нас и у наших детей - ампутировано будущее. Мало было мук и унижений, вынесенных нашей страной, и когда-нибудь ее постигнет оглушительная расплата за то, чем она является сегодня. Спасением был бы, вероятно, распад империи, возникновение какой-нибудь федерации или возврат к международному статусу, аналогичному статусу Московского государства, - но это невозможно.

Куда же нам деваться? Бросить все?

Перед глазами, словно галлюцинация, стоит Русь - страна, куда лиса и кот привели доверчивого Буратино. В этой стране пасутся козы с выщипанными боками, вдоль заборов робко пробираются шелудивые жители, а на перекрестках стоят свирепые городовые. "Пра-ва держи!" Сыщики нюхают воздух и подозревают самих себя.

В этой стране, в полицейском участке, за столом, закапанным чернилами, густо храпит дежурный бульдог. В этой стране было двенадцать миллионов заключенных, и у каждого был свой доносчик, следовательно, в ней проживало двенадцать миллионов предателей. Это та самая страна, которую в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя.

"Бегут. Что им Россия!"

Что ж, в определенном смысле - я никогда не был патриотом. В своей стране я чувствовал себя ссыльно-поселенцем. Я привык стыдиться этой родины, где каждый день жизни - унижение, каждая встреча - как пощечина, где все - пейзаж и люди - оскорбляет взор. Но тайное чувство шепчет мне, что этот стыд есть род извращенной любви.

Не нам воротить нос от этой тьмы и слякоти, мы и сами, как говорится, концом копия вскормлены, - сами коротали вечера с коптилкой, потому что керосиновая лампа была для нас недоступной роскошью. Не об этом речь, а о том, что на этой искалеченной земле будто бы нашла приют величайшая душевность. На эту душевность указуют нам как на некое национальное сокровище, уникальный продукт вроде паюсной икры, и мы, дескать, лишимся его, уехав на чужбину. А я вижу всеобщее помыкание друг другом и презрение к человеческой личности, вижу, как государственные служащие - а в России все государственные служащие - унижают и обкрадывают каждого, кто мало-мальски зависит от них, как мужчины топчут достоинство женщин и взрослые оскорблют детей. Я вижу, какую ненависть вызывает в нашей стране всякое проявление утонченности - красота, талант и оригинальность. Все убогое и немудрящее, напротив, приветствуется. Каждый народ воображением своих писателей создает собственный идеальный портрет. В данном случае это портрет доброго, мягкосердечного и непрактичного человека, не умеющего копить и приобретать, наивного и бесхитростного, готового последнюю рубаху снять и отдать ближнему и превыше всего на свете ставящего правду, которую он понимает как справедливость. Я спрашиваю себя, насколько этот образ соответствует действительности.

"Бегут". Народ - советский народ - в нас не нуждается,кем бы мы себя и объявляли: русскими, евреями или русскими евреями. По моему, вопрос стоит не о том, могут или не могут оставаться в Советском Союзе евреи, еврейская судьба - это только парафраз судьбы интеллигенции в этой стране, судьбы ее культуры, и еврейское сиротство есть символ иного, духовного одиночества, порожденного крушением традиционной веры в "народ". Раньше все обстояло проще: существовало деспотическое правительство и народ, который простирал к нам руки, взывая, как предполагалось, о помощи. Сейчас - кругом одни обломки. Я отдаю себе отчет в том, что то, что я говорю, не разделяют многие интеллигенты еврейского происхождения: ведь им кажется, что они ощутили в себе зов библейских предков. /Правда, я подозреваю, что по крайней мере для некоторых из них "национальное самосознание еврейства в СССР" есть особая форма произрастания вбок, когда не дают расти прямо, - новая форма инакомыслия/. И вовсе я не собираюсь отрекаться от того, что я еврей. Я еврей самой чистой воды, все мои предки до одного были евреи. Но в это слово я - для себя - вкладываю другой смысл. Я отстраняюсь от еврейского изоляционизма не только потому, что не верю в него, - роль евреев диаспоры представляется мне иной, да и скучно было бы жить "в себе", - но и потому, что я не считаю, что оскорбленная и поруганная человечность нашла единственное прибежище в еврейском народе. Высшим доводом в споре с оскорбленными евреями для Достоевского, как помним, было то, что "коренной нации" приходится еще горше. Спор таким образом свелся к вопросу, кому хуже; каждая сторона ревниво отстаивала эту привилегию. Я согласен,

что евреи терпят бедствие, - еще бы, - а я всегда видел себя только среди тех, кто терпит бедствие. Но не они одни оскорблены и унижены. Евреи идут ко дну, потому что идет ко дну Россия. И поэтому я с ней.

Я знаю, что когда я буду лежать на дне сырой и скользкой ямы на Востряковском кладбище, под дождем, похожим на лошадиную мочу, то и тогда мне будут сниться бесконечные дороги, лагерные частоколы, оперативные уполномоченные, стукачи и пьяницы. Меня будет преследовать кошмарный сон о стране, которая, подобно доисторическим животным, погибла оттого, что она была слишком большой, но последние слова, которые я оставлю ей, будут написаны по-русски.

В море обломков единственное, за что я могу уцепиться, это русский язык. Веру в язык я противопоставляю вере в народ - умершего бога. Религиозное отношение к языку кажется мне, впрочем, вполне еврейским.

Скажут: что за безумие твердить о языке без почвы и нации. Я могу ответить на это только то, о чем я уже писал в другом месте. Патриотизм в русском понимании слова мне чужд. Та Россия, которую я люблю, есть платоновская идея; в природе ее не существует. Россия, которую я вижу вокруг себя, мне отвратительна. Но вообразить себя в среде, где умолкла русская речь, я не в силах. Русский язык - это и есть для меня мое единственное отечество. Только в этом невидимом граде я могу обитать.

Напрасно думают, что бред умалишенного отгораживает его от мира. Напротив: это его способ искать связь с миром. В моем одиночестве я знаю только один способ ломиться наружу. Безумие мое бредит по-русски.

Признаюсь, я не чувствую себя подготовленным к тому, чтобы стать гражданином Израиля. Я боюсь, что не смогу выполнить требования, которые вправе предъявить к нам маленькое отважное государство, отбивающееся от врагов, численно превосходящих его и вдохновляемых низкими побуждениями. Этому государству не нужны плаксивые погорельцы. Не нужны ему и высоколобые космополиты. Видите ли, между эмиграцией и иммиграцией есть большая разница, и со своей стороны я могу лишь завидовать счастливцам, толкующим об обетованной земле отцов. Земля моих отцов - та, на которой я мыкаюсь сейчас. Или вообще никакая.

Я понимаю, что выстроить новые конюшни, а старые попросту бросить вместо того, чтобы взяться за расчистку, это есть образец решения проблемы в истинно российском духе: на языке науки он именуется экстенсивным способом ведения хозяйства. Таким способом за исторически короткий промежуток были загажены огромные территории. /Последний пример - освоение целины/. Но в притче с коровниками сокрыто, по-моему, рациональное зерно. Разумеется, страна уже не может вернуться к былой изоляции, влияние внешнего мира будет ощущаться все сильнее, и в конце концов все это приведет к каким-то переменам. Но мы не доживем до подлинного возрождения. Не доживут и наши внуки. Мы будем влачить жалкое существование лишних людей, техническая интеллигенция будет мучиться сознанием того, что она служит дьяволу милитаризма, гуманитарная - проклинать себя за то, что продалась дьяволу демагогии, и в любом случае мы останемся иудеями в прямом и переносном смысле, презираемым народом и неполноценными с точки зрения властей. Время от времени нас будут сажать в психиатрические больницы и лагеря, потом ненадолго нам посветит мартовское солнышко либерализации, чтоб вновь уступить место ледяным моросящим дождям, и так будет продолжаться до тех пор, пока все мы вместе с нашими правителями не угробимся в какой-нибудь грандиозной катастрофе - в какой-нибудь бессмысленной войне с желтым соседом. Нет, для нашего поколения есть другой выход.

История знает Новую Англию и Новую Голландию, знает примеры колоний, которые со временем, в силу закона обратного действия, подобного действию следствия на причину, оздоровляли и облагораживали метрополию. Нет надобности заниматься политической деятельностью. И бессмысленно обращаться к власти, которая по самой своей природе не способна понять нас. Но можно основать русскую колонию где-нибудь в Канаде, Австралии, на Новой Зеландии или вообще, где угодно. Давайте сговоримся и махнем туда все. Там много места - в отличие от этой большой страны, где так тесно. Пускай в этой Новой России будет вначале только тысяча граждан. Она станет расти, как кристалл. Там, на новой земле, как на новой планете, мы взрастим нашу свободу, сохраним наш язык, наш образ мыслей, нашу культуру и нашу старую родину.

Июнь, 1974.

Л.ЛЕВИТИН

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

После того, как Юля, не успев сдать багаж, уехала, мы вчетвером /но Толе потом пришлось нас оставить/ явились рано к пакгаузу, где принимались авиационные грузы. В очереди мы были пятыми, но очень скоро за нами собрался хвост - еще семей восемьдесят. Публика была разношерстная. За нами стояла очень красивая женщина, виолончелистка. Она направлялась к мужу, который был уже в Тель-Авиве. С ней находился парень невысокого росточка, будто обиженный судьбой; было впечатление, что они либо родственники, либо учились вместе и он был влюблен в нее долго и безнадежно. Когда он глядел на нее, взгляд у него был голодный. Еще присутствовала ее мамаша, рыхлая женщина. Она кляла Израиль - "Нет, вы только посмотрите, какая она красавица. Зачем ей куда-то еще ехать!" - кричала она. Из таможенников еще никто не приходил. Было рано, промозгло, ветрено и люди занимались тем, что разговаривали друг с другом. Но это не был разговор друзей, скорее каждый в каждом видел конкурента. Появлялись люди темного вида с похожими бородками, говорили "Шалом!Ч, спрашивали, берут ли взятки: при этом почему-то переходили на идиш и деньги называли "гелт" - вообще деньгами пахло.

Кто-то из нас заговорил о том, что арабы угнали немецкий самолет и впервые добились успеха. Другой сказал, что в случае с мюнхенскими олимпийцами он не вполне солидарен с позицией Израиля. "По крайней мере, - сказал он, - если правительство не ведет никаких переговоров, оно должно отдавать себе отчет в том, что и само является соучастником убийства". На это некто - он стоял в очереди первым - вдруг на визгливой ноте стал выкрикивать: "Как вы смеете критиковать правительство Израиля? Это значит, вы против нас, а не с нами!" И замолк. Вспомнил, наверное, что такое уже бывало,и обиженный отвернулся.

А вокруг рассуждали о том, что брать можно, а чего нельзя: можно ли провезти браслет и сколько разрешается брать колец. Бухарский еврей демонстрировал массу золота: оно у него было повсюду - на руках, на груди, он весь был словно позолоченный, и голос имел просительный, будто подавленный, что ли. Такой голос я слышал однажды в антикварном магазине, куда пришел продавать старинную тарелку. На пороге меня перехватила женщина и таким задыхающимся, буквально плачущим голосом спросила: "У вас хрустальной вазы нет?" Было ощущение,

будто она кусок хлеба просит. Вещи этого бухарца находились в совершенно идеальном состоянии - контейнеры, покрытые специальной материей. Да и у других вещи были упакованы хорошо, хотя и похуже, чем у бухарца, но преобладали добротные чемоданы, хорошо сбитые ящики и единственным диссонансом выглядели Юлькины вещи. Они находились в состоянии совершенно непотребном. Это были коробки, в которых перевозят сигареты или обувь. Такая коробка годится, чтобы с ее помощью один раз перевезти что-то, а затем выбросить ее. Наши вещи вызывали у окружающих полуудивление, полунасмешку,и какая-то презрительная жалость поэтому переходила и на нас. Но ведь Юлька толком не собиралась. Она прощалась. Прощалась с людьми, с Москвой. Она как-то не думала о вещах. За день до отъезда она с утра до вечера ходила по Новодевичьему кладбищу, до этого была у нас. И все мы, ее друзья, думали о том, как бы проводить, попрощаться с ней. Я водил ее сына Борьку по Москве и мне хотелось, чтобы он все запомнил, я непрестанно думал, что, быть может, он никогда больше Москвы не увидит, и мне бывало обидно, когда нам попадались места не самые лучшие - памятник Маяковскому, например.

Когда появились таможенники, мы стали требовать, чтобы скорее открывали, время уж и так было просрочено. Однако таможенники были заняты и не больно-то обращали на нас внимание, но, должен заметить, они не хамили. Это были подтянутые люди, даже лощеные, которые умеют себя вести, и в них чувствовался какой-то профессионализм, даже приятный. Большинство из таможенников, какие нам в тот день попадались, были именно такими, среди них только один нашелся псих, без конца повторявший: "ваши соплеменники" /этот термин вообще был в ходу/,и необыкновенно нервный, будто контуженный. Остальные вели себя прилично.

Споря с чиновниками и настаивая на своем праве, мы все были, как одно лицо, выступали единым фронтом и создалось впечатление единства. Это очень важно, потому что так было и потому что это имеет отношение к дальнейшему.

Особенно активен был, конечно, Лев, чувствовавший себя, по-видимому, борцом в духе Чернышевского, выступающим против проклятого деспотизма, хотя горячность его выглядела ребяческой, да она и была такой. Но как бы то ни было, он казался заводилой и до поры до времени все принимали его предводительство как должное.

Я уже говорил, что наши вещи находились в самом неприглядном состоянии. По этому поводу в очереди даже острили: "Вы хотите удивить этим в Тель-Авиве?" или "Как вы думаете потом с этим разбираться?" И так далее. Видимо, все понимали, нужно что-то сделать и сделать срочно, потому что в таком виде вещи двигаться не могут. Понимали это и мы, но на что рассчитывали, до сих пор не знаю. Должно быть, надеялись, что помощь придет, не может не придти. И она пришла в виде двух пьяниц, правда, пока они еще не были пьяными, они были лишь идейно пьяные-видно было, что к этому они идут. Минуя остальных, они приблизились к нам и спросили, не купим ли мы у них контейнер. Мы попросили показать его. Они показали. Контейнер стоял под навесом и был из-под японского станка. Он был высокий, из прочнейшего картона, со специальными ножками-поддоном, чтобы можно было брать его подъемником. Было совершенно ясно, что все вещи в него поместятся - в общем, это был выход из положения. Я спросил, сколько они просят за него. - "А сколько ты дашь?" - поинтересовался один из них. Я сказал:"Три рубля хватит?" - Он засмеялся: "Ты что!.. А тридцать рублей не хочешь?" - "Слушай, на что тебе советские деньги?" - спросил другой. Я сказал, что деньги мне нужны, так как сам я никуда не собираюсь ехать. Он сказал: "Ладно, тогда двадцать пять". Я заупрямился. "Червонец". - "Чего дуришь? - удивился он. - Сейчас вот повернусь к твоим соплеменникам, увидишь, что будет". Но мне обидно было пла-

тить им за ворованный ящик столько денег. Он усмехнулся: "Ну, чудак!" После чего сделал несколько шагов к нашей группе и крикнул: "Эй, кому контейнер за тридцатку?" И тут случилось то, что бывает на кинофестивале, когда идет хороший фильм и кто-нибудь предлагает лишний билетик. Люди кинулись к нему, в руках появились деньги, они совали ему их. Они оттеснили меня, Володю, Льва, они кричали: "Я же первый сказал - мне!". "Ой, товарищи, отпустите, пожалуйста!" "Что такое, почему вы лезете вперед?"... Он разогнал их рукой - отшвырнул просто и обратился ко мне: "Так даешь двадцать пять?" - Я сказал: "Даю". Таким образом контейнер остался за нами. Самое же странное в этой истории то, что ни у кого, понимаете, ни у кого не было в этот момент, ни при последующих с нами общениях ничего, похожего на стыд, на раскаяние, на угрызения совести. Словно вести себя так - было нормой, словно это было естественно. Не знаю, что чувствовали при этом Лев и Володя, но мне как-то даже страшно стало.

Я пропускаю массу деталей, которые предшествовали самому таможенному досмотру. Остановлюсь лишь на одном инциденте, не очень важном, но подчеркивающем то, о чем уже говорилось. Под предлогом, что Юля уехала, нас не хотели пропускать в этот день, это было скверно, так как отодвигало отправку груза на неопределенный срок. Попросив очередь подождать немного, мы отправились с Володей к главному таможеннику. У Главного произошло следующее: я, показав на Володю, сказал: "Доктор Л., - Володя с достоинством поклонился, - и я, мы не можем ежедневно терять время на таможню. Нас ждут наши неотложные дела". То ли импозантный вид Володи, то ли слово "доктор" было понятно,как врач, у которого в это время люди лежат на операции, но последовало немедленное указание принять нас сегодня. Разумеется, когда мы явились, вещи наши лежали, отброшенные в сторону, а у таможенников находилась та самая красавица-виолончелистка. Помнится, именно она обещала подождать нас. Но обещания не выполнила. Однако это было не так вопиюще, как в случае с контейнером.

В комнатушку, где проходил таможенный досмотр, пропустили меня и Льва. Досматривали двое: тот самый - нервный, он работал в паре со Львом; оттуда постоянно доносился крик, капризы с обеих сторон и торговля, которая, как правило, кончалась не в пользу Льва. Мне же достался таможенник высокий и спокойный. Я думаю, такой чиновник мог бы работать не только у нас, но и где угодно. Было видно, что дело свое он знает, у него не было лишних движений и в действиях его присутствовало бесстрастие. "Откройте ящик. Так. Отойдите". Затем досматривает. "Соберите вещи". Наблюдает, как собираю. "Отойдите". Ставит штамп. "Следующий откройте". Но помимо этих двоих был еще военный - молодой стройный брюнет с красивым и светлым лицом. И хотя на нем была обыкновенная шинель и лейтенантские погоны, казалось, что одет он изысканно. Думаю, что он сделает блестящую карьеру и уверен, что и он думает так же. Это был представитель ГБ и на его долю достались бумаги, пластинки. Его беспокоила информация. Он разговаривал тихо, как бы через силу, и черными перчатками брезгливо дотрагивался до бумаг. Чувствовалось, что здесь он фигура не последняя.

Кстати, в самом начале досмотра я попробовал закурить, но таможенник-псих не разрешил, хотя в отличие от Льва я вел себя абсолютно корректно, я выполнял все, что мне было предписано: открывал, закрывал, не вступал ни в какие разговоры, отвечал кратко, ясно и может быть поэтому они считали меня опасной штучкой. Так продолжалось до тех пор, пока я не услышал, как лейтенант воскликнул: "Еще и шутите!" - Он в это время перебирал пластинки,и пластинка, на которую он обратил внимание, была речь Ленина на каком-то съезде. Я спросил его тем же послушным голосом, каким разговаривал с таможенниками: "Разве слова

Владимира Ильича не нужны в государстве Израиль?" - Он смутился, и я вдруг почувствовал, что смущение его приятно не только мне, но и таможенникам: мой долговязый как-то ухмыльнулся или мне это показалось, но было какое-то движение приятности, что-то такое было. Лейтенант же явно был обескуражен. - "Я вовсе не это имел в виду. Я же за нее боюсь. Как бы у нее не было неприятностей". "В Израиле две легальных компартии" - сказал я. "Две? А зачем две?" - удивился он. Я пояснил: "Одна советского направления, а другая югославского". /Я до сих пор не уверен, что это так, просто знаю, что их там две.../ "А, правый уклон" - сказал он с облегчением. И это было так нелепо - какой-то уклон на фоне юлькиных трусиков и бюстгальтеров, на фоне если не очевидной бедности, то жизненной обнаженности, что я сказал с раздражением: "Уж не знаю, правый или левый уклон, я сам левша, я путаюсь в этих уклонах".

Через некоторое время долговязый таможенник предложил мне сигарету, я глазами показал на таможенника-психа, но псих, хоть и стоял ко мне вполоборота, заметил /они, черти, все замечают/ и сказал: "Ничего, ничего курите! Что я, зверь какой-нибудь, что ли". Тут у нас завязался разговор, пока перетряхивались разные вещи: ветхое атласное одеяло - реликвия предков, детские игрушки без глаз, какие-то Борькины тетрадки в клеточку и в линейку, детские рисунки... Чувствовалось, что все это вдруг, без разбору свалено, чувствовалась какая-то несостоятельность, не нищета, а именно несостоятельность - не состоялась здесь жизнь. Я уверен, не так уж часто попадались здесь столь вопиющие символы несостоявшейся жизни. Кто-то спросил: "Кем она работала?" Я сказал, что она была математиком и кандидатом наук. "И это все, что она заработала" - не спросил, а воскликнул - выразил свое отношение, что ли.

Я опускаю массу деталей: о том, как все вещи упрятывались в контейнер и о том, как никто не стал помогать нам перетаскивать его на склад. Кроме одного человека, тоже провожающего, как выяснилось. Это было обидно, но и у нас под конец также пропали иллюзии: так, когда к нам обратился некий тип с просьбой пропустить его без очереди, я первый крикнул: "Нельзя!" - и свирепо глядел на сытенькую мордочку этого просителя. Мне не хотелось ничего делать для его заискивающего голоска, для велюровой шляпы, для его тестя или отца, такого же, как он сам, воровавшего и презиравшего нас - меня, Володю, Льва - за то, что мы из разного человеческого материала, и мне было приятно говорить ему "нет", на лице у него, на лбу у него было написано "гелт

Я перехожу к последней части. Место действия - диспетчерская, где сидят оформители: кассир, переводчик, машинистка - всего женщин шесть-семь. И нас трое, отправляющих груз. Какая-то заминка. Лев вступает в спор с переводчицей-яркой большой женщиной, но яркой не накрашенностью, а от природы: красивые глаза, лоб, волосы. Речь идет о чепухе. Лев умеет видеть не главное. Они спорят, как пишется по-английски "Нехама". Лев утверждает, что надо писать через "Экс", а она - через "Си" и "Эйч". И всем уже ясно, даже самому Льву, как надо писать. А машинистка все спрашивает: "Почему эти люди уезжают? Ведь это же их родина, столько лет прожить и уехать. Может, не стоит... Это так тяжело". И вдруг начинают говорить: "Неужели нельзя было отговорить Юлю ехать, не ошибка ли это, зачем совершать непоправимую ошибку, второй раз родину не найдешь" - в общем, часто употребляется слово "родина" и "ошибка". Кассирша сидит за кассой, она толстая, похожая на многих кассирш, Лев протягивает ей триста пятьдесят рублей, а надо всего триста сорок три, но Лев, забыв о сдаче, бросается в полемику и на прямой вопрос, не собирается ли он ехать, гордо заявляет: "Посмотрим! Там вид-

но будет!". Я говорю ему: "Лев, ты забыл взять сдачу". Он кидается к кассирше: "Да, действительно, это мои последние семь рублей".

Все мы устали и предельно голодны. Володя не завтракал, а мы со Львом, хотя и завтракали, но слабо - а время подходит к семи вечера. Кассирша отдает Льву семь рублей, а это, действительно, последние наши деньги. Я чувствую себя почти больным и говорю, когда мы выходим за фанерную перегородку, отделяющую комнату от тамбура: "Ребята, идите сами, отдайте таможенникам документы, а я постою здесь, покурю". Они уходят. Я курю и слышу. Начинает кассирша: "Последние семь рублей. Вы слышали?" "Евреи, евреи, кругом одни евреи" - поет та, что за машинкой. Третий голос - не могу понять, кому он принадлежит, говорит: "Торговые базы в их руках, все овощные базы - ихние, универмаги, палатки - все у них". Четвертый голос, боюсь, что он принадлежит переводчице, очень боюсь, что это был ее голос: "Пускай едут голые, ничего не надо им отдавать, у них денег больше, чем у всех русских". И, наконец, жирный голос кассирши: "Евреев надо давить. Всех. Это не люди".

И тогда я вошел и сказал: "Девочки, вы только что спрашивали, почему люди уезжают, почему они бросают родину? Извините, я случайно слышал, о чем вы говорили..." Но меня перебила переводчица, которая так мне вначале понравилась. Она сказала - "Между прочим, мою дочку в школе дразнят еврейкой, а я не имею ничего против". При этом она продолжала писать что-то. - Да меня саму сколько раз называли еврейкой" - вставила машинистка - "Подумаешь!". Кассирша ничего не говорила, она пересчитывала деньги. И вообще ничего не случилось, моя горячая речь ушла, как моча в песок.

А вечером мы сидели в ресторане, пришел Пашка и принес денег. Мы выпили, потом я отправился искать официантку, чтобы заказать еще: около нее стоял какой-то парень, он что-то втолковывал официантке, а она говорила: "Ну, что пристал, как банный лист к жопе". И я чувствовал, что нахожусь в родной стране.

ФЕЛИКС КАНДЕЛЬ

ПОЗДРАВЬТЕ МЕНЯ!

1

Сегодня у меня юбилей!
Круглая цифра.
Год ожиданий!
Конечно, по теперешним нормам это пустяк. Другие ждут и по три и по пять лет.
Но я хочу отметить год.
Мой первый год!
Я боюсь, как бы потом не притупились ощущения. Как бы непривычное не стало привычным, возмущающее обыденным, раздражающее - нормой.
И потом, год ожиданий - это не обычный календарный год.
Этот год я бы засчитывал за три.
Поздравьте меня!
Сегодня у меня - юбилей!
Три года ожиданий!

Все началось с того, что я стал собирать документы.

И сразу ощутил неловкость.

Неловкость, стеснение, унижающее чувство стыда.

Бейте меня, клеймите меня, закидайте камнями за это, но мне неловко было пойти за справкой, за копией, за квитанцией.

Потому что везде, - в конторе, в сберкассе, у нотариуса, - надо было сообщать истинную причину, говорить громко и ясно: "для выезда на постоянное жительство в государство Израиль".

Я честно сообщал причину, - куда денешься? - И мне было неловко от удивленных, иронических, насмешливых, злобных и равнодушных взглядов.

Поверьте на слово: мне было стыдно за самого себя.

Еще поверьте: я боролся с собой.

Но неловкость не проходила, стеснение перехватывало горло, стыд подавлял волю.

Я спрашивал потом: многие прошли через это. Многим было неловко, стыдно и боязно. Очевидно, в нас во всех сидит вбитое веками подлое желание спрятать от окружающих свое национальное отличие, раствориться, исчезнуть, подладиться под общий фон.

Легко сказать гордо, во весь голос: "Я - русский!" Трудно, не каждому доступно: "Я - еврей!"

Как долго в нас вбивалась эта боязнь!

Как глубоко сидит: в крови, в генах, в подкорке!

И как быстро мы от нее избавляемся, как прекрасно освобождение: без оглядки, без шепота и опаски, гордо, во всеуслышание:

- Я - еврей!

И еще раз, еще и еще:

- Я - еврей!

Потом я подал документы.

Я подал все документы, которые требовались, чтобы не осталось никаких сомнений относительно моего намерения.

Сброшена маска. Выявлено нутро. Тайное стало явным.

И ко мне сразу пошли люди.

Их было много. Иногда по три в день.

Они садились в кресло, глядели на меня с диковинным изумлением, жадно вытягивали подробности. /"Ой, - сказала одна еврейка, - надо, чтобы Додик на вас поглядел. Ему будет интересно"/.

Одни приходили, чтобы уговорить меня остаться. Другие - чтобы я их уговорил поехать.

И каждый из них непременно спрашивал:

- Почему ты едешь? Ну, почему? Тебя обидели? Тебя ущемили? Такая квартира! Такая работа! Такие возможности! Ну, почему ты едешь?!

Сначала я пробовал объяснить. Годами выношенное убеждение распадалось на мелкие причины и неубедительные доводы, каждый из которых не заслуживал ни малейшего внимания. Выходило пошло, глупо и вульгарно. Гости уходили неудовлетворенными, я оставался расстроенным.

Тогда я перестал объяснять. Я отвечал на вопрос и отвечаю до сих пор примерно так:

- Каждый живет свою собственную жизнь. Со своим окружением, со своими мыслями, со своим отношением к миру. Одни приходят к моему решению, другие -

нет. И не надо убеждать. Не надо отговаривать. Пусть каждый решает за себя.

Вы едете? Счастливого пути!

Вы остаетесь? Будьте здоровы!

4

Итак, я подал документы. Я подал все документы, которые требовались, и сразу оказался без работы.

Меня отлучили от редакций, издательств и киностудий.

Мою книгу вернули из типографии.

Мою фамилию вырезали из титров моего фильма.

Расторгли договора.

Вернули рукописи.

Запретили к исполнению.

Кто это сделал?

Мои редакторы. Лучшие мои друзья. Старинные, многолетние приятели.

Везде сидели и до сих сидят люди, которые, - смею надеяться, - любят меня, и которые, - будь их воля, - продолжали бы со мной сотрудничать. Но им велели, и они это сделали.

Теперь я не могу заходить по памятным мне адресам. Я не могу звонить по известным наизусть телефонам. Я не хочу их подводить. Не имею права насиловать их совесть.

Ведь от них ничего не зависит!

Они все были разные, по разному проявляли свое отношение ко мне, ссорились со мной и мирились, соглашались и спорили, обижались и защищали от начальства, но я уверен, что ни один из них по своему желанию не лишил бы меня работы.

Ни один!

Все делается их руками, но не их сердцем.

И я не в праве на них обижаться. Не в праве требовать невозможного.

Потому что и сам вряд ли способен на такое...

Конечно, чужая душа - потемки.

Есть, конечно, люди, которые злорадствуют потихоньку по поводу моего положения, хихикают и потирают от удовольствия потные, завистливые ручонки.

Но, повторяю - потихоньку.

Вслух они себя не проявляют. Атмосфера не та. Не тот пока климат.

Одно дело, написать в газете или выступить на собрании. Тут все поймут однозначно: человек подневольный, человека обязали. Другое дело - сказать вслух, в компании.

Не каждый рискнет.

И не в каждой компании...

Конечно, есть и такие люди, что злорадствуют, и, наверно, в предостаточном количестве, но сколько зато оказалось знакомых и совсем незнакомых, что звонили мне, писали, заходили домой, предлагая свою помощь и свои деньги, свое время и сочувствие.

Я благодарен им всем за явную и тайную поддержку.

Я увезу с собой мое признание и вечную к ним благодарность.

Сколько у меня оказалось друзей: я и не подозревал!

Может быть, ради одного этого стоило подать заявление о выезде...

5

Через пять месяцев ожиданий я получил, наконец, отказ.

Мой выезд, сказал человек в милицейской форме, "противоречит государствен-

ным интересам".

Должен признаться: я скромный человек. Я никогда не преувеличивал свои заслуги. Но тут я почувствовал прилив гордости.

Если мой выезд противоречит государственным интересам, значит, я чего-то стою. Я очень важен и нужен. Без меня тут не обойтись. Государственные интересы пострадают, если я покину эту страну и перееду в другую.

"Вот, - сказал я себе, - а ты еще обижался на них, называя наблагодарными. У тебя много фильмов. Они идут с успехом в кинотеатрах. Их продали в семьдесят стран мира. Они завоевали высшие призы на фестивалях. Но никто до этого не поблагодарил тебя. Никто даже спасибо не сказал. И вот, наконец, тебя оценили. Тебя отметили. Твой выезд противоречит государственным интересам. Это и есть признание твоих заслуг".

- Если я так нужен, - спросил я человека в милицейской форме, - то почему тогда мне не дают работать по специальности?

- По вопросам трудоустройства, - бодро ответил он, - обращайтесь в районные бюро. Следующий!

Это я уже знал. Насчет бюро я знал все.

Мой друг, кинооператор с Мосфильма, который снял тридцать фильмов, тоже подал документы в Израиль и тоже остался без работы. Его послали в бюро по трудоустройству, обещая в противном случае принять административные меры. Там ему предложили пойти грузчиком на цементный завод.

Физик работает лифтером, химик - почтальоном, врач - пожарным... Кого этим теперь удивишь?

И вот у меня нет работы. Одиннадцать лет я занимался литературным трудом, но теперь это никому не нужно. Очевидно, это тоже противоречит государственным интересам. Зато у меня полно времени. Я брожу по улицам, озираясь по сторонам, а герои моих детских фильмов - Волк и Заяц, - глядят на меня со значков, этикеток, рубашек и маек, плакатов и конфетных оберток, со стен домов, с витрин магазинов... Они глядят на меня недоброжелательно, глазами того человека в милицейской форме, будто я их чем-то подвел, бросил на них тень.

- Предатель, - говорят они. - Отщепенец. Сионист проклятый. Ну, Кандель, погоди!

Вот теперь я уже знаю себе настоящую цену...

6

Что делает еврей, получив отказ?

Естественно, начинает жаловаться. Начинает писать письма и бегать по начальству.

Опытные люди говорят: "Не надо". Опытные люди твердят: "Пустое".

Но мы не верим. Мы хотим найти правду. Мы рассчитываем на торжество справедливости. Ведь нас так учили в школе: порок наказан, добродетель торжествует.

Я не ходил по начальству: это унизительно.

Я не пишу больше жалоб: это бесполезно.

Потому что мне не ответил никто. Ни разу. Ни на одну жалобу.

И вдруг я понял: меня нет! Нет меня здесь, и теперь уже никогда не будет.

Я подал документы и с этого момента перестал для них существовать. Проживи я еще год, три, пять лет безвыездно - меня не заметят, не выслушают, не ответят.

Мы в пустоте. Мы в капсуле. Отторгнутые, отлученные от общества, от законов и правосудия. Формально мы еще граждане СССР, но фактически нас уже нет.

Мы - люди без будущего, с неопределенным настоящим и сомнительным прошлым.

Никто нас не примет в кабинете. Никто не выслушает. Только человек в милицейской форме. Который скажет в лучшем случае: "Ждите", или: "Через год пересмотрим". Или: "Что вы тут ходите, мешаете работать? Надо будет - вас вызовут".

Они к нам привыкли. Да, да, они привыкли к нам, люди в милицейской форме. К нашим протестам. К нашим демонстрациям и голодовкам. Это раньше они не знали, что с нами делать. Это раньше они нервничали и суматошились. Прошло время - накопился опыт. А с ним - уверенность. А с ней безнаказанность.

Их стратегия - полное отсутствие внешней логики.

Мы бьемся, мы ломаем головы, пытаемся угадать тайный смысл происходящего, но это нам не удается. Нет законов, нет регламента, нет обнародованных правил. И отпускают часто не самого активного, и держат подолгу не самого им нужного, и нет в этом деле никакой закономерности. А главное, мы не знаем даже, кто решает нашу судьбу, где, на каком уровне.

Можно сражаться с ветряными мельницами, но нельзя сражаться с пустотой.

Они привыкли к нам, люди в милицейской форме, и мир, к сожалению, тоже привыкает. "Да, вас не отпускают... Да, оставляют без работы... Да, отключают телефоны и сажают на пятнадцать суток. Но ведь другие уезжают. И их много. Потерпите еще. Подождите еще. Придет и ваша очередь!"

Мы ждем.

Мы терпим.

Больше того: мы вытерпим.

Только матерям нашим, что волнуются за нас, не позавидуешь.

Да отцам нашим.

Да еще самим себе...

7

И вот мы ждем.

Мы ждем, а время идет.

Время идет, и меняются ценности.

В первые месяцы мы суетимся, бегаем, достаем, покупаем, запасаем на будущее. В первые месяцы мы нервничаем и переживаем, что нельзя взять с собой это, нельзя вывезти то.

Но проходит год, и несущественное спадает с нас пустой шелухой.

Они ужесточают таможенные правила, а мы смеемся. Они запрещают к вывозу разные вещи, а мы хохочем.

Вещи! Ну, какое значение могут иметь вещи? Пока они пропускают через таможню наши души, нам нечего беспокоиться.

Отпустите нас голыми, ради приличия - с фиговым листиком, и мы радостно побежим босыми ногами в Шереметьево.

Отпустите нас голыми!...

8

И отпускают!

Отпускают евреев из России!

Течет к вокзалам и аэропортам негустой ручеек.

У одних в мыслях о будущем: яхта, вилла, "Кадиллак", Лондон - Париж - Нью-Йорк.

У других в мыслях: акции, фирмы, полновесные текущие счета.

У третьих: работа по специальности, интерес к родине, будущее детей.

Деление, конечно, грубое, интересы переплетаются, но мечты, безусловно, разные.

Первая группа - яхта, вилла, "Кадиллак", - постепенно вымирает. Тому способствует увеличение информации.

Вторая группа, - акции, фирмы, - живуча, и будет жить вечно. Тут не поможет ничей обескураживающий опыт.

Третья группа с годами растет. Едут люди, которые знают, что могут, и знают, чего хотят. Лучшего трудно ожидать.

Едут евреи, едут и едут, а мы остаемся! То ли в назидание, то ли в острастку...

Почему? Или и мы не евреи?

Мы ждем и надееемся. Надеемся и ждем.

По утрам мы бежим к почтовому ящику.

Мы заглядываем в его темное нутро в невозможной надежде на долгожданное известие, но там ничего нет. Ящик пуст. Ощущение такое, как у бегуна на низком старте. Ты присел, собрался, судья поднял стартовый пистолет, но почему-то не стреляет... Может, он ждет, когда ты расслабишься, чтобы от неожиданного выстрела сделать тебя заикой на всю жизнь или уложить на старте с разрывом сердца? А может, у него неисправный пистолет? Кто это знает?... Во всяком случае, когда я получу, наконец, разрешение, я с наслаждением растопчу ногами этот проклятый почтовый ящик.

По субботам мы идем к синагоге.

Синагога - это клуб, это единственное место, где можно узнать новости, выслушать невероятные слухи, утешиться, огорчиться и приободриться. Мимо едут машины, идут случайные прохожие, тараща в изумлении глаза: кто же это разрешил такое? Куда глядит начальство? И действительно, куда же оно глядит? Стоим мы, отказники и только что подавшие, колеблющиеся и решившиеся, толкуем о наших делах под бдительным взором нескрывающихся агентов. Телефоны у нас отключены, на почту надежда слабая, несговорчивые телефонистки не соединяют нас с заграницей, и слухи - наша единственная связь с миром. О миротворце-президенте, о добряках-сенаторах, о видах на мир, торговлю и урожай. И носится над толпой евреев стоустое: "Киссинджер-Джексон... Джексон и Киссинджер..." И миленькие еврейские девочки выговаривают с трудом своими пухлыми губками: "Джексон и Киссинджер... Киссинджер-Джексон..." Господи, как бы это могло быть трогательно, если бы не было так унизительно!

По непредусмотренным заранее дням мы едем в Шереметьево.

Уезжают наши друзья, исчезают навсегда старые знакомые и первые встречные, новые люди толкутся у синагоги. Не успел познакомиться, а уже пора прощаться. Не успел подружиться, а их уже нет.

А мы все прощаемся и прощаемся, и ходим на проводы, и пьем за здоровье водку, и бьем на счастье бокалы, и с увлечением таскаем на таможне чужие чемоданы, и машем привычно руками, и задираем головы вслед улетающим самолетам, и одиноко возвращаемся обратно из Шереметьева, из проклятого, заманчивого, недостижимого Шереметьева...

А мы все прощаемся и прощаемся, прощаемся и прощаемся...

Когда же, наконец, мы будем здороваться?!

9

Поздравьте меня!

Сегодня у меня - юбилей!

Год ожиданий.

Мой первый год.

Год, который засчитывается за три...

Е В Р Е И В С С С Р

Сборник материалов по истории, культуре и проблемам
евреев Советского Союза

№ 8

июль - август 1974 г.

Составители:

А.Воронель и Н.Воронель

Москва
ул.Народного Ополчения
д.45, кв.103

М.Азбель

Москва
ул.Вешняковская
д.4, корп.2, кв.5

М.Агурский

Москва
ул.Профсоюзная 102
корп.5, кв.176

А.Лунц

Москва
ул.Гарибальди
д.15, корп.2, кв.76

В.Браиловский

Москва
Пр.Вернадского
д.99, корп.1, кв.128

И.Рубин

Москва
Причальный проезд
д.3, корп.3, кв.109

Авторские права резервируются

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

М.Каган

Еврейство в кризисе культуры 130

М.Агурский

Русский расизм как мистическое антихристианское течение 135

И.Домальский

Скрытая болезнь антисемитизма 152

Э.Ван-ден-Хааг

Социологическая мистика /перевод В.Браиловского/ 165

ХРОНИКА 168

ИСТОРИЯ 169

Э.Любошиц

Русско-еврейские отношения в VIII - XVII вв. 170

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ 193

М.Агурский

Уильям Годвин в Можайской тюрьме 194

Ф.Кандель

Ревматизм или о том, как Сергей Петрович возненавидел Бориса Марковича 198

Н.Воронель

Победители 201

Э.Любов

Голос толпы /о пьесах Н.Воронель/ 210

И.Рубин

Два стихотворения /Пушкин и Мандельштам/ 218

О.Мандельштам

Петр Чаадаев 221

СТИХИ 225

Н.Воронель 226

И.Бродский 229

И.Рубин 321

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ 233

Русские писатели о евреях 234

Н.Гоголь, М.Салтыков-Щедрин, Ф.Достоевский, Л.Толстой, А.Чехов, М.Горький, В.Розанов, А.Фадеев, Я.Смеляков

КТО Я? 251

В.Алмазов

Еврейский вопрос 253

С.Васильев

Без кого на Руси жить хорошо 260

А.Марков

Межелайтису 262

Критические замечания русского человека о русском патриотическом журнале "Вече" 264

План мероприятий по усилению антисионистской пропаганды и улучшению патриотического и национального воспитания трудящихся и молодежи 271

В.Емельянов

Иудаизм и сионизм /лекция/ 272

ВОСПОМИНАНИЯ 276

Т.БОРОВСКИЙ

Добро пожаловать в газовые камеры, господа! 277

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ 290

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Интерес к проблеме евреев в СССР возник у нас давно и первоначально был связан с естественным стремлением к самопознанию. Но для того, чтобы ответить на вопрос "КТО Я?", человеку приходится поставить перед собой также множество других, более общих вопросов. Как и в естественных науках, оказывается необходимым включить в рассмотрение взаимодействие объекта с окружающей средой. Это взаимодействие веками разворачивалось в истории, а многие свойства изучаемого объекта отстоялись в культурных особенностях нашего народа.

У разных людей, с которыми мы беседовали на эти темы, обнаружились совершенно различные взгляды на историю, культуру и социальные проблемы евреев СССР. Воистину - сколько людей - столько мнений! Нас поразила при этом необычайная бедность имеющейся по данному вопросу литературы. По-видимому, в науке о народах именно в этом разделе существует пробел.

Мы решили начать систематическое изучение проблемы, применяя при исследовании те критерии научной добросовестности, к которым привыкли в нашей профессиональной деятельности. Для серьезного анализа необходимо собрать достаточно представительный материал, отделить объект от субъекта познания и провести грань между множеством наблюдений и интерпретациями.

С этой целью и решено выпускать настоящий сборник.

Ни одна из статей, помещенных в сборнике, не может быть рассматриваема как окончательный результат. Картина должна сложиться не из одной какой-нибудь работы, а в результате рассмотрения всех выпусков сборника в целом. Поэтому любые статьи и замечания, характеризующие какую бы то ни было тенденцию внутри или по отношению к еврейству, будут с благодарностью приняты. Разумеется, это приглашение относится не только к евреям и не только к тем, кто близко к сердцу принимает судьбы еврейского народа.

Взгляд со стороны также представляет для нас большой интерес. Поэтому мы обращаемся также и к тем, кто критически или даже резко отрицательно относится к роли евреев в истории России.

Статьи, направляемые в сборник, должны:

1. НАХОДИТЬСЯ НА УДОВЛЕТВОРЯЮЩЕМ СОСТАВИТЕЛЕЙ УРОВНЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ЗАТРАГИВАЕМЫХ ВОПРОСАХ.
2. НЕ ПРЕСЛЕДОВАТЬ НИКАКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ.
3. НЕ СОДЕРЖАТЬ ЗАВЕДОМОЙ ЛЖИ И ОСКОРБИТЕЛЬНЫХ ВЫПАДОВ.

Статьи принимаются по единогласному решению составителей. Анонимные и псевдонимные /если автор под псевдонимом неизвестен/ работы не рассматриваются.

Составители готовы оказывать консультативное содействие любым организациям или частным лицам по данной проблеме и предоставлять им все имеющиеся в их распоряжении материалы.

М.И.КАГАН

ЕВРЕЙСТВО В КРИЗИСЕ КУЛЬТУРЫ

К кризису культуры уже не подходят больше с усмешкой и сомнением. Печальный этот факт стал достоянием сознания, подавляющим подчас всякое устремление к ответственной культурной деятельности, к творчеству. Переживание тяжелое. Тем не менее то, что его вызывает, не есть нечто экстраординарное, не есть нечто роковое, оправдывающее уход от культуры, уход назад "к природе". В том-то и дело, что сама "природа" и есть то исторически-роковое, что всегда приводит к кризису. Весь труд, вся работа культуры всегда на то и направляется, чтобы преодолеть косное безразличие уже готовой, постоянно преднаходимой хаотической или теоретически закономерной стихии природы. Ведь преодоление рокового бремени трудом и есть ответственно свободное творчество бытия исторической культуры, мир которой не закончен, не завершен, открыт. "Новое небо и новая земля" не антикультурны, не хаотичны, не преднаходимы, они только предназначены для свободного участия людей. И когда оказывается, что культура человеческая вдруг оказывается перед пропастью, когда творчеству истории угрожает гибель, то причиной такого рода явлений может быть не роковая сущность культуры, а прежде всего отсутствие индивидуально-творческой силы самой культуры. Дело не в том, что сегодня эта безраздельно-цельная, творчески порождающая культура будто бы отсутствует. Возможно, что именно сегодня, именно тогда, когда кризис ощущается острее всего, какая-то особая, новая, нераздельно-индивидуальная, творчески имманентная культурная мощь настоятельно заставляет нас требовать созидательного могущества, индивидуальности нашего культурного прошедшего, вернее, нашего былого. Наше культурное былое - разрознено. Мы ответственны за все культурное наследство истории. Возможно, мы не сумеем вынести этого бремени сколько-нибудь творчески. То, что нас хаотически разлагает, это неиндивидуальная стихийность хаотического естества, которая при своем безразличии к культуре действует на нее разрушительно. Преодолеть это можно только трудом. "Естественный ход вещей" может идти параллельно творчеству культурной истории, некоторое время - бывает, что и долго - он сумеет выдавать себя за историю, цивилизируя человечество, делая людей техническим средством, посредниками между стихией и культурой исторической. Естественный ход вещей и приводит культуру к кризису, сам при этом оказываясь в критическом состоянии.

История человечества, культура его в истории всегда открыта и не завершена, но в то же время она создается, индивидуально замыкаясь эпизодами, будто бы предвосхищая завершенность и совершенство "нового неба и новой земли", совершенство бытия, цельность и целесообразность мира во всей его полноте, осуществленность жизни в ее постоянстве единства разнообразия. Всякий момент действительной истории как бы мифологически объективно заключает в себе и задачу и решение ее, задание и оправдание бытия будущего в настоящем. Исторически всякая группа людей - это индивидуальность, творящая культуру в целокупно постигнутом мифе, завершающем как бы всю историю. И если тот или иной момент истории ощущается как критический, то индивидуальность эта уже не совсем индивидуальна, разложена чем-то безличным и посредственным, абстрактно-обезличивающей цивилизаторской техникой, заменившей жизнь индивидуальности и непосредственность истории вообще. Недостаточная цельность оборачивается разложением и распадом. Недостаточная индивидуальность - ущербом творчества и инертностью.

Какое отношение все это имеет к непосредственно переживаемому нами кризису культуры, к кризису европейской и еврейской культуры? Оправдано ли сопоставле-

ние европейского и еврейского? Дело здесь не в нарочитом сопоставлении. Культур много. Вряд ли сейчас можно отделить вообще одну культуру от другой. Я имею в виду культуру европейскую и культуру евреев. Нельзя не считаться с тем, что на протяжении двух тысяч лет происходила иудаизация европейской культуры. Христианизируясь, Европа проникалась иудаизмом. Идея культурного национализма воодушевляла всякую реформацию христианских народов. Дело тут не в полной иудаизации, конечно, а в принятии идеи народа-гения, творящего культуру. Несмотря на то, что гениально-творческая индивидуальность христианских европейских народов связана преимущественно единством в прошлом, единством происхождения от одних и тех же предков, а не единством задач будущего, иудаизация христианства в истории остается фактом. Историю европейской части человечества можно рассматривать как историю христианскую. Это не значит, что все европейцы во всем христиане. В большей или меньшей степени они, конечно, язычники. Трудно решить, что отделило христианство от иудаизма больше, сам иудаизм или языческие черты в европейском христианстве. Христианство с его тенденцией разработки откровений индивидуальности человека - Раба и Сына Божиего- вряд ли отошло от иудаизма, если бы не тревожили его задачи, стоящие перед язычеством. Язычество тоже неоднородно и отнюдь не преодолено. Главное, что объединяет язычество и роднит язычников - это подход к миру, как к готовому миру. Пантеистическое отношение к миру и бытию - по существу - языческое.

Задача историческая в том, что мир вовсе еще не готов, что все дело в созидании его, в очищении себя работою над ним, язычеству по сути чужда. Задача истории - это задача иудейская. И ее приняла Европа, не сумев отойти от постижения мира как мира наличествующего, готового. Пантеистическая струя христианства, абстрактно живущая в нем, сделала его внутренне понятным и приемлемым для всех европейских народов и отделила его от иудаизма, от иудейства. Этически причина была не в этом. И надо сказать, что альтруизм христианства уступает альтруизму иудейскому. Представления, бытующие на этот счет, основаны на недоразумении. Ведь и завет "возлюби ближнего, как самого себя" в иудействе выражен гораздо альтруистичнее. "Рэа" это не только ближний, но и "другой" и даже "пришелец", "чужой". "Рэа" означает второе лицо, буквально, "он - это ты". И пресловутое "око за око", доказывающее будто бы мстительность, не более, чем недоразумение. В контексте речь идет о штрафах и наказаниях за насилие над рабами и другими обиженными. За око обиженного - око обидчика, сильного своим произволом. А перевод "возлюби ближнего, как самого себя" дает эгоистическое ego как исходный пункт, как этическое мерило. По отношению к иудейству, живому коллективной индивидуальностью, это было бы нелепостью. У пророка идея ответственной и творчески единичной индивидуальности, когда он провозглашает, что человек не только потомок, подобный своим предкам, но и участник культурного творчества, ответственный за все, что было и что будет, дана четче, чем в идее Христа, которому следует уподобляться, как Герою. Упорное неприятие евреями христианства есть нежелание пожертвовать идеей, отличной от пантеистического альтруизма, идеей, без которой может быть по существу подорвана идея свободы. Пантеистический альтруизм христианства сделал идею истории близкой Европе, ввел ее в круг исторического действия, но этот же пантеистический альтруизм подорвал индивидуальный характер исторического творчества и привел к глубокому кризису.

Еврейство тоже причастно к этому кризису. Оно все более и более проникалось пантеизмом. Большинство мистических устремлений евреев, включая и новейший хасидизм, несомненно пантеистично и эти устремления близки к христианству. Еврейские цадики, русские старцы, несмотря на все их различие, похожи, потому

что они рождены в большой мере пантеизмом, героичны, связаны с приятием воплощенной святости, биологической святости живого человека. Современная Европа практически почти нивелировала положительно-культурную разницу между иудеем и христианином, сохранив за ними разные отрицательно-культурные свойства распадающейся индивидуальности.

Дело совсем не в том, чтобы все время оглядываться назад и только в прошлом находить культурную цельность, полноту и целесообразность. Оставляя в стороне другие мировые религии, потому что трудно предположить, какую роль сыграют они и сыграли уже в творческой истории человечества, отмечу только, что языческое жизнеощущение и языческое воздействие на действительность отнюдь не прекратили своего существования и не прекращались никогда. Жизнь язычества более существенна, чем его отмирание. Язычество живо тем, что оно внутренне постигает какое-то требование смысла в связи с человеком, не принимая существующий мир как исключительно возможный и завершенный. Оно ставит задачи, связанные с откровением смысла. Но смыслов много, как и богов много. Много и людей, много задач. В этом и таится смысл мифотворчества, которое по существу своему - постановка проблемы истории человечества, истории как таковой, истории вообще. Мифотворчество - это не то, что необходимо преодолевать во имя науки как нечто неразумное или недоразумное. Миф нисколько и не претендует на научное понимание объективных закономерностей жизни. Мифология и естественно- научная теория - это разные культурные факты, которые не зависят друг от друга. Наука познает закономерность существующего, мифология постигает смысл того, что еще не осуществилось. Миф и не пытается объяснить космически-объективное бытие природы, он есть постижение осмысленно-целесообразного бытия в связи с необходимостью для человека видеть в бытии смысл. Истории мало только лишь объективизироваться, ей надо быть бытием оправданным, имеющим смысл. Мир для человека - это совместное творчество бытия и человека. Всякие такого рода постижения предварительны. Однако они ставят задачи творческие. Таковы все мифы. Как предвосхищения смысла истории они многообразны, и поскольку они не ставят перед собой задачи найти единичный смысл бытия, они в большей или меньшей степени пантеистичны и политеистичны, но в то же время они вполне отличны и от научного постижения объективной природы. Они могут быть чужды идее науки вообще, понимая науку как миф особого рода, как миф о теоретически постигающем разуме. Но такого мифа о науке может и не быть. Речь здесь только о том, что пока история не живет прежде всего единством смысла во всей его полноте, все в большей или меньшей степени остается языческим, политеистическим. Это факт, от которого не следует отмахиваться. Человечество не впервые пытается вступить в историю, не впервые пробует постигнуть проблемы истории как смысла, которого в готовом мире фактически существующего собственно говоря и нет. Все язычество, в том числе и античное, ставило перед собой задачу постижения смысла для того, чтобы понять историю. Греки не справились с мифом о единстве смысла бытия, как бытия исторического в его трансцендентной и несравнимой целесообразности бытия совершенного единства. Эта проблема, проблема истории выпала на долю еврейскому народу, священные книги которого и говорят о бытии как историческом. Вопросы научные, вопросы частных наук еврейство не ставило. Кажущаяся некосмичность библейской мифологии не есть незнание или непонимание мифического. Космологическое и пантеистическое было включено в проблему истории. В христианстве это вылилось в противопоставление науке как мифу, разрабатывающему проблемы объективной природы. Пантеизм христианства слишком быстро справился с язычеством, не преодолев его. И осталось язычество подпольное в виде гносиса, пытающееся привлечь к себе и христиан, стремящееся не зависеть от церкви, от христианства. Появилась идея христи-

ански-светского государства и вместе с тем создавались государства вне связи с церковью. Жизнь под опекой церкви и не зависящая от нее. С одной стороны церковь как всеобъемлющее учение, с другой стороны науки - вне связи с церковью. Потом борьба с науками, подобная борьбе с языческой мифологией, выступление против внецерковных государств, против свободного хозяйства и быта. Со всем этим христианство борется так же как и с иудаизмом. А изолированное от всего мира иудейство тоже заимствует кое-что от христианства. Государственность стала претендовать на самоцельный смысл, хозяйственность - на свой смысл. В общем, цивилизаторская и технически-организационные стороны жизни противопоставили себя канонически священным. Науки выступили против церкви, связывая себя то с хозяйством, то с государственностью, то противопоставляя себя и тому, и другому. С точки зрения церкви - появилась культура духовная и культура профанная. С точки зрения мирской жизни - культура религиозная и атеистическая. Свобода творческих сил человека вне религиозной культуры породила ренессанс, который, несмотря на все тенденции его и связи с реформацией и иудаизмом, с одной стороны, и с язычеством, с другой, все-таки противостоит духовной культуре и сливается с атеизмом. Это обращенное средневековье лишает человеческую культуру самого важного, того, что является душою исторической жизни вообще, без которой человечество - люди вообще и отдельный человек - жить не могут, ибо все знают, что мир открыт и открывается, что он создается людьми, живущими творчеством, отличным от простого продолжения и развития стихийной природы, которую иссследует наука. Постоянный и самый важный вопрос сегодняшней культуры - как христианской, так и иудейской - это вопрос канонизации, признания святости труда-творчества. Еврейство не знало средневекового разрыва между культурой профанной и духовной, но причастившись к ренессансу до того, как он наступил, оно познало профанную, атеистическую культуру. Теперь они, евреи, в атеистическом пафосе не уступают христианским народам, и даже превосходят их, усердствуя более рьяно. Интересно, что в средние века евреи не ощущали нецельности, разъятости культуры, сохраняя представление о смысле всей культуры. И это в то время, когда вокруг шла непрерывная борьба, разрывающая всякую цельность. Не утратили знание цельности мира и смысла культуры отчасти также и христианские монастыри и монашеские братства, если они не становились на путь государственной церковности. Это может быть поучительным и в сегодняшнем кризисе культуры. Пагубен отказ от идеи единства и смысла всей истории. Задачи творчества многолики и многообразны, разным группам людей они открываются по-разному, теоретическая же предпосылка - общая для всех. Понимание цельности человечества и цельности единого смысла бытия как исторического космоса не может быть ни юридически-цивилизаторским, ни абстрактно-научно-теоретическим. Оно может быть лишь индивидуально-творческим, творчески конкретным. Признание святости культуры может появиться в небольших братствах. Их должно быть много, они не будут ни иудейскими, ни христианскими, но могут тяготеть и к иудаизму, и к христианству. Они могут быть даже и внутрицерковны, только творчество их, работа их не магически-культовая, не чисто-церковная. Их путь труден, они включают и всю культуру мифологического творчества. В них есть правда и языческая, и христианская. Что-то похожее было у евреев в средние века; но сейчас творчество должно изжить неиндивидуальность, механичность. Очень может быть, что необходимо вступить в новое средневековье. Тогда язычество, христианство, иудаизм встанут рядом для нового возрождения творческой культуры осмысленной истории, истории, имеющей смысл. Вполне вероятно, что такая органически творческая, братская жизнь и не настанет сразу навсегда, но только такой путь истории не приведет к кризису. Кризис возникает из-за утраты смысла, утраты представления о свободе индивидуальности. Кризис культуры,

по существу, - забвение проблемы истории как строительства "нового неба и новой земли", кризис культуры в решении периферийных вопросов, в представлении об истории как о преходящем, концом которого является забвение, Лета. Между тем как история по существу допускает смерть только в прошлом, разрушение - в прошлом, в будущем же - жизнь. История отстаивает жизнь от смерти, требуя постоянного благодатного творчества. Иудаизм в кризисную эпоху средневековья отстоял смысл от бессмыслицы и распада индивидуального творчества. В нем была некая монашеская черта при том, что никакого монашества в еврействе не было. Та черта, которая отличает монашество, нашедшее путь к спасению в работе, в благодати творчества, как в осуществлении идеи осмысленной истории. Смысл этот, конечно, не рационалистичен, а космичен и откровенен. Он не вступает в конфликт с разумом познания, но он больше его, без него невозможно вообще ни говорить об истории, ни жить в ней. Христианство этот смысл рационализировало, отделив его от живого, органически творящего его коллектива, сделав его жизнью церкви вселенской и интернациональной. С другой стороны, христианство вводило в этот смысл стихийно пантеистические моменты чуда, которые приводили мифологию в конфликт с разумным постижением природы. И то и другое подрывало цельность и имманентность любви в ее целесообразной правде единства смысла истории, давало возможность преодоления идеи истории как смысла жизни.

Таким образом вопрос, на который европейская культура не дала ответа, это вопрос о святости культуры. Вряд ли нужна официальная канонизация, канонизация догматическая, как об этом думает Н.А.Бердяев. Гораздо более нужды в свободной язычески-мифотворческой канонизации, которая любовно и эстетически появляется и в самой творческой жизни. Цивилизованное декретирование само по себе абстрактно и нежизненно.

Январь 1923 г.

М.С. АГУРСКИЙ

РУССКИЙ РАСИЗМ КАК МИСТИЧЕСКОЕ АНТИХРИСТИАНСКОЕ ТЕЧЕНИЕ

Начиная с правления Петра I, в русском обществе, преимущественно в дворянстве, начинается постепенный упадок христианского самосознания. Духовная жизнь дворянства, вошедшего в широкий контакт с Западом, оказалась не под влиянием западной религиозной жизни, а под преобладающим влиянием сначала деизма, а затем и атеизма, так что в конце 18в. в среде русского дворянства наблюдается значительное количество неверующих. Достаточно напомнить, что в этот период во главе Св. Синода мог оказаться вольтерьянец Чебышев. Эта тенденция еще более усилилась в XIX в. и стала распространяться и среди других слоев населения.

Создается, однако, впечатление, что русский атеизм во всех его формах был явлением скорее социально обусловленным, определяясь общественным мнением, а не собственными убеждениями. Поэтому в русских атеистах XIX да и XX в исключительно явственно сказывается сублимированное религиозное сознание. Публично высказывавшийся отдельными лицами атеизм сосуществовал со старой структурой религиозного сознания, поскольку детям даже в семьях вольнодумцев в большинстве случаев давалось религиозное воспитание, а кроме того,большое воздействие продолжало оказывать религиозное окружение. Таким образом, религиозная вера, от которой люди отказывались во взрослом состоянии, все равно оставляла в сознании определенные доминанты, зависевшие как от личности, так и от условий ее воспитания. Детский религиозный импринтинг оказывал на человека далеко идущие последствия.

Однако религиозные идеи, усвоенные человеком с детства, трансформировались в сознании атеиста весьма существенным образом. Структурное значение подсознательной религиозной идеи сохранялось, но в сознательном виде такая идея часто выступала в противоположном для нее смысле.

Таков был, например, вырожденный мессианизм русских революционных демократов - бывших семинаристов Чернышевского и Добролюбова. Христианский мессианизм был направлен на царство не от мира сего, в то время как мессианизм революционеров был направлен на существующий мир.

Структурно оба типа мессианизма имели аналогичное основополагающее значение для личного сознания, но смысл их был прямо противоположным.

Структурная аналогия идей, заимствованных из христианства, наблюдается и в иных формах русского атеизма. Такова, например, трансформация идеи Божественного Промысла в русском расизме. В нем монистическое начало, управляющее миром, сохранялось, но место Бога заместила космическая сила зла, отождествленная с евреями.

Именно поэтому многие социально-общественные течения в русской истории XIX-XX вв являются на самом деле религиозно-мистическими. На религиозно-мистический характер русского революционного движения уже указывали и ранее, как,например, Б.Зеньковский. По своей структуре русский национализм,являвшийся таким же мистическим движением, был неоднородным движением, включавшим национализм политический, национализм религиозный, а также наиболее крайнее его мистическое крыло - расизм.

В данной статье сделана попытка представить идеологию русского расизма, как течения в своей основе мистического и притом антихристианского.

В начале XX в в России возник глубокий общественный кризис, результатом

которого сначала явилась революция 1905 г, а затем и революция 1917 г.Этот общественный кризис явился результатом действия многих факторов: политических, социальных, религиозных, национальных.

Политическая система страны была малоэффективной и явно нуждалась в совершенствовании, а в особенности в представительстве населения. Страна потерпела тяжелое и унизительное поражение от Японии, чем был положен предел экспансии Российской империи.

Чрезвычайного напряжения достигали различного рода социальные конфликты как в городе, так и в деревне, между рабочими и крестьянами с одной стороны и с предпринимателями и крупными землевладельцами с другой. В стране назрел острейший религиозный кризис в связи с падением влияния религии и церкви, что вызвало в свою очередь рост преступности, породило тенденцию к распаду семьи и т.п. С другой стороны,наблюдается сильный рост сектанства, который уже не мог контролироваться сверху, несмотря на сильное противодействие.

Наконец, чрезвычайно важное значение имели и национальные корни кризиса. Россия в результате завоевательных войн 18-19 вв. превратилась в огромную империю. Многие ее части, как,например, Польша и Финляндия, оказались органически чуждыми стране в целом, так что национальная борьба за независимость, в особенности, в Польше, длительное время сотрясала Русскую империю. Польский вопрос стал одним из главных внутренних конфликтов страны уже начиная с 1831 г., когда началось первое польское восстание против России.

Национальная борьба приобрела очень острые формы и в других районах, а именно в Грузии, Прибалтике и т.д. В то же время одной из самых острых национальных проблем оказался еврейский вопрос, доставшийся в наследство России после раздела Польши.

В кризисной ситуации различные формы общественного сознания по разному реагировали на нее. Последовательно христианское сознание обычно реагирует на критические ситуации, видя в них наказание Божие за совершенные тем или иным обществом грехи и указание на необходимость внутреннего очищения, что, однако, не включает активных действий, направленных на преодоление кризиса. Такой подход можно было часто наблюдать в русской истории, как,например, в Отчественную войну 1812 г, в эпоху Крымской войны и т.д.

Осознание поражения в войне с Японией и революции 1905 г как наказания, являющегося результатом грехов и заблуждений русского общества, можно встретить и в этот период. В частности, такой взгляд можно встретить у буд. патриарха, еп. Сергия /Страгородского/. В своей проповеди, произнесенной сразу после 9 января 1905 г, он сказал следующее: "Не оставил ли Бог навсегда нашей родины? Или, быть может,все наши народные упования были лишь пустой мечтой, лишь заблуждением, льстившим народному самолюбию?.. Может быть,увидим,мы, что подобно другим неверным народам, мы открыто поставили себе своего золотого тельца и всем народом, всем государством ему служим и поклоняемся. Мы как будто бы позабываем, что наш народ по одной милости божией без всяких особенных заслуг сравнительно с другими народами, принят в ограду истинной церкви" /"Церковный вестник," 1905, № 23 ./

В кризисе 1905 г видит наказание Божие и известный религиозный националист, впоследствии митр. Антоний /Храповицкий/. Он утверждает, что одной из главных причин поражения России от Японии являлись зверства, допущенные русскими с коренным китайским населением Дальнего Востока. "В Благовещенске на Амуре,- сказал Антоний,- пять лет тому назад мы допустили жестокое дело. Несколько тысяч китайцев, бывших в услужении у русских граждан, для общей безопасности последних,

были обманом выведены из города и загнаны в реку, где нашли неминуемую гибель. Так Россия явила Востоку не русскую широту духа, человеколюбие и доверчивость, а только "животное самосохранение, ни пред чем не останавливающееся". Это первая вина наша, ибо Бог еще в Ветхом Завете на целом народе вымещал грехопадение его полководцев" / "Былое", 1923, № 21, стр. 173/. Другой причиной Антоний /Храповицкий/ считает религиозно-националистические суеверия, распространявшиеся среди русского населения и, в особенности, среди солдат. В частности, он указал на "измышление Порт-Артурской иконы Божией Матери", пророчество Серафима Саровского о предстоящей, через год после открытия его мощей, победе над англичанами" и т.п. / там же/.

Знаменитый русский священник прот.Иоанн Кронштадтский также обвинял русское общество в нравственном разложении, считая именно его главной причиной общественного кризиса. "Откуда эта анархия, эта революция, эта нелепая коммуна, эти забастовки, разбои, убийства, похищения; эта общественная безнравственность, этот царящий разврат, это огульное пьянство?- спрашивал он.-От неверия, от безбожия!" По его словам,"на почве неверия, слабодушия, малодушия,безнравственности совершается распадение государства /"Московские ведомости",1906,19 февраля/.

Но впервые в истории России, на сцену выступает совершенно другой тип реакции, а именно восприятие общественного кризиса как результата воздействия некоей внешней по отношению к данному обществу силы, так что кризис ни в коей мере не рассматривается как следствие тех или иных ошибок данного общества, вследствие чего лицо, выражающее подобный взгляд, вовсе не считает для себя и для других нужным делать какие-то нравственные выводы.

Этот тип реакции был в различной мере свойственен как левым:либеральным и революционным группировкам, так и крайне правым группировкам, куда относились и русские националисты. Но если левые группировки предлагали какой-то выход из положения, крайне правые группировки стремились законсервировать существующее положение, считая кризис лишь кознями врагов.

Все это проявилось при формировании в России политических партий в разгар революции 1905 г. Наиболее влиятельные из них, как,например, октябристы, кадеты, прогрессисты, несмотря на различия между собой, усматривали причину сложившегося положения, главным образом, в политических факторах. Они требовали либо ограничения самодержавия, как например, октябристы, либо введения широкого народного представительства, как кадеты, так чтобы правительство было ответственно перед ним.

Вместе с тем они видели в национальном вопросе один из выжнейших источников общегосударственного кризиса. Они выступали,хотя и в разной степени, за увеличение прав национальных окраин и за предоставление гражданского равноправия евреям, хотя, как,например, октябристы, не всегда последовательно. Ни октябристы, ни прогрессисты, ни кадеты не были антинациональными партиями. В целом они стремились к укреплению страны в тех территориальных формах, в каких та существовала до сих пор.

Левые же партии указывали не только на политические или же на национальные причины кризиса, но также и, главным образом, на социальные. В своей национальной платформе они шли дальше, требуя, как, например, социал-демократы, предоставления независимости национальным окраинам, но и то лишь в виде тактического лозунга, преследуя в дальнейшем цель всемирного объединения народов в единое социалистическое государство. Левые партии также требовали предоставления полного гражданского равноправия евреям.

Однако в те же годы в России возникло политическое движение, пытавшееся свести весь внутригосударственный конфликт к одному лишь национальному конфликту, а именно к еврейскому вопросу.

Наиболее представительная партия этого движения, получившая название Союз Русского Народа /СРН/ утверждала, что в основе политического, социального, религиозного и национального кризиса лежит злонамеренная деятельность всемирного еврейства, стремящегося подорвать и уничтожить Россию всеми доступными средствами. Все революционное движение эта партия рассматривала как вдохновленное евреями, которые действовали посредством тайного заговора.

Русских революционеров и либералов она называла еврейскими агентами. СРН выставил в качестве своего лозунга "Православие, самодержавие, народность".

Наряду с СРН и отделившимся от него впоследствии Союзом Михаила Архангела /СМА/ возникли различные партийные и беспартийные группировки, занимавшие промежуточное положение между СРН и другими партиями. К ним, в частности, принадлежали "Русское собрание", а также влиятельный "Всероссийский национальный союз" /ВНС/, выступавшие против еврейского равноправия, но не сводившие весь государственный конфликт к еврейскому вопросу.

Выступая против евреев, СРН и СМА считали причиной злонамеренной деятельности еврейства не еврейскую религию, а расовые особенности евреев, и это было господствующей точкой зрения в этих партиях несмотря на то, что к ним примыкало достаточное количество религиозных националистов, продолжавших видеть причиной всех зол еврейскую религию.

Рассматриваемое движение называют также "черносотенством", тем более,что вначале это было даже самоназванием данного течения по аналогии с ополчением Минина и Пожарского, спасшего Россию от иноземного нашествия в Смутное время 1612 г.

У русского расизма не было единой социально-общественной базы, поскольку к нему принадлежали представители тех же социальных слоев,которые входили и в другие партии. Так в числе наиболее видных деятелей этого течения можно видеть представителей русского дворянства, сохранявших к тому времени много привилегий, в т.ч. помещиков-землевладельцев, но точно такие же лица входили в число лидеров партий октябристов и кадетов. Например, среди дворян, примыкавших к расистам, был курский помещик Н.Марков 2-ой; адвокаты Г.Замысловский, А.Шмаков, П.Булацель; помещик трех губерний С.Володимеров; отставной офицер Г.Бутми-де-Кацман; граф В.Бобринский; одесский городской голова Б.Пеликан.

К расистам примыкали также представители разночинной интеллигенции, как детский врач А.Дубровин, журналисты В.Грингмут, М.Меньшиков, С.Глинка-Янчевский, П.Крушеван; ученый Б.Никольский. В число активных членов СРН и СМА, разделявших расистскую идеологию, входили также и представители купечества, как, например, торговец музыкальными инструментами в Астрахани В.Тиханович-Савицкий; богатая петербургская купчиха Е.Полубояринова. В число лиц, разделявших расистскую идеологию, входили и некоторые представители духовенства, как прот. И.Восторгов и протопресвитер армии и флота Е.Аквилонов, проф.П.Светлов. Однако подавляющее большинство духовенства, примыкавшего к этому движению, были не расистами, а религиозными националистами.

Нельзя также утверждать, что сторонники СРН и СМА были больше, чем кто-либо связаны с придворными интересами. Если верить утверждению Н.Маркова 2-го в показаниях, данных им Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства /"Падение царского режима",М.,1927, т.6, стр.197/, представители со-

стоятельных классов покинули СРН сразу после окончания первой русской революции.

Поэтому точка зрения А.Авреха, согласно которой националистические партии появились "не по инициативе правительства", а возникли "как своеобразное, вызванное революцией 1905-1907 гг. движение "снизу" в среде господствующего класса" /"Столыпин и 3 Дума", Наука, М., 1968, стр.25/ справедлива лишь отчасти.

Учитывая сказанное выше, расизм как течение требовал от его приверженцев некоторых качеств, не обусловленных их сословным положением.

Русский расизм, как и расизм немецкий более позднего периода,представляет собой мистическое течение, корни которого уходят в то духовное состояние русского общества, в котором пребывала в то время его определенная часть. Он явился сублимированной реакцией одной из форм русского атеизма, не противопоставлявшего себя традиционному укладу русской жизни.

Внешне эта форма атеизма видела в религии и церкви некий бытовой аспект, с одной стороны признаваемый полезным для простого народа, а с другой стороны соблюдаемый как старый обычай.

Однако внутренняя структура и этой формы атеизма оставалась религиозной. С одной стороны в ней было утрачено чувство личной нравственной ответственности в социальной жизни. Следовательно, наилучшим образом ей соответствовало именно внешнее восприятие общественного кризиса,в точности так же, как это наблюдалось и в революционном атеизме. Но если революционный атеизм удовлетворялся социализмом как учением, объясняющим общественные явления социальной природой общества, русский расизм создал свою особую мифологическую систему, до некоторой степени подобную древнему гностицизму.

Сублимированное религиозное сознание русского расизма опиралось на восприятие внешнего мира, как будто бы целиком управляемого некоей космической силой зла. Монизм такого восприятия был трансформированным монизмом христианского представления о Божественном Промысле.

Ни один из внешних источников зла так хорошо не подходил для его космизации, как евреи. Несмотря на то, что имелось весьма много источников подобной космизации, они лишь сыграли роль спускового механизма для сублимации онтологического значения евреев в христианстве.

Несомненно, что всеобщий кризис, потрясший Россию, грозил уничтожением уклада, весьма дорогого для многих русских независимо от их общественного положения. Все привычное мировоззрение оспаривалось новыми силами, отрицавшими религию, национальную культуру и освященный историей строй. Многим людям это также угрожало потерей общественного положения, особенно в тех случаях, когда оно было связано с историческими привилегиями, как у дворянства. Несомненно также, что резкие изменения, происходившие в России,упадок религиозного мировоззрения, утрата интереса к национальной культуре и т.п. ассоциировались многими с постоянным увеличением роли евреев в общественной, политической и экономической жизни страны.

Следует напомнить, что в этот период времени еврейское население было,в отличие от всех остальных народов России,лишено гражданского равноправия. В частности, за исключением некоторых категорий евреи не имели права проживать за пределами т.н. черты оседлости, т.е. бывшей территории Речи Посполитой в границах 1772 г. Если до середины XIXв евреи находились в состоянии изоляции, так и

самоизоляции, не желая идти ни на какое сближение с окружающим населением, и в то же время отталкиваемое им, то во вторую половину века начинается активное ассимиляционное движение среди русских евреев под влиянием русской интеллигенции и немецких евреев, где это движение началось ранее. Следствием этого было резкое усиление их проникновения в общественную, хозяйственную и культурную жизнь страны, причем в таких местах, где они ранее никогда не проживали, как, например, в центральной России и ее столицах, несмотря на то, что проникновение сильно стеснялось ограничительными законами против евреев.

Провозглашенная черта оседлости превратилась в удобопроходимое решето для наиболее активных евреев, так что за ее пределами в крупных старых русских центрах образовалось довольно многочисленное еврейское население. Достаточно сказать, что только по официальным, сильно заниженным данным в 1897 г в Петербурге постоянно проживало 17250 евреев. В 1915 г в Москве проживало около 10000 евреев. В Самаре в 1897 г проживало 1330 евреев, в Томске в том же году -3200, в Саратове - 1500 и т.д. На самом же деле эти цифры значительно выше, поскольку много евреев проживало в тех же городах временно, а еще большее число незаконно.

Несмотря на малый процент по отношению к основному населению,эти евреи имели весьма большой удельный вес в экономической, культурной и общественной жизни, ибо в их числе были крупные предприниматели, банкиры, журналисты, адвокаты, различного рода специалисты. Появление их в старых русских центрах было явлением совершенно новым и непривычным.

В то же время резко повысилась активность еврейского населения и в рамках черты оседлости, где евреи сумели занять ряд ключевых экономических позиций. Все это вместе с борьбой еврейского народа за гражданское равноправие и его участием в общерусском революционном движении резко обострило еврейский вопрос и сделало его очень заметным явлением русской жизни и своего рода ее индикатором. Правая русская печать уже в конце XIXв забила тревогу, указывая на еврейскую экспансию на восток. В 1880 г. "Новое время" опубликовало передовицу "Жид идет", грозившую новым еврейским нашествием. Незадолго до этого враждебный к евреям Ф.Достоевский предупреждал о том, что следствием либерализации русской жизни явится сильный наплыв евреев. "Грядет много жида",-говорилось в романе "Подросток".

Хотя еврейский вопрос, как уже говорилось, явился следствием многих факторов, нетрудно было превратить его в их причину, потому, что помимо социальных причин враждебности к евреям,существовали могущественные религиозно-психологические побуждения к выбору евреев в качестве источника космического зла. Дело в том, что евреи имеют в христианском религиозном сознании онтологическое значение как народ богоизбранный и в то же время народ, отвергнувший явившегося к ним Бога. В русском расизме представление об онтологическом значении евреев подсознательно продолжало сохраняться и поэтому легко могло быть трансформировано в представление о евреях как о космическом зле.

Но для этого следовало бы объяснить механизм действия этого зла , ибо он не был очевиден. Надо было соединить и действия японцев, и беспокойство русского студенчества, и оппозиционность русской интеллигенции и даже торгово-промышленного класса, а также и крестьянские бунты. Все это было весьма далеко от еврейского вопроса.

Для этого оказалась призванной идея тайного всемирного еврейского заговора, который-то и управлял нитями всех этих казалось бы несвязанных друг с другом событий. Полагалось, что постигнуть этот заговор могли только посвященные, в свя-

зи с чем никакие прямые доказательства и не требовались.

Идея существования космического зла в лице евреев, действующих методом глобального всемирного заговора с целью достижения мирового господства, типологически есть воспроизведение некоторых гностических представлений рубежа христианской эры, хотя, разумеется, сходство этих представлений с древним гностицизмом ограниченное. Оно касается следующих пунктов:

1/ Признания мира как результата действий внешних злонамеренных сил, что согласно Вл. Соловьеву /см. Энциклопедический словарь Брокгауз-Эфрон, т.16, стр. 952/ является основной чертой т.н. сиро-халдейского гнозиса, в котором мир признается прямо злонамеренным созданием противобожественных сил .

2/ Возможности познания тайного знания /гнозиса/ о судьбах мира только посвященными.

3/ Полного отрицания еврейского элемента в христианстве. Известно, что гностики эпохи христианства считали Ветхозаветного Бога слепым и ограниченным Демиургом, целью которого является отдалить людей от истинного Бога. Поэтому в системе гностицизма змей, искушавший Еву, был в Ветхозаветном Раю представителем истинного Бога, желавшего раскрыть людям глаза на Демиурга и освободить их от него.

Но при этом следует подчеркнуть, что русскому расизму была чужда философская сторона гностицизма, так что он не возвышается до уровня сколько-нибудь развитой религиозно-философской системы.

Указать же на их сходство весьма важно, поскольку синкретические системы типа гностицизма являются характерными признаками распада определенной цивилизации. Если древний гностицизм знаменовал собой декаданс эллинизма или же других дохристианских систем, русский и близкий к нему немецкий мистический расизм характеризовал собой упадок христианской цивилизации в этих странах и по существу мог возникнуть только на ее почве.

Антиеврейская направленность древнего христианского гностицизма, как и русского мистического расизма, порождалась одним и тем же, а именно реакцией на онтологическое положение евреев в Священной Истории, принятой Христианством. Известно, что отрицание еврейского элемента в древнем христианском гностицизме обуславливалось, в частности, националистической реакцией тогдашней греческой интеллигенции. Ей было трудно примириться с отказом, как от абсолютно ложной, от всей старой эллинистической структуры языческого религиозного сознания и с тем, что греческой интеллигенции приходилось признать Священную историю евреев, народа малого и доселе презираемого в Древнем мира. Это вызывало ее интеллектуальный протест. То, что это действительно имело место, видно хотя бы из полемики древних христианских апологетов, как, например, у Афинагора.

Таков же был и один из внутренних мотивов русских расистов. Им также было трудно сознательно примириться с тем, что евреи и в духовной жизни России все еще продолжают сохранять онтологическое значение. Наукообразный расизм казался им достаточно всеобъемлющей идеей, способной в корне отвергнуть онтологические притязания евреев. Он как ничто более подходил для объяснения того, почему именно евреи могут быть в мировой истории злым началом. Но тем самым расисты приносили идею об онтологическом значении евреев с черного хода.

Следует отметить, что религиозно-психологические условия появления расизма как идеологии сложились в России уже к концу XIXв. О них шла речь выше.

Сам же расизм как учение был заимствован с Запада, где он возник как логическое следствие дарвинизма. Было бы несправедливо приписывать роль идеолога расизма В.Данилевскому, который говорил лишь о культурно-исторических типах. Кроме того,Данилевский практически не высказывался по еврейскому вопросу, ограничившись лишь тем, что включил еврейский культурно- исторический тип в число основных культурно-исторических типов, сыгравших выдающуюся роль в мировой истории. Кроме того,не удается проследить преемственности между Данилевским и русскими расистами, по-видимому, и потому, что он был очень малоизвестен в России.

Окончательный же толчок для оформления расистской идеологии в России был сделан немецким левопротестантским расистом Х.Чемберленом.Хотя его книги "Евреи, их происхождение и причины влияния в Европе" и "Явление Христа" появились в русском переводе лишь в 1906 г.,некоторые образованные люди были знакомы с ними задолго до этого в немецком оригинале. Влияние Чемберлена начинает уже проявляться в конце 80-х годов, как,например, в работах П.Светлова /"Православное обозрение", 1888, № 4/. В конце 90-х годов как откровенный расист выступает публицист С.Шарапов /см., например, сборник его статей "Мирные речи", М,1901/. Но окончательно идеология русского расизма складывается в конце 1905г.

При этом точка зрения на евреев как источник всех зол России развивается и усиливается очень быстро. Относительно умеренное "Русское Собрание" в своей программе, опубликованной в предвыборную кампанию 1905 г./"Новое время", 1905, 29 декабря/, следующим образом формулировало свою национальную политику в целом: "Племенные вопросы в России должны разрешаться сообразно степени готовности отдельной народности служить России и Русскому народу в достижении общегосударственных задач".

Однако еврейский вопрос не укладывался в рамки даже и такой жесткой программы. Для его решения программой "Русского Собрания" предусматривались другие средства: "Еврейский вопрос должен быть разрешен законами и мерами управления особо от других племенных вопросов в виду продолжающейся стихийной враждебности еврейства к христианству и нееврейским национальностям и стремлении евреев ко всемирному господству".

Близкая точка зрения высказывается в первой программе СРН /"Новое время," 1905, 20 ноября/, которая впрочем является весьма умеренной по сравнению с более поздними его же документами. В пункте программы, посвященном еврейскому вопросу, предлагалось: "Допущение евреев в Государственную Думу в числе не более 3 лиц, выбранных от всего еврейского населения Российской империи, для доклада Думе о частных нуждах еврейского народа. Такое ограничение необходимо в виду того, что разрушительная деятельность сплоченной еврейской массы, ее непримиримая ненависть ко всему русскому и неразборчивость в средствах слишком наглядно выразилась особенно за время настоящего революционного движения".

В течение очень короткого времени, исчисляемого несколькими месяцами, представители русских националистических партий стали возводить ответственность за любые потрясения на евреев и лишь отчасти на русских, называя их в таком случае еврейскими агентами. Первым теоретиком русского расизма в его наиболее крайней форме оказался московский адвокат А.Шмаков, впоследствии один из обвинителей на процессе Бейлиса. В начале 1906 г.он сделал доклад /"Московские ведомости", 1906, 9 апреля/ под названием "Евреи, масонство и социал-демократия", на многие годы определивший расистскую пропаганду в еврейском вопросе, имея откровенно гностический характер. В докладе утверждалось, что евреи-причина всех зол в мире, "евреи - причина французской революции", "евреи - лучшие шпионы в мире", "евреями был составлен дьявольский план, как погубить Рос-

сию" и т.д. Впоследствии книга Шмакова "Евреи и Россия" стала одним из главных пособий русского расизма.

Исключительно показательна передовица газеты "Московские ведомости" /1906, 3 декабря/, в то время органа т.н. "Русской монархической партии", под характерным названием "Ищите еврея!". В этой статье, вероятно, принадлежавшей перу редактора газеты В.Грингмута, в то время руководившего вышеуказанной партией, все неурядицы в русской жизни возлагались исключительно на евреев."Относительно наших политических дел за последние годы,- говорилось в статье,-можно всегда с уверенностью сказать: Ищите еврея!". Евреи оказываются виновными решительно во всем: "Отказывают ли России в нужном ей займе, втягивают ли ее в международные осложнения или даже в войну... Ищите еврея! Развращается ли наша армия, гибнет ли школа, разлагается ли суд, пылает ли помещичья усадьба, бросается ли бомба, ограбляется ли банк... Ищите еврея! Ищите жида!"

На приеме императором Николаем II 31 декабря 1905 г. депутации "Русского Собрания" один из его руководителей проф. Б.Никольский сказал, что "происки международных врагов законности и порядка, сплотившихся во всемирный еврейско-масонский заговор, ведут отчаянную борьбу в лице нашей родины с христианством, просвещением и культурой" /"Былое",1923, № 21, стр.184/.

Причиной столь злокозненного поведения евреев оказываются их расовые свойства. Один из наиболее ранних и еще умеренных русских расистов С.Шарапов писал в начале 1905 г:"Мы не только не антисемиты,мы искренно жалеем евреев как племя, волею судеб вставшее в такое странное противуположение всему человечеству,воспитавшее в себе тысячелетиями такие расовые свойства,которые в их свободном проявлении почти несовместимы с этикой и культурой других племен и делают еврея не как отдельное лицо,а как племя,паразитом и хищником.Вот почему мы считаем еврейский вопрос неразрешимым вообще /"Русское дело,"1905, № 3/.

Отрицательные расовые свойства приписывались не только евреям, но и полуевреям. Тот же Шарапов утверждал, что "еврейские метисы являются расою первою в мире в смысле хищного национального фанатизма и отвратительного шовинизма", / там же, 1905, № 2/. Иначе говоря, по словам Шарапова, полуевреи, например, среди русских должны были бы стать русскими шовинистами и фанатиками и т.п.

В этой оценке Шарапова сказывались, по-видимому, какие-то его личные счеты. Кажется, он считал евреем или полуевреем В.Грингмута, с которым сильно враждовал.

Вообще же как правило русские расисты третировали полуевреев не за их излишний национально-русский фанатизм, а напротив, за то, что они, по их мнению, продолжали оставаться евреями. Многие националистические организации прямо указывали в своих уставах, что полуевреев они к себе не принимают. Так, в частности, было указано в положении о церковно-приходской школе им. Грингмута, организованной после его смерти в Москве/"Церковные ведомости",1907, № 46/.

Русские расисты приписывают евреям злобу и хищность как расовые свойства. Так,например, М.Меньшиков утверждал, что "еврей /типический еврей/ существо особого человеческого типа, именно паразитного,и в силу этого он по природе существо, преступное в отношении тех обществ, на теле или, вернее, в теле которых он живет /"Новое время,"1911, 1 мая/. Один из руководителей "Русской монархической партии", а впоследствии СРН прот. И.Восторгов, защищая дискриминацию евреев, заявлял: "Евреи стеснены в правах не как вероисповедная единица, а как хищное племя, опасное в среде мирного населения по своим эксплуататорским наклонностям /"Московские церковные ведомости,"1906, 25 июня/.

Характер антиеврейской пропаганды на страницах националистической печати приобрел исключительно резкий характер. В частности, раздавались и призывы к полному физическому уничтожению евреев, как, например, в статье И. Трусова "Как должен решиться еврейский вопрос" /"Русское знамя," 1907, № 273/. "Довольно,- говорилось в ней,- мера долготерпения народного наполнилась, стомиллионный народный океан начинает волноваться, и ярость его все увеличивается. Зажглась святая жажда мщения за святыни русские, за развращение наших детей, отравленных душепагубным ядом богоотступничества; мы должны это сделать, имея заповедь Божию исторгнуть злое из среды себя. Глас с неба уже указал новым маккавеям, как поступать с этим проклятым Содомом, потому что эта апокалиптическая блудница напоила яростным вином блудодеяния своего все народы. О гибели этой блудницы будут ликовать небесные жители и плакать об ней любившие ее".

Было бы, однако, большим заблуждением полагать, что русские расисты ограничивались лишь враждой к евреям. Националистическая печать изобиловала также резкими нападками на поляков, финнов, армян и т.д. Так, например, в статье "Блудливы, как кошки, трусливы, как зайцы" /Русское знамя, 1907, № 13/ говорилось: "Мы называем Польшу краем изменников, потому что не знаем другого, более худшего слова, которое было бы так к лицу этому краю вечной лжи, крамолы, хищений и черной неблагодарности".

Статья Рынды /А.Пруссакова/, посвященная нападкам на финнов, называлась: "Русская уступчивость и финская наглость" /"Русское знамя," 1907, № 153/. Резким нападкам подвергались армяне и грузины. Против них больше всех выступал прот. И.Восторгов. Про него говорилось, что он "беспощадно раскрывал все козни грузин /"Московские ведомости," 1906, 9 апреля/, "коварные мятежные замыслы грузин и армян" и т.д. Армянам также, например, была посвящена заметка "Как армяне обделывают русских купцов" /"Русское знамя," 1907, № 233/.

После начала мировой войны русские расисты стали в самых резких тонах нападать на немцев как на представителей "тевтонской расы". Примером может служить статья известного расиста М.Меньшикова в "Новом времени" /1915, 7 мая/, где о немцах говорилось: "Эти бесчисленные ехидны, целые столетия сидящие под защитой русской государственности и разжившиеся /как в Риге/ за счет русского народного труда,- эти змеи и скорпионы тевтонской расы шипят теперь по всем углам нашего отечества, куда мы имели злосчастную ошибку допустить их". Но ни против одного из народов степень враждебности не достигала такой остроты, как против евреев. Наконец, враждебность против других народов расисты в конечном счете сводили к враждебности против евреев, как, например, Н.Марков 2-ой, утверждавший, что Россия во время мировой войны воевала не с Германией, а с Иудо-Германией /"Колокол," 1915, 8 мая/.

Каждое религиозно-мистическое течение, каким был и русский расизм, рано или поздно обретает свою апокрифическую литературу. Никакая книга известного автора не могла выполнять эту функцию, ибо для апокрифа необходим элемент таинственности.

Основой для такого апокрифа, в частности, послужили утверждения французского антисемита Дрюмона о том, что в своей подрывной деятельности против других народов евреи опираются на масонские организации, давних врагов церкви. В русской националистической литературе возникает ходячий термин "жидо-масоны" и теория еврейско-масонского заговора. Проф. Петербургской Духовной академии А.Бронзов одним из многих утверждал, что "современное масонство оказывается тайным правительством еврейской нации" /"Церковный вестник," 1912, № 3/.

Все политические, общественные, культурные деятели нееврейского происхождения, оказавшиеся в оппозиции к правительству, объявлялись масонскими агентами, что также означало, что они являются и еврейскими агентами. Тот же А.Бронзов называет орудием масонов Л.Толстого, артистку В.Комиссаржевскую, председателя 1 Гос. Думы С.Муромцева /"Церковный вестник",1912, № 3/. Выше приводилось заявление проф. В.Никольского на приеме у императора о еврейско-масонском заговоре /стр.15 /. Впрочем, антимасонская литература в России настолько велика, что в рамках данной статьи рассматривать ее нет смысла.

На волне представлений о еврейско-масонском заговоре и оформляется знаменитый апокриф русского расизма - "Протоколы сионских мудрецов". Их частичная публикация начинается в 1903 г., но полностью они выходят в конце 1905- начале 1906 г. Как стало впоследствии известно /см., например, Ю.Делевский "Протоколы сионских мудрецов",Берлин,1923/,они были составлены путем литературной компиляции по заданию зав.заграничной агентуры департамента полиции П.Рачковского, а затем представлены легковерному церковному писателю-мистику С.Нилусу как якобы тайно выкраденные стенограммы Первого Сионистского конгресса в Базеле, состоявшегося в 1896 г. В этом апокрифе евреи уже явственно предстают в виде силы зла, по своим возможностям не только равносильной божественной ,но быть может даже превышающей ее по своей силе. Весь мировой процесс таким образом, уже более не объясняется Промыслом Божиим, как в традиционном христианском сознании, а тайным еврейским сценарием, рассчитанным на многие столетия вперед, конечной целью которого является еврейское мировое господство. "Протоколам", как и теории еврейско-масонского заговора в целом,посвящена достаточно большая литература. Здесь же достаточно отметить, что они наилучшим образом выражали мистические воззрения русского расизма. "Протоколы" до революции редко кем даже из русских расистов признавались аутентичными, в виду их откровенно апокрифического характера, но со временем по мере утраты христианской критики, указывавшей на их апокрифичность, их роль возрастала и возрастает по сей день. Этим апокрифом стал широко пользоваться современный русский расизм, прикрывающийся ныне хрупкой псевдомарксистской оболочкой. Достаточно сослаться на работы , публикуемые в СССР огромными тиражами под именами Ю.Иванова, А.Востокова, Ю.Евсеева и др. /см. также статью автора о книге Ю.Иванова "New York Review of Books". 1972, 30 ноября/.

Организационно оформившись, русский мистический расизм сделал один внутренне противоречивый шаг. Он попытался опереться на Русскую Православную Церковь как на свою политическую базу. Этому способствовало то, что русский расизм представлял собой форму атеизма, не противопоставлявшего себя традиционному укладу жизни. Но союз между мистическим расизмом и церковью не имел под собой принципиальной базы и поэтому не мог быть легко реализуем, а тем более устойчив.

Стремлению расизма опереться на Русскую Православную Церковь способствовала точка зрения, разделяемая тогда многими русскими людьми, согласно которой Православие есть некоторая специфическая особенность лишь русской действительности, основа русской национальной самобытности. Такая точка зрения обусловливалась длительной исторической изоляцией Русской Православной Церкви не только от Западной Церкви, но и от остальных Православных Церквей. В результате на Православие стали смотреть как на средство поддержания национальной обособленности русских в международной и внутренней политической борьбе.

Подобная точка зрения очень четко была выражена С.Шараповым, говорившим: "Теперь уже ясно, как белый день, что не итти, а бежать надо в Церковь, ибо там и только там наше последнее прибежище, наш последний залог национального единства и всей будущности России" /"Русское дело," 1905, №8/.

Та же точка зрения, но в критическом смысле, была высказана еще в 1901 году буд. патриархом Сергием /Страгородским/, который сказал, что "незаметно для себя мы и верой нашей стали дорожить лишь потому, что на ней покоится наша государственная мощь, благоустройство нашей общественной жизни, наше существование как самостоятельного народа /"Церковный вестник",1901, № 44/.

Но стремясь опереться на Русскую Православную Церковь как на свою базу, расисты, естественно, не могли не смотреть с раздражением на Ветхий Завет, как, впрочем,и на все остальные еврейские элементы христианства. Это являлось для них тяжелым бременем, с которым они пытались бороться, как могли. С самого начала своего появления русские расисты стали с нескрываемой враждебностью третировать Ветхий Завет. Прежде всего русские расисты старались по мере возможности высмеивать отдельные места Ветхого Завета или же различных ветхозаветных персонажей. Так, в центральном органе СРН газете "Русское знамя" было опубликовано стихотворение "Кит и жид", где высмеивалась история пророка Ионы /1907, № 60/. Рында /Пруссаков/ называл завет Бога с Авраамом еврейским преданием, которое евреи используют во вред христианам, поскольку это дает им... моральное право на умножение потомства /"Русское знамя",1908, № 61/. В.Игнатьев называл Эсфирь - жидовкой/"Русское знамя,"1908, № 62/. "Доверчиво отогретые за русской пазухой всесветные паразиты-евреи- говорилось в"Русском знамени" /1907, № 152/,-приблизили нас к временам ветхозаветного Египта, где они, прикрываясь именем Иеговы, творили возмутительные злодеяния до убийства египетских первенцев включительно".

Генерал М.Драгомиров называл ветхозаветного патриарха Иосифа - фокусником, вымогателем, мошенником /см.Антоний /Храповицкий/ в "Волынских епархиальных ведомостях", 1907, № 10/.

Ветхий Завет подвергается нападкам и в целом. Примером может служить передовица "Русского знамени" от 5 марта 1908 г - "О жидах", где, в частности, говорилось, что "чрез все протяжение истории все народы, приходившие в соприкосновение с жидами, презирали и испытывали гадливое опасение перед этим рассеянным и проклятым Богом народцем". Вина за это возлагается прямо на Библию, ибо именно она "научает их /М.А. - евреев/ обращать благосостояние края, где живут, на исключительное свое благосостояние".

Наиболее резко нападал на Ветхий Завет ведущий журналист "Нового времени" М.Меньшиков, который оказался главным апологетом Х.Чемберлена в русской печати. Он полностью воспринял тезисы Чемберлена о том, что ветхозаветные книги созданы путем "грандиозного подлога" и о нееврейском происхождении Иисуса Христа. Меньшиков называл за это Чемберлена одним "из счастливейших Колумбов истории", открывшим "новые горизонты мысли". По его мнению книги Чемберлена явились "мировым событием, бросающим могучий поток света в хаос старого материала".

Восторженную оценку книгам Чемберлена давал и другой журналист "Нового времени",известный религиозный философ В.Розанов. По его мнению,после принятия чемберленовского тезиса о нееврейском происхождении Христа "еврейство отпадает в уединение и провинциальность ханаанских культов" /см. А.Глаголев, Труды Киевской Духовной Академии, 1909, № 9/.

Но именно Меньшиков сделал все логические выводы из книги Чемберлена в гораздо большей степени, чем любой другой русский автор.

"Говорят,- писал Меньшиков,- евреев связывает отношение ко всем народам, но эта связь отрицательно плохая по существу. Вовсе не Библия евреев связывает; напрасно думают, что Библия - <u>религиозная</u> книга! Это книга чисто <u>политическая</u>, которая легко забывается евреями, когда их не заставляют держаться ее

В другом месте он называет Библию "сумасшедшим бредом маленького несчастного народца /"Русское знамя,"1908, 11 марта/.

"Кто такие евреи?- спрашивал Меньшиков.- Если верить их легенде, то это народ, избранный среди народов. Любимец Божий,он изменил Творцу и за это был извержен из Ханаана совершенно так, как некогда Люцифер был низвергнут на Землю. И как падшие с неба духи занялись совращением невинных людей, так падший, как бы ниспавший в человечество народ-изменник,занялся совращением, главным образом, белых, наиболее свежих арийских рас. Бросьте общий взгляд на четырехтысячелетнюю историю евреев. Ее основной темой является искусительство. С тех пор, как Авраам, вышедший из земли Ур, начинает великое кочеванье, с тех пор, как он втирается в доверие к фараону Египетскому и соблазняет его своей женой, властям и народам во все веки приходилось итти на еврейский соблазн, в ужасе - подобно фараону- отшатываться от соблазна, бороться с ним... Как процесс заразы состоит в том, что паразитные грибки находят сначала гостеприимство в организме, затем быстро множатся и выделяют яды и затем всеми силами организма изгоняются вон- так точно и евреи.

Это высказывание Меньшикова носит не только откровенно расистский, но и столь же откровенно гностический характер, причем даже возвышающийся до уровня религиозно-философской доктрины. Евреи здесь отождествляются с мировым злом онтологически.

Один из ведущих идеологов СРН Г.Бутми-де-Кацман говорил о первородном грехе, концепции, лежащей в основе всего иудео-христианского мировоззрения, как о воспоминании евреев о своей испорченной в египетском плену расе, что, кстати, также заимствовано у Чемберлена. "Иначе трудно себе объяснить,- утверждает Бутми,- предание, которому нельзя найти аналогию в мифах других народов" /Бутми Г., "Враги рода человеческого", СПб, 1906/. О Ветхом Завете Бутми говорит не иначе, как о гнездилище всевозможной безнравственности, проистекающей из еврейской расовой неполноценности. В качестве примера он приводит приезд в Сихем патриарха Иакова. "Так поступал,- утверждает он,- родоначальник, именем которого гордился весь народ Израилев. И тогда уже было опасно оказывать ему гостеприимство" /там же/.

Исключительно показательным для отношения к Ветхому Завету является сообщение о собрании членов клуба русских националистов, примыкавших к ВНС. Это собрание состоялось в январе 1909 г. в Киев /"Киевлянин,"1909, № 28/. На нем был заслушан доклад А.Эртеля "Еврейство и Тора", где, в частности, говорилось: "Причину страшной зловредности еврейства принято видеть в Талмуде, безнравственное, человеконенавистническое учение которого вошло в плоть и кровь евреев. Докладчик основу зла видит в Пятикнижии или в Торе, по отношению к которой Талмуд является лишь комментарием. Именно Пятикнижие учит, что евреи- избранный народ, и что все другие народы созданы только для того, чтобы быть рабами евреев. По учению Торы союз Иеговы с евреями состоит в том, что евреи обязались исполнять данные им через Мойсея законы, а Иегова за это обязался истребить или покорить евреям все другие народы. Ужас, однако, заключается не в том, что Пятикнижие - сплошная безнравственность, человеконенавистничество, а в мнимой божественности происхождения этих чисто еврейских книг. Особенно прискорбно, что наиболее усердные доказательства божественности происхождения Торы идут со стороны христиан, которые 1900 лет остаются во власти ветхозаветного еврейства и его безнравственного учения, разрушенного Христом. С величайшим усердием у нас стремятся соединить несоединимое и сплетают в одно целое Христово учение и еврейскую Тору. И в этом отношении можно сказать, что ужасно и гибельно не столько еврейство в ев-

реях, сколько еврейство в нас самих. До тех пор,пока не будет осознана совершенно ясная подложность Торы, пока не будет отвергнуто кощунственное утверждение о божественности происхождения ее, до тех пор борьба с еврейством не будет иметь под собой твердой почвы".

На том же собрании один из руководителей ВНС А.Савенко резко критиковал русскую школу за то, что в ней под видом Закона Божьего преподается история евреев. "Вместо того, чтобы учить русскому национализму и патриотизму, - говорит он, школа у нас является скорей национально-еврейской: под видом Закона Божьего в школе детей пичкают шовинистической и крайне тенденциозной историей еврейского народа, полной ужасных безнравственностей, и тем учат преклонению перед еврейством".

В выступлениях Эртеля и Савенко исключительно отчетливо высказана мысль о том, что христианская религия, неотъемлемой частью которой является Ветхий Завет, является самым сильным препятствием для борьбы с евреями.

Именно поэтому нападки на Ветхий Завет то и дело переходили в нападки на Новый Завет и на Христианскую церковь. Так, Бутми-де-Кацман оправдывает даже языческие гонения на ранних христиан, ибо, как он утверждает: "Гонения вызывались открыто враждебным отношением к государственной религии и поруганием предметов народного поклонения со стороны первых христиан, унаследовавших религиозную нетерпимость от иудеев" /"Враги рода человеческого",СПб, 1900/. В то же время Бутми-де-Кацман продолжает называть себя "верным Христу" и призывает смотреть на евреев как "на врагов Христовых", как "на врагов наших и всего рода человеческого" /там же/.

О том, как некоторые активные деятели СРН относились к христианской религии говорят, например, показания активного деятеля СРН А.Пруссакова /см. стр. 16, 19 /, данные им Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства /"Союз Русского Народа", М-Л, 1929, стр. 51/. По его словам, по указанию председателя СРН А.Дубровина около церквей после окончания богослужения выпускали собак со значками СРН, на которых имелись изображения, священные для христиан. Агенты, подосланные СРН, тут же поднимали крик, говоря, что это дело рук евреев, чем создавалось погромное настроение.

Естественно, что сторонники СРН, опасаясь оппозиции со стороны богословски подготовленного духовенства, предпочитали иметь дело с духовенством необразованным. Так, М.Меньшиков доказывал, что в России вообще не нужны духовные академии, и что простой необразованный священник лучше образованного /"Новое время," 1914, 1 апреля/.

Все же к расистам принадлежали некоторые, хотя и очень немногочисленные, представители духовенства и богословов, которых можно назвать религиозными расистами.

Выше уже приводились взгляды прот. И.Восторгова на евреев, как на хищное племя /стр.16 /. Религиозные расисты оправдывались тем, что расовые качества евреев явились результатом их отвержения Богом и проклятия. Однако пробным камнем для такой точки зрения было отношение к евреям, принимающим христианство. Поскольку в христианском богословии безоговорочно признается пророчество апостола Павла в 11 главе Послания к Римлянам о будущем обращении евреев,образованным богословам было трудно отрицать его. Тем не менее в русском богословии высказывалось и такое отрицание. Ее выразителем оказался профессор-протоиерей П. Светлов, преподававший богословие в Киевском университете. Светлов находился под всецелым влиянием левопротестантского богословия и был одним из первых, кто в

русском богословии стал популяризировать Чемберлена /см.стр.13/ Светлов утверждал, что богоизбранность евреев объясняется тем, что они были самым худшим среди всех народов земли, и что Священная история должна была разворачиваться именно среди такого народа. По утверждению Светлова, израильские пророки не были евреями, ибо они сильно отличались от них и своим обликом, и своей моралью. Наконец, Светлов недвусмысленно отрицал пророчество ап.Павла в Послании к Римлянам, утверждая, что традиционная экзегетика этого Послания сомнительна.

Любопытно, что Светлов в остальном был крайне либеральным богословом, защищал экуменизм, когда тот не признавался почти никем; крайне либерально толковал такие проблемы, как боговдохновенность Священного Писания и т.д. /см.,например, "Христианское вероучение в апологетическом изложении", Киев, 1910/.

Открыто одобрял Чемберлена и такой высокопоставленный и влиятельный священник, как протопресвитер армии и флота Е.Аквилонов /см.,например, Е.Аквилонов "Иудейский вопрос", СПб, 1906/.

Некоторые духовные лица и богословы открыто поддерживали "Протоколы сионских мудрецов". К ним принадлежали известный участник СРН, член Гос. Совета архиепископ Никон /Рождественский/ и проф. С-Петербургской духовной академии А.Бронзов. Но кроме них трудно назвать еще кого-либо из духовенства, кто, по крайней мере, открыто высказывал доверие этому апокрифу до революции, хотя доверие к наличию еврейско- масонского заговора было распространено довольно широко.

Среди духовенства также распространялось представление о том, что вскоре из евреев должен явиться Антихрист, хотя это мнение разделялось преимущественно религиозными националистами и подчас трудно выяснить мотивацию такого представления у отдельных лиц. Это мнение, например, нашло карикатурное отражение в статье свящ. А.Лотоцкого /"Почаевские известия", 1909, № 771/, в которой он усматривал Антихриста в... лидере октябристов А.Гучкове на том основании, что происходя из семьи старообрядца, был в то же время якобы сыном еврейки. "Православные веруют,- утверждал Лотоцкий,- что Антихрист будет исчадием окаянного и жидовки. Уж не пришло ли время осуществиться этому верованию? Из биографии Гучкова узнаем, что он сын раскольника и жидовки".

Однако можно утверждать, что подавляющее большинство духовенства, принимавшее участие в деятельности таких организаций, как СРН или СМА,были не расистами, а религиозными националистами /см. о них статью автора "Русский религиозный национализм"/.

Русские религиозные националисты, примыкавшие к СРН, СМА, ВНС тяготились своим союзом с расистами, и это часто проявлялось открыто.

Непрочность союза расистов с духовенством и обусловила то, что в советский период при изменившихся обстоятельствах, получив новую политическую базу, русский расизм разорвал с ним свои связи и выступил, как открытый противник церкви.

Важно и то, что русский расизм смог при советской власти пережить и разрыв с Самодержавием.

Принципиальная возможность этого может быть прослежена и в дореволюционный период. Так, например, упоминавшийся выше проф. Б.Никольский в письмах на имя архиепископа Антония /Храповицкого/ резко нападал на самого царя. Так в письме от 4 августа 1905 г. он писал: "В какую бездну ведет нас неврастеническое безволие человека, не ведающего, что он творит! Какие чудовищные Ходынки

сеются в Петергофских и Портсмутских совещаниях!" Здесь он намекает на необходимость насильственного удаления императора, говоря, что "при императоре Павле все совершилось бурно и скоро".

В письме от 29 августа 1905 г. он подчеркивает эту мысль сильнее: "Истребление династии становится такою неизбежностью, что каждый русский человек должен предусматривать и обдумывать последствия этого события, чтоб оно не застало врасплох, по крайней мере, хоть людей нашего образа мыслей". 29 октября 1905 г. Никольский говорит еще увереннее: "По моему,вполне определившемуся, убеждению спасти династию от полного поголовного уничтожения - немыслимо". Более того,он возлагает на это явные надежды. "Только с истреблением династии возможен поворот". 29 декабря 1905 г. он пишет: "Помочь делу может только катастрофа. До нового царствования лучше не будет" /"Былое", 1923, № 21/.

Такие взгляды разделял, по-видимому, не только один Никольский, судя, например, по участию бывшего руководителя СМА Пуришкевича в убийстве Распутина.

Небезынтересно также отметить, что среди активных русских расистов можно встретить много нерусских, но которые выделялись своим особым экстремизмом. К их числу, например, принадлежат молдаванин П.Крушеван, редактор крайне антисемитской газеты "Бессарабец"; молдаванин П.Булацель, одно время редактор газеты "Русское знамя"; поляк С.Глинка-Янчевский, редактор центрального органа СМА "Земщина"; немец, а быть может и крещеный еврей В.Грингмут, редактор "Московских ведомостей" и одно время глава т.н. "Русской монархической партии"; главный идеолог СРН и член его главного совета Г.Бутми-де-Кацман, судя по фамилии либо французского, либо еврейского происхождения / в Бессарабии имеются евреи по фамилии Де-Кацман, что, например, явствует из судебного дела еврея Де-Кацмана в Кишиневе -"Церковный вестник",1895, № 32/. Как видно даже из этого краткого списка, печать СРН, СМА и им подобных организаций находилась под контролем лиц нерусского происхождения.

Участие нерусских в крайнем русском националистическом движении есть отражение часто встречающегося в XX веке явления, когда представители национальных меньшинств или же религиозных сект ищут выхода из своей ограниченности в большем универсализме. Хотя в России такое движение в основном направлялось в общерусское революционное движение, некоторые представители национальных меньшинств приняли участие и в русском националистическом движении. По-видимому, это были люди, домогавшиеся повышения таким образом своего социального статуса, хотя, разумеется, они должны были также обладать определенной структурой сознания.

З а к л ю ч е н и е

Таким образом, русский расизм обладал следующими внешними отличительными чертами:

1. Источник любого общественного кризиса он усматривал в злонамеренной деятельности евреев, которые добиваются мирового господства.

2. Евреи в глазах расистов выполняют роль Промысла, управляя всем ходом мировой истории по заранее разработанному сценарию.

3. Согласно взглядам расизма, евреи составляют особую расу, по своей природе враждебную остальному миру.

4. Христианство может быть полезным для борьбы с еврейством в глазах расистов, но если освободить его от всех еврейских элементов.

5. Для расистов Ветхий Завет является крайне зловредным еврейским наследием.

6. Русский расизм имел гностический характер.

7. Взглядом на образованное духовенство, как на тормоз для борьбы с еврейством.

8. Неустойчивостью отношений с церковью и самодержавием.

Все это позволяет подтвердить высказанную в начале статьи мысль о том, что русский расизм представляет собой мистическое антихристианское течение, возникшее в условиях упадка христианской цивилизации в России и имевшее существенно сходные черты с гностицизмом.

Это дало ему возможность утвердиться в качестве тайной идеологии влиятельных правящих кругов в СССР после 1937-38 гг. /см. статью автора в "New York Review of Books", 1972, 30 ноября/.

21 апреля 1974 г.

ничной агентуры департамента полиции П.Рачковского, а затем ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ представлены легковерному церковному писателю-мистику С.Нилусу, как якобы тайно выкраденные стенограммы Первого Сионистского конгресса в Базеле, состоявшегося в 1898 г. В этом апокрифе евреи уже явственно предстают в виде силы зла, по своим возможностям не только равносильной божественной, но быть может даже превышающей её по своей силе. Весь мировой процесс таким образом, уже более не объясняется Промыслом Божиим, как в традиционном христианском сознании, а тайным еврейским сценарием, рассчитанным на многие столетия вперёд, конечной целью которого является еврейское мировое господство. ~~[illegible]~~ "Протоколам", как и теории еврейско-масонского заговора в целом посвящена достаточно большая литература. Здесь же достаточно отметить, что они наилучшим образом выражали мистические поверения русского расизма. ~~[illegible]~~ "Протоколы" до революции редко кем даже из русских расистов признавались аутентичными, в виду их откровенно апокрифического характера, но со временем по мере утраты христианской критики, указывавшей на их апокрифичность, их роль возрастала и возрастает по сей день. Этим апокрифом, стал широко пользоваться современный русский расизм, прикрывающийся ныне хрупкой ~~[illegible]~~ псевдомарксистской оболочкой. Достаточно сослаться на работы, публикуемые в СССР огромными тиражами под именами Ю.Иванова, А.Ростокова, А.Евсеева и др. /см. также статью автора о книге Ю.Иванова в

Страница оригинала. Фото. Текст приведен на стр. 145 настоящего издания.

И.ДОМАЛЬСКИЙ

СКРЫТАЯ БОЛЕЗНЬ АНТИСЕМИТИЗМА

"К детям подкрадывается жидовский резник с длинным, кривым ножом и, похитив резвящегося на солнце ребенка, тащит к себе в пещеру".

/Из речи Маркова-второго, черносотенного депутата Государственной Думы по поводу дела Бейлиса/

У нас говорить об антисемитизме считается нарушением хорошего тона. Не потому, конечно, что в доме повешенного неприлично говорить о веревке, а потому, что это любимая тема сионистов, которые в свое время объявили антисемитизм извечным историческим явлением.

Извечное - это то, что было и будет. Антисемитизм был, не опровергнешь. Что же касается пророчеств о будущем, высказанных в конце XIX столетия,то они до сих пор сбывались. В нацистской действительности они сбылись, усиленные стократ.

Современный антисемитизм отличен от нацистского, но если явление изменило свою форму, оно еще не исчезло. Неизвестно, на сколько уменьшилась вражда к евреям за последние десятилетия там, где она прежде существовала. Отчетливо видно лишь одно: уменьшилась и почти сведена на нет открытая антисемитская, в духе Маркова второго, пропаганда.

Вражду не решаются проповедовать публично, и это прогресс. Знаменательным исключением являются арабские страны. В Египте и Сирии "Майн кампф" Гитлера и "Протоколы сионских мудрецов", эти концентрированно юдофобские сочинения, были переведены на арабский языки широко издавались уже после того,как Нюрнбергский международный трибунал признал нацистскую идеологию противоречащей человечности.

Антесемитской пропаганды в странах Европы и Америки ныне почти нет, а если кто, пользуясь отсутствием цензуры, и решается публично высказать что-нибудь явно юдофобское, то общественное мнение его осуждает. К примеру, западные газеты и радио частенько осуждали пропаганду каирского радио, которое до и после Шестидневной войны передавало так называемую палестинскую программу, всю начиненную призывами "сбросить евреев в море". Правда, наши газеты ее не осуждали: они просто не сообщали о ней советскому читателю. Очень осторожно о ней рассказано лишь в книге Дж.Олдриджа "Каир", вышедшей в русском переводе в 1970 г.

Так как откровенную антисемитскую пропаганду в большинстве стран сейчас не приемлют,она вынуждена применять обходную тактику косвенных лозунгов. Антисемитизм, вслух требовавший убивать евреев, был открытой общественной болезнью. Антисемитизм,открыто не призывающий уничтожать евреев,но косвенно действующий, чтобы унизить их, свалить на них все беды, сделать их козлом отпущения и выместить на них свою злобу - такой антисемитизм превратился в скрытую болезнь. Обе формы различны по своим внешним проявлениям, и потому вряд ли плодотворно прямое сравнение между ними. Больший ли участок общественного организма пора-

жен сейчас в сравнении с прошлым, или меньший - это трудно установить, поскольку пораженный участок, ранее всем видимый, сейчас скрыт. Но зато абсолютно бесспорно: скрытое состояние болезни делает ее особенно опасной.

Ненависть к евреям всегда имела более сильный накал, чем та неприязнь, которая очень часто наблюдалась в отношениях между разными народами - скажем, между немцами и французами, или украинцами и поляками. По отношению к евреям - и только к ним!-на протяжении многих веков господствовала враждебность, не утолявшаяся словесными нападками и политическими притеснениями, но требовавшая, чтобы евреи были тем или иным способом устранены начисто: либо изгнаны, либо ликвидированы как религиозная группа /т.е. крещены/, либо физически уничтожены. Специфичность юдофобства* исторически объясняется теми же обстоятельствами, которыми определялись и все прочие особенности положения еврейского народа, и прежде всего резким несходством его социального состава с социальным составом основного населения стран, где проживали евреи.

Так как особенности национального состава евреев сопутствовали им если не с первых дней расселения по древнему миру, то во всяком случае с дней раннего феодализма, о чем довольно подробно говорилось в предыдущих главах, то вражда к евреям приобрела в веках особую остроту, переплетаясь при этом с религиозным рвением христианской церкви, которой требовалось противопоставить себя родившему ее иудейству. Сейчас в этой вражде ничего уже не осталось от христианских мотивов,и само христианство уже ее перестало исповедовать. Независимо от того,как называется вражда к евреям /термин "антисемитизм" распространился приблизительно с 1880 г./, она сохранила в себе главную черту, унаследованную со времен средневековых гонений: безоговорочное неприятие еврейского народа, требующее его исчезновения.

Однако нашему веку столь антигуманные чувства не к лицу. Пропагандировать их никак нельзя. А пропаганда является важнейшим инструментом власти, которая в наше время, прежде чем что-либо сделать, должна психологически подготовить массы. Без пропаганды современные государства, и наше в том числе, не живут, и на нее тратятся колоссальные средства, совершенно невообразимые в начале XX века.

Наша отечественная пропаганда в отношении евреев, если рассматривать хотя бы послевоенное время, пережила по меньшей мере четыре фазы: сперва - сочувственное отношение к еврейскому народу, желающему иметь свое государство; сразу после этого - период всяческого расписывания еврейских грехов от космополитизма до шпионажа по заданиям Джойнта; далее - период полнейшего молчания о всех вопросах, касающихся евреев, и наконец, крестовый поход против сионизма /но при прежнем молчании о других проблемах евреев/. В мае 1971 г. он занял в "Правде", как мы видели /глава 2/, больше места, чем разъяснения решений только что закончившегося XXIV съезда КПСС.

---

* Этот термин мне кажется более точным, чем антисемитизм, который можно понять как вражду ко всем семитам, т.е. и к евреям,и к арабам /они ведь тоже семиты/. Между тем гитлеризм не питал вражды к арабам. Небезызвестный Ахмед Шукейри, будучи одно время представителем Саудовской Аравии в ООН, любил распространяться на тот счет, что арабы не могут, дескать, быть антисемитами, так как сами семиты. Этот детский довод повторяют, случается, и наши отечественные знатоки еврейских дел.

Этот крестовый поход формально не направлен ни против советских евреев, ни против еврейского народа /если не считать, что он вообще отрицает существование еврейской нации/. Чем-то он напоминает знакомые нам старинные крестовые походы: они имели своей задачей освободить Иерусалим от неверных, но как бы непредумышленно означали свой путь ограблением и убийством евреев в Майнце, Трире, Кельне и других городах, мимо которых шли отряды крестоносцев. Наш современный поход, правда, исключительно идейный. Меч в нем не участвует нисколечко. И на знамени его вражда не ко всем евреям, а лишь к одному еврейскому течению, к сионизму. Но вражда удвоенная, жгучая и свирепая. Более близкое рассмотрение пропагандистских материалов показывает нам, что борьба с сионизмом не всегда достаточно ловко прикрывает самое обыкновенное юдофобство. Но все же прикрывает, а не демонстрирует явно. Поэтому так важно остановиться на жизненных явлениях, которые наша пропаганда обходит, и прежде всего на самом для евреев типичном: на росте образовательного уровня.

Почему, справедливо гордясь и с максимальной полнотой описывая успехи в просвещении и культуре народов СССР, прежде угнетавшихся царизмом и находившихся в крайнем бесправии, наша пропаганда избегает упоминать о том, что благодаря революции евреи заняли столь видное место по уровню образования, по относительной численности ученых, по удельному весу людей техники? А ведь еврейский народ в прошлом был не менее угнетен и бесправен, чем народы Средней Азии. Об их достижениях говорит богатейшая газетная и радиоинформация, а о достижениях евреев - одна строчка в таблице статистического справочника - строчка, никогда не выходившая на страницы газет и журналов. Молчание пропаганды зачастую раскрывает не меньше, чем ее многоречивость. Чем оно вызвано? Либо определенной идеологией, либо по меньшей мере уступками этой идеологии. Об истории евреев за много десятилетий не издано ни одного научного труда. Ни об евреях до их появления в России, ни о русских евреях* совершенно так же, как нет ничего о советских евреях в массовой литературе, в газетах и журналах.

Между тем только научный исторический подход способен выработать действенное идеологическое оружие против антисемитизма. Государственные законы в силах запретить его пропаганду и его открытые проявления, но искоренить его и рассеять дух ненависти они не в состоянии. Настоящую, а не показную идейную борьбу против всякого шовинизма и особенно против юдофобства удается вести только на почве конкретного знания конкретной истории малого народа.

Необходимо объяснить, а для этого самому ясно понимать, почему евреи попали в особо тягостное положение при царизме, почему они приняли столь горячее участие в революции, почему их сейчас так много в науке и технике и так мало в колхозах и т.д. и т.п. А сделать это с помощью сообщений каирского, багдад-

---

* В царской России в годы самой мрачной реакции и антисемитского разгула все же выходили исторические и экономические труды о еврейском народе. Вот далеко не полный список книг, вышедших всего за 5 лет между 1906 и 1910 гг.: Б.Бруцкус. Профессиональный состав еврейского населения /1908/ Ю. Гессен. Евреи в России/1906/.Б.Бруцкус.Статистика еврейского населения /1909/. Г.Слиозберг. Правовое и экономическое положение евреев в России /1907/. С.Дубнов. Всеобщая история евреев /три тома, 1907-1910/. Я перечисляю общие труды, а о политической литературе и не говорю.

ского и вашингтонского корреспондентов невозможно.

Обилие и густой дух информации о сионистах несравнимы ни с какой другой. У нас ежедневно печатается 145 миллионов экземпляров газет. Газетная статья на любую тему, пусть и самую важную, не перепечатывается тут же в тематических сборниках. Газетные статьи о сионизме - показательное исключение: они переиздаются, скомпанованные в специальные сборники. В марте 1971 г. один за другим в течение одной недели выпущены стотысячными тиражами четыре сборника, составленные из статей, только что печатавшихся в периодической прессе: "Очаг сионизма и агрессии", "Цели и методы воинствующего сионизма", "Антикоммунизм и антисоветизм - профессия сионистов" и "Сионизм - орудие империалистической реакции". Сборники готовились в завидном темпе: первый /112 страниц/ сдан в набор 10 марта, а подписан к печати 19 марта, второй /96 страниц/ сдан 12 марта, подписан к печати в один день с первым, 19-го, третий /128 страниц/ поспел за шесть дней, четвертый /80 страниц/ - за десять дней.

В апреле 1970 и в декабре 1971 г. стотысячным тиражом выпущены еще два аналогичных сборника, но размером посолидней: "Сионизм - отравленное оружие империализма" - 320 страниц и "Реакционная сущность сионизма" - 208 страниц. Оба сборника изготовлялись по две недели каждый. Выпустить книгу в 320 страниц за две недели - не шутка. Но тема обязывает.

Итак, мало того, что газеты разъясняют всем советским людям сущность сионизма. Разъяснения повторяются в сборниках, воспроизводящих те же статьи. О монографиях, посвященных все тому же проклятому вопросу, я здесь не говорю, а только о массовой литературе. Теперь, надо полагать, нет ни одного советского человека, не знающего самым доскональным образом, что сионизма надо остерегаться и остерегаться.

Такое огромное количество однообразной и в одну точку бьющей информации неизбежно наводит читателя и слушателя на вопрос: почему об этом предмете пишут так много? И читатель не может не понять простой вещи: все это неспроста, дело не в одних сионистах. Зри в корень, как учил Козьма Прутков.

Козни врага отдаленного можно разоблачать, его обман раскрыть, но к бдительности и осторожности при этом призывать абсолютно нет нужды: враг далеко за океаном, с ним никто прямо не соприкасается, кроме немногих трижды проверенных лиц, которым разрешено туда ездить.

К осторожности и бдительности призывают широкую массу только тогда, когда враг - вот он, тут, среди нас, замаскированный. Лозунг: "Осторожно - сионизм!", вынесенный в название главного теоретического пособия по борьбе с сионизмом, обозначает: сионисты находятся среди нас. Никогда мы не слышали призыва: "Осторожно, империализм!" "Долой империализм!" - слышали, и это ясно обозначало, что среди нас империализма нет, что он далеко.

Призыв к бдительности по отношению к сионистам заключает в себе прозрачную мысль: среди нас шныряют замаскированные сионисты. Тем самым под подозрение берутся все советские евреи как возможные сионисты.

Так вышеназванный призыв "Осторожно, сионизм!" приобретает все качества современности. Уж не резник со своим кривым ножом охотится за невинными христианскими детьми, а сионист, вооруженный своей хитрой кривой теорией, шныряет среди нас, чтобы, утащив в свою идеологическую пещеру зазевавшегося мальчика, выцедить его кровь в свою сионистскую мацу.

Вся логика нашей пропаганды наталкивает читателя на мысль о том, что под словом сионист подразумеваются все евреи вообще, точно так же, как некогда все они подразумевались под именем Бейлиса. Сионист и еврей становится синонимом.

Наивно полагать, что вся массированная пропаганда наших газет имеет целью убедить евреев, чтобы они не верили Голде Меир и Моше Даяну. Неужто ради одних евреев тратятся такие огромные деньги на аппарат пропаганды, на потоки информации, на разоблачение сионистских козней, на глушение иерусалимского радио? Статьи самого острого антисемитского характера печатаются в таких журналах как "Сельская молодежь", которые заведомо не адресованы еврейской молодежи. Я уже приводил краткую выдержку из этого журнала. На кого рассчитаны эти разъяснения, нагроможденные в таком изобилии? Прямо на глазах их количество переходит в новое качество: тут уже не разъяснение, а предостережение и призыв. Кого же предостерегают: евреев ли против сионизма или всю массу советских людей - против евреев?

Пропаганда коммунистической идеологии, разумеется, несовместима с антисемитскими призывами. Но в ту область, где у нее образуется вакуум или хотя бы пониженное давление, немедленно устремляется воздух из других идеологий. Чем больше вакуум, тем сильней будет напор идей, уже отживших, казалось бы, свой век. Идеология антисемитизма заполняет пустоты там, где пропаганда отделывается общими словами или замалчивает вовсе, что характеризует советских евреев.

А вакуум не маленький. Как это ни странно, но рассказ об антисемитизме в историческом плане, не затрагивающем сегодняшнего дня, например, разбор положения евреев в царской России, тоже признается излишним. Запрещена сама тема об антисемитизме в нашей стране /об антисемитизме в Израиле любая бездарь может накропать длиннющий роман, его издадут, как бы ни был он литературно слаб и бессмысленно злобен, да еще поместят в "Октябре" журнальный вариант, как поместили произведение Ю.Колесникова/. И это узаконивает длительное существование вакуума в пропаганде. Со множеством пережитков готова она бороться: со стяжательством, с разгильдяйством, с индивидуализмом, с пьянством /правда,с недавних пор/, с неуважением к государственной собственности, с национализмом, особенно еврейским! Но не с антисемитизмом. Его нет. В пустоту, сознательно созданную изъятием целого вопроса из сферы информации, устремляется информация, передаваемая не через газеты и радио, а через разговоры за столом и в очередях, информация, ползущая из уст в уста, согласно формуле, предложенной в 1926 г. профессором Ключниковым: "То, что скажет русский русскому, он еврею не скажет". Не скажет до поры до времени. А позволят - и скажет. Если пережиток существует, но объявлен не существующим, то тем самым ему открывается полный простор для развития.

Мало того, специфические условия, также создаваемые вполне сознательно, могут поощрить, усилить, стимулировать то недоверие к евреям, которое сеет юдофобская идеология. Эти специфические условия создаются кадровой политикой. Воздействие кадровой политики на общественную психологию - имеет чрезвычайно большое значение. По всей видимости, она находится в тесной связи с ранее отмеченными особенностями антисемитской пропаганды, являясь как бы материальным отражением, экономической проекцией жестокой борьбы идей. Идейная борьба, ведомая способами замалчивания исторических фактов, иначе и не может проецироваться на экономическую действительность.

Сама идейная борьба потому-то и идет значительно дальше цели, что она ведется не на фундаменте исторических фактов, а на шаткой основе политической конъюнктуры, требующей сегодня говорить "нет" тому, чему вчера говорили "да", и наоборот. И тут мы подходим к вопросу о том, почему еще за несколько лет до

возникновения "прогрессивных" арабских государств у нас началась ожесточенная антиеврейская кампания. Начало ей было положено задолго до того, как наша страна встала на защиту национально-освободительных движений от козней сионизма. Все это было не ответом на сионистскую деятельность - отвечать взялись позже, а прямым и непременным последствием роста великодержавных тенденций. Симптоматично, что наша печать обходит полнейшим молчанием этот первый и столь значительный этап борьбы с сионизмом. Тогдашние идейные успехи были потрясающи: единым махом были разоблачены и убиты все, кого Сталин считал главными агентами сионизма в СССР - еврейские писатели и члены Еврейского антифашистского комитета. Но именно тогда стало яснее ясного, что сионизм пришит к делу теми же белыми нитками, какими Сталин пришил к тому же делу и космополитизм, и шпионаж, и прочие нелепые обвинения. Именно в те годы зримо выступала первооснова антиеврейских мероприятий. Они шли, как об этом уже говорилось в предыдущих главах, в одном русле с другими мероприятиями, направленными против малых народов, в русле великодержавности.

После великой победы над германским фашизмом воспитание народа и особенно молодежи пошло в духе возвеличивания всего русского. Идеи великодержавности получили всеобщее распространение, правда, они были перекрашены в цвета антинационализма: борьба против национализма украинского, эстонского, латышского, татарского, еврейского, но отнюдь не борьба против российского шовинизма. Богдан Хмельницкий был возведен в герои, Шамиль низведен в английские агенты. И в центре Москвы вместо символического Обелиска Свободы была воздвигнута символическая же конная статуя Юрия Долгорукого. Она говорила воображению людей о русских властителях с длинными загребущими руками. В эти полные шовинистических выкриков послевоенные годы получила свое воспитание молодежь, родившаяся в 30-х годах. Сегодня эти люди составляют самый активный слой населения, им по 35-40 лет. Воспитанные в эпоху расцвета более откровенного, чем когда-либо, сталинского великодержавия, они усвоили все то, что изобрел тогда сталинизм.

Идеи, начавшие свое победное шествие в те годы, вскормили и вспоили всяких Шевцовых и Чуевых, они вдохновили их - и многих, многих еще! - на рассуждения об исконной русской землице, о крутых мужиках, правивших Россией, об их ратном подвиге о тех, кто им мешал и кого напрасно реабилитировали и о тому подобных прелестях кнута *. В своем сталинистском раже певцы великодержавности с завидным усерди-

---

* Из стихов Феликса Чуева, печатаемых в "Октябре":

Во все века, когда бывало туго,
Россией правили крутые мужики...

И далее, после упоминания "Грозного Иоанна" и Петра, после намека на некоего неназываемого мужика "с трубкой" и "в солдатских сапогах", такие реабилитирующие их стихи:

Но никакою кровью не ославишь
Деяния рукастых россиян,
Они в столетьях только стали правы...
/Поэма "Минута молчания"/

Упоенно толкуя о крутых мужиках, наши радетели русской славы забывают о крутой бабе, Екатерине II, коренной немке, сделавшей для величия России не меньше, чем "грозный Иоанн", раздел Польши, присоединение Литвы и Курляндии, успешные войны с Турцией, подвиги Суворова, приобретение Крыма и Новороссии... При этой крутой куртизанке Россия стала великой европейской державой. Зря, зря забывают наши певцы великую рукастую россиянку, урожденную принцессу Ангальт-Цербтскую.

ем хлопочут о первозданной чистоте русского духа. И тут уж обязательно всплывает дума об еврее, по некоторым резонным причинам выражаемая только в подтексте.

Беспокойство наших ревнителей русского духа по поводу еврейской угрозы можно объяснить уже известными нам особенностями еврейской ассимиляции. Чем дальше ассимилируются евреи, тем энергичнее они вливаются в русскую культуру.

Обилие евреев в составе русской интеллигенции происходит от того, что еврейской интеллигенции просто нет. Интеллигенция других народов, от украинской до мансийской,занята исследованием, развитием и углублением своей собственной культуры, и только евреи, начисто лишенные этой возможности, занимаются не своей, а русской историей, литературой, музыкой и танцами. Это обстоятельство родилось на первый взгляд исключительно из добровольной ассимиляции евреев. Но как раз в деле ассимиляции отчетливо видна вся условность понятия добровольности. Когда правительство закрывает школы, обучающие детей малого народа их письменности, языку и истории, то это насилие. Но уже в следующем поколении дети этих людей, не имея понятия - ибо откуда бы им его получить? - о своей национальной письменности и истории, не хотят возвращаться к ней. И это-добровольность, ведь они сами не хотят.

Отказываясь вспоминать о том, что еврейские школы, как и еврейские научные учреждения в Минске и Харькове, были упразднены, а еврейская литература и театр в прямом смысле слова убиты во время послевоенного взрыва великодержавности, духовные наследники "рукастого россиянина", шагавшего в своих "солдатских сапогах" по лужам крови, теперь пришли к выводу, что евреев следует попридержать в их стремлении к русской культуре. Отстранить тех, кто уже занял какое-то место в литературе, науке и искусстве, будет чересчур заметно. Остается охранять врата культуры от растущей молодежи, как уже охраняются врата науки.

Ревнители русских начал ничего не имеют против поэтов и писателей аварцев, киргиз и калмыков. Напротив: Расул Гамзатов и Чингиз Айтматов своими выдающимися талантами подчеркивают силу русской литературы, которая помогла им подняться до той высоты, с которой их видать миру. Пока писатели малых народов пишут о своих соплеменниках,они певцам Великой России не мешают,а дают лишний повод восхвалять рукастых россиян, которые исторически-прогрессивно покорили более сотни отсталых народов и таким способом приобщили их к победному движению могучей русской колесницы.

Если судить по числу талантов, пишущих в чуевском ключе, то их немного. Но реальное значение имеет не численность пишущих, а размеры аудитории, сочувственно воспринимающей их писания. Появление резонанса зависит от того, что частота собственной волны аудитории /т.е. ее настроение/ совпадает с частотой волны пишущих для нее литераторов. Причем собственные, давние, независимо от литературы возникшие настроения аудитории родились большей частью из других источников, а не из тех, откуда родились писательские думы и чувства.

Литераторов вдохновляют дела и приобретения русских князей и императоров, рождающие в их воображении тьму радостных и весьма глубокомысленных параллелей, - аудиторию же больше вдохновляет прозаическая простейшая идея порядка, жажда стабильности вообще и стабильности собственного положения в особенности, тоска по твердой руке в ежовой рукавице. Разные источники вдохновения, сливаясь, дают начало общей реке великодержавных настроений.

В своем наступлении на совесть честных людей шовинизм стращает их демаго-

гическими фразами: тут и космополиты, и отщепенцы, и измена, и отсутствие любви к Родине. А суть дела совсем в другом. Любовь к русскому народу, национальная гордость, привязанность к родине - чувства здоровые и естественные, свойственные каждому честному человеку. Но идеи русского приоритета, превосходства и гегемонии - совсем другие идеи. Они спрятаны вовнутрь троянского коня, который дарят нам новейшие данайцы.

Сталин был отъявленным русским шовинистом /держимордой, как выразился Ленин, явно намекая на него/. Сталинский словесный интернационализм решительно не похож на тот интернационализм, который в первые годы Октября проявлялся и во вне /провозглашение независимости Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии/, и внутри, в подборе кадров революционной власти. Как ни ответственна современная проблема научных кадров, но надо признать, что в свое время проблема руководящих советских кадров была еще ответственней. Однако она решалась без малейшей оглядки на то, что станут говорить озлобленные или отсталые люди. Евреи Свердлов, Каменев, Троцкий, Зиновьев, Сокольников, Литвинов занимали крупнейшие посты. Если бы одни евреи, это, возможно, еще мало показательно. Но и поляки: Дзержинский, Менжинский, Тухачевский. И грузины: Сталин, Орджоникидзе, Элиава, Енукидзе. И армяне: Аванесов, Микоян, Мясников. И латыши /особенно в военном аппарате/: Петерс, Алкснис, Стучка, Фабрициус, Эйдеман, Смилга. Что более способствует развитию великорусского шовинизма - наличие евреев и латышей в аппарате или недопущение в него какой-то одной национальности?

Никто не осмелится заявить, будто великорусский шовинизм когда-либо являлся ответом на национализм малых наций, это явная чепуха. Тогда как обратная зависимость сказывалась в истории не раз, и это, в частности, относится к еврейскому национализму. Он всегда обострялся в ответ на шовинистические вспышки в среде больших наций.

Но вновь рожденные настроения евреев вызвали реакцию неприязни к ним, а наоборот, неприязнь к евреям родила у них новые настроения. А виновники зла выдают явления, возникшие как следствие, за причину, чтобы этим оправдать свои мероприятия. Но от мероприятий положение еще более обостряется. Уже много лет антисемитизм циркулирует по кругу: евреи - плохие, значит, надо их поприжать, но от прижима они становятся не лучше, а хуже. Значит, надо еще крепче прижать. И так без конца.

На протяжении 30 лет после Октябрьской революции еврейский национализм почти не проявлялся. Напротив, в среде еврейского народа с исключительной силой давали себя знать интернациональные тенденции. Лишь после войны стали возникать в еврейской среде настроения в пользу новосозданного Израиля. Но они были рождены не только пробуждением национальных чувств в результате нацистского геноцида /"нацизм, - говорил Эренбург, - напомнил мне, что мою мать звали Хана"/, но также и как естественное продолжение линии советского правительства на поддержку молодого еврейского государства, как продолжение и вывод из великой миссии Советского Союза, освободившего Европу от фашизма и принявшего участие в послевоенном устройстве народа, который наиболее пострадал от нацистских убийц.

Таким образом, даже в этом деле с его явно звучащей национальной мелодией евреи СССР выступали не с узко националистических, а с гуманных интернациональных позиций, подобных тем, с каких все гуманисты и борцы за свободу выступали в период испанских событий 1936 г.

Усиление национализма в среде евреев после Второй мировой войны не было исключительно еврейским явлением. Это была часть общего,во всем мире происходящего процесса, и надо отдать себе полный отчет: это движение назад или вперед? Если оно произошло "по вине" самих малых народов, поддавшихся каким-то своим темным ретроградным внутренним силам, то оно, конечно, было движение назад. А если оно произошло как реакция на насильственную практику больших наций, как желание добыть себе свободу и независимость, то тут движение не назад, а вперед. Усиление шовинизма больших наций было главной причиной роста национализма в среде малых. Это нелегко проследить, ибо тут сплетается множество разнообразных явлений, разбор которых увел бы нас далеко в сторону: война, навязанная миру гитлеризмом и ознаменованная ростом репрессий против малых народов; подъем национальных движений в колониях как неизбежный результат их внутреннего развития; дискредитация и полное исчезновение лозунга мировой революции; и наконец, если говорить специально о Советском Союзе, невероятный взрыв российского великодержавного шовинизма, бывшего непременной составной частью всей сталинской идеологии и практики, но полностью показавшего себя после победы над Германией.

Все эти обстоятельства создали новую обстановку и новый климат в национальных взаимоотношениях, климат, в котором антисемитизму только и цвести.

Конечно, в разных странах антисемитизм далеко не во всем одинаков. Но если можно выводить какой-то общий закон его современного развития, то он, пожалуй, таков: в современном мире, в отличие от древности и средневековья, антисемитизм возникает как один из способов утверждения великодержавности. Духовно-пропагандистская связь обеих идеологий - самая примитивная, рассчитанная на широкое массовое внедрение. Предлагаемая народам цепь рассуждений элементарна: мы, русские /или мы, французы или мы, немцы/ - великая нация, давшая человечеству то-то и то-то, и потому облеченная миссией двигать вперед все другие народы; чтобы выполнить свою национальную миссию, мы должны быть едины, крепки духом и неколебимы в любви к своей Великой Родине; наше единство и нашу монолитность нарушают живущие в нашей среде евреи, ибо и у них есть свое единство, давнее и доныне не исчезнувшее несмотря на их ассимиляцию. А именно - их объединяет дух космополитизма, проявляющийся в том, что американские евреи заступаются за советских евреев, а советские, в свою очередь, болеют за судьбу израильских. И в заключение идет хорошо известный тезис о мировом сионизме как первом помощнике империализма.

Мысль о том, что космополитизм есть лишь обратная сторона национализма. /всякого или только еврейского, неясно/ впервые, если не ошибаюсь, высказал Трофим Кичко, ученый семитолог, знаток талмуда, мишны, агады, галахи, библии, сионизма и еврейских недостатков, в своем сочинении "Сионизм и иудаизм". Она повторена у Ю.Иванова и совсем недавно, в 1973 г., вновь высказана в № 3 журнала "Вопросы истории": "Итак, крайний национализм сливался в сионистских доктринах с космополитизмом " /знакомая нам статья Л.Востокова "Антинародная деятельность сионистов в России"/.

Был ли случай, чтобы в наших газетах и книгах говорили о космополитизме нееврейском? Космополитизм с самого начала трактуется как исключительно еврейский грех. А противоположен ему, ясно, патриотизм, который таким образом трактуется как добродетель, чуждая евреям.

Что будет через 30 лет, не предскажешь. Дай-то Бог не ошибиться в прогнозе хоть на 10 лет. Вероятно, к этому времени не исчезнут все советские евреи до единого.Но разве неизвестно,что антисемитизм разлагает общество независимо от

того, много ли в нем евреев или мало?

Август Бебель когда-то сказал, что антисемитизм - это социализм дураков*. Эти слова кажутся удивительно верными, когда читаешь сочинения сионологов,трактующих о еврейском засилье или присматриваешься к действиям тех, кто добивается социалистического равенства в приеме евреев на научную работу.

Сейчас евреи составляют менее 1% населения СССР. Но антисемитизм составляет во много раз больше одного процента внутренних опасностей советского общества. Тот факт, что наличие антисемитизма отрицается, неизмеримо усиливает его опасность.

Считаю необходимым уделить несколько страниц тому, что можно назвать психологическим портретом антисемитизма: как только дело коснется евреев, с антисемитов мигом слетает все их человеколюбие. Вообще убийство людей вызывает их гнев. Но убийство евреев - нет.

Описание любых страданий почти никогда не может быть холодным описанием. Оно эмоционально, и никогда никто не осудит автора за то, что он не сумел эпически спокойно описать, скажем, Гернику или Лидице. Но если описывается смерть сотен тысяч евреев, то это называется "стенаниями сионистов".

Современный антисемитизм, лишенный возможности открыто призывать к убийству евреев, проявляет себя в своем резко отрицательном отношении к еврейскому мартирологу. Для антисемитов он не существует. Они с полным спокойствием шагают по пеплу евреев.

Чтобы в этом наглядно убедиться, нам придется встретиться с маститым литератором Юрием Ивановым. Он поможет нам установить, во сколько оценивал жизнь еврея Адольф Эйхман и как к этой оценке относится наша сионология. Следует, кстати, заметить, что в книгах,в статьях сионологов саму поимку Эйхмана стараются изобразить не как акт возмездия, а как одну из обычных еврейских сделок. В том же ключе трактуется история переговоров с Эйхманом в 1944 г.: их называют сговором,и не иначе.

У Ю.Иванова этот "сговор" описан очень красочно, на трех страницах /97-99/, но так как его книга не утаена в недоступных фондах, то процитирую лишь самые важные места.

"В первых числах мая 1944 г. Эйхман получил задание обеспечить через сионистов /неужто в задании указывалось, чтобы он действовал именно через сионистов? Осведомленность Иванова потрясает/ поставку 10 тысяч грузовиков на Восточный фронт /на какой именно фронт, видимо, тоже было оговорено в задании/ в обмен на обещание освободить лиц еврейского происхождения, находящихся в немецких лагерях, с целью их отправки в Палестину /знание целей - специальность Иванова/... Сионистские лидеры во главе с Х.Вейцманом без колебаний

---

* Та же мысль звучит в крылатых словах Гладстона, ответившего на запрос в парламенте, не способен ли растущий в Европе антисемитизм перекочевать в Англию: "Антисемитизм нам не грозит, так как мы, англичане, никогда не считали евреев умнее себя".

согласились... Сионисты всегда рассматривали Советский Союз и его вооруженные силы как своего непосредственного врага, поэтому принятое ими решение вполне закономерно.

Далее говорится о том, что в советских войсках служили и евреи, но сионистов не трогала "их возможная гибель при обстоятельствах, которым были готовы активно содействовать сионисты".

Не стоит и разбирать вздорное утверждение, будто сионисты всегда рассматривали Советскую армию как своего непосредственного врага. Это неумная ложь. Имя своего непосредственного врага не дают паркам и лесам, а из книги самого же Иванова можно увидеть, что вблизи Иерусалима имеется лес имени Красной Армии /стр.135/. Займемся вопросом по существу.

Если бы "сговор" состоялся, то в результате его несколько сот тысяч евреев, еще оставшихся живыми в лагерях смерти /май 1944 г./,были бы спасены ценою 10000 грузовиков. Но союзники отказались,хотя, как пишет Иванов, "Хаим Вейцман ... настойчиво требовал от Уинстона Черчилля помощи в техническом осуществлении проекта поставки грузовиков. Лишь страх перед гласностью и гневом международного общественного мнения, - продолжает Иванов, - заставил организатора многочисленных диверсий против СССР" с огромным нежеланием и тяжелым сердцем... отказать". Чьи слова Иванов взял в кавычки - непонятно, он не имеет привычки это указывать, но ясно, что под "организатором диверсий" понимался Черчилль. Иванов установил, что Черчилль отказал лишь из страха перед гласностью и гневом общественного мнения. Сомнительно, чтобы мир осудил Черчилля, решись он спасти еще не убитых евреев ценою 10000 грузовиков. Вот Сталин - тот бы, вероятно, осудил, хотя ему на мнение общества было наплевать. К тому времени, к лету 1944 г., уже было абсолютно ясно, что речь идет о жизни и смерти евреев в лагерях: то было время самого разгара работы крематориев.

Само негодование Иванова по поводу возможной смерти советских солдат от грузовиков несет в себе ответ на вопрос, что ему дороже: грузовики, несущие возможную смерть /но при том косвенно - грузовики все же не бомбы, не пушки/ советским солдатам, или евреи, уже запертые в лагере смерти и не косвенно, а прямо стоящие на очередь в крематорий.

Нравственную сторону несостоявшейся сделки следует подробнее разобрать. Сионологи ведь нравственная публика! Их возмущает коммерческий дух сделки:сионист Вейцман покупает евреев за грузовики по цене: жизнь ста или пятидесяти евреев за один грузовик. Ах, он торгаш!

В любом случае, когда гангстер вас шантажирует, вы оказываетесь перед выбором: либо спасти пленника, но тем самым материально помочь гангстеру, либо не помогать ему, но тем самым не спасти пленника. Захватив жертву, гангстер одновременно захватил и вас, и вам дано разбирать лишь те варианты, какие он предлагает.

Человеческая совесть потому и осуждает систему заложников, что это принципиально гангстерская система. Тот, кто в этом трудном случае ведет переговоры с гангстером, осуждению не подлежит*. Он пытается спасти заложников, ибо с той

---

* Правда, однажды уступив гангстерам, он рискует, что те снова и снова будут хватать заложников, чтобы шантажировать его. Именно так оно и происходит на наших глазах: захватывают пассажиров гражданских самолетов

минуты,как Эйхман предложил союзникам сделку "евреи - грузовики", эти евреи превратились в заложников.

Бандитская система заложничества, имеющая свою историю, это презренный, подлый метод,и недостойно поступает литератор, который, описывая подобные случаи, изображает тех, кто захватил пленников, и тех, кто пытается выручить пленников, морально равными участниками сделки. Тут равенства нет и не может быть. На одной стороне шантажирующий вас подлец /и те, которые к его подлости терпимы/, а на другой стороне - жертва и те, которые хотят ее спасти.

Я ничего не добавил к сообщению Ю.Иванова, только попытался зримо представить себе "лиц", чья судьба решалась в мае 1944 г. Несколько простых рассуждений показали, мне думается, истинную цену благородного негодования высокоморального сионолога.

Для полной ясности все же напомню: в мае 1944 г., когда затевалась "сделка", гитлеровские войска отступали стремительно. Грузовики использовались тогда больше для эвакуации войск и награбленного добра, чем для подвозки снарядов. Весь этот рассказ ярко аттестует тех, кто, жонглируя словом "сговор", демонстрирует свое полное безразличие к самой жизни сотен тысяч евреев.

Говоря о современной истории евреев, мы неминуемо подойдем к вопросу, который не может обойти ни один добросовестный автор, пишущий о них. Только сионологи ухитряются полностью замолчать его, и это отлично характеризует их идеологию.

в качестве заложников, а общество бессильно против шантажа. Отличительная черта новейшего гангстерского шантажа - искусство эксплуатировать человеческое чувство родственности, дружбы и порядочности. Если гангстеру не с руки захватить вас, он захватывает /или подчиняет себе иными способами/ тех, чья судьба вам не безразлична. Дело тут вовсе не в том, каким оружием действует гангстер, а только в том, кого он избирает своей непосредственной жертвой.

Это слишком приложимо к так называемой нефтяной войне арабских стран. Чтобы ударить по Израилю, бьют по Японии и странам Западной Европы, которые таким образом превращаются в заложников в самом прямом смысле слова. Японии нечем дать отпор королю Саудовской Аравии Фейсалу: он волен продавать свою нефть кому хочет. Японии остается только "пересмотреть свою политику по отношению к Израилю". Примечательно, что король Фейсал, этот самый богатый человек мира, чьи капиталы превосходят капиталы Рокфеллера, выступает в роли покровителя прогрессивных арабских государств, а их социалистическое целомудрие от этого не страдает.

Впрочем, торжество шантажа недолговечно. Оно ускоряет технический прогресс и поиски автономного топлива. Фейсал и его идейные друзья рубят сук, на котором сидят. Самые ценные богатства в наши дни - не ископаемые, а богатства разума и науки. Один университет ценнее множества нефтяных вышек. Но университет, я не устану повторять, бесплоден без свободы мысли и слова.

Когда Е.Евтушенко напечатал свой "Бабий Яр", антисемиты ополчились на него: как? В Бабьем Яре расстреливали не одних евреев, а ты о них одних пишешь? Между тем дело в том, что одних лишь евреев убивали всех поголовно, и только за то, что они евреи. Суть в тотальности смерти для евреев. В поголовном уничтожении вся сущность еврейской трагедии. Киев 1941 года превзошел Умань 1748 г., тем больше оснований его помнить.

Самое неоспоримое из всех нравственных прав, которые должны быть признаны за советскими евреями, - это право помнить Бабий Яр. Его засыпали. Может быть, иначе не могла бы расшириться столица УССР. Но над ним ведь и памятника нет. Отделались от величайшей еврейской трагедии мемориальной доской. Сравним Бабий Яр с литовской деревней Пирчюпис, жители которой, 119 человек, были заживо сожжены нацистами. Или с деревней Новая Слобода вблизи Путивля на Украине, где нацисты летом 1942 г. уничтожили 586 мирных граждан. У деревни Пирчюпис памятник работы Гедиминаса Иокубониса. Скульптор получил за эту работу Ленинскую премию 1963 г. Фигура скорбящей матери стоит в Новой Слободе, и сюда едут тысячи людей.

Все величественно увековечивают, кроме еврейской братской могилы. Между тем не исключено, что именно трагедия еврейского народа помогла всему миру вглядеться и понять весь ужас тоталитаризма. Нельзя же рассматривать Бабий Яр только с киевской колокольни - он виден всему человечеству.

Бабий Яр засыпан, чтобы о нем забыли, но засыпать человеческую память так просто не удается. Тезис сионологов, что история еврейских страданий есть лживый и вредный миф, относится и к Бабьему Яру: они не прочь уверить нас, что его вообще не было. Но имя того сановника, кто первый повинен в том, что Бабий Яр засыпали сплошь, даже не поставив памятника, уже завтра не прошелестит нигде. А название оврага, где совершилась невиданная в истории казнь еврейского народа, будет звучать как вечное напоминание людям.

— — — — — —

Сказать, что антисемитизм выступает замаскированно, будет не совсем точным. Он не столько маскируется, сколько приспосабливается. Он не волк в овечьей шкуре - его правильнее было бы сравнить с кукушкой, кладущей яйца в чужие гнезда. Кукушонок, вылупившись, не особенно отличается от других птенцов в гнезде. Но вы знаете, как ведет себя дальше кукушонок. Он разевает свой жадный клюв шире, чем все остальные птенцы в гнезде. С каждым днем он становится все ненасытнее, да и растет он не по дням, а по часам. Он крепнет быстрее всех птенцов-соседей, и вскоре одного за другим выталкивает их из гнезда. Кукушонок антисемитизма еще не совершил всего того, на что он способен.

Э.ВАН-ДЕН-ХААГ

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МИСТИКА

/Перевод В.Браиловского/

От переводчика: В этой небольшой статье, взятой из книги американского психолога проф. Э.Ван-ден-Хаага, излагается несколько непривычный для советского читателя взгляд на природу антисемитизма. Автор исследует проблему антисемитизма с точки зрения коллективной психологии. Такой подход часто оказывается плодотворным в расшифровке сложных социальных явлений, носящих общенациональный или даже - как в нашем случае - наднациональный характер.

Радикальные партии всегда прибегают к построению упрощенных концепций реальности /зачастую незаконных, неадекватных/. так чтобы, в конце концов, манипулировать набором стереотипов. Пользуясь этим набором, они и формируют свое миропонимание, сводящееся к захвату ими власти и немедленно следующей за этим ломке существующих общественных отношений.

Так, нацисты верили, вопреки логике и фактам, что наличие общих черт, якобы присущих всем евреям, должно вести к совместным действиям и общим целям, причем эти цели - порабощение и эксплуатация нееврейского населения. Свою теорию нацисты подкрепляли время от времени грубо сфабрикованными документами - такими, например, как "Протоколы сионских мудрецов".

Популярность подобных теорий основывается на общечеловеческой склонности считать все нежелательные жизненные явления результатом злонамеренной деятельности неких демонов, причем в эпоху падения религий роль демонов с успехом выполняют произвольно выбранные группы людей - например, евреи или капиталисты. По Гитлеру, Германия проиграла первую мировую войну из-за того, что евреи нанесли немцам удар в спину, а великая депрессия 30-х годов была вызвана совместными усилиями евреев-капиталистов с Уолл-стрита и коммунистов - тоже евреев. И так далее.

Задолго до Гитлера Карл Маркс, кстати, сам еврей, - создал подобную систему взглядов, объявив первоосновой мирового зла капиталистический строй. Его менее изощренные последователи пошли еще дальше, переложив вину с капиталистической системы на самих капиталистов. Очевидно, что логическая структура обеих концепций одинакова. Август Бебель, умерший за много лет до появления на политической арене Гитлера, назвал антисемитизм "социализмом подонков". Сам он, быть может, не осознавал до конца убийственной точности своего определения. В самом деле, психологически антисемитизм является эквивалентом социализма для тех лиц и социальных групп, для которых идеи социальные неприемлемы либо сами по себе, либо в силу своей неисполнимости, утопичности.

Подобные системы оперируют разными символами, но их психологическая сущность всегда сводится к одному и тому же: предполагается наличие сравнительно узкой группы лиц, эксплуатирующей подавляющее большинство населения в

целях получения прибыли. При этом большинство "на деле" обладает неким изначальным превосходством: в силу своей расовой принадлежности и исторической миссии /Гитлер/ или в силу своего пролетарского происхождения, экономического значения и, вытекающей из всего этого, исторической миссии /Маркс/. Историческая миссия состоит в уничтожении неполноценного в расовом или социальном смысле меньшинства, после чего наступает Золотой век.

Кстати, теории "заговора" можно отыскать в примитивной антропоморфизации. Дело в том, что каждый человек имеет /или думает, что имеет/ цель своих действий. Поэтому ему трудно поверить, что такие явления, как экономическая депрессия, война или несчастный случай на транспорте, не есть результат чьей-то целенаправленной деятельности. Психологически естественно увидеть во всех этих несчастьях козни демонов, или - в наш просвещенный век - злую волю какой-нибудь группы лиц.

Любопытно, что в наше время появился новый вариант древнего мифа о демонах и их человеческих прислужниках. Мы имеем в виду учение Миллса о "всесильной элите". Каждая из подобных версий начинается с открытия того, что некоторые люди могущественнее большинства других, имеют более высокий престиж и доходы. Далее выясняется, что их могущество не распространяется только на какую-нибудь одну сферу, но мигрирует из одной сферы в другую: так, генералы становятся директорами компаний, директор сталелитейной корпорации становится директором корпорации электрической, а человек, влиятельный в штате Калифорния, без ущерба переносит свое влияние в штат Нью-Йорк. Отсюда делается заключение, что все эти люди, объединяемые в одну группу только по признаку их могущества, имеют много общих черт и единую цель - получение определенных выгод за счет нанесения вреда другим. Именно "они сделали это" - начали войну или проиграли ее, устроили инфляцию, занимаются империалистической экспансией или трусливо отступают.

Вслед за Гитлером или Миллсом мы можем предложить не менее стройную теорию. Элита, угнетающая нас, - не богачи и не евреи. Это - "очкарики". Ведь это именно они преуспевают на всех постах в качестве генералов, директоров корпораций, сенаторов, министров и музыкальных критиков. Они сплели заговор, направленный против тех, кто не носит очки. Эта теория может быть доказана столь же серьезными аргументами, как и вышеприведенная.

Мы уже говорили, что евреи по многим причинам - удобный объект для создания аналогичного социального мифа. В них явно было что-то общее, выделявшее их из всего остального окружения, - они были евреи. Чуждые и странные, отторгнутые от жизни общества, элементом которого они являлись, они противопоставляли своей отторгнутости активность и честолюбие и часто добивались выдающегося положения. Они казались со стороны членами какой-то таинственной секты, вездесущими, могущественными, зловещими. Разве евреи не окружают нас повсюду? И не являются, таким образом, причиной всего? Это "таким образом" и есть основа ложного вывода. "Очкарики" занимают также выдающееся положение во всех областях, но из этого не следует, что они имеют общие цели и действуют сообща. Но отсутствие логики с лихвой возмещается в подобных теориях их наглядностью и общепонятностью.

Такие широко известные характеристики евреев, как стремление к образованию, низкий уровень юношеской преступности и алкоголизма, тоже не вызывают одобрения антисемитов. Стремление к образованию они объявляют составной частью еврейской предприимчивости, направленной на захват власти над миром. Нежелание быть пьяным вызывается осторожностью заговорщика, боящегося случайно вы-

болтать свои зловещие планы. А отсутствие потребности в совершении уголовных преступлений объясняется тем, что каждый юноша и так состоит в преступном заговоре вместе со своими родителями.

Интсресно, что все эти параноидальные фантазии являются в известной мере каким-то искаженным отражением полуреальности. В мессианистской мечтательности евреев, в их воздержанности можно увидеть нечто от боязни выдать враждебному миру тайную вину. Эта нравственная обеспокоенность воспринимается и толкуется антисемитами как социальная реальность. На психологическом уровне, таким образом, антисемитизм есть результат совместных усилий евреев и антисемитов, на уровне же рациональном - это бессмыслица, псевдообъяснение истории, помогающее перенести вину за неустройство мира с себя на других.

И, тем не менее, эта бессмыслица явилась причиной уничтожения шести миллионов невинных людей. Трудно верить в Бога, еще труднее поверить в человеческий разум.

/Из книги Э.Ван-ден-Хаага "Загадка еврейства"/

Х Р О Н И К А

С 1-го по 5-ое июля в Москве должен был состояться Международный Семинар по применению физики к нефизическим вопросам, организованный группой ученых, не имеющих возможности работать в государственных учреждениях /М.Азбель, В.Браиловский, И.Браиловская, А.Воронель, А.Лернер, А.Лунц, Д.Рамм, Г.Розенштейн, В.Рубин и др./, и поддержанный Тель-Авивским Университетом. Программа заседаний включала около ста докладов на различные темы пограничного характера, касающиеся физики, математики, биологии, социологии и общих проблем науки. Среди докладчиков были представлены такие выдающиеся ученые как А.Сахаров, Дж.Уолд, Дж.Займан, Г.Шютте и др.

Советские власти,однако,не позволили провести этот семинар. Не имея к тому никаких законных оснований, сотрудники КГБ были вынуждены действовать силой, применяя незаконные средства. Девять участников Семинара были арестованы и без предъявления обвинения содержались под стражей вдали от Москвы до 6-го июля /от восьми до пятнадцати суток/. Шестеро были подвергнуты домашнему аресту, при котором контролировались даже малолетние дети. Под домашним арестом содержались также жены арестованных. Пять участников Семинара все же сумели дойти до квартиры А.Воронеля, где должны были проходить заседания,и были схвачены уже непосредственно у цели /М.Шепелев, М.Микулинский, В.Давыдов, А.Таргонский и Б.Гурфель/. Хозяйка квартиры, Н.Воронель, была изгнана из дому и провела десять дней под "домашним арестом" в чужой квартире. У места "преступления" дежурил наряд сотрудников КГБ с оперативными машинами, кинокамерами, биноклями и подслушивающей аппаратурой. Квартира подверглась негласному обыску, замок дверной был блокирован, а все приходящие задерживались и отводились в отделение милиции, где с ними проводили пугающие беседы.

В осуществление программы семинара Оргкомитет решил провести все доклады, заявленные на Международный Семинар, на заседаниях регулярного семинара, проводимого этой группой каждое воскресенье в 12 часов дня на кв. А.Воронеля или В.Браиловского /см. Хронику в № 5 нашего сб./.

24 июля на квартире А.Воронеля был произведен сотрудниками КГБ обыск, якобы по делу ленинградского писателя В.Марамзина. При этом были также обысканы В. и И.Браиловские, зашедшие в гости. Во время обыска были отобраны все материалы Международного Семинара и подготовленный к выпуску седьмой номер нашего сборника "Евреи в СССР", которые заведомо не могли иметь отношения к делу В.Марамзина. Таким образом наша работа по сбору материалов о жизни, истории и культуре еврейского населения в СССР также сознательно затрудняется властями.

И С Т О Р И Я

Помещая в этом номере очерк русско-еврейских отношений в VIII–XVII вв /т.е. веках, предшествовавших непосредственному массовому контакту/, мы хотели бы обратить внимание читателя на глубоко усвоенный еврейский элемент в самих основаниях русской культуры, воспринятый до отделения светской культуры от религиозной, и приведший ко множеству идеологических аналогий между еврейской /до разрушения второго храма/ и русской историями. Эти-то аналогии дают возможность евреям глубоко укорениться в русской культуре, и они же вызывают непрерывное раздражение русских националистов по поводу якобы насильственного внедрения евреев в их национальную жизнь. Так, в № 5 русского националистического журнала "Вече" содержалось прямое утверждение, что раскол в русской православной церкви был вызван деятельностью крещенных иудеев Симеона Полоцкого и Арсения Грека, а также множества других /?/. У нас нет никаких сведений о национальной принадлежности Симеона Полоцкого и Арсения Грека /грека?/, и мы не считаем себя компетентными в вопросе о причинах раскола, поэтому мы не собираемся всерьез принимать это утверждение. Но нам понятны психологические и исторические мотивы таких утверждений, а нижеследующая статья показывает, что эти мотивы имеют в русской культуре глубокие основания.

Тенденция оспорить историческое первородство Израиля в русской традиции занимает несравненно более серьезную роль, чем у, скажем, католических народов. Формула "Москва - третий Рим!" имеет совсем не тот же смысл, что и у Карла Великого или Оттона I , объявлявших себя римскими императорами. Скорее эта формула означает, что "Москва - второй Иерусалим /священный город/", а соответствующий государь - первосвященник. Соответственно и народ-богоносец должен заместить "избранный Богом народ", который почему-то никак не хочет с этим согласиться и вечно мешает русскому народу утвердиться в своей уникальной роли в мире.

Э. ЛЮБОШИЦ

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В VIII - XVII вв.

Предлагая нашим читателям реферат по весьма, казалось бы, узкой и специальной теме "Евреи и Древняя Русь /VIII - XVII вв./", мы рассчитываем, что эта тема может, тем не менее, представить определенный интерес как в чисто познавательном, так и в спекулятивном плане. Поскольку источники, в которых затрагивается данный вопрос, либо труднодоступны, либо узкопрофессиональны, мы вынуждены были обратиться к реферативной форме, что неизбежно наложило на изложение некоторый субъективный отпечаток.

Приход восточных славян на земли, где позднее сложилось Древнерусское государство, датируется VI - VII вв. Примерно в то же время иные причины вызвали очередное массовое перемещение евреев Востока, в результате которого, в частности, районы нового еврейского расселения оказались в непосредственном соседстве со славянской территорией. Этими причинами были: усилившиеся преследования евреев в Византии и маздакистское движение в Иране. Восстание Маздака /523-531 гг./ привело к массовому истреблению евреев, проживавших на иранской территории. Не вполне ясно, в каком отношении к восстанию находилась еврейская община Ирана. По одним данным /Артамонов/ экзарх /экзиларх/ общины Мар-Зутра был близким соратником Маздака; по другим /Дубнов/ - напротив, Маздак и его соратники осуществляли истребление евреев, и Мар-Зутра пал жертвой маздакистов. Как бы то ни было, после мученической смерти Мар-Зутры /530 г./ многие евреи устремились из Ирана в Палестину и на Кавказ. Считается, что именно в это время образовались еврейские поселения в Дагестане. Позднее горские евреи сыграли важную роль в иудаизации Хазарии и тем самым, косвенно, в средневековых русско-еврейских отношениях.

В VI - VII вв. усилились гонения на евреев и в Византии, достигшие максимума при императоре Льве П. В поисках спасения еврейские беженцы покидали метрополию. Многие из них пересекли Черное море и осели в византийских колониях на северном побережье - в Крыму и на Тамани /Фанагория/. Первые сведения о проживании здесь евреев относятся к I - II вв. н.э.; начиная с VII в.,еврейская прослойка в торгово-ремесленных центрах этих колоний заметно возрастает. В дальнейшем еврейское население Тьмутаракани /Таманский полуостров/, смешавшись с остатками разгромленных славянами хазар, положило начало обширной иудаистской общине, просуществовавшей до конца XI в. Благодаря еврейско-хазарскому купечеству Тьмутаракань до самого конца своего существования сохраняла значение важного центра в торговле славян с Востоком.

Более долгое, хотя и полное испытаний, существование было суждено евреям средневекового Крыма. Пережив падение метрополии, вторжения кочевников и татаро-монгольское нашествие, еврейские общины Крыма в XIV - XV вв. стали источником диффузии евреев /торговцев, ремесленников, земледельцев/ в земли по Днепру и Неману, т.е. на терррриторию Польши и Литвы. Некоторые исследователи полагают, что караимское население средневековой Литвы было выведено великими князьями литовскими из еврейских общин Крыма. Достоверно известно, что в XVI в крупные купцы-евреи в Крыму выступали в роли посредников между московским царем и крымским ханом.

В целом можно подметить любопытный факт - постепенное перемещение центра еврейской активности с востока на запад и с юга на север. В VII - VIII вв. этот центр находился на Северном Кавказе, в VIII - X вв. он смещается в хазарские земли по Волге и Дону, в X - XI вв. передвигается в Тьмутаракань, в XII - XIII вв. локализуется в Крыму, чтобы в XIV - XV вв. начать сдвигаться на северо-запад, в Польшу и Литву. Здесь "восточные" евреи встретились с гораздо более мощным потоком своих "западных" единоплеменников, переселявшихся на восток из немецких земель. Это были остатки еврейских общин Германии, уничтоженных в ходе регулярно повторявшихся жесточайших погромов XII - XV вв.

Если изобразить на карте движение евреев Востока с VII по XV век, то получившаяся линия будет напоминать огромную дугу, начинающуюся на Кавказе и через Волгу, Дон, Тамань, Крым, Украину тянущуюся в польские и литовские земли. След этого движения образует широкую полосу, окаймляющую территорию восточно-славянских /позднее русских/ владений, но нигде не пересекающую ее границ. На всем протяжении средневековья в собственно русских землях никогда не существовало ни еврейских общин, ни вообще сколько-нибудь устойчивых очагов еврейского населения. Появление евреев в средневековой Руси имело спорадический и локальный характер. Массовое проникновение евреев на русские земли в новое время не было результатом переселения, целенаправленного движения самих евреев. Оно явилось следствием расширения русских границ /присоединение Украины, захват литовских земель, разделы Польши/. Сами того не ожидая и,может быть,не желая, евреи Литвы и Польши /в большей своей части выходцы из средневековой Европы/ "в один прекрасный день" оказались подданными России.

В свете сказанного поставленная выше проблема "Евреи и Древняя Русь" может показаться бессодержательной. Но такое заключение, как показывают исторические данные, было бы ошибочным. Распространение евреев и иудаизма в пограничных со славянскими землях имело определенное влияние на исторические судьбы восточных славян и русского православия.

Нет никаких документальных данных о самых ранних контактах славян с евреями. Зачастую указывают /Гессен/, что такие контакты неминуемо должны были возникнуть на торговых путях по Волге и Днепру, где заметную роль играли еврейские купцы и торговцы. Однако на пути из варяг в греки еврейские купцы вплоть до позднего средневековья /когда этот путь уже потерял свое первостепенное значение/ не составляли серьезной конкуренции византийцам,и это оставляет в качестве ареала самых ранних контактов Волгу.

В VII - X вв. волжские торговые пути находились во владении Хазарии. Территория Хазарии простиралась на юге до предгорий Кавказа, включая области Дагестана, населенные горскими евреями. Через Дербент /"Железные ворота"/ евреи востока проникали на север и оседали в хазарских городах, привлеченные широкими возможностями торгово-ремесленной деятельности и /в немалой степени/ веротерпимостью хазарских каганов. В VIII в. хазарский каган и его ближайшее окружение приняли иудаизм и объявили его государственной религией. Как пишет Артамонов, "Интерес мировой науки к хазарам всегда возбуждал единственный в истории факт принятия ими иудейской религии".

Необходимо отметить, что факт этот все же не единственный в истории. Как известно, в V в. н.э. иудаистское государство существовало в Йемене /Саба/. Оно было разгромлено абиссинскими интервентами, действовавшими по наущению

византийских императоров и патриархов. Позднее иудаизм, занесенный с пленниками из Йемена в Абиссинию, восторжествовал в северной части этой страны, где возникла полунезависимая еврейская эфиопская община. Жители этих районов Абиссинии до последнего времени считали себя евреями. У испанских хронистов XVI - XVII вв. имеются указания о существовании исповедующих иудаизм индейских племен бассейна Амазонки. Сюда религия была занесена евреями, бежавшими от погромов из городов испанской Америки. Таким образом, случаи принятия иудаизма более или менее значительными коллективами нееврейского населения имели место и до и после Хазарии. Верно, однако, что Хазария в этом ряду явление исключительное.

Образование Хазарии относится к VII в. н.э., однако первые упоминания о хазарах встречаются в иранских хрониках уже в середине VI в. В это время угро-финские племена аваров создали в Северном Причерноморье обширный военный союз, в который входили также аланы, болгары /занявшие Причерноморье после ухода на запад гуннов/ и славяне. После распада аварского каганата в конце VI в. восточные его земли попадают под власть тюрков. Тюркский каганат занимал территорию от Тянь-Шаня до Волги, а в 598 г. тюрки в результате решающего сражения установили свое господство над азово-каспийскими племенами савиров и хазар. В начале VII в., в ходе тяжелой борьбы Византийской империи с Ираном, аварами и частично славянами, император Ираклий устанавливает союз с западными тюрками - хазарами, болгарами и уграми.

Государственное становление Хазарии относится к 630-651 гг. Оно связано с междуусобной борьбой родов Дулу и Нушиби в Западнотюркском каганате. Болгары, верные династии Дулу, образовали в это время на берегах Азовского моря самостоятельное объединение /так называемую "Великую Болгарию"/, хазары, поддерживавшие династию Нушиби, создали свое государство в низовьях Волги и Дона. Предполагается, что возникновение этого государства связано с бегством в Хазарию потерпевшего поражение кагана ибн-Шегуе из династии Нушиби; укрепившись в хазарских землях, он провозгласил себя каганом независимого государства Хазарии. Во всяком случае, все правители государства Хазарии вели свой род от Нушиби и назывались каганами.

Слово "хазары" производят, как правило, от тюркского "хаз" - кочевать. Хазария была, подобно тюркскому каганату, объединением кочевых скотоводческих племен тюркского и угро-финского происхождения. Сами хазары относились, видимо, к уграм, состояли в родстве с болгарами, аварами и т.п. Их язык был близок к болгарскому /тюркскому/, а из современных языков - к чувашскому.

Вопрос о роли Хазарии в древнерусской истории является одной из "горячих точек" советской исторической науки. Вокруг этого, казалось бы, академического вопроса бушуют явно вне-академические страсти. Это связано, несомненно, с двумя бесспорными, но для некоторых советских историков раздражающими в своей комбинации фактами: господством Хазарии над славянскими племенами в VIII - IX вв. и иудаизмом тогдашнего Хазарского каганата. Некоторые исследователи /Иванов, Рыбаков/ готовы поставить под сомнение и даже отвергнуть показания русских летописей, ограничившись весьма неоднозначными данными арабских /!/ источников, только бы изобразить славяно-хазарские отношения в более выгодном для славян свете. В прямой связи с этой антихазарской ориентацией стоит тенденция к умалению как самой Хазарии, так и ее значения в судьбах народов рассматриваемого ареала.

Наиболее серьезно и объективно история Хазарии рассмотрена в работах Артамонова, хотя его обобщающая монография, опубликованная в 1955 г.,носит заметные

следы уступок агрессивным концепциям Иванова-Рыбакова. Для разъяснения необходимо указать, что Артамонов - специалист именно в области хазарской истории, тогда как Рыбаков, прежде никогда этим вопросом не занимавшийся, "разделался" с хазарами в двух небольших, не без блеска написанных статьях. Что же касается Иванова, выступление которого /"Правда", 25.12.1952/ положило начало "антихазарской" кампании, то он вообще не имеет никакого отношения к исторической науке. Его заметка в "Правде" имела целью всего лишь обратить внимание на еще одну лазейку проникновения "космополитических" /читай "сионистских"/ идей в русскую науку.

Согласно Артамонову, история Хазарии развивалась следующим образом. Стремясь вернуть себе прежнее величие, династия западно-тюркских каганов, укрепившаяся в Хазарии, предприняла ряд завоевательных походов. Хазары разгромили болгар, вследствие чего часть болгар осела в Предкавказье /нынешние балкарцы/, часть бежала на Среднюю Волгу, образовав там государство Волжская Болгария а остатки /орда Аспаруха/ вторглись в населенные славянами и подвластные Византии Балканы, завоевали их и положили начало Болгарскому царству. После разгрома болгар власть хазар в северном Приазовье и Причерноморье распространилась до северных берегов Дуная и южных берегов Крыма. На севере хазары установили господство над Волжской Болгарией и савирами /чувашами/ и дошли до границы лесов, занятых частично угро-финнами, частично-славянскими племенами вятичей. На юге хазары проникли до Дербента и часто совершали вторжения в Закавказье. Пользуясь успехами хазар, Византия вытеснила арабов из Закавказья и разделила здесь сферы влияния с хазарскими каганами.

В этот период устанавливаются тесные отношения Хазарии с Византией. Хазарские каганы в ряде случаев играют существенную роль в византийской политике: с их помощью вернул себе престол скрывавшийся у хазар император Юстиан II /705 г./, поддержка хазар обеспечила победу в борьбе за престол Вардаму /710 г./.

Сближение Хазарии и Византии способствовало проникновению христианства на хазарские земли. Христианство проникло в Хазарию двумя путями: через Крым и из Закавказья. В Крыму была основана общехазарская епископия, а в Дагестане в 80-х годах VII в. возникло подвластное хазарскому кагану так называемое "царство гуннов", где христианство стало государственной религией. Однако наибольшего распространения христианство достигло в хазарских торговых городах.

Одновременно с распространением христианства в Хазарию начинает проникать также ислам. С конца VII в. хазары приходят в соприкосновение с арабами. Мусульманство стало распространяться среди кочевых племен, входивших в состав Хазарского каганата.

В начале УШ в. багдадские халифы предприняли несколько попыток завоевать Хазарию. В 713-714 и 725-726 гг. арабские войска под командованием Масламы вторглись в Дагестан и Прикамье, а в 737 г. знаменитый полководец Мерван предпринял грандиозный по размаху поход в глубину Хазарии. Войска Мервана совершили марш через ядро хазарских земель, пройдя от Дагестана до излучин Волги /нынешний Саратов/. Результатом этого похода было формальное подчинение Хазарии халифату и принятие хазарским каганатом мусульманства. Однако в этих походах силы и наступательный порыв арабов истощились, установить фактическое господство над Хазарией им так и не удалось. Каганы вскоре отреклись от ислама /который растворился в массе кочевников, но, как и христианство, не стал государственной религией/, а во второй половине VIII в. сами начали контрнаступление против арабов.

Чтобы оценить значение этих событий, разыгравшихся в далеких хазарских степях в середине VII в., необходимо вспомнить, что это было время, когда арабы с двух сторон - с запада и востока - пытались проникнуть в христианскую Европу. На Западе им удалось завоевать Испанию, но в Пиренеях они были остановлены войсками Карла Мартелла. Вторжение в Хазарию создавало угрозу христианству с востока. Следовательно, "языческая" Хазария невольно оказалась заслоном христианской Европы. Ее подчинение халифату означало бы победоносное продвижение ислама на хазарские земли по Дону,Волге и Днепру; еще не объединившиеся славяне скорее всего были бы исламизированы и история Восточной Европы пошла бы по иному пути. В VIII в. Хазария сыграла для объединяющихся славянских племен ту же спасительную роль, какую впоследствии, во время монгольского нашествия, славяне сыграли для Европы.

Давление со стороны мусульманского халифата и христианской Византии создавало внешние предпосылки для поиска хазарскими каганами своей особой, независимой религии, которая могла обеспечить Хазарии достойное место между двумя грозными соперниками. Внутренние причины принятия иудаизма были связаны с экономическим развитием Хазарии. Во второй половине VIII в. она переживает политический и экономический подъем. Развивается оседлое земледелие, растут торговые города Итиль, Семендер и др., усиливается власть племенных вождей /беков/ и военачальников. Впервые в Восточной Европе складывается феодальное государство на местной основе. Историческое развитие подводило хазар к установлению единой государственной религии.

Заимствование чужой религии - довольно распространенное в истории начало религиозного формирования народов. Здесь можно подметить определенные закономерности. Путь заимствования религии характерен, видимо, прежде всего для племенных объединений, стоящих на уровне военной демократии. Подчинение таких племен более культурными завоевателями создает предпосылки для внешне-политического объединения /создания государства/. В свою очередь, возникновение государства способствует подлинному объединению на основе экономического развития, что приводит, в конце концов, к стиранию межплеменных перегородок и, следовательно, пробуждению тяги к единой религии. Так, например, проходил этот процесс в тюркском каганате, где он завершился в конце V в. принятием манихейства в качестве государственной религии. Более поздним примером того же рода является Киевская Русь. Заметим, что религиозное объединение в таких случаях происходит позднее политического и при этом совершается тоже по инициативе сверху. Однако в дальнейшей общественно-религиозной эволюции у разных народов уже наблюдаются различия, обусловленные, как правило, разной степенью агрессивности той или иной религии. В тюркском каганате манихейство осталось религией правящей верхушки и немногочисленного монашества /см. Гумилев/. Напротив, для христианства и ислама характерна идеологическая обработка масс, насильственное проникновение в туземную почву, с использованием самых жестоких средств в борьбе с племенной религией.

Путь Хазарии, видимо, был промежуточным. Он заслуживает внимания хотя бы в связи с продолжающимися попытками /Рыбаков - Артамонов/ доказать, что именно принятие иудаизма было основной причиной падения хазар. Так Артамонов пишет: "Выбор Хазарией иудейской религии имел значение политического самоутверждения наравне с арабским халифатом и Византийской империей. Но иудаизм - национальная религия; дух и буква закона не допускают прозелитства и хотя в древности наблюдались факты обращения иноплеменников, но это противоречило принципу "избранного народа". Национальный характер иудейской религии противоречил превращению ее в идеологию неограниченного происхождением классового общества, а, следовательно, и в религию разноплеменного государства. Эта религия не объединя-

ла разноплеменное население, а, наоборот, разъединяла его, потому она не могла служить прикрытием и обоснованием классового государства".

Из этих рассуждений Артамонов, как и до него Рыбаков, делает вывод о неизбежности падения внутренне разобщенной Хазарии под ударами славян.

Однако эти рассуждения страдают непоследовательностью. Прежде всего, истории достаточно хорошо известны факты массового /а не единичного/ иудейского прозелитства - как в самом Риме, так и в различных землях Римской империи. Но иудейский прозелитизм отнюдь не ограничен рамками древнего мира. Несмотря на всю непопулярность еврейского статуса в христианском и, частично, мусульманском мире факты прозелитизма встречаются на всем протяжении средневековья. Сама Хазария является наиболее ярким опровержением тезиса Артамонова о несовместимости иудейского закона с прозелитизмом. Даже в России, куда и во времена Петра 1 евреи еще не допускались /в массе/, зафиксированы случаи обращения христиан в иудейскую веру.

"Дух и буква" иудейского закона говорят о богоизбранности чтящих закон /Тору/ и подчеркивают, что миссия Израиля - просветить и повести за собой /т. е. к Богу/ все народы земли. Иными словами, они не отвергают а, напротив, предполагают прозелитизм.

В рассуждениях о неизбежности краха Хазарии также кроется историческая несообразность. Принятие иудаизма в качестве государственной религии Хазарии относится к концу VIII - началу IX в. Спустя несколько десятилетий каганат стал ареной гражданской войны и вторжений кочевых племен с востока. Эти изнурительные катаклизмы продолжались до конца IX в. Еще несколько десятилетий спустя Хазария была разорена Святославом Киевским /965/. Полтораста лет - весьма небольшой срок для распространения и укоренения новой религии в чуждой и разноплеменной среде. Это подтверждается, например, языческими выступлениями в Суздальской земле /1071 г./, спустя почти столетие после крещения Руси. Поэтому не иудаизация Хазарии стала препятствием ее дальнейшего развития и причиной военного поражения, а скорее напротив - военное поражение оказалось препятствием для успешной иудаизации и развития.

История иудаизации Хазарии восстанавливается с трудом и не полностью. Основные сведения о ней /равно как и о самой Хазарии X в./ содержатся в так называемой "Еврейско-хазарской переписке". В 959-961 гг. /более точная датировка невозможна/ кордовский еврей Хасдай-ибн-Шафрут отправил хазарскому царю Иосифу письмо, в котором расспрашивал о Хазарии. "Я спрашиваю об этом, - писал он,- только для того,чтобы ликовать по поводу многочисленности святого народа... Когда они /"уцелевшие от меча", т.е. евреи Испании/ услышали о моем господине, о мощи его государства и множестве его войск, они пришли в изумление. Через это мы подняли голову, наш дух ожил и наши руки окрепли. Царство моего господина стало для нас оправданием, чтобы раскрывать смело уста. О если бы эта весть получила большую силу, т.к. благодаря ей увеличится и наше возвышение".

Удивительно, в каких деталях повторяется подчас история!

Царь ответил в Кордову обширным письмом. Сохранились его краткая / XI в./ и пространная, или "кембриджская" / XII в./, редакции. Русский издатель еврейско-хазарской переписки Коловцов полагает,что подлинным письмом Иосифа является краткий документ, советский историк акад. Рыбаков полагает обратное, поскольку сведения о Хазарии в кратком документе кажутся ему "гиперболизированными". Уже в XI - XII вв. ответ Иосифа был известен испанским евреям /свидетельство Иегуды бен-Барзилая из Барселоны/. Анализ этого документа позволил

установить, что первым из хазарской знати, принявшим иудаизм, был некий князь Булак, по всей видимости -бек Дагестана, где иудаизма придерживалась обширная община горских евреев. Это происходило около 730-731 г. Затем в результате арабских побед авторитет кагана ослаб, а влияние Булака и его рода стало, очевидно, усиливаться до тех пор, пока его потомок Обадия не совершил государственный переворот. Обадия оттеснил кагана на роль формального главы государства и первосвященника, а реальную власть сосредоточил в своих руках. Именно он провозгласил иудаизм государственной религией Хазарии. Это произошло около 800 г. От Обадии титул царя переходил уже по наследству до Иосифа, который насчитывает между собой и Обадией 12 царей.

Двойственность верховной власти в Хазарии была аналогична разделению светской и духовной власти в древнем Израиле. Можно, однако, думать, что значительную роль в этом воскрешении традиции сыграли реальные условия Хазарии. Пришлая тюркская знать во главе с каганом вынуждена была опираться на знать местную /хазарскую/ и тем самым усиливать ее, пока она не захватила фактическую власть в стране.

Следует отметить еще одну точку зрения /С.П.Толстов/, согласно которой иудаизм был занесен в Хазарию участниками разгромленного восстания 712 г. в Хорезме, а Булат - вождь хорезмийцев.

Период становления иудаизма в Хазарии совпал с успешной борьбой против арабов, в ходе которой военно-политическое могущество Хазарии значительно укрепилось. В это же время под прикрытием Хазарии славяне начали осваивать южнорусские степи, продвигаясь на территории, находившиеся "под протекторатом" хазарских каганов. Ближайшие к хазарским границам восточно-славянские межплеменные объединения - поляне, северяне, радимичи и вятичи - стали, как об этом недвусмысленно свидетельствует "Повесть временных лет", данниками хазар. В сфере хазарского влияния находился, в частности, торговый центр полянских поселений - Киев. Возможно, к этому времени относится и появление в Киеве евреев /позднее, в XI - XII вв., документы уже отмечают наличие в Киеве еврейской общины; одни из ворот Киева в это время уже назывались "Жидовскими"/.

В начале I в. в Хазарии разразилась гражданская война, вызванная раввинистскими реформами Обадии и спровоцированная, по-видимому, главами кочевых мусульманских родов. Пользуясь войной, через хазарские степи прорвались на Днепр орды кочевников-мадьяр /венгров/. Война в силу полукочевого характера каганата длилась долго, новая религия утвердилась только при четвертом царе - Ханнуке. Косвенно в войне участвовала и христианская община Хазарии, поддерживаемая Византией. В 860 г. из Византии в Хазарию была направлена миссия Константина /Кирилла/ Философа. /Между прочим, именно во время этой поездки Кирилл обнаружил в Херсоне Евангелие и Псалтырь, написанные так называемыми "русскими письменами", что послужило толчком к созданию славянской азбуки, вероятно, глаголицы/.

В конце IX в. в Хазарии установился гражданский и религиозный мир. Многие представители знати и простые кочевники исповедовали ислам, многие из горожан - христианство, по стране распространялся иудаизм. Уже была принята еврейская письменность, еврейский язык стал языком хроник и торговых документов, официальных книг и священных свитков.

Веротерпимость в Хазарии была исключительным явлением в средневековье. Некоторые иссследователи объясняют эту терпимость неагрессивным характером раввинистического иудаизма, другие - реальной обстановкой Хазарии, где уста-

новилось равновесие религиозно-политических сил.

Конец IX - начало X века - время недолгого расцвета Хазарии и начало ее заката. К этому периоду относится изгнание венгров из северного Причерноморья, осуществленное с поощрения хазар пришедшими из аральских степей печенегами. Угрожавшие с юга асаны были разгромлены в 932 г. царем Аароном. В 913-914 гг. варяго-славянские отряды Олега впервые вторглись в Хазарию и разграбили ее столицу Итиль. Итогом этого похода было полное истребление в Итиле дружинников Олега. С именем Олега связывается также освобождение радимичей от ига хазар. В последующем Хазарии удалось повернуть Русь против Византии /неудачный поход Игоря в 914 г./. Но эти военно-дипломатические успехи были кратковременными, т.к. Хазарию уже захлестывали волны новых вторжений. Ислам распространил к этому времени свое влияние на Среднюю Азию и Закавказье /основных торговых партнеров Хазарии/, приаральских кочевников и волжских болгар; Хазария оказалась в славяно-мусульманском кольце и все более попадала в торгово-экономическую зависимость от халифата. Пока она напрягала свои силы, сдерживая натиск ислама с юга, востока и севера, новая угроза зрела на западе в славянских землях, куда исподволь проникало влияние византийского христианства. В 965 г. Святослав совершил огромной протяженности окружной марш /через вятичские земли, Рязань, Волжскую Болгарию/ и с севера вторгся в Хазарию, на которую одновременно с востока напали гузы, противники ислама и союзники Руси. Результатом этого и последующего /985 г. - князь Владимир/ походов было подчинение вятичей Киеву, захват киевскими князьями хазарских земель на Дону и Тамани, где образовалось славянское княжество Тьмутаракань /с 988 г./. Под ударами гузов и славян хазарские владения съежились до незначительной территории, примыкающей к Итилю, в степь хлынули кипчако-гузские /половецкие/ орды; многие знатные хазары бежали в Хорезм, а хазарские цари отдались под опеку хорезм-шахам. В ходе длительной борьбы Хорезма с кочевниками за обладание остатками Хазарии хазарские земли подверглись опустошению, а их население поредело, торговое значение городов упало. В середине XI в. хазарская территория была уже полностью занята гузами, остатки хазар нашли приют в Хорезме и Тьмутаракани. Именно с этого момента берет начало образование самостоятельных еврейских общин в Тьмутаракани и в Крыму.

В 1079 г. тьмутараканские хазары подговорили половцев убить черниговского князя Романа Святославича, бежавшего в Тьмутаракань, а его брата Олега /пресловутого Олега Гориславича русских летописей/, своими грабежами подрывавшего их торговлю с Византией, продали в рабство на о.Родос. В 1083 г. вернувшийся Олег "иссече хазары, иже беше светницы на убъенье брата его и на самого". Уничтожив хазарскую /видимо, иудейскую/ торговую знать Тьмутаракани, Олег правил княжеством до 1094 г. В дальнейшем упоминания о тьмутараканских хазарах исчезают из русских летописей, но русский эпос надолго сохраняет фигуру Казарина или Жидовина - врага Муромца и Добрыни. Долго еще и Крым именуется Казарией. В начале XII в. отмечено мессианское движение крымских евреев, возможно, - как отголосок гибели последних остатков хазаро-иудейской общины в Тьмутаракани. В 1245 г. Плано Корпини упоминает иудеев на Северном Кавказе. Так окончательно исчезают последние следы некогда могущественной Хазарии.

Общую оценку исторической роли этого уникального иудейского государства в азово-каспийских степях Артамонов дает в следующих словах: "Хазары создали обширное государство, в течение длительного времени вели ожесточенную борьбу с арабами и остановили их продвижение на север. С их помощью Византия выстояла в схватке с арабским халифатом. Хазарское государство было первым, хотя и примитивным, феодальным образованием Восточной Европы, сложившимся на местной

варварской основе, не прошедшей через рабовладельческую формацию. Хазария была вместе с тем первым государством, с которым пришлось столкнуться Руси при ее выходе на историческую арену". Причину гибели Хазарии автор видит в "чуждой народу религии царей", которые потому не имели в народе опоры.

Интересно сравнить эту оценку с позицией Рыбакова. Рыбаков решительно отказывается считать Хазарию великой державой, в лоне которой, як бы, вызрела русская государственность. Свидетельства летописи об уплате славянами дани хазарам, по его мнению, должны быть отвергнуты, так как не находят подтверждения в арабских источниках. Не придуман ли вообще этот эпизод, чтобы описанием освобождения радимичей от дани конкретизировать подвиги вымышленного объединителя Руси пресловутого Олега, - предполагает Рыбаков. Ведь согласно советской историографии никакого варяжского объединения Руси не было, и история Киевской Руси начинается со славянского князя Игоря Старого. Стало быть, никакого Олега не было и быть не могло.

Приведенные выше рассуждения должны дать представление об уровне аргументации советских историков в 1952 г. Продолжая изобличать злокозненных хазарофилов, Рыбаков подсчитывает, что "в реальности" Хазария занимала узкую полосу от устья Волги до устья Дона; Крым и Тамань в X в. в ее владения не входили, печенеги только потому назывались хазарскими, что захватили хазарские земли и уводили хазар в рабство; славяне платили не дань, а таможенные торговые пошлины, Русь была грозным врагом, от которого Хазария защищала мусульман /это, конечно, не очень понятно, если участь скромное значение Хазарии по Рыбакову/. По всей видимости, продолжает Рыбаков, гиперболизированное и хвастливое описание Хазарии в краткой редакции "Письма Иосифа" появилось после разгрома Олегом тьмутараканских хазар, недаром все славянские племена, перечисленные как данники, принадлежат к вотчине Олега /здесь Рыбаков допускает передержку - ни вятичи, ни поляне, ни родимичи к вотчине черниговских князей не принадлежали/. Очевидно, полагает далее Рыбаков, в ответ на этот антирусский памфлет Нестор вставил в летопись антихазарскую выдумку об Олеге - освободителе радимичей от хазарского владычества. Общая оценка Рыбакова такова: "Хазария - небольшое смежное государство, примитивное государство кочевников, существовавшее лишь потому, что превратилось в огромную таможенную заставу на Северном Донце, Дону, Керченском проливе и Волге".

Появление евреев в Киеве можно поставить в прямую связь с существованием Хазарии и ее влиянием на территории полян. Однако достоверных данных о постоянном проживании здесь евреев не имеется, хотя некоторые авторы /Даренский: "Еврейская энциклопедия"/ утверждают, что киевская еврейская община существовала уже с VII - VIII вв.

Известен рассказ летописи о выборе веры киевским князем Владимиром /966 г./ В этом рассказе фигурируют также "Жидове Казаре", агитирующие Владимира за иудейскую веру. Некоторые особенности рассказа /в частности, замечание евреев: "Разгневался Бог на смуты наши, и расточи ны по странам грех ради наших, и предана бысть земля наша Хрестьянам"/ заставляют историков думать, что он представляет собой позднюю интерполяцию, сочиненную, во всяком случае, после 1099 г /когда крестоносцы овладели Иерусалимом/. Цель интерполяции - доказать, что Русь выбрала свою религию самостоятельно и независимо от Византии. Татищев, однако, считает этих иудейских проповедников теми пленными евреями, которые были приведены Святославом из Хазарии в 965 г.

Вообще говоря, в русских источниках понятия "еврей" /"жидовин"/ и "хазарин" - почти синонимы, и это делает затруднительным различие между евреями и иудействующими хазарами.

Для XI в. имеются более четкие указания на то, что в Киевской Руси жили евреи /или же потомки иудействующих хазар/. Известен новгородский епископ /с 1036 г./ Лука Жидяга, в "Поучении" которого некоторые исследователи усматривают ветхозаветные и талмудические мотивы. Считают, что антиеврейский пафос "Слова о законе Моисеевом, данным по благодати и истине Иисусом Христом бывшим" митрополита Иллариона /интересно, что в сегодняшней популярной литературе оно именуется просто "Слово о законе и благодати"/ обращен против киевских евреев. В "Житии" игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия /1057-1074/ есть указание о его частых диспутах с городскими евреями, а о Никите Затворнике /конец XI в./ известно, что он знал "из уст Бытие, Исход, Левит, Числа, Судьи, Царства и все пророчества по чину и все книги жидовские", но отказывался изучать Новый Завет.

Видимо, все же, на протяжении XI в. в Киеве формировалась какая-то иудейская община, ибо в самом начале XII в. в летописи уже говорится недвусмысленно о массовом избиении киевских евреев. Это первый засвидетельствованный в истории еврейский погром на территории будущей России /если не считать резни, устроенной Олегом в Тьмутаракани/. Погром произошел в 1113 г. и связан был с восстанием киевлян после смерти Святополка II. Летопись сообщает: "Кияне же разграбиша двор Путятин тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я , и послашася паки кияне к Володимеру Мономаху, глаголюще - поиди, княже, Киеву, аще не поидешь, то много зло уздвигнеться, то ми ни Путятин двор, ни соцьких, но и жиды грабити, и паки ти пойдуть на бояр и на монастырь".

По мнению Татищева, Святополк "вельми сребролюбив был и скуп, для которого жидам многие перед христианы вольности дал, чрез что многие христиане торгу и ремесел лишились". Соловьев на этом основании считает меры Мономаха против ростовщичества направленными, главным образом, против евреев, - якобы, основных банкиров и ростовщиков древнего Киева. Однако проблема ростовщичества регулярно появляется в древнерусских юридических и гражданских документах и до и после 1113 г., вне всякой связи с евреями. Тем не менее, позицию Соловьева разделяет и советский историк Тихомиров. Он пишет: "Известно, что евреи были банкирами средневековья. В таком большом и торговом городе как Киев начала XII в. участие евреев в экономической жизни было несомненно деятельным. Евреи должны были /!/ принимать участие в ростовщических операциях Святополка и его тысяцкого Путяты. Этим объясняется нападение киевлян на еврейский квартал". Подобные же нападения на евреев делались в Западной Европе в том же XII веке под явным влиянием некоторых кругов католического духовенства. В церковных русских кругах XII - XIII вв. также появляются сочинения, направленные против евреев и их религии. В этом отношении характерно произведение, озаглавленное в рукописи "Словеса святых пророков", которое уже существовало на Руси в 1234 г., но появилось значительно раньше. Это произведение рисует подвластное положение евреев, потерявших свое государство, что не мешает церковному проповеднику ополчиться против своего князя за его покровительство евреям. В этом князе Тихомиров видит Святополка, но еще ранее он отмечал послание митрополита Никифора Мономаху, где в ростовщичестве обвинялся сам Мономах. Тихомиров заключает: "Указание летописи на разграбление еврейского квартала характеризует восстание 1113 г. как движение городского люда, направленное не только против феодалов, но и против купцов - менял, занимавшихся ростовщичеством".

Пользуясь аргументацией Тихомирова, можно было бы объявить народным антиростовщическим движением чудовищно зверские еврейские погромы XII - XIV вв. в Германии, Франции и других странах Европы. Хотя Тихомиров называет евреев "банкирами средневековья"; но весь им же собранный обширный материал о русских городских восстаниях X - XIII вв. не содержит ни одного упоминания /кроме уже отмеченного погрома 1113 г./ об избиении евреев в Киеве или в таких торговых городах,как Смоленск, Новгород, где по рассуждениям Тихомирова "банкиры средневековья" не преминули бы осесть и вызвать "гнев населения".

Можно было бы еще думать, что евреи не закрепились ни в Смоленске, ни в Новгороде, поскольку эти русские города никогда не входили в сферу хазарского влияния, что же касается неупоминания евреев в последующих восстаниях в Киеве /1146, 1157 гг. и т.д./, то оно может быть объяснено, если принять сообщение Татищева, что в 1113 г. Мономах изгнал евреев из Киева за ростовщичество и "склонение христиан в иудейство". Но уже Карамзин отвергает это сообщение как ложное. В 1124 г. во время большого пожара в Киеве "погоре Гора и монастыре Жидове". Тогда же в Киеве существовала "Жидовская улица", выходившая к "Жидовским воротам" /они упоминаются еще в 1169 г./, находившимся в возвышенной старой части города. К тому же времени относится упоминание о талмудисте Моисее из Киева. Однако Петахья из Регенсбурга, посетивший Русь во время своего путешествия /1175-1185 гг./, ничего не говорит об еврейской общине в Киеве.

Одно известие домонгольской эпохи касается евреев во Владимире на Клязьме - столице князя Андрея Боголюбского. В "Повести об убиении Андреевом" приближенный князя Кузьмище - Киянин, причитая над трупом своего господина, убитого заговорщиками - боярами /1174 г./, говорит: "Болгары и жиды и всякая погань... сильно плачут по тебе". Он же называет одного из заговорщиков, ключника Ясина, "жидовяном", однако летопись сообщает, что Анбал был "ясин", т.е., по мнению Костомарова, кавказец. Может быть, Анбал был кавказским евреем, а, возможно, Кузьмище назвал его "жидовином" в смысле "предателя", - в таком смысле это слово употребляется, например, в летописи, когда речь идет об измене псковичей Александру Невскому /"аще забудете Александра Ярославича... уподобитеся Жидам... наречетеся вторая Жидова"/. В связи с тем же заговором против Андрея упоминается еще один его участник, некий "Офрем Моизович", т.е. Ефрем /Эфраим Моисеевич/, но это упоминание фигурирует только в летописных списках, составленных не ранее XV в. Почти повторяя Кузьмищу-Киянина, волынский летописец говорит /1288 г./, что по случаю смерти князя Владимира Васильевича и "Жидовины плакуся, аки во взятие Иерусалима". Самое позднее из "до-московских" упоминаний о евреях на Руси содержится в договорной грамоте князя тверского с Новгородом /1317 г./, где сказано о некоем "Елферии жиде Слаличе".

Таким образом, сведения о пребывании евреев на Руси в домосковский период крайне незначительны и вдобавок неоднозначны. Они позволяют сделать вывод о несомненном существовании русско-еврейских контактов, но не дают оснований говорить ни о регулярности, ни о существенной роли таких контактов. Исключение составляет известие о киевском погроме 1113 г.

С другой стороны, иудаизм, пустив корни в Хазарии, косвенно сыграл огромную роль в становлении древней Руси, а также наложил заметный отпечаток на ее религиозно-духовное развитие. Знакомство церковных деятелей и других слоев населения с обликом иудаизма происходило не только через антиеврейскую христианскую литературу Византии и переводы Ветхого Завета, но - что намного важнее- посредством личного общения с приверженцами иудейской религии. Сильные следы этого знакомства проступают уже в первом еретическом движении на Руси - стригольнической ереси XIV в. Но особенно мощное влияние ветхозаветного иудаизма

ощущается в знаменитой ереси "жидовствующих" / XV - XVI вв./ и так называемом "рабьем учении" Феодосия Косого /середина XVI в./.Следовательно, в плане духовно-идеологическом русско-еврейский контакт, диалоги и конфронтация не прерывались на всем протяжении истории древней Руси.

Говоря о возможных русско-еврейских контактах в московский период, Гессен /1923 г./ следующим образом характеризует Московскую Русь: "Московское государство жило замкнуто, охраняя православную веру, патриархальный быт от влияния извне, оно оберегало народ от соприкосновения с иноземцами, а потому редко отпускало русских людей за рубеж и неохотно принимало у себя иноземцев. Иностранцев боялись, как возможных шпионов и насаждателей безбожных обычаев. Католики и лютеране почитались еретиками. Иноземцы не могли рассчитывать на прочную оседлость. Их терпели только как гостей и порою изгоняли. С трудом допущенные в страну иностранцы должны были жить в особых частях города или за городом, обязывались носить одежду, отличную от русской, домашние помещения иностранцев, их яства и питье считались запретными для русских. В этих условиях и евреи могли рассчитывать в московской Руси на гостеприимство".

В те времена появление евреев в России носило характер редкого события. Одно из них зафиксировано в русских источниках под 1470 г., когда в Новгород был приглашен /для защиты от притязаний Москвы/ князь Михаил Олелькович, брат польского наместника в Киеве. Вместе с князем в Новгород прибыл "киевский еврей Схария", с ним появились из Литвы и другие евреи: Иосиф, Моисей, Шмойла, Хапуш. С ними /особенно со Схарией/ связывается распространение в Новгороде, а затем в Москве ереси "жидовствующих", против которой выступили новгородский архиепископ Геннадий и знаменитый игумен Иосифо-Волоколамского монастыря, реформатор монастырского устава и глава "иосифлян" Иосиф Волоцкий.

Трудно сказать, что привело евреев в Новгород..Скорее всего, это были финансовые и торговые дела, что не исключает, конечно, встреч и бесед с критически настроенными представителями новгородской церкви, а также передачи каких-нибудь религиозных и философских книг /позднее, наличие таких книг еврейского происхождения инкриминировалось еретикам/. Видимо, евреи пробыли в Новгороде недолго; их покровитель, князь Михаил, вскоре отбыл из города, а некоторое время спустя Новгород был захвачен московским князем Иваном Ш. Татищев, склонный сочинять отсутствующие в летописи детали, сообщает, что Схария был, якобы, казнен Иваном III , но это, видимо, не отвечает действительности. Историк Русской церкви Голубинский отмечает, что "жид Схария и другие пришедшие было ему на помощь жиды совершенно исчезают из истории секты", т.е. ереси "жидовствующих". Гессен полагает, что Схария и другие евреи вошли в контакт с новгородским духовенством, в руках которого было сосредоточено заведывание мерами и весами в Новгороде и, быть может, ознакомили его с еврейским вероучением.

Некоторые историки отождествляли Схарию с пресловутым "князем Таманским" Захарией Гуйа Гурсисом /Гуйгурсисом/ или "Захарией Скарой". Этот князь находился во вражде с турецким султаном и в 1486-1500 гг. вел безрезультатные переговоры с Иваном Ш о переселении на Русь /такие же переговоры вел Иван III с крупным крымским купцом-евреем Хозей Кокосом, который в 1473-1486 гг. выполнял русские дипломатические поручения при дворе Менгли-Гирея/. Однако по мнению Ф.Бруна, Захария Гуйа Гурсис - это осевший на Тамани генуэзец и католик Гвизольфи.

Кем бы ни был новгородский Схария и какова бы ни была его судьба, связь его с ересью "жидовствующих" - бесспорный для русских авторов XV - XVI вв., в том числе для Иосифа Волоцкого, факт. Этот факт, а также определенные особенности самой ереси собственно и послужили Волоцкому основанием для определения ереси как "жидовской". Среди русских /не церковных/ историков XIX в. эта точка зрения также была преобладающей. Костомаров, на основании личных встреч и бесед с молоканами, утверждал, что русская секта "субботников" /конец XVIII в./, признававших иудейские обряды, выводила себя от Схарии. /Как пишут советские исследователи Казакова и Лурье: "Бонч-Бруевич разоблачил эту легенду Костомарова"/. Ключевский видел в ереси прежде всего движение, направленное "против всего строя русской церковной жизни XV в." Проф. Никитский /1879 г./писал,что ересь была "выросшим на чисто христианской почве продуктом того мудрствования, которое вообще свойственно русскому уму",тогда как Павлов /1877 г./ утверждал, что она была "агонией русского народного духа", вызванной его "умственной спячкой", носившей характер "умственной летаргии". Соболевский /1899 г./ обратил внимание на тот факт, что "Логика" /одна из книг, имевшихся у еретиков/ - это "Трактат по логике" Моисея Маймонида, и указал, что среди еретической литературы были и другие переводы с еврейского /"Шестокрыл", "Тайное тайных"/. Одновременно Сперанский настаивал, что еще до Схарии некий Федор /крещеный еврей/ протащил в новгородскую среду переведенный с еврейского "Мазахор" /"Псалтырь"/, причем для отвода глаз тот же Федор написал "Послание против иудеев". Берлин видит в наличии у еретиков "Мазахора" свидетельство еврейского влияния на ересь. Вернадский предполагает, что терпимость Ивана III к ереси связана с его стремлением использовать в своих политических интересах евреев Литвы и Польши и спровоцировать антиеврейские действия литовского князя. Разрыв Ивана I с еретиками был вызван, по Вернадскому, сближением литовского князя с евреями Литвы. История любит повторяться в деталях.

В советской историографии показания Иосифа Волоцкого и других современников ереси отвергаются как субъективные. Общепринятой является точка зрения Рыбакова /1933 г./, по которой название ереси придумано злобствующими церковными антисемитами, в действительности же ересь была сходна с антифеодальными бюргерскими ересями Западной Европы и ничего общего с иудейством не имела. На этом основании Казакова и Лурье /1955 г./ вообще избегают термина "жидовствующие", всюду заменяя его выражением "московско-новгородская" ересь. Будовниц и Дмитриев считают ересь реформаторской, Орлов и Лихачев - гуманистической и ренессансной. Отмечается также, что время ее возникновения совпадает с завершением феодальной раздробленности, началом централизации и, следовательно, обострением классовой борьбы.

Что же представляла собой в действительности ересь "жидовствующих"? Она была завершением /точнее, предпоследним звеном/ в длинной цепи еретических выступлений в православной среде, начавшихся еще в первой половине XIV в.

Рискуя несколько перегрузить изложение, мы считаем все же необходимым сделать краткое религиеведческое отступление в историю русской еретической мысли. Мы полагаем, что она представляет интересную пищу для ума, занятого проблемой иудео-христианского диалога.

В X - XIII вв. русское христианство все еще напоминало собой язычество, и даже не развитое язычество греков или римлян, а ту религиозную мозаику, которая имела место, например, в Передней Азии в библейские времена. Каждое из феодальных княжеств имело своего местно-освященного патрона и даже местные пантеоны патронов. Новгород чтил Иоанна и Ефремия, Псков - Всеволода и Довмонта,

Москва - Петра, Алексея и Иону и т.д. Более того, каждое княжество вверяло себя иному небесному покровителю: Новгород - св.Софии, Псков - Троице, Владимир, а затем Москва - Богородице. Все это дополнялось обилием местных святынь, чем, в частности, объясняется наличие "тихвинских", "владимирских" и прочих Богородиц и т.д. Под знаменем одних святынь разоряли и грабили храмы других. В 1066 г. Всеслав Полоцкий ограбил киевский храм св.Софии, в 1169 г. Андрей Боголюбский, возводивший на Владимирской земле храмы в честь Богоматери, разорил в Киеве Десятинскую церковь Богородицы, в 1174 г. то же проделал Глеб Рязанский в Боголюбове, а в 1203 г. повторил Рюрик Ростиславич в Киеве. Святыни одних мест не признавались святынями в других, осмеивались и "разоблачались": так, ставленник Москвы в Нижнем Новгороде Сергий велел разрыть могилу местного святого Моисея и всячески поносил его. Таким образом, наряду с фактическим многобожием и локальными культами /христианизированное язычество/ имело место также стремление /очевидно, привнесенное христианством/ доказать единственность своего символа веры. В то же время сам этот символ веры был грубо фетишистским: роль Христа, Богородицы и т.д. играли в действительности местные "спасы" и т.п., а пророков заменяли "реальные" местные святые.

Подобное состояние получило у историков название "двоеверия". Его необходимо иметь в виду при рассмотрении русского православия и русских ересей, ибо и в том, и в другом запечатлелся так и не преодоленный христианством дух народного язычества. Богословско-философские споры на Руси затрагивали, в основном, лишь узкую прослойку образованного духовенства и бюргерства; оружием ереси была, как правило, рационалистическая критика. Но для того, чтобы быть понятыми, идеологам ереси приходилось переводить свою критику на вульгарный язык чувств, внятный массам. При этом ересь принимала социальный характер, а ее утонченный рационализм облекался в формы языческой мифологии, чувственного натурализма, актуальных социальных призывов. Иными словами, на массовом уровне в ереси закреплялось то и только то, что импонировало стихийному натурализму русского народа, его неизжитому мифологическому язычеству, его коллективному социально-утопическому сознанию.

Русская ересь прошла путь от индивидуальных сомнений середины XIV в. к массовому движению Феодосия Косого во второй половине XVI в. Истоки русских религиозных исканий XIV в. коренятся в известном споре между Паламой и Варлаамом по вопросу о природе "Фаворского сияния" /и шире - о природе чуда/. Палама отстаивал мистическую трактовку сияния, озарившего апостолов на горе Фавор в миг преображения Христа, и утверждал, что апостолам в этот миг сверхчувственно открылось царство Божие. Напротив, Варлаам говорит, что свет этот "ниже и самого мышления нашего", что он простое физическое явление, постигаемое нашими органами чувств, озарило же апостолов лишь "сияние истины".

Это был спор мистика и рационалиста. Характеризуя взгляды Варлаама, Ф.Успенский писал, что "ум человеческий может постигать природу вещей... Самым безошибочным средством к познанию сущего служит логика. Соединение с Богом тождественно с постижением истины".

Позднее спор Паламы и Варлаама был подытожен их последователями в виде антитезы "рая чувственного" и "рая мысленного", возможности и невозможности чувственного постижения чуда.

Спор о возможности или невозможности воплощения чуда имел глубокую подоплеку. Крайние сторонники воплощаемости доходили до рассказов о принесенных из рая кусках дерева, яблоках и т.п., т.е. до вульгарного идолопоклонства. С другой стороны, русские последователи Варлаама /в частности, тверской епис-

коп Федор/ говорили, что, в сущности, никакого "реального рая" нет, что рай только "мыслен" /постижим разумом/ и является фактически неким духовным конструктом. В этих рассуждениях впервые выразилось проходящее сквозь всю историю русской пререформации стремление к "духовной церкви", "духовной религии", обретающейся в душе человека, а не во внешних проявлениях. Этот поиск основывался на словах апостола Павла о человеке как храме Божием, т.е. на идеях раннего, еще сильно окрашенного иудаизмом христианства. Еретик XV в. Иван Черный писал: "Древо жизни - это святой дух, живущий в праведном человеке", иными словами, "духовность" человека есть живущий в нем, а не вовне, дух Божий. В сущности, русские ереси - это непрерывные попытки преодоления присущей позднему христианству крайней объективизированности Божества, которое выносится вовне личности и способно воплотиться только в чуде. Воплощение божества в Иисусе - душа христианства, но эта натуралистическая /и в то же время внеличностная/ реализация божественной сущности сугубо чужда развитому иудаизму. Мессия во плоти - это возврат мессианского иудаизма к своим натуралистическим прабиблейским истокам.

"Двоеверие", господствовавшее в русском религиозном /массовом/ сознании, соединяло в себе стихийно-коллективное начало с христианской догматикой. Догматическая идея чудесного воплощения божества была соединяющим звеном этого противоречивого сочетания. Но натуралистическое народное сознание непрерывно пыталось преодолеть догматичность этой цели и, если можно так выразиться, предельно натурализовать Бога. На этом пункте - преодоления догматики - и сходились стремления идеологов ереси и "простых" еретиков. Но идеологи преодолевали догматику с целью обретения личностного Бога, тогда как их необразованные последователи видели в том же преодолении путь к языческой натурализации божества. Задолго до "жидовствующих" идеологи московской ереси XIV в., так называемого "стригольничества" /от слова "перестригать", т.е. обращать в новую веру/, отрицали идею воскрешения из мертвых и личного бессмертия, исходя из непризнания Христа Богом. Ту же идею в конце XV в. выдвигает митрополит Зосима: "А что то царство небесное? Что то второе пришествие? А что то воскресение мертвым? Ничего того несть! Умер кто, ин то умер, по та места и был". В послании Фотия против стригольников /1427 г./ сказано: "Яко садукеем онем проклятым подражающе суть, еже и яко въскресению не надеюще быть меяху".

А в стригольнических низах те же идеи приводили к диаметрально противоположным представлениям. Освобожденный от церковной догматики Бог представлялся простым стригольникам неразрывно связанным со всей природой, со всем сущим /в духе "Голубиной книги"/: "начался белый свет от света духа, солнце красное от мира божия, звезды частые от очес божьих и т.д." Отвергая официальный ритуал, они заменяли его "исповедью земле", т.е. фактическим слиянием с богом в его чувственном воплощении. Еще Афанасьев и Марков видели в этом обряде отражение языческих верований славян, впрочем, советский исследователь Казакова настаивает, что это всего лишь "народное понимание христианства" /т.к., по ее мнению, двоеверие на Руси к XIV в. уже было изжито/. Рассуждение Казаковой о "стихийном народном пантеизме, выраставшем на основе постоянного общения с природой в процессе труда", не кажутся убедительными. Во взглядах и обрядах стригольников отчетливо проступает мифологическое мышление, язычески-натуралистическая трактовка божества и ощущение народа "слитым с Богом". Последнее не есть еще библейский сознательный коллективизм "богоизбранного народа", а пока лишь стихийный коллективизм первобытного прабиблейского толка.

Это стихийно-коллективное слияние народа с Богом не является уникальной

особенностью русского народного сознания, на ранней стадии своего религиозного развития его прошли и древние иудеи /мало отличавшиеся в тот прабиблейский период и в плане натуралистичности трактовки божества/ и другие народы. Неудивительно поэтому, что этот стихийный коллективизм зачастую сравнивают с библейской идеей "завета бога с народом". Это сравнение, видимо, спорно; в русском народном сознании еще не было осознанной идеи "завета", но зато уже присутствовала "христианская" идея сверхчувственного божества. Впрочем, начиная с Андрея Боголюбского /и до Достоевского/ наблюдаются попытки сформулировать идею "завета" и "богоизбранности русского народа".

Двойственность природы христианского божества - отражение двойственности его генезиса. Корнями оно уходит и в ранний /натуралистический, стихийно-коллективный/, и в поздний /рационалистический, личностный/ иудаизм. Оно соединяет иудейское неприятие воплощенного бога /"кумира"/ с иррационалистической, в истоках восходящей к магии языческой мистикой восточных культов /типа воплощения Осириса/. В то время как иудаизм был отрицанием натуралистического язычества, христианство было отрицанием отрицания, т.е., по Гегелю, "снятием", отрицанием с удержанием.

Эта внутренняя двойственность создавала почву для прямо противоположных тенденций - рационалистической и натуралистической - в пределах "одной и той же" ереси. И весьма существенно, что обе тенденции, в сущности, возвращались к "урокам иудаизма": одна - к иудаизму развитому, отрицавшему чувственно-плотского Мессию, с его воскрешением, бессмертием и пр., другая - к иудаизму раннебиблейскому, грубонатуралистическому, в котором Иаков еще боролся с Богом и даже вывихнул себе при этом бедро. Вторая тенденция была стихийной, первая сознательной, вторая вела к закреплению самых консервативных черт народного сознания, первая - к реформации. Но реформация в России так и не произошла, языческий дух народа оказался сильнее рационалистической проповеди его пророков. Пророки в России остались еретиками. В этом смысле иудейский путь оказался недоступен русскому народу в XIV - XVI вв., как впрочем,и в последующие века.

Не случайно, видимо, идеи Григория Паламы нашли сильный отзвук в русской среде: исихастами /паламитами/ были и Сергий Радонежский, и, очевидно, Андрей Рублев - эти величайшие выразители русского средневекового национально-религиозного духа. Иконы Рублева - предельно высокое выражение реального, явленного, воплощенного чуда в его паламитском понимании. В этом смысле они натуралистичны: высшая божественность воплощается в них в прекраснейшую плоть, сохраняя неуловимый, но и неустранимый аромат чуда. "Страшный суд" Рублева в Успенском соборе во Владимире не "мысленное происшествие", а предельная реальность. Он сознательно вписан в пространство сводов, столбов и арок храма, чтобы у стоящего внизу человека возникала иллюзия реального присутствия при реальном событии, иллюзия окружения пространством воплощенного чуда. Здесь идея Страшного суда трактована как максимальное приближение Бога к земле, людям, к земным проблемам с одновременным сохранением дистанции между Богом и отдельным человеком. Толпы, заполняющие фрески "Шествия праведных", - отрицание "духовного", т.е. индивидуально-личностного Бога. Бог не в душе, он - в чуде, притом коллективно освояемом. Таким чудом является и "справедливость" Страшного суда.

Так же неслучайно, наверное, и то, что первые русские еретики, начиная с тверского епископа Федора Доброго, вдохновлялись идеями Варлаама, а не Паламы, отстаивая "духовность" Бога, т.е. религиозную суверенность личности.

Уместно отметить, что сам Варлаам, преследуемый паламитами, эмигрировал в Италию, где стал другом и наставником Петрарки и Бокаччо - предтеч европейского гуманизма. Таким образом, истоки возрождения в Европе и в России оказываются общими, и это истоки не социального, а духовного плана. Социальные условия - лишь условия, предпосылки; поворот в сознании народов совершает, может совершить личность, духовное начало, радикально новая идея. Идеологи русской ереси видели такую идею в "христианстве без Христа", т.е., фактически, в возврате к мессианскому иудаизму. Но для сознания русского народа эта идея оказалась неприемлема. Ему была ближе идея Христа без христианства.

Хотя христианство и предполагает двойственную природу Христа, но по существу все вненатуралистически-божественное вынесено из Иисуса в понятие Святого Духа. В таком понимании /достаточно прямолинейном, конечно/ христианская Троица есть исторически сложившееся воплощение основных генетических составляющих христианства: Бог-Отец, взятый из монотеистического иудаизма, Бог-Сын - отголосок натуралистических культов, Дух Святой - вклад неоплатонизма, Филона и т.д. Троица - генезис христианства, окаменевший в виде его основного богословского догмата, история, приобретшая форму мифа. Нам трудно подыскать этому явлению современные аналогии. В древности они, видимо, встречались чаще: история племени свертывалась в некий мифический образ, становившийся племенным Богом.

Русские /и не только русские/ ереси ополчаются прежде всего против Троицы и двойственной природы Христа, разлагая их на исходные составляющие. Поэтому во всякой ереси существует тенденция рационалистического монотеизма /иудаизма/ - одновременно с натуралистической тенденцией.

Историю русской ереси в ее внутреннем, идейном развитии можно рассматривать как непрерывный иудео-христианский диалог, как столкновение еврейской и русской национальных религиозных идей. Но во внешней, фактической, "ипостаси" русские ереси /в силу упомянутой двойственности их составляющих/ никогда не выявлялись в чисто теоретическом плане, всегда представляли собой пестрое смешение мотивов, идей и стремлений.

Вслед за еретическими рассуждениями тверского епископа Федора Доброго в истории русской ереси стоят имена ростовского епископа Маркиона и снова тверского епископа Ефремия Вислени /вторая половина XV в./. Несмотря на скудость сведений об их позиции /изложение еретических взглядов почиталось "неудобоносимым" и потому не включалось в обвинительные акты и заключения соборов/, современным исследователям удалось все же достаточно полно выявить ее основную тенденцию. Клибанов характеризует ее как рационалистическую критику христианства. Стоит отметить, что все эти еретики - выходцы из русских "центров книжности". Первое же русское массовое еретическое движение-"стригольничество" зародилось в Пскове, второе - "жидовствующие" в Новгороде, т.е. в городах экономически и культурно опережавших уровень остальной Московской Руси и тесно связанных с Европой.

Дореволюционные историки указывали на иконоборчество и антитринитарность стригольнического учения. Клибанов отрицает существование этих тенденций и подчеркивает иные: критику института христианских таинств, догмата воскрешения мертвых, утверждение мирян в качестве духовных учителей, борьбу за демократизацию книжности. Социальной базой стригольничества было духовенство. Судьба стригольников не вполне ясна. Известно лишь, что движение было подавлено, но не уничтожено: в начале XV в. церковные ортодоксы вновь выступают против стригольников, а в конце XV в. стригольники вновь упоминаются как

союзники "жидовствующих" еретиков.

Значительно больше известно о ереси "жидовствующих". Основным теоретическим источником, современным этой ереси, является "Просветитель" Иосифа Волоцкого - резко тенденциозный и клеветнический памфлет на еретиков. Исторические детали устанавливаются из анализа летописей, постановлений церковных соборов и других источников. Ересь была открыта при чрезвычайно любопытных обстоятельствах. Геннадий, назначенный новгородским архиепископом, проявил необычайную жадность и лихоимство; в короткий срок он буквально ограбил все храмы, монастыри и низшее духовенство, и не только в Новгороде, но и в Пскове. Это вызвало бурю возмущения, которой воспользовались вожди еретиков /попы Денис, Алексей и др./, чтобы доказать правоту своей критики церкви. Из Пскова вождь стригольников Захар в течение трех лет рассылает во все концы грамоты о лихоимстве Геннадия. Тогда, опасаясь справедливого наказания, Геннадий решил "пришить дело" своим противникам и с помощью нескольких продажных свидетелей объявил их опасными еретиками. Он не ограничился одними обвинениями, стал громогласно бить тревогу, слал в Москву грамоты, что сам де открыл доселе неведомый и весьма мощный еретический заговор, что он де сил не щадит в искоренении ереси и т.д. Как замечает Клибанов, "преследование обличителей своего корыстолюбия Геннадий поднимал на уровень борьбы за нерушимость догм христианства".

Самое пикантное состояло в том, что в Москве отлично знали цену внезапной идейности Геннадия: ересь "жидовствующих" ни для кого не была секретом, против нее уже за несколько лет до того выступал И.Волоцкий, но никто не придавал ереси такого значения, которое в своих истерических посланиях придал ей Геннадий. Более того, два лидера еретиков Денис и Алексей были вывезены Иваном III в Москву на протопопство и примыкали в Москве к кружку Ф.Курицына /московские еретики/, куда входил еще Иван Черный.

Дело происходило в конце правления Ивана I. В 1490 г. умер его старший сын и соправитель Иван, наследником был объявлен сын Ивана и Елены Стефановны /"Волошанки", т.е. молдаванки/ малолетний Дмитрий в обход второго сына Ивана III /от брака с Софьей Палеолог/ Василия. Сам Иван I и Елена "склоняли слух" к речам Курицына /он заведовал на Москве иностранными делами/ и других еретиков, благосклонный нейтралитет по отношению к еретикам занимали "нестяжатели" во главе с Нилом Сорским и Паисием Ярославовым. Критика еретиками церкви создавала удобную платформу для секуляризации монастырских земель, которые к тому времени расползлись на треть территории государства ,Нестяжателям и Ивану III эта критика была по душе. Именно поэтому столь яростно обрушился на ересь И.Волоцкий, рассчитывавший к тому же на симпатии Софьи и Василия.

В 1490 г. собор осудил ересь, некоторые еретики бежали из Москвы, но кружкам Курицына Иван I не пожертвовал, на Геннадия взвел опалу. Недовольная церковная и феодальная знать сгруппировались вокруг И.Волоцкого; почувствовав поддержку, перешел в наступление Василий: в 1497 г. он замыслил "отъезд" в Вологду, но был схвачен; его пособники были казнены, Дмитрий был коронован. Иосиф Волоцкий ответил введением нового монастырского устава, превращавшего монастыри в своеобразные орденские организации; церковные иерархи развернули огромную агитацию против Ивана I, их поддержал новый митрополит Симон.

Неизвестно, что послужило причиной внезапного изменения курса, совершившегося в 1499 г.: Иван вдруг назначает Василия великим князем новгородским и псковским, а вскоре /1502 г./ своим соправителем. Елена и Дмитрий брошены в тюрьму, Курицын удален, собор 1503 г. осудил еретиков, собор 1504 г. приговорил более десяти из них к казни - и они были сожжены в деревянных клетках.

Некоторые историки объясняют предательство Ивана I испугом, вызванным участием низов в ереси, другие - начавшейся в 1499 г. войной с Литвой, в которой Москва выступала как заступница православных в Литве, так что связь с еретиками компрометировала лозунги войны. Как бы то ни было, в результате предательства Ивана III ересь была разгромлена, а с приходом к власти Василия III /1505 г./ иосифляне окончательно восторжествовали и над нестяжателями. Для окончательного искоренения ереси Иосиф Волоцкий создал /это было, кажется, в первый, но не в последний раз на Руси/ теорию "двурушничества": он утверждал что еретики только для видимости ограничиваются критикой святого писания, а тайно совращают "простых людей" в жидовство, явно признают евангелие, а тайно - тору, внешне они православные, а в душе хотят обрезаться, только им их же жиды не разрешают, чтобы не разоблачаться до времени. Но двое все-таки бежали в Литву и обрезались. Одна из целей этой теории состояла в том, чтобы добиться для еретиков смертной казни, которая по византийским церковным традициям надлежала только иудеям, отказавшимся креститься.

В каком фактическом отношении находилась ересь к иудаизму? По заключению Клибанова, для русских реформаторов XV в. характерно отрицание мистики и натурализма официального вероучения /таинства причастия, литургия и т.п./, рационалистическое /основанное на изучении истории возникновения и первоначального смысла тех или иных обрядов/ толкование обрядовой стороны христианства, отрицание икон как идолопочитания /"Алексейко подъячий... напився пьян, влез в чясовну, да сняв с лавицы икону Успения Пречистые да на нее скверную воду спускал"/ возврат к обрядовой простоте апостольских времен, обращение к пророкам с их проповедью социальной справедливости и нравственности, отказ видеть в Христе Бога и Мессию и в связи с этим неверие в воскрешение Христа и второе пришествие, стремление к "раю земному", основанному на социальной справедливости, общественно-полезном труде, и в связи с этим замена праздника воскресения праздником субботы, толковавшимся в раннеиудейском духе как напоминание о правах трудящихся, закабаленных и т.п.

Не все в заключении Клибанова одинаково бесспорно, советский исследователь всячески подчеркивает социальные моменты в ереси, приглушая ее богословско-философское духовное содержание, которое, в конечно-историческом счете, всегда оказывается более важным и влиятельным. Но и в этом перечне можно увидеть многие точки соприкосновения ереси жидовствующих с идеями иудаизма. Можно видеть также, насколько практические факторы усложняют и деформируют исходные "чистые идеи".

Высшим развитием русской еретической мысли было учение Феодосия Косого, распространившееся на Руси во второй половине XVI в. Фигура Косого словно специально придумана для авторов исторических романов. Она возникла на фоне одной из самых кровавых эпох русской истории - правления Ивана Грозного. Имя Косого всплывает в связи с московским восстанием 1547 г., возведшим Ивана на престол. После восстания Косой бежит на Белозеро к нестяжателям, в среде которых еще живо воспоминание о "жидовствующих" и временах Нила Сорского, позднее Косой перебирается на Новозеро, где вокруг него организуется кружок единомышленников. Здесь вырабатывается "новое учение" Ф.Косого, отсюда его посланцы тайком проникают в Москву, Новгород, Старую Русу и другие города, ведут агитацию в кабаках и бардаках, в деревнях и селах. Перед нами едва ли не первая общерусская конспирация. В 1554 г. Косой появляется в Москве, вскоре он был арестован вместе с руководителем московской бюргерской ереси Башкиным. Башкин был сожжен, но Косому удалось бежать в Белоруссию, где он насаждает свое учение и учеников, потом уходит в Литву, где продолжает пропагандировать

свое "новое учение" и демонстративно женится на еврейке. Еще в 1575 г. Курбский упоминает о нем, как о живом. Дальнейший след его теряется. Более известна судьба его ближайшего соратника Фомы, оставшегося в Лолоцке с группой "умеренных" еретиков: в 1563 г., после взятия Полоцка Иваном IV, Фома и его соратники были утоплены вместе со всеми евреями города.

В своем учении Косой противопоставляет авторитету "человеческого предания", т.е. официально-церковных традиций, т.н. "духовный разум", понимаемый как искра божественной правды в человеке. Люди, осознавшие в себе этот разум, уже не "рабы человеков", а рабы божьи или сыновья божьи /отсюда название "рабье учение"/. Таким образом, все люди приобретают то, что церковь приписывала одному лишь Христу. По сути, это возврат к идее прямого завета между Богом и людьми. Благодаря разуму, человек уподобляется божеству и достигает блаженства, причем на земле. Значит, задача жизни - реализация посюстороннего идеала. Путь к нему - через неповиновение властям и церкви /"человекам"/.

Критика потустороннего рая естественно вела к отрицанию воскрешения, физического бессмертия и второго пришествия. В своем отрицании еретики опиралась на рационализм, понимаемый как доверие непосредственному чувству /"вульгарный рационализм"/.

Бог, по Косому, - это "Бог живых", церковь же поклоняется "мертвецам". А если все цели человека в пределах жизни, то нужен ли Христос как Спаситель? Церковь в лице Зиновия Отенского утверждала, что божественное в человеке сверхестественно, Косой настаивает, что оно вполне естественно - это человеческий разум, - а потому постижение божества и, следовательно, путь к спасению вполне в силах человека. По Отенскому, основание всех человеческих сил /нравственных, разумных, физических/ - вне человека, в Боге. По Косому, все это естественные силы, ибо человек принадлежит природе, но отличается божественной искрой разума. Человек не копия Бога, а оригинал, он самовластен /т.е. свободен/.

Все эти рассуждения приводят к выводу, что Христос никак не мог быть послан Богом, а следовательно, он не Бог, не Мессия, а один из пророков.

Изымая Христа из Троицы, еретики разрушали идею троичности. В средние века Троица была символом торжества общего над индивидуальным. Номиналисты /Росцелин и др./, признавшие только индивидуальное, были антитринитариями. Польские унитарии /Сопин, Висковатый/, которых иногда выводили из "жидовствующих", были номиналистами и учили, что "личность есть субстанция совершенная, отдельная и мыслящая". Борьба с Троицей была борьбой за индивидуальность, за личностное начало и "самовластие" /свободу воли/ человека. В русской ортодоксии Троица также поднималась до уровня всеобщей универсалии: Ермолай-Еразм учил, что весь мир троичен, троичность - божественная причина и структура мира, его миропорядок. Естественно, что в таком мире человек не свободен. Много позднее Киреевский заметил, что направление философии определяется трактовкой Троицы/.

Отвергая Троицу, еретики восстанавливали свободу человека, суверенность индивидуального и единичного, устанавливали новые отношения между богом и людьми.

Вряд ли удивительно, что "новое учение" не привилось на русской почве и не вызвало общенародной ереси. Идея суверенной личности, в конечном счете, не могла прижиться в стихийно коллективном сознании. В русской истории, строго говоря, вообще не было общенародной ереси и единственное в ней религиозное общенародное движение /раскол/ связано не с реформаторской, а с консервативной идеей.

Прослеживая историю русской ереси, мы постоянно сталкиваемся с глубоким внутренним влиянием ветхозаветных идей. Переоценка основных догматов христианства неумолимо влекла еретиков к переоценке священного писания и установлению примата Ветхого Завета над Новым. Косой вообще утверждал, что нет истины, кроме Ветхого Завета, и вся истина в нем. В истоках еретической рационалистической мысли лежали "Шестокрыл" Иммануила бен-Яакова и "Логика" Маймонида. Косой рассматривал свою общину как божьих избранников, поклоняющихся единому Богу и отвергающих божественность /мессианство/ Христа. Еретиков привлекала идея договора /"завета"/ между Богом и народом, ибо она ставила договорные стороны в относительно равное положение. Имела значение и направленность Ветхого Завета для отношений, поведения, морали людей в процессе их земной жизни. Свои социальные идеи Косой черпал из учения пророков. В своей критике ортодоксального христианства последние русские еретики шли дальше восстановления идей раннего христианства /иудео-христианства/ и подходили вплотную к идеям иудаизма.

* * *

Если в духовной жизни русского народа /по крайней мере его мыслящей, ищущей части/ иудейство через свои фундаментальные религиозно-нравственные идеи играло заметную роль, то в фактической его истории на протяжении XIV - XVII столетий его роль была практически незаметной. Документы зафиксировали лишь спорадические появления еврейских /в основном литовских/ купцов, а также отдельные случаи оседания евреев в России.

Так, в 1490 г. ко двору Ивана III был приглашен "Леон жидовин" - врач, которому поручили лечение сына великого князя. Когда больной умер, Леона казнили.

Сохранились сведения о пребывании литовских евреев - купцов в порубежных с Литвою городах Руси и в самой Москве по торговым делам. Эти данные относятся к 1539 и 1545 гг. В обоих случаях король Сигизмунд I неоднократно обращался к Ивану IV, защищая интересы евреев. Московское правительство постоянно указывало, что евреям вообще запрещено появляться в Москве. Любопытен ответ Ивана IV, датированный 1550 г.: "А что еси писал к нам, чтобы мы жидам твоим позволили ездити в наши государства по старине, и мы к тебе о том писали наперед сего неоднакова, извещая тебе от жидов лихие дела, как наших людей и от хрестьянства отводили и отравные зелья в наше государство привозили и пакости многие людям нашим делали... и в наших государствах, где жиды побывали, и в тех государствах много зла от них делалось... и нам в свои государства жидам никак ездити не велети, ... чтобы Бог дал в моих государствах люди мои были в тишине без всякого смущения. И ты бы, брат наш, вперед о жидах к нам не писал".

Имеется ряд свидетельств о том, что после взятия войсками Ивана IV Полоцка и других городов все евреи в этих городах были утоплены или сожжены, кроме тех, кто согласился принять православие. В годы Литовской войны в городах и селах Руси появились первые оседлые евреи из числа литовских и польских военнопленных. Так, во вкладной грамоте 1576 г. владелец села Рожнова в Кашинском уезде писал: "А на том мне сельце жидовского живота и всяким угодем владеть". Много евреев прибыло в Москву с Лжедмитрием I и позднее осело в Тушине; тушинские послы, направленные к королевичу Владиславу, выставляли в числе других требование: "жидам запрещается въезд в Московское государство". Однако требование это, видимо, не было столь уж существенным, поскольку послы

не стали на нем настаивать после отказа Жолкевского. Антиеврейские настроения бояр носили скорее пропагандистский характер и рассчитаны были на успокоение народа, недаром о втором самозванце был пущен слух, что он "родом жидовин" /по сообщению Костомарова, со ссылкой на "иезуитские известия", Лжедмитрий II был крещеный иудей по прозвищу Богданко/.

Вступление на престол династии Романовых отмечено усилением антииноземных /в том числе и антиеврейских/ настроений; в первой половине XVII в. въезд иноземным купцам был чрезвычайно затруднен. Евреи, попадавшие в плен в ходе начавшейся в 1632 г. войны с Литвой, отсылались, как правило, в удаленные местности; в 1634 г. им была предоставлена свобода выбора: возвращение на родину или проживание на поселении. Известно о наличии таких ссыльных евреев в Перми и в Сибири.

После указа 1634 г. многие евреи крестились и навсегда остались в Московском государстве. Крещеная еврейка Маланьица, прижившая ребенка с дворянином Клеменовым, стала героиней длительного административного разбирательства: родители требовали ее возвращения в лоно иудаизма, власти противились, Маланьица колебалась, грамоты об этом деле шли из Рыльска в Москву и обратно, пока, наконец, Маланьица не вышла замуж за Клеменова. В награду дворянин был на 10 лет освобожден от податей - как-никак, он вырвал заблудшую душу из когтей иудаизма.

Правительство неоднократно делало представления польскому королю: "жидам в Россию не въезжать". Такой же запрет последовал за началом восстания казаков против Польши /1648 г./, но с 1654 г. на Руси вновь появляются военнопленные евреи - из Витебска, Могилева и других городов, взятых русскими войсками. Как правило, евреев выселяли, предварительно дочиста ограбив и запретив возвращаться в родные места. В некоторых местах /например, в Могилеве/ попытка евреев остаться в городе повлекла за собой массовые казни, в других городах /как Гродно/ евреям разрешено было остаться, в третьих /Вильно/ им сначала разрешили остаться, потом изгнали. Сохранились сведения о взятых в плен и обращенных в крепостных евреях в Нижнем Новгороде и Казани. Иногда их насильно заставляли креститься.

Некоторые евреи попали в Москву. Когда в 1659 г. была произведена облава в Немецкой слободе /где с 1652 г. были поселены все иноземцы/, то обнаружили живших там пленных евреев семейных и бобылей, в основном в услужении у иноземцев. Будучи изловлены, трое приняли лютеранство, остальные вместе с семьями были сосланы в Сибирь "на вечное житье".

В последующие годы в слободе под покровительством еврейского врача Гадена /Данилы Фунчаданова/ опять образовалась небольшая еврейская колония. Евреи стали проникать и в поселение пленных в Мещанской слободе.

Положение пленных улучшилось после Андросовского мира 1667 г., когда им было разрешено вернуться на родину или остаться на Руси /даже не принимая христианства/. Пушкарский приказ в связи с этим "бил челом" не отпускать на родину могилевского еврея Исачка, так как "он научен огнестрельным и гранатным делам, стрелять гранаты умеет, да ему ж дана... для всяких тайных промыслов немецкого языка печатная книга". Неизвестно, как сложилась в дальнейшем судьба этого Исачка, себе на горе прикоснувшегося к секретным делам московского государства, да еще по немецкой печатной книге.

Некоторые евреи, оставшиеся на Руси, могли быть, однако, довольны: крестившись, они прижились, а иные даже положили начало русским дворянским родам.

"Матюшка Григорьев, еврей, у него сын Петрунька", торговал на Москве в овощном ряду, в 1674 г. уже в гостинной сотне, от сына его Якова пошла фамилия Евреиновы. В 1753 г. Яков Евреинов уже был президентом коммерц-коллегии. Купец гостинной сотни Андрюшка Лукьянов, родоначальник дворянской семьи Степан Копьев - все это были евреи, слившиеся с русским населением. Много меньше известно о тех, кто не крестился и не ассимилировался. Обычно их ждала, рано или поздно, высылка на Урал и в Сибирь, где след их терялся.

В 70-е годы XVII в. ограничения на въезд еврейских купцов снова стали усиливаться, на каждый отдельный такой случай требовалась особая грамота-пропуск. Благодаря этому, все такие случаи, а их считанные единицы, хорошо известны. С 1678 г. евреям вообще было запрещено въезжать в Россию. Возможно, некоторую роль в этом сыграла антисемитская пропаганда архимандрита Гнятовского, автора книги "Мессия праведный" /1669 г./, призывавший к уничтожению евреев. Но предприимчивые литовские евреи продолжали торговать в пограничных городах, - разумеется, благодаря взяточничеству воевод.

Стрелецкий бунт 1682 г. лишил евреев Москвы их покровителя - был убит Гаден и его сын Михаил /до крещения Цеви-Гирш/. В эти смутные времена многие московские евреи спасали жизнь, объявив себя христианами.

XVII век в России кончился под знаком неблагоприятного отношения к евреям.

* * *

Почти все факты и проблемы, связанные с историей русско-еврейских отношений в прошлом, лишь глухо упоминаются или вообще замалчиваются в сегодняшней советской официальной исторической литературе. То, что нельзя замолчать /например, вопрос о Хазарии или о ереси "жидовствующих"/, подвергается самым удивительным перетолкованиям, а попытки приблизиться к истине становятся объектом яростных нападок. Тем более важно восстановить истину в сознании современников. Отдельные факты представленной здесь вкратце истории русско-еврейских отношений в XIII- XVII вв. могут показаться мелкими, проблемы слишком отвлеченными и далекими. Но взятые вместе, они добавляют еще один штрих к общей картине многовековой одиссеи иудеев и иудейского духа среди народов мира.

Основная литература

Гессен. "История еврейского народа в России" /"Еврейская летопись", 1, 1923/.
Артамонов. "История хазар", 1955.
Клибанов. "Реформационные движения в России XIV - XVI вв.", 1962.

Дополнительная литература

Рыбаков. "Русь и Хазария" /сб. "К 70-летия акад. Грекова"/, 1952.
Гумилев. "Древние тюрки", 1965.
Тихомиров. "Народные антифеодальные движения на Руси в X - XIII вв.", 1958.
Казакова, Лурье. "Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - нач. XVI вв.", 1955.
Дубнов. "История еврейского народа", 1902.

К У Л Ь Т У Р Н А Я Ж И З Н Ь

Очень сложная тема культурных и иных взаимоотношений еврейского народа с русским доминирует во всем этом номере. Было особенно трудно выбрать материал для раздела "Культурная жизнь", потому что практически вся культурная жизнь евреев в России связана с этой темой, и выбор слишком велик.

Мы сознательно ограничились только такого рода вещами, где автор выступает не изнутри системы, а как бы со стороны, сознательно или бессознательно чувствуя свое еврейство, отчужденным взором глядя на окружающих. Такое отчуждение /и это один из основных фактов, которые хотелось бы в связи с этой темой отметить/ почти никогда не приводит евреев к ненавистническим и пасквилянтским настроениям, что так характерно для другой стороны. Во всех нижеприведенных и множестве других художественных и публицистических опытах, написанных евреями, присутствует гораздо больше стремления понять и вникнуть в чужую систему ценностей и движущих мотивов, чем отталкивания от чуждого /и порой даже неприемлемого/ духа. Именно таково отношение И.Бабеля к героям его "Конармии" и других рассказов.

Второй факт, возможно связанный с первым, состоит в том, что русскую культуру евреи воспринимают с ее, так сказать, диссидентской, негосподствующей в русском сознании стороны, и в основоположники этой /близкой им/ линии всегда безошибочно выбирают П.Чаадаева. Именно Чаадаев с его иудейско-католическим духом, заставившим его ненавидеть Гомера и его героев и боготворить Моисея, заронивший в русское сознание мысль о возможном историческом предназначении русского народа и, вместе с тем /и потому/ беспощадно пророчески обличавший его, дает опору в русской культуре человеку, чувствующему свою абсолютную чуждость большинству населения России и вытесняемому из нее духовно и физически.

М.С.АГУРСКИЙ

УИЛЬЯМ ГОДВИН В МОЖАЙСКОЙ ТЮРЬМЕ

26 июня 1974 г., накануне приезда в Москву президента США Никсона, я в числе других еврейских активистов был арестован. Нас направили в различные тюрьмы Московской области. На мою долю выпал Можайск, город, находящийся от Москвы примерно в 110 км. В Можайской тюрьме я провел около 10 дней в одной камере с Виталием Рубиным и Григорием Розенштейном.

К услугам заключенных в Можайской тюрьме имелась небольшая библиотека, состоящая примерно из 600-700 книг, среди которых, к нашему удивлению, обнаружились такие авторы, как Т.Манн, Г.Белль, А.Платонов, Н.Маккиавели, Г.Гессе, И.Бабель, не говоря о русской классике. Одной из книг, которую мне почему-то захотелось взять в первый же раз, оказалась книга английского писателя Уильяма Годвина "Калеб Уильямс" /Государственное издательство Художественной литературы, Москва, 1961/. Быть может, я выбрал Годвина потому, что в последнее время я преимущественно читал английскую художественную литературу и мне не хотелось прерывать характер моего чтения.

Годвин - писатель, кажется, достаточно забытый у себя на родине, но по капризу судьбы он иногда переиздается в СССР. Причиной этого, по-видимому, является критика Годвиным тогдашней Англии, которая, как это ни странно, навязывается советскому читателю едва ли не как критика современной Англии. Так или иначе, но в 1961 г. эта книга была переиздана в Москве.

На экземпляре полученной мною книги Годвина, как и на всех остальных книгах тюремной библиотеки, стоял штамп, в котором значилось буквально следующее: "Всякая порча книг и заметки на обложке и в тексте карандашом, спичкой, ногтем и т.п. влекут прекращение выдачи книг".

Погрузившись в чтение "Калеба Уильямса", я не сразу заметил, что на полях книги имеются еле заметные карандашные вертикальные линии, отчеркивающие какие-то места текста.

Я стал всматриваться в отчеркнутые места и вскоре пришел к явственному убеждению, что неизвестный человек отмечал именно те места текста, которые отвечали его тогдашнему положению. Отмеченные места характеризовали главным образом не общечеловеческие размышления, а именно конкретную жизненную ситуацию человека, оказавшегося жертвой изощренной клеветы, разоблачение которой было по каким-то личным причинам для него затруднительным.

Я внимательно просмотрел все отмеченное тонким карандашным следом. Какая человеческая трагедия стояла за этим? Ясно было одно: безымянный читатель "Калеба Уильямса" был человеком достаточно образованным, чтобы его внимание могла остановить именно эта книга среди прочих книг тюремной библиотеки. Не приходилось сомневаться в том, что большинство заключенных этой уголовной тюрьмы могли бы предпочесть низкопробные советские детективы, если они уже вообще решились бы что-либо читать.

Выбор для чтения Годвина и даже самый факт, что эта книга с первых же страниц не оттолкнула читателя и, напртив, привлекла его внимание, свидетельствует об его несомненной духовной культуре.

Я сразу же пожелал выписать отмеченные места текста, но у меня не было бумаги. Впрочем, в конце нашего пребывания в тюрьме нам выдали много бумаги, и я смог осуществить свое желание и свободно вынести выписки. Мне показалось,

что причудливая судьба книги Годвина, попавшей в провинциальную советскую тюрьму и вызвавшей у кого-то столь глубокий внутренний отклик,будет небезынтересной, по крайней мере, для некоторых читателей или хотя бы специалистов-литературоведов.

Кроме того, я почему-то счел себя нравственно обязанным по отношению к этому неизвестному заключенному сделать его тайные страдания известными, хотя бы некоторому числу людей. Все это побудило меня предложить вниманию возможного читателя те места из "Калеба Уильямса", которые неизвестный узник выделил, снабдив их очень краткими комментариями.

> "Неужели, установив такое правило для самого себя, вы не позволяете воспользоваться им никому другому? Мне от вас ничего не нужно. Как смеете вы отнимать у меня право всякого разумного существа жить спокойно в бедности и невинности? Каким человеком выказываете вы себя - вы, имеющий притязание на уважение и похвалы со стороны всех, знающих вас?" /стр.68/.

По-видимому, неизвестный заключенный был человеком бедным и не занимавшим сколько-нибудь значительного социального положения. Выделение этого места говорит в то же время о том, что главный виновник несчастий был, скорее всего, человеком, занимавшим относительно видное положение в обществе.

> "А закон, надо думать, найдется и для бедняка, как для богача" /стр.84/.

Заключенный вновь отождествляет себя с бедняками.

> "Закон приспособлен скорее к тому, чтобы служить оружием тирании в руках богачей, нежели щитом, ограждающим более бедную часть общества от их несправедливых притязаний. Однако нанесенная ему на этот раз обида была так жестока, что казалось невозможным, чтобы даже самое высокое положение могло защитить виновного от строгости закона" /стр.85/.

Это уже явная социальная критика окружающего общества, но вместе с тем и надежда на наказание виновника несчастий.

> "Если я вижу, что вы идете в своих поступках неправильной дорогой, мое дело направить вас на верный путь и спасти вашу честь" /стр.89/.

Это неясный личный намек. Быть может, чувства заключенного к виновнику своих несчастий были столь же противоречивы, как у самого Калеба Уильямса?

> "Болит сердце, когда думаешь, что один рождается для того, чтобы наследовать всякий избыток, тогда как доля другого, без какой-либо вины с его стороны, - грязная работа и голод" /стр.90/.
>
> "Общество отвергнет вас, люди будут гнушаться вами" /стр. 91/.

Эту фразу заключенный явно относит к себе, к своим страданиям, как и герой романа.

> "Тиррел - самый отъявленный негодяй, который когда-либо бесчестил человеческий образ" /стр.103/.

Тиррел /персонаж романа/ либо отождествляется с виновником несчастий, либо же заключенный был рад отметить место, в котором говорится о том, что по-

добные злодеи вообще существуют.

"Я горжусь тем, что могу терпеть несчастья и горе, неужели же я окажусь неспособным перенести незначительную неприятность, которую может причинить мне твое безрассудство?" /стр.113/.

"В один день на него свалились ужаснейшие бедствия: самое жестокое оскорбление и обвинение в самом гнусном преступлении. Он мог бы бежать, так как не было никого, кто торопился бы начать преследование..." /стр.115/.

По-видимому, возможность побега перед арестом существовала и для можайского заключенного.

"О, бедность! Поистине ты всемогуща!" /стр.137/.

Вновь подчеркивается собственная бедность.

"Я не мог двинуться ни вправо, ни влево без того, чтобы глаз моего надзирателя не провожал меня. Он сторожил меня, и его бдительность была пыткой для моего сердца. Конец моей свободе, конец веселью, беспечности, молодости! /стр.168/.

Личные переживания от пребывания в заключении.

"Я жертва, принесенная на алтарь преступной совести, которой неведомы ни покой, ни пресыщение; меня вычеркнут из списка живых, и судьба моя навеки останется покрытой тайной; человек, который, убив меня, присоединит это преступление к предыдущим, наутро будет с восторгом и знаками одобрения приветствуем своими согражданами" /стр.177/.

Заключенный, кажется, находился в состоянии отчаяния, не будучи уверенным, что ему удастся оправдаться.

"У меня не было ненависти к виновнику моих несчастий, - это обвинение должно быть снято с меня во имя правды и справедливости" /стр.183/.

Вновь свидетельство противоречивых отношений к врагу.

"Не было во всем мире двух вещей, на мой взгляд, более противоположных, чем невиновность и преступность. Я не допускал мысли, что первая может быть смешана со второй, разве только если невинный человек позволит победить себя прежде, чем у него отнимут доброе имя" /стр.188/.

"Между тем я видел, что все начала справедливости ставятся вверх ногами, что невиновный, но осведомленный человек оказывается обвиняемым и страдает, вместо того, чтобы держать подлинного преступника в своих руках" /стр.191/.

"Правдоподобно ли то, что я, украв эти вещи, не позаботился унести их с собой?" /стр.196/.

По-видимому, заключенный обвинялся в том же, иначе трудно объяснить выделение этой фразы.

"Нет на земле человека, менее способного на то, в чем меня обвиняют. Я призываю в свидетели свое сердце..., свое лицо... все чувства, которые когда-либо выразил мой язык" /стр.197/.

"Что касается меня, я никогда не видел тюрьмы и, подобно большинству моих собратьев, мало печалился об участи людей, совершивших проступки против общества либо заподозренных в этом. О, сколь завидным покажется грозящий падением навес, под которым земледелец отдыхает от своих трудов, в сравнении с пребыванием в этих стенах!" /стр.198/.

"Тюремная грязь наполняет сердце печалью и производит такое впечатление, будто она гниет и распространяет заразу" /стр.198/.

"Благословенное состояние невинности и удовлетворенности собой" /стр.216/.

"Я всегда заявлял, что не совершал преступления, что моя мнимая вина - целиком дело рук моего обвинителя. Он тайно подложил свои вещи и после этого обвинил меня в воровстве. Сейчас я заявляю не только это. Я заявляю, что этот человек преступник, что я узнал о его преступлении и что по этой причине он решил лишить меня жизни... Я убежден, что вы нисколько не склонны способствовать ни действием, ни бездействием - неслыханной несправедливости, от которой я страдаю, - заточению и осуждению невинного человека ради того, чтоб убийца мог оставаться на свободе. Я молчал об этой истории, пока мог. Мне до крайности претило стать причиной несчастья или смерти человеческого существа. Но всякому терпению и покорности есть предел" /стр.317/.

Выделение данного места укрепляет меня в мнении, что неизвестный заключенный был обвинен в воровстве, и что ему было, по-видимому, подложено краденое. По каким-то причинам он не хотел выдавать истинного виновника...

"Неужели мне не остается никакой надежды? Неужели даже оправдание по суду ни к чему? Неужели не найдется такого промежутка времени в прошлом или в будущем, который принес бы облегчение моим страданиям? Неужели гнусная и жестокая ложь, взведенная на меня, будет следовать за мной, куда бы я ни пошел, лишая меня доброго имени, отнимая у меня сочувствие и расположение человечества, вырывая у меня даже кусок хлеба, необходимый для поддержания жизни?" /стр.346/.

Это последнее выделенное место показывает то состояние отчаяния, которое владело заключенным.

Закончив чтение книги,я еще раз внимательно осмотрел ее и в самом начале обнаружил на левом поле одной из страниц полустертые слова, написанные тем же карандашом, что и пометки на полях. Всего имелось два слова. Одно из них все же сохранилось. Это слово "Одинцово" - название небольшого подмосковного города, находящегося на той же железной дороге, что и Можайск, но гораздо ближе к Москве. По-видимому, неизвестный происходил именно оттуда. Первое же слово состояло только из четырех букв и, по-видимому, являлось именем. Насколько можно было разобрать, последней буквой этого слова было "а". Быть может,это была женщина?

Обдумывая все вышесказанное, можно лишь с невольным изумлением отметить, насколько удивительны пути, заставившие с трепетом биться сердце неизвестного русского заключенного /заключенной?/ под воздействием второстепенного английского писателя XVIII века.

Москва, 4 августа 1974 г.

Ф.КАНДЕЛЬ

Р Е В М А Т И З М

или о том, как Сергей Петрович возненавидел Бориса Марковича

Сергей Петрович проснулся в томительном неудобстве. Лежал он на занемогшем боку, всей тяжестью наваливаясь на сердце, под трудные его толчки медленно приходил в себя. Начал поворачиваться на спину - ... боль ударила коротко, прямым выпадом, через грудь в лопатку. Сразу заныло подмышкой, затухая, успокаиваясь, будто уходила вовне, оставляя за собой впадину и слабость. И в тишине облегчения, пришедшей на смену боли, услышал Сергей Петрович чутким от испуга ухом тихий храп за стенкой, в квартире Бориса Марковича. И от этого глухого храпа неумолимо накатила вторая волна - раздражение, привычно подняла на гребень.

Сергей Петрович не любил Бориса Марковича. Не за мерзостный у того характер, не за выдающиеся по сравнению с ним, Сергеем Петровичем, успехи, не за что другое, конкретное. Не любил - и все тут. Сердцу не укажешь. Причины нелюбви терялись в глубинах коммунальной истории, и если бы кто-то вздумал раскопать наслоения прошлых лет, может быть, и причины бы не нашлось: рассосалась, растворилась, изошла ни на что за давностью времен. Но причина была теперь уже неуловимая, бессознательная, давно не требущая доказательств, и застарелые обиды ныли, как при ревматизме. В пасмурную погоду, в неудачные дни, в дурное настроение...

Почти всю свою жизнь Сергей Петрович прожил в коммунальной квартире и почти всю жизнь безуспешно претендовал еще на одну, соседнюю с ним комнату. Семья росла, метров нехватало. Въезжали в заветную комнату разные жильцы, менялись, умирали, выезжали по улучшению и с каждой переменой возрождались надежды у Сергея Петровича, и исчезали тоже с каждой переменой. Никого не устраивала эта жилплощадь, - маленькая, подслеповатая, со срезанными углами, - а Сергею Петровичу - предел мечтаний. Вела из его комнаты в ту, долгожданную, старая, давних времен дверь, но он ее не штукатурил, не оклеивал обоями, - все лелеял надежду, - и белое пятно на полосатой стене только раздражало его, бередило незаживающуя рану. Последним въехал в комнатенку Борис Маркович со своей семьей, застрял в ней надолго, на многие годы, и на него перенес Сергей Петрович всю накопленную неприязнь, застарелые обиды неизвестно на кого. А тот все никак не выезжал, - не получалось, - да еще победно храпел за тонкой стеной, не давая спать по ночам, шумно реагировал на соседские упреки: "Разве это я храплю? Это горе мое храпит!" Наконец, старый дом снесли; каждому дали по квартире, но волей случая они опять оказались соседями, и опять Борис Маркович победно храпит за стенкой. Будто ничего не изменилось! И не помогает даже толстый ковер, купленный для этой цели за большие деньги. И ничто уже не сможет помочь. "Разве это я виноват? Это строители виноваты: дай им Бог такого храпуна под боком".

Храп на секунду умолк, натужно застонали пружины, и что-то мощно сотрясло стену, привалилось, потерлось, как исполинское животное, захрапело снова. Сергей Петрович раздраженно взволновался, шевельнулся было, чтобы высвободить затекшую руку, но боль ударила подряд несколько раз резкими, частыми ударами и медленно навалилась напоследок, надавила мягким кулаком на сердце. Он затаил дыхание, сжался в тоскливом ожидании, а в лопатке ныло и ныло, будто замерла

волна, взлетев до верха, и никак не приходила спасительная впадина. "Лиза..."- слабо позвал Сергей Петрович, но Лиза не могла услышать из другой комнаты, через коридор, куда она сбежала от соседского храпа. Сергей Петрович мог сбежать, но он не захотел, - все ждал чего-то, как не хотел когда-то оклеивать обоями старую дверь. За долгие годы он уже привык бередить ноющую рану, привык подпитывать застарелую неприязнь нахальным храпом, и не мог себе позволить потерять причину вечного раздражения. Причина должна быть всегда под боком. Нет хуже раздражения без причины. Он осторожно вздохнул, и боль вдруг ушла, а на ее месте осталась пустота, мучительная не болью - ожиданием.

При переезде в новый дом они с Борисом Марковичем, как на грех, получили одинаковые квартиры. Сергей Петрович постарался, помучился, вбухал сбережения, сделал не квартиру - игрушечку: столько лет мечтал... Теперь бы жить да радоваться, но Лиза зашла как-то к соседям за солью, а у соседей - все то же самое. И люстра та же, и кронштейны для занавесок, и гарнитур похожий, и расставлены одинаково, и пол лаком блестит: будто к себе зашла Лиза за солью - не к соседям. И расстроился Сергей Петрович до слез, и почувствовал себя обкраденным, словно подсмотрели к нему в замочную скважину, и стало ему обидно невыносимо, что додумался ненавистный сосед до того же самого, до чего доходил Сергей Петрович часами сладкого раздумья. И немила стала новая квартира! А вдобавок оказался у них общий балкон, куда Сергей Петрович зарекся ходить, чтобы не столкнуться с Борисом Марковичем. Тот гуляет по балкону, дышит свежим воздухом, поливает "анютины глазки", а этот прячется в глубинах комнаты, обмирает в жару. А еще вдобавок объявился над Сергеем Петровичем студент консерватории, и звуки фортепьяно свободно проходят через потолок. И это уже совсем невыносимо, невыносимо до сердечных перебоев, потому что Сергей Петрович выбирал жилье первым и спокойно мог выбрать квартиру Бориса Марковича, чтобы теперь не у него, а у того над головой практиковался студент консерватории. Проклятое невезение! И даже долгожданный телефон не принес Сергею Петровичу желанного успокоения, потому что спарили его не с кем-нибудь, а конечно же с Борисом Марковичем, и когда тот пользуется аппаратом, у этого занято. Можно, правда, написать заявление, можно добиться, чтобы спарили с другим, но Сергей Петрович не добивается, - все ждет чего-то, - как не уходит спать в другую комнату, как не оклеивал когда-то обоями старую дверь. И застарелая неприязнь, подпитываемая ежедневно, растет, пульсирует, наливается свежей кровью, неуклонно перерождается в ненависть.

Сергей Петрович разволновался, рассердился вдруг на свою беспомощность, решительно приподнялся на локте... боль ударила насквозь, уложила навзничь, навалилась - плющила о диван. Из глаз выжало слезу, уши оглохли, и первое, что он услышал, когда чуточку полегчало - заливистый храп за стенкой, тот храп, перед которым оказался бессильным толстый, купленный за большие деньги ковер. Когда Сергей Петрович в утренней суматохе собирается на работу, он постоянно слышит через этот ковер неторопливый голос соседа. Борис Маркович работает близко, из дома выходит поздно. Когда Сергей Петрович возвращается с работы выжатый, обессиленный, пропущенный через мясорубку общественного транспорта, дома его уже поджидает бодрый голос соседа. Борис Маркович работает близко, домой возвращается пешком, хохочет он часто. Будто над Сергеем Петровичем хохочет. И уже вошло в привычку прислушиваться к соседским звукам, определять их причину, и уже не сам по себе живет Сергей Петрович, а в связи с настроением Бориса Марковича. Чем хуже там, тем лучше здесь. Чем лучше там, тем хуже здесь. И накатывало порой желание упиться вдрызг, разнести в клочья эту проклятую стенку, сокрушить все и вся на своем пути. Но даже на это не способен Сергей Петрович: водка действует на него расслабляюще. Вот и лежит он

беспомощный, униженный, полураздавленный - полузадушенный, и влажными от боли глазами ненавидяще смотрит сквозь стенку...

Шприц медленно вошел в грудь, между ребер. Придвинулся вплотную к самому сердцу, остановился, опоясал тесным жгутом.

"Лиза!"... - неслышно закричал Сергей Петрович. Вдруг в паническом ужасе заколотил он в стенку, к живому человеку, застучал кулаком по толстому, непробиваемому ковру, заскреб пальцами по густому ворсу...

А шприц уже прошел насквозь, булавкой через бабочку...

Назавтра Борис Маркович развил бурную деятельность, освободил жену покойного, Лизу, от тягостных хлопот. Отпросился с работы, сбегал в похоронное бюро, отстоял в скорбной очереди, заказал машину, гроб и венок, вызвал телеграммой сына и дочку, привез с кладбища шуструю старушку, чтобы обмыла, одела, приготовила умершего. Даже позвонил некоему Кондрашкину, бывшему их соседу по коммунальной квартире, сообщил о случившемся, пригласил на похороны. Некий Кондрашкин, конечно, пообещал прийти и, конечно, не пришел. Борис Маркович похоронил Сергея Петровича честь по чести, не хуже других, а через пару дней опять позвонил некоему Кондрашкину, сообщил, как проходили похороны, что он для этого сделал. И хоть сказано это было между прочим, не ради бахвальства, углядел некий Кондрашкин посягательство на свою совесть, уловил мягкий упрек.

И тогда некий Кондрашкин возненавидел Бориса Марковича...

Ф.КАНДЕЛЬ

РЕВМАТИЗМ
или о том, как Сергей Петрович возненавидел Бориса Марковича

Сергей Петрович проснулся в томительном неудобстве. Лежал он на занемогшем боку, всей тяжестью наваливаясь на сердце, под трудные его толчки медленно приходил в себя. Начал поворачиваться на спину - ... боль ударила коротко, прямым выпадом, через грудь в лопатку. Сразу заныло подмышкой, затухая, успокаиваясь, будто уходила вовне, оставляя за собой впадину и слабость И в тишине облегчения, пришедшей на смену боли, услышал Сергей Петрович чутким от испуга ухом тихий храп за стенкой, в квартире Бориса Марковича. И от этого глухого храпа неумолимо накатила вторая волна - раздражение, привычно подняла на гребень.

Страница оригинала. Фото. Текст приведен на стр. 198 настоящего издания.

НИНА ВОРОНЕЛЬ

П О Б Е Д И Т Е Л И

"И властвуйте над рыбами морскими,
и над птицами небесными, и над скотом,
и над всякими животными, пресмыкающимися
по земле".

Книга Бытия

Действующие лица:

НИКИТИЧ - лет под 60, из начальства, одет солидно.

МИКОЛА - лет под 50, шофер такси, суетлив.

ЛЕХА - лет под 30, водитель бульдозера, мрачен.

Место действия:

Поляна на берегу искусственного пруда в глубине подмосковного леса. Глубокая осень, небо стального цвета нависло над лесом. Холодно.

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ:

70-е годы XX века.

— — — — — —

У костра на поляне сидят Никитич, Микола и Леха - играют в карты. Перед ними бутылки с водкой и пивом, нехитрая закуска. На заднем плане вздымается громада бульдозера.

МИКОЛА. /резко открывая карты/ - Эх, нужны стране герои, где их взять, когда одни чудаки родятся! /Босает карты/.
НИКИТИЧ. Вышел, едрена вошь? А рубь ставлю! /Бросает рубль/.
МИКОЛА: Опять темнишь? Ну, Леха, держись!
ЛЕХА /Миколе/. Хочешь в долю? Ставлю полтинник. /Смотрит в карты/.
МИКОЛА. Выходит, пополам? Добавляю! /кладут деньги/.
НИКИТИЧ. Значит, уравняли?
ЛЕХА /Миколе/. Ты б хоть карту глянул.
МИКОЛА. Я человек рисковый, люблю судьбу испытывать.
ЛЕХА. Судьба - это пасть щуки!
НИКИТИЧ. От - едрена вошь! /Смеется/.
МИКОЛА. Я говорил: Леха скажет - только держись! А все потому что образование!
НИКИТИЧ. Ну, открываем? /Открывает карты/. Есть такая партия!
МИКОЛА. Эх, нужны стране герои, да где их взять!/Выбивает карты из рук Лехи/. Опять твоя, Никитич! Везет тебе сегодня! /Разливает водку по стаканам/. А ну, Леха, скажи.
ЛЕХА /берёт стакан/. Удача - это вентилятор! /Никитич смеется, пьют/.

МИКОЛА. Видал как он - сразу в точку! А ну, Леха, еще!
ЛЕХА. Ожог поцелуя - это искра блаженства! /Никитич смеется/.
МИКОЛА. Искра блаженства - ведь это надо же! А ну еще!
ЛЕХА. Любовь - это неудержимое половодье чувств!
НИКИТИЧ. А я уже перешел тот возраст, чтобы блядовать! Немного, конечно, еще прельщает, едрена вошь, но все больше интересуюсь насчет кормежки, или там по хозяйству чего сделать...
МИКОЛА. Это потому что бабы теперь - тьфу! Гулящие теперь бабы, это я точно знаю, недаром в такси работаю. Все бабы бляди, кроме наших матерей! Гулять гуляют, а душевности никакой.
ЛЕХА. Слить уста - это не значит слить судьбы.
МИКОЛА. Но вот в прошлом году у меня на курорте случай вышел, всем случаям случай! Встретил я там одну - ничего особенного вроде: и лет ей сорок пять, и с лица не красавица, но грудь, как у девки и образование высшее. Четыре языка знает, есть об чем поговорить. Я, правда, ни одного языка не знаю, но она четыре знает и есть об чем поговорить...
НИКИТИЧ. А меня и поговорить уже не тянет. Раньше тянуло, едрена вошь, а теперь нет...
МИКОЛА. Спортом надо заняться, физзарядкой. Это ж закон такой: в одном месте потеряешь, в другом найдешь. А ну, Леха, скажи!
ЛЕХА. Никогда не иметь - это лучше, чем потерять. Потерять - это лучше, чем никогда не иметь!
МИКОЛА /в восторге/. Вот у нас Леха какой! Мы с ним - пара сапогов на одну ногу: у него образование, у меня - ум природный, вот он меня и приобщает. Ну, Никитич, еще кон?
НИКИТИЧ. Не возражаю, едрена вошь.
МИКОЛА. А ты, Леха, пока я сдам, сходи удочки проверь: может, уже поймалась наша золотая рыбка. /Леха идет, Микола сдает карты/. Сейчас мы эту рыбку на сковородку, в маслице - пускай попляшет!
ЛЕХА /возвращается/. Не клюет.
МИКОЛА. Что значит, не клюет? Быть такого не может: всегда клевала, а сегодня не клюет! Мы сюда ради нее большого человека, можно сказать, привезли, а она не клюет! Эх, нужны стране герои, да где их взять!
НИКИТИЧ /берет карты/. Полтинник. Видать, так и уедем, едрена вошь, не попробуем твоей золотой рыбки.
МИКОЛА. Ты что? Раз я сказал - будет рыбка, значит - закон! Вот сейчас выпьем, согреемся, кон доиграем, глянь - а она уже там! На крючке! Только главное- выпить! /Наливает/. Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать! Ставлю рубль! Что-то ноги стали зябнуть, не пора ли нам дерябнуть!

/Все пьют/.

ЛЕХА /смотрит в карты/. Жизнь - это противоречие борьбы противоречий! /Бросает карты/.
НИКИТИЧ. Ты, значит, мимо, едрена вошь? А я уравнял /бросает рубль/. Открываем
МИКОЛА. Эх, нужны стране герои, да одни чудаки родятся! Опять твоя! /Бросает карты/.
ЛЕХА /тянется к картам/. У тебя что было? Покажи!
МИКОЛА. А тебе зачем?
ЛЕХА. Любопытство - это скользящий луч прожектора. /Открывает карты/. Так у вас же поровну, чего ж ты? Надо играть свару.
МИКОЛА. Раз поровну, я должен уступить как хозяин. Ведь Никитич - мой гость, или нет? И большой человек к тому же.

ЛЕХА. Пусть он по службе начальник, а ты - простой таксист, в духовном мире вы равны, оба - инженеры человеческих душ.
НИКИТИЧ. Верно, едрена вошь, в игре справедливость - первое дело! Играем свару.
МИКОЛА. Свару, так свару, я что? Я не против. Справедливость в человеке, это главное. /Наливает водку/. Вот я по роду своей работы много встречаюсь с разными людьми, и вошло у меня в привычку изучать окружающий мир /пьют/.
ЛЕХА. Справедливость - это русло нравственности.
МИКОЛА. ... люди встречаются разные, - и грешники, и святые...
НИКИТИЧ. Нет таких, чтоб не грешили. Все грешники, едрена вошь, хоть и святые...
МИКОЛА /в лирическом трансе/... еду я, бывает, по улицам ночного города и обращаю внимание на освещенные окна домов, а в них мелькают бытовые кадры из жизни других людей...
ЛЕХА. Судьба - это обстоятельства. /Бросает деньги/. Даю полтинник. Уравниваем?
НИКИТИЧ. Уравниваем. /Бросает деньги/.
МИКОЛА. А я удвою, мне не жалко /бросает рубль/. Эх, нужны стране герои, да где их взять?
НИКИТИЧ. Есть такая партия! /Открыв карты/.
МИКОЛА /открывает карты/. Опять твоя, Никитич! За это выпить надо. /наливают водку, пьют/. Мы, значит, все на транспорте работаем... И транспорту надо уделять особое внимаеие.. А ну, Леха!
ЛЕХА. Наша жизнь - это движение, прервав которое, обрываешь нить жизни.
НИКИТИЧ. Да, транспорт - великое дело. Вот я на транспорте с сорок шестого служил. Мы тогда зэков на Воркуту возили. И что бы мы без транспорта? /Плюет/ - во! Плюнь и разотри! Ведь сколько народу было: одних ингушей не счесть, и разных других чучмеков. А потом, к сорок девятому жиды пошли - ох, вредное семя, едрена вошь!
МИКОЛА. Я и говорю, без транспорта никак! А значит, нужна мне исправная тачка, раз я на транспорте. Сколько мне еще на этом драндулете Москву позорить? Ты ведь, Никитич, большой человек - ты понять должен! На транспорте без исправной тачки не жизнь! А ну, Леха, скажи!
ЛЕХА. Жизнь - это мать мира и отец источников!
МИКОЛА. В самую точку! Иди теперь проверь удочки, как там наша рыбка. /Леха уходит/. Ведь если мне хорошую машину - я королем буду. И тебя уважу, не сомневайся. А что толку в этой старой рухляди? Тому в лапу дай - тормоза прокачать, этому в лапу дай - бампер заварить, а на руках что остается? Шиш! А без деньжат ты никто. Допустим, тебя не казнят сегодня, допустим, только завтра, но если в кармане пусто, так закон допускает к тебе беззаконство. А раз так - лучше в попы идти, чем в транспорт!
НИКИТИЧ. Нет, едрена вошь, в попы тебе нельзя, это точно! Чтоб попом стать, надо семинарию закончить!
МИКОЛА. А что есть поп? Это я тебе скажу сразу: поп должен иметь бороду - это раз, и не жениться ни на какой другой жене - это два. И все, больше ничего ему не надо.
НИКИТИЧ. А я тебе еще скажу, едрена вошь: главное - поп должен быть партийный!
МИКОЛА. Ну и что? Разве я не могу стать партийный? Я это право в огне боев заслужил. У меня три ранения и мемориальная доска на стене дома в Севастополе. Так скажи: заслужил я или нет?
НИКИТИЧ. В огне боев, конечно. Но вот водки пьешь много.
МИКОЛА. А что водка? Водка - вещь законная, она в магазинах продается /наливает/. Вот ты - разве ты не пьешь? /Пьют/. Ну, допустим, я сегодня выпивши - так уже не человек, да? Уже меня можно за шиворот?

/Входит Леха, подсаживается к ним. пьет/.

НИКИТИЧ. Разве б я ее, проклятую, в рот брал, если бы не биография? Одна биография во всем виновата, а то б я ни за что, едрена вошь! Ты вот, к примеру, на Воркуте не служил, а говоришь! Там без водки - нельзя! Всю зиму темно, - ночь, понимаешь! Все ночь и ночь, свету белого не видать, едрена вошь, а вокруг одни зэки. А зэки, разве они люди? Волки они, едрена вошь! А из-за них сидеть там приходится, сторожить, а вокруг все снег, едрена вошь, снег, снег! И трава не растет! И баб никаких, даже блядей, не то что девок!...

ЛЕХА. Девственность - это щит запрета, сломав который...

МИКОЛА. Ну и что, пусть я выпивши, так меня, значит, за шиворот? Так я уже не человек, значит? Значит, я уже лишний, выходит? Меня, выходит, уже можно метелить, брить, стричь, и на пятнадцать суток? А потом что?

ЛЕХА. Потом - это возможное никогда!

НИКИТИЧ. А то как засветит в небе - хуже пожара: сияние, едрена вошь, называется. Так и полыхает: и красным, и синим, и черт-те каким, едрена вошь! Ну, думаешь - все: кранты, конец света! И зэки все бесноватые становятся, как волки воют - тут только держись! Как не выпить, когда, может, последний день живешь?

МИКОЛА. Почему это я не человек, если выпивши? Ведь я в войну, может, героем был! Может, мое имя в городе-герое Севастополе на мемориальной доске на стене вырублено! А что не погиб - так разве я виноват? Вполне мог погибнуть! Меня сам адмирал, может, уважал за храбрость!

НИКИТИЧ. А в пятидесятом на повышение пошел, так, думаешь, легче стало? Все равно, биография! Хоть в Москву-столицу перевели, а биография трудная! В личную охрану к самому - к Самому, понимаешь, едрена вошь? - Меня зачислили, потому что рост у меня оказался подходящий, ну и лицо тоже. И анкета, конечно...

ЛЕХА. Человек - это не раб судьбы, а ее повелитель.

МИКОЛА. Вызывает меня адмирал: садитесь, пожалуйста, а ля фуршет! Кофию предлагает, с ромом, конечно, и говорит: "Хотим, мол, тебя в Норвегию с немецким паспортом забросить. Ты как?"

НИКИТИЧ. Ну, раз анкета подходящая и рост тоже, едрена вошь, - значит все! Взяли к Самому в личную охрану. Он не в Кремле тогда уже жил, а на даче за Москвой-рекой, знаешь?

МИКОЛА. Я, конечно, немецкого не знаю, но адмирал все равно меня уважал за героизм. И хотел меня в Норвегию забросить как героя. А я ни в какую. Не хочу, говорю, в вашу Норвегию, ну ее...

НИКИТИЧ. Ты думаешь, небось: раз в личной охране у Самого, так это вроде курорт? Так нет, едрена вошь! Это полные сутки без движения лежи, хоть снег, хоть дождь. А что воспаление легких, так это всем плевать. Как же тут без поллитры?

МИКОЛА /перебивая/. Адмирал так рот и открыл: "Как, значит, не хочешь?"

НИКИТИЧ /перебивая/. А еще грибы он собирать любил, - сам, своими руками. И очень бывал недоволен, если находил мало...

МИКОЛА /одновременно с Никитичем/. А так, говорю, обрыдло мне все! Вот где /тычет под горло/ у меня ваша Норвегия, и Голландия, и Херляндия...

НИКИТИЧ /одновременно с Миколой/. Так мы перед ним в траве ползли по-пластунски, хоть в дождь, хоть в снег, - и грибы в землю по пути втыкали...

ЛЕХА /вдруг орет/. А ну, говори по-одному!

/Никитич и Микола смолкают/

МИКОЛА. Ты чего?
ЛЕХА. Обязанность - это долг рабства.
НИКИТИЧ. Ну, будем рыбку золотую жарить, едрена вошь!
ЛЕХА. А где она, рыбка?
МИКОЛА. Разве ты не принес?
ЛЕХА. Удача - это не дар судьбы, а свершение желаемого.
НИКИТИЧ. А рыбка где, едрена вошь?
ЛЕХА. А рыбка в море! Лишь хвостом по воде плеснула...
МИКОЛА /заводится/. Как так - хлестнула? Я ей хлестну! Я ради нее большого человека сюда привез - для него любая рыбка, хоть простая, хоть золотая, сама́ на сковородку скакать должна, а она - в море!
НИКИТИЧ. Да разве это море? Вот Белое море - это да! На сто километров лед! На тыщу километров лед! На десять тыщ километров лед! А это что? Пруд вонючий, едрена вошь! А нахваливал! Завез невесть в какую даль на бульдозере! Ты б меня на Сег-озере так завез, едрена вошь, - я б тебя в карцере сгноил! Там бы ты со мной такого не позволил, а тут в Москве храбрые вы больно! Думаешь, конченный я человек? Ничего, придет еще мое время! Ишь чего захотел - тачку новую! Да на хрена тебе тачка, едрена вошь, если ты рыбку поймать и то не можешь!
МИКОЛА /кричит/. Леха! Раздевайся, живо! Лезь в воду, рыбку ловить будем! Голыми руками ее, суку, возьмем! Что мне рыбка? - Я живого языка голыми руками брал! Этими вот руками! Так что, Никитич, не сомневайся - рыбка будет! Живо, Леха!
ЛЕХА. Незачем ждать милостей от природы, взять их у нее - наша задача.
МИКОЛА. Скидавай портки, живо!
НИКИТИЧ. Зачем скидавать? У меня на Белом море зэки в портках в воду лезли, если я прикажу. А там разве вода? Там лед один, едрена вошь.
МИКОЛА /в сильном возбуждении/. В портках, так в портках! А ну, давай, Леха! Пусть знает наших!
ЛЕХА /подходит к краю пруда/. Гении не имеют времени на педикюры! /Прыгает и взвывает от холода/ - О-о-о! Холодина!
НИКИТИЧ. А ты чего? Ты тоже давай, прыгай!
МИКОЛА /бегает по берегу и кричит, размахивая руками/. Тяни ее, Леха, не жалей! За жабры ее, суку, и на сковородку! /Никитичу/ - Леха у нас - парень мировой! Он и без меня эту падлу золотую на берег вытянет! У меня в разведотряде кореш такой же был. Орел! Голыми руками языка брал, а на привале следил, чтобы я во сне в костер не падал. Потому что верный друг! До гробовой доски!

/Из пруда молча выползает мокрый Леха/

Ну, где она? Давай ее сюда!

/Леха, не отвечая, наливает полный стакан, пьет/

Ты чего, Леха? А где ж рыба?

ЛЕХА. На дно легла. Обиделась.
МИКОЛА. А чего ей обижаться? Что мы ей сделали?
ЛЕХА. А что выпивши мы. Вот она и обиделась. /Погружается в мрачную задумчивость/.
НИКИТИЧ. Ну зачем тебе исправная тачка, едрена вошь?
МИКОЛА /вне себя/. Но я все равно ее добуду, падлу эту! Не посмотрю, что золотая! Хоть со дна, а добуду! /Снимает куртку/. На дно за ней нырну! Сейчас нырну, выпью только для согреву! /Пьет из горлышка, косится на дрожащего

от холода Леху/ - Выпью, значит, и к ней! /Видно, что ему неохота лезть в воду/. До самого дна доберусь, а найду ее, падлу! Или лучше так: плотину эту сейчас к хренам сломаем, воду с пруда спустим, и вот тебе, пожалуйста - рыбка золотая! Лежит на дне, как на ладошке, перед тобой: адью, мамзель, на сковородку!

НИКИТИЧ. Это кто ж тебе, едрена вошь, плотину ломать позволит?

МИКОЛА. А разве я земли своей не хозяин? Я кто? Я - рабочий класс, гегемон! Все тут мне принадлежит: хочу ломаю, хочу строю! Тем более, в огне боев заслужил! Или нет?

НИКИТИЧ. Гегемон, конечно, едрена вошь, но и мнение начальства тоже уважать должен.

МИКОЛА. Мнение - это конечно! Но ты ж не против? Ведь она, падла эта, она что? Она, вишь, на дно улеглась, она нам доказывает. Но мы ей тоже доказать можем. Чтоб знала, кто здесь хозяин!

НИКИТИЧ. Вот и у меня случай на Воркуте вышел. Я тогда ответственным за лесосклад был, а учетчиком при мне зэк один служил, из жидов...

МИКОЛА. Потому что, если я не хозяин, то какой же тогда гегемон? А ну, Леха, скажи!

ЛЕХА /вдруг разражается рыданиями/.

НИКИТИЧ. Глазастый такой жидок, знаешь, какие они бывают? Уши врозь, но грамотный, едрена вошь!

ЛЕХА /сквозь рыдания/. Ведь обиделась она, давно обиделась, но молчит! Но я на нее не обижаюсь, потому что разве со мной жизнь?

МИКОЛА. А кто гегемон, тот, значит, всегда начальство уважает. А я тем более в огне боев заслужил!

ЛЕХА /плача/. Ведь я, как в дом вхожу, так мне и жалко ее. Разве у ней со мной жизнь? Я же каждый день пьяный...

НИКИТИЧ. И вот прогоняют раз состав из Москвы, сто вагонов, от автозавода, под лес. И жидок мой с бумагами ко мне: "Путевой листок, - говорит, - подпишите!" И чтоб грузить лес, едрена вошь...

ЛЕХА. Конечно, я каждый день пьяный, а я, как пьяный, я психовый. Но я на нее не обижаюсь, хоть она и не девка была, как за меня выходила...

МИКОЛА. ... у меня, может, три ранения и мемориальная доска на стене дома в городе-герое Севастополе...

НИКИТИЧ. "Когда погрузку начинать?" - спрашивает, едрена вошь, а сам глазками так и сверкает - думает, ему за хорошую работу зачет сделают, год за три спишут. А я думаю: "Нет, брат жидок, шалишь! Не снять тебе, едрена вошь, с этого дела навара!"

МИКОЛА. А раз так, значит, я - гегемон, и слово мое - последнее. Иди, Леха, долбани разок плотину с бульдозера, чтоб знала она, кто здесь хозяин!

ЛЕХА /утирая слезы/. Я ведь каждый день пьяный, ломаю все, крушу, по-скотски, а она молчит. Но я на нее не обижаюсь. Я себя на ее место ставлю: ну что у ней со мной за жизнь?

МИКОЛА. Не идешь, значит? Ну и ладно, я сам могу: я по любой машине грамотный, шофер первого класса! /Идет к бульдозеру/.

НИКИТИЧ. У меня тогда запой был, а тут еще сияние это, едрена вошь... /Бульдозер с грохотом трогается с места/. Смотрю я на него, листок путевой из руки беру и говорю: "Не грузи!" А он молчит, только глазами моргает, а что он может? Он же зэк, хоть и грамотный, едрена вошь! /Бульдозер уезжает за сцену/. И пошли сто вагончиков в Москву порожняком: их задерживать нельзя, у них на железной дороге - расписание!

/Слышно, как за сценой натужно взревывает мотор бульдозера, затем - удар/.

ЛЕХА /в интервалах между ревом и ударами/. А ведь мог бы и не пить! Но пью. И всю получку пропиваю. А если б не пил, много ли мне надо? Рубль в день на обед, да блок сигарет на месяц. И все, и больше ничего мне не надо.

НИКИТИЧ /в интервалах/. Ушли, значит, вагончики, а назавтра узнаю, что жидок мой к заместителю бегал, у него путевой лист подписать норовил, едрена вошь! Старательный, вишь, нашелся: забыл, едрена вошь, кто я, а кто он! Ну, думаю, ладно, ты у меня попрыгаешь! И точно. Назавтра опять сто вагонов из Москвы пригоняют, под лес, и опять он ко мне с листом...

ЛЕХА. Другие, может, по 300 рублей домой приносят, а я все пропиваю. А мог бы все ей отдавать, жена все-таки, хоть она и не девка была, да чего поминать? Десять лет уже прошло... А она все молчит, но я на нее не обижаюсь...

НИКИТИЧ. А сияние это, едрена вошь, всю душу из тебя вынимает! Так я даже в его сторону и не глянул, листок со стола смахнул и опять: "Не грузи!". Он прямо чуть не заплакал, заморгал и пошел. А вагончики опять порожняком в Москву покатились.

ЛЕХА. Нет, не обижаюсь я на нее: что я,не человек, что ли? Я все понимаю, хоть я каждый день пьяный. А я, когда пьяный, я психовый, но я на нее не обижаюсь...

/Рев бульдозера и удары смолкают/

МИКОЛА /за сценой/. А ну, Никитич, глянь: течь там есть?

НИКИТИЧ. И так, едрена вошь, я жидка своего еще три дня на место ставил, чтоб он понятие имел. Ведь без моей подписи ничего грузить он не мог. Кто он, едрена вошь? Зэк и зэк, хоть и уши врозь. А я материально ответственный, хочу - целую неделю порожняком вагоны гнать могу! И теперь еще кой-чего могу, не думай: придет еще мое время, едрена вошь!

МИКОЛА /орет за сценой/. Никитич! Леха! Гляньте, как там плотина?

НИКИТИЧ /не понимая/. Чего?

МИКОЛА /за сценой/. Как плотина: дала течь или нет?

НИКИТИЧ /подходит к берегу/. Не видно пока, едрена вошь!

/Опять рев бульдозера и удары/

НИКИТИЧ /с возрастающим интересом следит за работой Миколы/. Не туда, не туда лупишь, едрена вошь! Правей бей! Еще правей! Ты что, едрена вошь - право от лево отличить не умеешь? А ну вдарь! /Удар/. Откати! Еще, еще откати, не дрефь! Так, хорош! /Слышен рев мотора/. Теперь по команде - давай, едрена вошь!

МИКОЛА /поет за сценой, хрипло/. "Сделать нам, друзья, предстоит больше, чем сделано!..."

НИКИТИЧ. Чего орешь, - откатывай! /Рев мотора/. Готов? По команде, по цели прямой наводкой - огонь! /Удар/. Опять промазал, едрена вошь!

МИКОЛА /поет за сценой - пение его больше похоже на истошный крик/ - "Сделать нам, друзья, предстоит больше, чем сделано..."

НИКИТИЧ. Откатывай, время не трать! /Рев мотора/ - Правей, правей, чего боишься, ниже земли не упадешь! Готов? По команде прямой наводкой - огонь! /Удар/. Нет, едрена вошь, слезай - нет у тебя прицела! /Идет к Лехе, который все это время ничко лежал на земле, и трясет его за плечо/. Вставай, парень, тебя Родина требует!

ЛЕХА /приподнимается/. Раскаяние - это мука памяти, но я не обижаюсь.

НИКИТИЧ /командирским рыком/. Встать! Смирно! И за руль!

/Появляется Микола. Никитич держит Леху за шиворот, чтоб не упал/

МИКОЛА /поет/. "Сделать нам, друзья, предстоит больше, чем сделано"...
НИКИТИЧ /Миколе, не выпуская Леху/. Не сдюжил, едрена вошь?
МИКОЛА. Поди ее пробей, она бетонная, сука, - ее навеки строили.
НИКИТИЧ /орет/. Нет таких крепостей, едрена вошь! Вставай, Леха, принимай штурвал!
ЛЕХА /невнятно/. Жизнь равнодушна к людям, но я на нее не обижаюсь! /Падает ничком в траву/.
МИКОЛА /поднимает Леху/. Леха, ты друг или не друг? Вспомни, как я за тебя в разведку ходил... чтоб тебе, значит, счастливое детство... А ты?
НИКИТИЧ. Давай, принимай штурвал! Родина зовет!

/Леха с трудом поднимается на ноги/

МИКОЛА /поет/. "Сделать нам, друзья, предстоит больше, чем сделано"...
ЛЕХА /бредет к бульдозеру/. Чем ближе к идейной цели, тем дальше от личного счастья.
МИКОЛА /подталкивая Леху/. Эх, нужны стране герои, да где их взять!

/Леха уходит, через минуту взревывает бульдозер/
/Микола и Никитич комментируют работу Лехи/

НИКИТИЧ. Главное, едрена вошь, сразбегу ее долбануть.
МИКОЛА /суетится вокруг Никитича/. Леха, слушай команду! По команде - вперед! За Родину! На врага!

/Рев мотора/

НИКИТИЧ. Заводи руль! Заводи полевей, и сходу - удар!

/Удар/

МИКОЛА /в упоении/. "Сделать нам, друзья, предстоит!..."
НИКИТИЧ. Откатывай! /Рев мотора/. Подальше, подальше, - не дрефь, не упадешь! Левей! Еще левей! Хорош! Давай, едрена вошь!

/Удар/

МИКОЛА. "Еще больше, чем сделано!"...
НИКИТИЧ /все больше возбуждаясь/. Хорош! Молодчик! Хвалю - вон трещина показалась! А ну еще - откатывай!

/Рев мотора/

МИКОЛА. Эх, дубинушка, ухнем! Еще больше, чем сделано!
НИКИТИЧ. Левее, едрена вошь! Прицел точней! Заводи руль, заводи, не дрефь! Удар!

/Удар/

Микола /в исступлении/. Поддалась! Вон трещина какая! А ну, еще разок!
НИКИТИЧ. Посильнее разгонись! Руль круче выворачивай, едрена вошь!

/Рев мотора/

Готов! Ну, сходу - на врага! Удар! Покатило!

/Удар/

МИКОЛА /приплясывает/. Советским бульдозеристам слава! Ур-р-р-р-а-а!

/Рев мотора/

НИКИТИЧ. Стой, стой, ты куда? Куда с поля боя? Не дрефь - не затонешь! Еще пару раз долбани ее, едрена вошь, чтоб до конца!

МИКОЛА. Советским таксистам слава! Ур-р-а-а!
НИКИТИЧ. Приготовсь! По цели - а-а-гонь!

/Удар/

МИКОЛА /вне себя/. Советским танкистам слава!.. Ур-р-р-а-а!
НИКИТИЧ. Откатывай, откатывай! Руль круче выворачивай, не дрефь!

/Рев мотора/

По цели, из всех орудий, - огонь!

/Удар/

МИКОЛА. Советским артиллеристам слава! Ур-р-р-а-а!

/Рев смолкает, слышен шум падающей воды/

НИКИТИЧ. Слыхал, как вода шумит? /Самодовольно/. Стихия!
МИКОЛА. Ура! Наша взяла! Пробили, пробили целку! Советским женщинам слава! Ур-р-р-а-а!
НИКИТИЧ. Шумит стихия! Молодцы мы, Микола! Настоящие богатыри! Будет тебе исправная тачка! Человек человеку друг! Товарищ! И брат!

/На поляну медленно, тихо, почти бесшумно въезжает бульдозер/

МИКОЛА /на пределе восторга/. Орлы мы, Никитич! Герои! Вот мы кто! И снег, и ветер, и звезд ночной полет! Орлы! И давай поцелуемся! В тревожную даль зовет! /Микола и Никитич обнимаются, Леха медленно сходит с бульдозера и бредет к ним. Микола начинает петь/ - "Работа у нас такая!..."

МИКОЛА
НИКИТИЧ /поют вместе/ - Работа у нас такая,
Забота наша большая:
Была бы страна родная,
И нету других забот.
И снег, и ветер, и звезд ночной полет,
Тебя, мое сердце,
В тревожную даль зовет!

ЛЕХА /садится у их ног, утирая слезы/. Конечно, она - не целка была, но я на нее не обижаюсь. Я ведь каждый день пьяный, а я когда пьяный, я психовый!

/Микола и Никитич стоят над ним в обнимку, как скульптурная группа/.

З А Н А В Е С

Э.ЛЮБОВ

ГОЛОС ТОЛПЫ

/ о пьесах Н.Воронель /

Возможно,кому-то пьесы Н.Воронель покажутся "экзотическими", а кому-то, напротив,- слишком "тавтологичными". Вполне допускаю, что одни увидят в них гротескно-причудливое остранение быта, другие же всего лишь его скрупулезную, протокольную фиксацию.

Не берусь опровергать какое-либо из этих суждений, хотя ни одного из них полностью не разделяю.

Для меня эти пьесы- прежде всего, явление того искусства, которое я условно, про себя, называю "неофициальным".

Всякий термин внутреннего лексикона нуждается в пояснении. Говоря о"неофициальности", я оставляю в стороне вопрос о принадлежности произведения к ряду "официально жизненных", т.е. напечатанных в общем порядке. Я говорю об иной "неофициальности" - неофициальности тех слоев общественного бытия, которыми питается данное искусство.

Не стоит, вероятно, ломиться в открытые двери и доказывать, что наше общественное и индивидуальное бытие разграничено, грубо говоря, на 2 обособленных- парадный и подспудный - пласта. В таких условиях возникновение неофициального искусства становится почти неизбежным. Оно обусловлено самим наличием огромного и как бы "безголосого" слоя нашего потаенного, подспудного быта. Быт этот не получает ни лица, ни голоса в официальной литературе с ее канонизированным тематическим спектром и жестким кодексом приличий. Официальное искусство, как любят говорить, "типизирует", - иными словами, оно оперирует с явлениями и людьми, уже просеянными также и сквозь сито всевозможных"табу". Неофициальное искусство, напротив, -это искусство "статистических средних", оно фиксирует как бы "неорганизованный", как бы "стихийный" быт и массовую, неофициальную речь.

Типичными примерами неофициального искусства в таком его понимании являются песни Галича и Высоцкого. Их новаторство, как художественное явление, состоит не столько в "остроте" тематики, сколько в подлинности быта и речи, впервые в них зазвучавших.

Пьесы Нины Воронель стоят в том же новаторском ряду. Не случайно, когда по ходу действия Нине Воронель требуется песня, она обращается к стихам Галича. Кроме других, чисто рациональных причин, такой выбор продиктован еще и подсознательным "звуковым отбором": как те либо иные официальные песни слышались бы диссонансами в речевой стихии ее пьес.

Заговорив о звуке и речи, я подхожу к самому, на мой взгляд, главному в пьесах Н.Воронель. Их автор - поэт; и ее театр, при всей своей внешней жесткой прозаичности, - это, прежде всего, театр поэтический, т.е. такой театр, в котором слово - не только знак, но и звук. Подобно дельфину или летучей мыши, поэт видит окружающее как некую звуковую картину, видит "звуковое лицо" мира. Я иногда даже думаю, что единство так называемого "видения мира" у того или иного настоящего поэта обеспечивается в значительной степени единством этой скрытой за словами звуковой картины.

Все создатели нашего неофициального искусства - а Н.Воронель, несомненно, следует к ним отнести - в той или иной степени заворожены очарованием звучащей

вокруг них, разлитой повсеместно живой сегодняшней речи. Все неофициальное искусство в целом - попытка выразить подлинную действительность через подлинную речь. В этом Высоцкий сходен с Марамзиным, а Галич - с Воронель.

Я рискну предположить, что толчком к пьесам "Триптиха" и им подобным был для Нины Воронель однажды ей открывшийся и надолго поразивший ее слух некий музыкальный контрапункт окружающей речевой стихии. Я намерен далее высказать несколько замечаний об этом контрапункте в "Триптихе", но сейчас хотел бы сразу и четко оговориться: подлинную и массовидную речь неофициального искусства не следует отождествлять с каким-нибудь "деревенским говором", который эксплуатирует т.н. деревенская проза, или молодежно-научно-интеллигентским жаргоном прозы т.н. "интеллектуальной"; и то, и другое - явление искусства официального, табуированного приличиями, и уже потому - не подлинная речь. Это, в сущности, - более или менее удачные стилизации. В пьесах Н.Воронель все до краев наполнено подлинным хаотическим бормотанием повседневного быта. Это и делает их мучительно узнаваемыми и одновременно "странными"; ощущение странности порождено, конечно, той непривычной /в официальном искусстве/ смелостью, с которой литература здесь передвинута вплотную к не подлежащему огласке быту. Непривычная подлинность - вот что обуславливает возможность крайних суждений об этих пьесах, как об экзотике или тавтологии.

Эти пьесы трудны для чтения, как трудна всякая запись живой речи. Такая речь возрождается в своей естественной форме только со сцены, в живом звучании. И думается, что вот при таком исполнении, со сцены, обнаружится воочию, насколько обманчиво первое /и, видимо, неизбежное/ впечатление "записанности", протокольной фиксации этой речи.

В действительности стихия речи в пьесах Н.Воронель глубоко организована. Организована она по принципу звукового контрапункта, особенности которого услышаны и угаданы автором в "стихийном бормотании". В данном случае этот контрапункт не является просто категорией драматургической формы; его значение намного существенней. Он противопоставлен принципам обычной организации пьесы, как некий новый структурный принцип. В обычной структуре единство пьесы обеспечивается взаимосцеплением людей, характеров, судеб. В пьесах Н.Воронель взаимодействуют звуки реплик и голосов, вступающих друг с другом в почти музыкальные отношения. Музыкальность такой структуры видна хотя бы из того, что зачастую вступление новой реплики или голоса продиктовано не столько требованиями смысла, или действия, сколько законами согласования голосовых инструментов, чередования основных и побочных партий и тому подобными чисто музыкальными соображениями. Достаточно вслушаться в любую пьесу "Триптиха", чтобы обнаружить, что она распадается на "голосовые партии". Искусство драматурга сказалось здесь в том, как эти партии переплетены друг с другом, как выстроены в единое целое. Тут-то и начинается организация речевой стихии, о которой упоминалось выше. В подлинной стихийной речи это переплетение едва намечено, чуть просвечивает сквозь нивелирующий смысловой шум.

Когда я читаю эти пьесы, прислушиваясь к их звуковому рельефу, мне иногда кажется, что в них вообще нет людей,- остались одни лишь бесплотные голоса, которые говорят друг с другом, откликаются, вторят, бормочут каждый свое. И на фоне общего этого, странного хора то и дело всплывают навязчивые звуковые повторы: то реплика подхватывает и продолжает предыдущую, то звучит искаженным ее откликом. Постепенно нарастает подспудный, механический ритм речевого эха, ритм гулкой реверберации голосов.

Я думаю, что здесь Н.Воронель, идя своим особым, поэтическим путем,-то-

есть не от смысла, не от явления, а от звука и речи, - открыла нечто весьма существенное в глубине нашей действительности.

Я имею в виду господство Слова над Реальностью, Группы над Индивидуальностью, Мифа над личностью.

В том неофициальном быту, в котором мы живем в действительности, категории характерного и индивидуального в значительной мере стерты и нивелированы. Здесь господствуют стереотипы, подчиняющие себе целые группы и коллективы людей. Люди подразделяются не по индивидуальным характерам и личным поступкам, а по речевым стереотипам и действиям группы.

Необходимо сразу оговориться: речь идет о том круге людей, среди которых Н.Воронель выбирает своих героев. Это круг, для которого характерно пониженное личностное самосознание и повышенное чувство "инстинктивного коллективизма". А эти характеристики, в свою очередь, связаны со специфическими особенностями религиозной и вообще духовной эволюции народа - точнее, той его преобладающей части, которая ныне вышла на авансцену истории.

Пьесам Н.Воронель нельзя предъявлять упрек в "неразработанности характеров", он здесь не по адресу. Ведь в них речь идет не о характерах, а о характеристиках - о статистических характеристиках локальных человеческих групп, о психологических и речевых стереотипах микроколлективов, образующих в совокупности массовый, неофициальный быт. На уровне микроколлективов действуют локальные мифы, лежащие в основе групповой микрокультуры; ее внешним выражением и являются, прежде всего, речевые и поведенческие стереотипы.

В своем исследовании микроколлективов Н.Воронель тяготеет, как это легко заметить, к группам неформальным и даже "экзотическим", находящимся на периферии общественного бытия: богом забытый дебаркадер, палата абортичек, богадельня, скрытая под приличной вывеской. Но это не столько тяга к внешней экзотичности, сколько стремление исследовать, "подслушать" жизнь в обстановке максимально неофициальной, свободной от обычных ограничений, раскованной, т.е. - естественной. Тяга эта - особенность не только Н.Воронель, но и всего неофициального искусства, стремящегося по этой причине атаковать "запретные" темы, нестандартно - стандартные ситуации и т.д.

Чтобы прочесть пьесы Н.Воронель, нужно внимательно прислушаться к звуковой картине ее мира.

Картина эта, на первый взгляд, кажется противоречивой, даже парадоксальной. С одной стороны, слышишь, как голосовые партии сплетены в сложном контрапункте, с другой же, тебя не покидает необъяснимое ощущение всеобщей взаимной глухоты. Переплетение реплик не скрывает, а наоборот - подчеркивает, что они, в сущности, не связаны, отъединены друг от друга.

Я пытаюсь разобраться, чем вызвано это ощущение,- и прихожу к выводу, что именно назойливые звуковые повторы, отклики и эхо создают тягостное впечатление полной разобщенности людей. Точнее говоря, его создает тот факт, что связь голосов осуществляется исключительно в форме бессмысленного, механического отклика, эха; смыслового отклика нет, - каждый голос тянет свое, замкнут в пределах своей речи. Кажется, что любой голос, т.е. любого человека, можно изъять из смысловой структуры, и собеседники даже не заметят его отсутствия. Степень выявленности человека, его "объемность", мера его реального существования как будто исчерпывается его речевым набором, а не индивидуальным смыслом. Сама речь становится в итоге не столько средством общения, сколько барьером разобщения: переплетаются звуковые тени людей, но не могут пробиться друг к другу

смысловые их содержания.

Те же особенности контрапункта порождают и следующее мое ощущение /если об ощущениях можно говорить в каком-то порядке/ - унылой механичности, деревянности, тягучего серого однообразия голосовых партий. Действительно: каждый говорит свое, твердит свое, бесконечно повторяет и жует крохотное "свое", в каждой партии нет, по существу, индивидуальности, это партия стереотипа, голос статистического среднего, их могут бормотать соединенные по достаточно изощренной схеме магнитофоны; и все это идет на фоне звуковых эхо, подчеркивающих механичность контрапункта своей, присущей всякому эхо, безжизненной, безответной механичностью повтора.

В этом механическом однообразии человечьего косноязычия мне видится звуковая форма бессодержательного, механичного существования. Именно эта особенность существования порождает повторы, отражения, отголоски - слова в слове, действия в действии. Отголосок - лишь имитация ответа, эхо - видимость смысла. Жизнь через свою звуковую форму обнаруживает, что она есть эхо, отголосок,имитация осмысленной жизни. Монотонность речи - звуковое выражение монотонности жизни, в которой все только набрякает, вспучивается, готовится взорваться, - но не взрывается, а оседает: беззвучно, медленно и тяжело. Звуковая монотонность именно в силу своей монотонности, равноправности каждого звука оборачивается готовностью взорваться в любом месте: спор, скандал, драка, смерть могут начаться с любой фразы,такой же нелепой, как всякая другая. Сам конфликт приобретает нечто внутреннее,монотонное: он становится кульминацией монотонности и бессмысленности - те же звуки, только усиленные до рева. Поэтому-то он внутренне обречен на неразрешимость, на расплывание в пустоту; он не отрицает то, что его родило, а оказывается высшей формой его утверждения.

Впрочем, о конфликтах пьес Н. Воронель следует, наверно, сказать подробнее. Тут удобно было бы определить конфликт как своего рода сюжетный слой пьесы, существующий наряду с ее речевым слоем. Речевой слой, при всей своей "организованности", все же более стихиен; сюжетный - при кажущейся "естественности" конфликтов - более сознательно организованный, более функционально значимый слой.

Легко видеть, что в пьесах "Триптиха" / и даже шире - во всей драматургии Н.Воронель/ наблюдается определенная закономерность: чем больше роль сюжетной организованности / функциональности реплик/, тем меньше свобода речевой стихии. Эти пьесы можно расположить в ряд по степеням возрастающей функциональности, "сюжетности". Началом ряда будет служить "Дебаркадер", где найдена идеальная соразмерность двух противоречащих принципов - стихийного и организованного. В конце ряда расположится, например, "Дуся и драматург", - пьеса, в которой почти полностью торжествует сюжет.

Почти... Предельные случаи здесь, как и в физике, лишены смысла: полная речевая свобода тождественна бессодержательной звукозаписи; полная сюжетная предопределенность всех реплик превращает пьесу в агитационный лубок; и то, и другое находится уже за пределами искусства. Ибо искусство - это прежде всего мера.

Торжество сюжета немедленно обнаруживается в функциональности, т.е. искусственной заданности реплик и действий. Вместо контрапункта с его непреднамеренным и глубоким смыслом возникает искусственно упорядоченная конструкция: уже не сама жизнь, а ее "отражение в искусстве".

Соразмерность "Дебаркадера" состоит не в том, что в нем нет сюжета вообще,

это был бы предельный случай, - а в том, что сюжетное происшествие, конфликтный узел здесь зауряден, т.е. находится на уровне того мнимо-реального бытия, каковым обладают герои. Узел этот естественно вырастает из речевого потока- так же естественно, как входят в звуковую ткань пьес Воронель песни Галича. Между тем беременная девочка или мнимый доносчик - это уже незаурядная заурядность, это уже некий искусственно выбранный концентрат реальности. Сюжет такого рода выламывается из общего речевого потока, деформирует естественную обыденность звукового контрапункта и начинает организовывать действие по-своему. В мифологическую реальность вторгается реальность социального, конкретного и потому - более узкого уровня.

Поясню сказанное примером, быть может, нарушающим критические приличия: мне кажется, что естественным, соразмерным в "Первом апреля" было бы развитие действия вокруг пропавшего кота. Заурядность этого события была бы в полной гармонии с речевым потоком и не смогла бы нарушить его свободу и естественность. Мне даже кажется, что пьеса так и начинала развиваться /т.е. развивать себя/, но автор вдруг испугался, что его "не поймут", что идея "не выявится" и стал поспешно организовывать события, направляя их на помощь пресловутой "идее".

Но вторгаться в авторскую кухню, как я уже каялся, - неприлично; поэтому займемся все же сюжетами в том их виде, в каком они окончательно воплотились.

Как и в выборе героев, здесь отчетливо выявляется явное пристрастие автора к ситуации определенного типа; все "сюжеты" являются ее вариациями. Ситуация эта такова: однородная разобщенная масса и нечто, из нее выделяющееся. Пьяный в "Дебаркадере" или драматург в "Дусе и драматурге" - несущественно, чем и как выделяется "иное"; гораздо существеннее, что все остальные безошибочно распознают запах чего-то чуждого, такого, что необходимо исторгнуть из своей среды. Может быть, эта "чуждость" есть просто нарушение контрапункта? Как бы то ни было, реакция "массы" всегда оказывается одинаковой: голосовые партии доселе разобщенные, внезапно сливаются в некий унисон, повторы начинают работать на усиление звучания, голоса перерастают в рев. Конечно, и в этом единстве сохраняется механичность слияния, деревянность повторов, разобщенность смыслов. Это не объединение личностей, воодушевленных одной идеей, а хор голосов, сливающихся в голос Толпы. Возникновение Толпы происходит автоматически, как кристаллизация при внесении затравки; "иное" и является такой затравкой. Но в отличие от кристалла, толпа снова распадается, едва лишь "иное" устранено. Общность толпы - единственный доступный героям Н.Воронель вид человеческого общения. Но даже в общности они не обретают лица или характера; толпа безлика, ее плоть - голос. Рев - форма ее существования, и это соответствует тому призрачному, в оболочке речевых стереотипов, существованию, которое ведут ее составляющие. В стадии толпы они лишь продолжают единственно присущую им форму бытия - разобщенное, иллюзорно - самостоятельное, целиком управляемое стереотипами. И ничто, кроме толпы, не может из них сложиться.

Существование толпы тоже весьма своеобразно. Она существует не сама по себе, а как ответ, реакция на внешний возбудитель; внешнее - вот то единственное, что поддерживает в ней жизнь. Что, в сущности, тоже псевдо-бытие, несамостоятельное бытие, вторичное, отраженное существование. Оно вздувается, как пузырь в грязевом озере, нарастает и, кажется, вот-вот взорвется, но не взрывается, а оседает и постепенно вновь сливается с уровнем поверхности. Точно такие же - чудовищные, когда поднимаются, и жуткие, когда оседают, - пузыри то и дело вспучиваются в симфониях Шостаковича. И там, и тут неразрешимость всех этих, казалось бы, обязанных разрешиться катаклизмов поражает своим беспощадным соот-

ветствием русскому историческому опыту.

Если вдуматься, это ведь очень странно: герои Н.Воронель не проявляют никаких признаков исторической памяти / я имею в виду т.н. "простых" героев/, они живут лишь памятью бытовой. Но в своем индивидуальном, онтогенетическом поведении они неизбежно воспроизводят свое историческое поведение, свой филогенез. Означает ли это, что здесь угадан не только социальный или групповой характер поведения людей, а его национально-исторческий тип?

Но в толпу объединяются не только "простые" мужики "Дебаркадера" или "простые" бабы "Матушки-барыни". Так называемые "интеллигенты" с не меньшей легкостью становятся толпой, едва их катализирует появление "иного". Поучительно приглядеться к этому процессу. В отличие от "простонародья" т.н. "интеллигенция" наделена памятью и остатками личностного самосознания. Ее речевой поток / это особенно заметно в "Первом апреля", но ощущается и в "Дусе и драматурге"/- это поток "воспоминаний". Но какие это назойливо-уродливые воспоминания: об унижениях, предательствах, крахе иллюзий! В этих однообразных повторах как бы многократно повторяется, поворачивается под разными углами все одна и та же судьба, одна тема - потери и гибели. Предательства себя и расплаты. Повтор звучит как напоминание, от которого не отойти: ты загипнотизирован образом прошлого, - когда ты еще был /казался себе/ человеком и когда тебя ломали и ты ломался сам. И тот же повтор звучит как заклинание прошлого. И эти герои - тоже не реальные /при всей своей материальности/ люди; их реальность - в прошлом; они живут коллективным мифом: безвинности своей вины. Порознь они лгут себе повторами заклинаний, напоминанием о пережитом /как будто страдания оправдывают!/; все вместе - в звуковом контрапункте разобщенных партий-голосов - они творят миф своей особости, избранности, интеллигентности.

На самом деле они давно уже такие же, как все. То, что в них, может быть, и было, сломано и предано окончательно и навсегда. Они были кусками льда, брошенными в горячую воду; они все еще воображают себя кусками льда, но в котле бурлит одна лишь зловонная пена. При появлении "иного" они сплачиваются так же, как "простонародье". Их отличает только форма, т.е. набор стереотипов, разновидность локального мифа. Образуют они все ту же толпу. Топчут "иное" с завидным профессионализмом, чтобы восстановить нарушенный контрапункт, чтобы снова обрести равновесие мифа.

Мне это кажется очень важным, и вот почему. Раньше русская культура- это отмечалось неоднократно - содержала, фактически, две культуры: историческую культуру верхов и бытовую культуру низов. Пьесы Н.Воронель показывают нам и остатки той первой, верхушечной культуры в процессе их "переплавки", и уже переплавленные образчики сегодняшней т.н. "интеллигенции", и, наконец, полную однородность реакций всех культурных групп, составляющих нашу теперешнюю культуру. Иными словами, она рассказывает об историческом процессе смены культурных типов, - точнее, о его результатах. О становлении однородной безличностной Толпы.

Однородность нынешней культуры позволяет говорить о сущности Толпы вообще, не детализируя ее "социальный состав". Всякая Толпа, таким образом, - вторичное явление, общность, образовавшаяся как ответ на внешний раздражитель. Вся ее реальность - эмоции и мысли - есть следствие, продукт раздражения. Все, что в ней есть человеческого, порождено, стало быть, тем, что она ненавидит.

Но что есть "иное" в пьесах Воронель, как не отчужденное толпой от себя, вынесенное вовне порождение ее же бытия и характера? Пьяный, девочка, доносчик, - все это знаки будней, их сгусток,их закон. Толпа отчуждает самое себя, персонифицирует его в"ином" и ревет от злости, увидев, но не опознав собствен-

ную "свинцовую мерзость"./И разве не так же отчуждала свое зло в облике "жида" русская черносотенная толпа?/. Появление "иного" нарушает монопольный поток действительности, и начинает вздуваться пузырь, но поскольку "иное" - все то же отчужденное "свое", то все завершается чавкающим звуком, который издает болото, всосав очередную жертву.

Традиция отчуждения, экстериоризации своего личностного в противостоящее себе "иное" -давняя национальная традиция. Так раньше отчуждался бог, потом "социальная справедливость" в облике революции. Теперь объектом отчуждения,- обожествления /и ненависти/ является сама толпа. Это завершение эволюционирующей безрелигиозности той массы, что вышла на авансцену и вместо бога воодушевляется мифом.

Я думаю, что Н.Воронель не метила так далеко. Как и в случае контрапункта, она сделала свои сюжетные открытия, открыла свою ситуацию, поразившись однажды, с какой неожиданной готовностью объединяются и топчут "чужого" ее герои, только что, казалось, взаимно глухие, разобщенные и чужие. Но в том-то и дело, что в этом, вроде бы привычном, будничном явлении воплощается сущность всей нашей сегодняшней культуры - культуры, последовательно отказавшейся от воплощенного вне человека бога, от воплощенной вне людей социальной справедливости и сделавшей своим идолом - "народ".

В сущности, это новая, не вполне еще понятная нам система культурных ценностей. Крах прежней системы отразился в размывании границ личности, в разрыве межличностных связей, в торжестве речевого стереотипа над индивидуальностью, толпы над единицей; сквозь распадающуюся ткань уже просвечивают контуры нового: механического, деревянного, унифицированного стандартными фразами, населенного затверженными словосочетаниями.

Смена культур - вот подоплека действительности, а стало быть - и театра Н.Воронель. Она-то, собственно, говорит о заурядной жизни заурядных людей, но получается - об утрате бога.

Торжество безрелигиозной культуры выражается в том, что длительная общность людей становится невозможной; доступен лишь кратковременный "инстинктивный коллективизм" толпы. Вместе с идеей бога распадаются непосредственно связанные с ней этические ценности, моральные и нравственные критерии. Вот откуда берет начало та зыбкость, размытость всех моральных устоев, нравственных норм, потеря внутренних моральных ориентиров, которые с таким поразительным инстинктивным соответствием реальности демонстрирует в своих пьесах Н.Воронель. Предатели обнимаются с преданными, толпа с линчуемыми, "добро" и "зло" превращаются друг в друга, все границы стерты. Новая культура - это своеобразное анти-манихейство, в котором добро и зло слиты в едином облике бога - толпы, коллективный инстинкт заменяет индивидуальную мораль.

Стертость границ и возможность всеобщих превращений - характерная черта гротескного, т.е. народного восприятия; это также особенность самого элементарного мифологического сознания. Одна лишь черта отличает современный гротеск площадей и мифологию коммунальных квартир от своих аналогов в прошлом: характер смеха.

Пьесы Н.Воронель не знают розового смеха кинокомедий; они не принадлежат также к образцам черного юмора.

Это литература юмора серого. Мифологический смех богов и средневековый хохот народа сменились сегодня жалким весельем толпы, серым смехом серых будней.

Уже кончая, я сообразил, что так и не сказал о той стороне пьес Н.Воронель, которая отталкивает от них многих "добрых" людей: об их жестокости и грубости, о "беспросветности". Но я не думаю, чтобы дело в действительности обстояло так. Просвета, действительно, нет - там, где нет высокой личной идеи. Что же касается добра и зла, точнее - добра, то оно есть, - только иное. Добро выступает здесь в облике зла, а зло - в одеянии добра. Кто сказал, что человек "по природе добр"? Он свободен выбирать зло так же, как и добро. Мы видим в пьесах Н.Воронель процесс выбора в ситуации, где стерты границы добра и зла. Ситуация, действительно, непривычная, -и вот уже рационалистические гуманисты торопятся обвинить автора в том, что он "не верит в человека" и т.п. Это - не по адресу. Вместо бессмысленной фразы о "вере в человека" Н.Воронель открывает нам реальных людей, разрывающихся между добром и злом, потерявших понимание, что где, и оттого - несчастных.

По крайней мере, я так прочел эти пьесы.

Уже кончая, я сообразил, что так и не сказал о той стороне пьес Н.Воронель, которая отталкивает от них многих "добрых" людей: об их жестокости и грубости, о "беспросветности". Но я не думаю, чтобы дело в действительности обстояло так. Просвета действительно, нет - там, где нет высокой личной идеи. Что же касается добра и зла, точнее - добра, то оно есть, - только иное. Добро выступает здесь в облике зла, а зло - в одеяньи добра. Кто сказал, что человек "по природе добр"? Он свободен выбирать зло так же, как и добро. Мы видим в пьесах Н.Воронель процесс выбора в ситуации, где стерты границы добра и зла. Ситуация, действительно, непривычная, - и вот уже рационалистические гуманисты торопятся обвинить автора в том, что он "не верит в человека" и т.п. Это - не по адресу. Вместо бессмысленной фразы о "вере в человека" Н.Воронель открывает нам реальных людей, разрывающихся между добром и злом, потерявших понимание, что где, и оттого - несчастных.

Страница оригинала. Фото.

ИЛЬЯ РУБИН

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

/"Бесы" Пушкин,1830, "Фаэтонщик" Мандельштам, 1931/

Страшное и жалкое может быть произведено театральной обстановкой, но может также возникать и из самого состава событий.

Аристотель."Поэтика"

В 1830-м году Пушкину оставалось жить еще семь лет. Семь лет, вместивших женитьбу, чадолюбие, литературные склоки, ревность, дуэль и предсмертное христианство. В Болдине начинается последнее это семилетие. Осенью. А холерная эта осень начинается зимним ужасом "Бесов".

Пушкин много размышляет и много пишет о русской истории. В исторических своих сочинениях Пушкин находится всецело в русле наследственно воспринятой им державинской традиции, когда истинная гражданственность еще не почувствовала себя полностью отделенной от государства. Реальность Сенатской площади не стала еще исторически понятой реальностью, хотя и стала реальностью сердца. Французская четкость мышления, спокойное дыхание его патриотизма, никогда не позволяли Пушкину близко подойти к чаадаевской бездне всеотрицания. Ведь Чаадаев - католик по вере, европоцентрист по убеждениям, - русский, сверхрусский по извращенности негативного своего бесстрашия - бесстрашия самоубийцы. Через несколько десятилетий после опубликования "Философических писем" Достоевский доведет в Кириллове чаадаевское отрицание до самоубийственного абсурда, до безумия - но безумия философического. Сумасшествие - вспомним Ницше - почти всегда венчает собой негативное бесстрашие. И не случайно у царя сразу же по прочтении им "Философических писем" является спасительная /и для государственного престижа, и для самого Чаадаева/ мысль о его безумии.

Пушкин, смертельно боящийся сойти с ума, тревожно перебирающий вереницу необузданных, мнительных, вздорных своих предков, не позволяет себе заглядывать в эти бездны. В прозе не позволяет. Ибо по природе своей проза - рассудительна, а из всех безумий рассудительное - самое страшное. Но стихи - другое дело. В стихах можно дать страху дымом клубиться из себя, освободить от него скорбную предчувствиями душу:

Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

14 декабря 1825 г. родился самый долговечный из всех российских страхов-страх безвременья, бездорожья:

Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?

Их двое - барин и ямщик. Но равно страшно обоим. Средь метельной мути, среди бесовских завываний мечется кибитка - маленький островок заблудившегося разума. Позади - тьма, и впереди - тьма. Только небо просторно для взгляда - но в "беспредельной вышине" мутного неба рой за роем мчатся, "надрывая сердце", бесы. Кружат они кибитку, бросают в лицо пригоршни колючего снега. Скоро они примут вполне человеческий облик в романе Достоевского. А снег будет еще долго

кружиться и лететь, пока не взовьется последний раз в последней поэме Блока.

Пушкина и Мандельштама роднил груз неиспользованных возможностей: в пушкинское время сановником становился дворянин, в мандельштамовское - еврей. Эти возможности были им даны, казалось, только для того, чтобы подчеркнуть неизбежность их изгнанничества, глубоко-внутренний, неслучайный его характер. Русских сановников иногда убивали в Персии. Русских поэтов всегда убивали в России.

В 1931 г. Мандельштаму оставалось всего семь лет. Нет, то будут не семь прощальных пушкинских лет, достойных гомеровского героя. Не будет ни детей, ни дуэли. Но осуществятся все пушкинские кошмары, "соприродные душе" русского литератора - нищенство, предательство, сумасшествие, крепость. И кошмары эти, облеченные все в тот же четырехстопный хорей, которым так любили писать бравые военные песни в гусарские времена, уже не туманны, уже не скрывает их милосердная снежная муть. Нет, слепящее, обнаженное солнце, а не "невидимка-луна", стоит над толчками и разгонами "безносой карусели" "Фаэтонщика". Полумрак чистилища, перепутья сменился адским светом, бездорожье окончилось в пропасти. Все стало ясно - ах, как ясно! Скрылся бесследно добродушный, незадачливый, песенный ямщик - и вскочил на облучок "чумный председатель". В "Бесах" - шесть вопросительных знаков, в "Фаэтонщике" - ни одного.Вопрос - это почти надежда, ответ - почти всегда безнадежность. "Домового ли хоронят?" - тревожно спрашивает Пушкин. "Там труда бездушный кокон на горе похоронен" - тускло отвечает ему Мандельштам. Бесы сбросили личины, нет уже бесов, есть дьявол и его царство, все обнажилось и вещественно огрубело под неподвижным взглядом "сорока тысяч мертвых окон" - каруселью оказался так долго жданный путь, "темносиней чумой"- небо. Метельное кружение кибитки осталось кружением, но приобрело размеренность и цель. А Вальсингам, прекрасный, юный Вальсингам "Пира во время чумы" /кстати, написанного той же осенью 1830 г. в Болдине/, превратился в "чумного председателя", чьи "ужасные черты", проступающие "сквозь кожевенную маску", напоминают нам другого председателя - "кремлевского горца, душегуба, мужикоборца" - оспенную неподвижность его лица, его безносую карусель, в которой сгинул уже барин, пропал ямщик и захлебнутся скоро в своей крови октябрьские боссы, крича, воя, визжа: "Да здравствует председатель!"

Так через сто лет неслучайно встретились два русских поэта. Один предчувствовал последний день, другой видел его и описал. Нет страшнее участи, чем участь Иоанна из Патмоса - еще не опали в глазах кровавые волны, еще звенит в ушах архангельская труба и глухо стучат копыта бледного коня - но уже приготовлена бумага и в руке дрожит перо... "И ангелу Лаодикийской Церкви напиши...". Нет страшнее участи, чем писать под диктовку Бога.

Октябрь 74.

А.С.ПУШКИН

Б Е С Ы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

"Эй! Пошел, ямщик!..." - "Нет мочи:
Коням, барин, тяжело,
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон,играет,
Дует, плюет на меня;
Вон - теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой".

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк.
Кони стали... "Что там в поле?" -
"Кто их знает? Пень иль волк?"

Вьюга злится,вьюга плачет.
Кони чуткие храпят.
Вот уж он далече скачет,
Лишь глаза во мгле горят.
Кони снова понеслися,
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи.
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

1830 г.

О.МАНДЕЛЬШТАМ

ФАЭТОНЩИК

На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали -
Было страшно, как во сне.
Нам попался фаэтонщик,
Пропеченный, как изюм,
Словно дьявола погонщик,
Односложен и угрюм.
То гортанный крик араба,
То бессмысленное "цо".
Словно розу или жабу
Он берег свое лицо.
Под кожевенною маской
Скрыв ужасные черты,
Он куда-то гнал коляску
До последней хрипоты.
И пошли толчки-разгоны,
И не слезть было с горы -
Закружились фаэтоны,
Постоялые дворы...
Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил, черт возьми, -
Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми.
Он безносой канителью
Правит, душу веселя,
Чтоб крутилась каруселью
Кислосладкая земля.
Так в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше,
Я изведал эти страхи,
Соприродные душе.
Сорок тысяч мертвых окон
Там глядят со всех сторон,
И труда бездушный кокон
На горе похоронен.
И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
И над ними небо мреет
Темносиняя чума.

О.МАНДЕЛЬШТАМ

ПЕТР ЧААДАЕВ *

След, оставленный Чаадаевым в сознании русского общества - такой глубокий и неизгладимый, что невольно возникает вопрос: уж не алмазом ли проведен он по стеклу? Это тем более замечательно, что Чаадаев не был деятелем: профессиональным писателем или трибуном. По всему своему складу он был "частный" человек, что называется "privatier". Но, как бы сознавая, что его личность не принадлежит ему, а должна перейти в потомство, он относился к ней с некоторым смирением: что бы он ни делал,-казалось, что он служил, священнодействовал.

Все те свойства, которых была лишена русская жизнь, о которых она даже не подозревала, как нарочно соединялись в личности Чаадаева: огромная внутренняя дисциплина, высокий интеллектуализм, нравственная архитектоника и холод маски, медали, которыми окружает себя человек, сознавая, что в веках он - только форма, и заранее подготовляя слепок для своего бессмертия.

Еще более необычным для России был дуализм Чаадаева, ясное им различение материи и духа. В младенческой стране, стране полуживой материи и полумертвого духа, седая антиномия косной глыбы и организующей идеи была почти неизвестна.Россия, в глазах Чаадаева, принадлежала еще вся целиком к неорганизованному миру. Он сам был плоть от плоти этой России и посмотрел на себя, как на сырой материал. Результаты получились удивительные. Идея организовала его личность, не только ум, дала этой личности строй, архитектуру, подчинила ее себе всю без остатка и, в награду за абсолютное подчинение, подарила ей абсолютную свободу.

Глубокая гармония, почти слияние нравственного и умственного элемента придают личности Чаадаева особую устойчивость. Трудно сказать - где кончается умственная и где начинается нравственная личность Чаадаева, до такой степени они близятся к полному слиянию. Сильнейшая потребность ума для него в то же время была и величайшей нравственной необходимостью.

Я говорю о потребности единства, определяющей строй избранных умов.

-О чем же мы станем беседовать?- спрашивал он Пушкина в одном из своих писем.- У меня, вы знаете, всего одна идея, и если бы ненароком в моем мозгу оказались еще какие-нибудь идеи, они, конечно, тотчас прилепились бы к той одной: удобно ли это для вас?

Что же такое прославленный "ум" Чаадаева, этот "гордый" ум, почтительно воспетый Пушкиным, освистанный задорным Языковым, как не слияние нравственного и умственного начала - слияние, которое столь характерно для Чаадаева и в направлении которого совершался рост его личности.

С этой глубокой, неискоренимой потребностью единства, высшего исторического синтеза родился Чаадаев в России. Уроженец равнины захотел дышать воздухом альпийских вершин и, как мы увидим, нашел его в своей груди.

На западе есть единство! С тех пор, как эти слова вспыхнули в сознании Чаадаева, он уже не принадлежал себе и навеки оторвался от "домашних" людей и интересов. У него хватило мужества сказать России в глаза страшную правду, - что она отрезана от всемирного единства, отлучена от истории, этого воспитания

---

* Аполлон,Август-сентябрь, 1915, №№ 6-7, стр. 57-62.

народов Богом.

Дело в том, что понимание Чаадаевым истории исключает возможность всякого в с т у п л е н и я на исторический путь. В духе этого понимания, на историческом пути можно находиться только ранее всякого начала. История - это лестница Иакова, по которой ангелы сходят с неба на землю. Священной должна она называться на основании преемственности духа благодати, который в ней живет Поэтому Чаадаев и словом не обмолвился о Москве - третьем Риме. В этой идее он мог увидеть только чахлую выдумку киевских монахов. Мало одной готовности, мало доброго желания, чтобы н а ч а т ь историю. Ее вообще немыслимо начать. Не хватает преемственности, единства. Единства не создать, не выдумать, ему не научиться. Где нет его, там в лучшем случае -"прогресс", а не история, механическое движение часовой стрелки, а не священная связь и смена событий.

Как очарованный, смотрел Чаадаев в одну точку, - туда, где это единство стало плотью, бережно хранимой, завещаемой из поколения в поколение. Но папа! папа! Ну, что же? Разве и он - не просто идея, не чистая абстракция? Взгляните на этого старца, несомого в своем паланкине под балдахином, в своей тройной короне, теперь так же, как тысячу лет назад, точно ничего в мире не изменилось: поистине, где здесь человек? Не всемогущий ли это символ времени - не того, которое идет, а того, которое неподвижно, через которое все проходит, но которое само стоит невозмутимо и в котором и посредством которого все совершается?

И вот, в августе 1825 года, в приморской деревушке близ Брайтона появился иностранец, соединявший в своей осанке торжественность епископа с безукоризненной корректностью светского человека.

Это был Чаадаев, бежавший из России на случайном корабле, с такой поспешностью, как если бы ему грозила опасность, однако без внешнего принуждения, но с твердым намерением - никогда больше не возвращаться.

Больной, мнительный, причудливый пациент иностранных докторов, никогда не знавший другого общения с людьми, кроме чисто интеллектуального, скрывая даже от близких страшное смятение духа, он пришел увидеть свой Запад, царство истории и величия, родину духа, воплощенного в церкви и архитектуре. Это странное путешествие, занявшее два года жизни Чаадаева, о которых мы знаем очень мало, больше похоже на томление в пустыне, чем на паломничество, а потом Москва, деревянный флигель-особняк, "Апология сумасшедшего" и долгие размеренные годы проповеди в "аглицком" клубе.

Или Чаадаев устал? Или его готическая мысль смирилась и перестала возносить к небу свои стрельчатые башни? Нет. Чаадаев не смирился, хотя время своим тупым напильником коснулось и его мысли.

О наследство мыслителя! Драгоценные клочки! Фрагменты, которые обрываются как раз там, где всего больше хочется продолжения, грандиозные вступления, о которых не знаешь - что это: начертанный план или уже само его осуществление? Напрасно добросовестный исследователь вздыхает об утраченном, о недостающих звеньях: их и не было, они никогда не выпадали. - Фрагментарная форма "Философических Писем" внутренне обоснована, так же как и присущий им характер обширного введения.

Чтобы понять форму и дух "Философических Писем", нужно представить себе, что Россия служит для них огромным и страшным фоном. Зияние пустоты между написанными известными отрывками - это отсутствующая мысль о России.

Лучше не касаться "Апологии". Конечно, не здесь сказал Чаадаев то, что он думал о России.

И, как безнадежная плоская равнина, развивается последний, незаконченный период "Апологии", это унылое, широковещательное и, вместе, ничего не обещающее начало, после того как уже столько было сказано: "Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит чрез всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер...Это - факт географический..."

Из "Философических Писем" можно только узнать, что Россия была причиной мысли Чаадаева. Что он думал о России, - остается тайной. Начертав прекрасные слова: "истина дороже родины", Чаадаев не раскрыл их вещего смысла. Но разве не удивительное зрелище эта "истина", которая со всех сторон, как некиим хаосом, окружена чуждой и странной "родиной"?

Попробуем проявить "Философические Письма" как негативную пластинку. Может быть,те места, которые просветлеют, окажутся именно о России.

Есть великая славянская мечта о прекращении истории в западном значении слова, как ее понимал Чаадаев. Это - мечта о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое "миром". Мечта о духовном разоружении так завладела нашим домашним кругозором, что рядовой русский интеллигент иначе и не представляет себе конечной цели прогресса, как в виде этого неисторического "мира". Еще недавно сам Толстой обращался к человечеству с призывом прекратить лживую и ненужную комедию истории и начать "просто" жить. В "простоте" - искушение идеи "мира":

жалкий человек...
Чего он хочет...Небо ясно.
Под небом места много всем.

Навеки упраздняются за ненадобностью земные и небесные иерархии. Церковь, государство, право исчезают из сознания, как нелепые химеры, которыми человек от нечего делать, по глупости, населил "простой", "Божий" мир и, наконец, остаются наедине,без докучных посредников, двое - человек и вселенная:

Против неба, на земле,
Жил старик в одном селе...

Мысль Чаадаева - строгий перпендикуляр, восставленный к традиционному русскому мышлению. Он бежал, как чумы, этого бесформенного рая.

Некоторые историки увидели в колонизации, в стремлении расселиться возможно вольготнее на возможно больших пространствах - господствующую тенденцию русской истории.

В могучем стремлении населить внешний мир идеями, ценностями и образами, в стремлении, которое уже столько веков составляет мучение и счастье Запада и ввергнуло его народы в лабиринт истории, где они блуждают до сих пор, - можно усмотреть параллель этой внешней колонизации.

Там, в лесу социальной церкви, где готическая хвоя не пропускает другого света, кроме света идеи,укрывалась и созревала главная мысль Чаадаева, его немая мысль о России.

Запад Чаадаева нисколько не похож на расчищенные дорожки цивилизации. Он, в полном смысле слова, открыл свой Запад. Поистине, в эти дебри культуры еще не ступала нога человека.

Мысль Чаадаева, национальная в своих истоках, национальная и там, где вливается в Рим. Только русский человек мог открыть этот Запад, который сгущеннее, конкретнее самого исторического Запада. Чаадаев именно по праву русского человека вступил на священную почву традиции, с которой он не был связан преемственностью. Туда, где все - необходимость, где каждый камень, покрытый паутиной времени, дремлет, замурованный в своде. Чаадаев принес нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею взрощенный. Эта свобода стоит величия, застывшего в архитектурных формах, она равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры и я вижу, как папа, этот старец, несомый в своем паланкине под балдахином, в своей тройной короне, приподнялся, чтобы приветствовать ее.

Лучше всего характеризовать мысль Чаадаева, как национально-синтетическую. Синтетическая народность не склоняет головы перед фактом национального самосознания, а возносится над ним в суверенной личности, самобытной, а потому национальной.

Современники изумлялись гордости Чаадаева, а сам он верил в свое избранничество. На нем почила гиератическая торжественность, и даже дети чувствовали значительность его присутствия, хотя он ни в чем не отступал от общепринятого. Он ощущал себя избранником и сосудом истинной народности, но народ уже был ему не судия!

Какая разительная противоположность национализму, этому нищенству духа, который непрерывно апеллирует к чудовищному судилищу толпы!

У России нашелся для Чаадаева только один дар: нравственная свобода, свобода выбора. Никогда на Западе она не осуществлялась в таком величии, в такой чистоте и полноте. Чаадаев принял ее, как священный посох, и пошел в Рим.

Я думаю, что страна и народ уже оправдали себя, если они создали хоть одного совершенно свободного человека, который пожелал и сумел воспользоваться своей свободой.

Когда Борис Годунов, предвосхищая мысль Петра, отправил за границу русских молодых людей, ни один из них не вернулся. Они не вернулись по той простой причине, что нет пути обратно от бытия к небытию, что в душной Москве задохнулись бы вкусившие бессмертной весны неумирающего Рима.

Но ведь и первые голуби не вернулись обратно в ковчег.

Чаадаев был первым русским, в самом деле, идейно побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно. Современники это инстинктивно чувствовали и страшно ценили присутствие среди них Чаадаева. На него могли показывать с суеверным уважением, как некогда на Данта: "Этот был там, он видел - и вернулся".

А сколькие из нас духовно эмигрировали на Запад! Сколько среди нас - живущих в бессознательном раздвоении, чье тело здесь, а душа осталась там!

Чаадаев знаменует собой новое, углубленное понимание народности, как высшего расцвета личности, и - России, как источника абсолютной нравственной свободы.

Наделив нас внутренней свободой, Россия предоставляет нам выбор, и те, кто сделал этот выбор, - настоящие русские люди, куда бы они ни примкнули. Но горе тем, кто, покружив около родного гнезда, малодушно возвращается обратно!

С Т И Х И

Здесь собрано несколько стихотворений на тему о русской истории. Историческая тема /точнее историософская/ необыкновенно привлекательна для евреев в диаспоре /например, Г.Гейне или Б.Пастернак/ и соответствует еврейской традиции, даже если сами авторы думают, что порвали с ней навсегда /те же Гейне и Пастернак/. В остальном, в отношении этого раздела остаются верными замечания, сделанные нами по разделу "Культурная жизнь" в этом номере.

Н.ВОРОНЕЛЬ

ИГАРКА

Я виновата в пожаре Игарки,
Хоть не бросала окурка в опилки,
Спички не жгла в деревянной хибарке
И не курила на лесопилке.

Бревна при мне под навесом лежали,
Пламя не кралось по ним воровато.
И все-таки я виновата в пожаре,
Не делом, а помыслом виновата.

Мысленно я пробиралась во мраке,
Чутко послушная злому прозренью,
И поджигала кривые бараки
И выжигала проклятую землю.

Таяли льды и корежило пламя
Кости погибших и погребенных,
Пламя гудело на пилораме
И выстригало дома под гребенку.

Пламя гудело по гулким настилам
И деловито по доскам плясало,
А я не гасила его, не гасила,
И ничего из огня не спасала.

Я никого не брала на поруки
И, окончательно пепел рассея,
Я омывала горячие руки
Зеленоватой водой Енисея.

1964

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

Предательства многоликого
Никак мы на лжи не поймаем;
Ладонью коснется великого,
И станет великое малым.

Щекою коснется малого, -
И малое станет страшным,
И будет, грехи замаливая,
У смерти стоять на страже.

И слабыми станут сильные,
И робкими станут смелые
В краю, где реки несиние
Стекаются в море белое.

Где солнце скрывается в августе
За дальние горы Саянии,
Где в небе включаются запросто
Северные сияния.

А к лету солнце расплатится
Мелочью золотой,
И обернется предательство
Вечною мерзлотой.

Оно отогреет для виду
Застывшее после зимы,
Промерзшее вечной обидою
Отечное тело земли.

И землю смягчая уступкой,
Дома засосет до труб.
И ляжет трясиной топкой
Вместо дорог и троп.

Но там, под цветущей тундрой,
Желтым теплом залитой,
Останется тою же трупной
Вечною мерзлотой.

1964.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Над сизой изморозью бухт,
Над медленной рекой
Начертан был Санкт-Петербург
Немецкою рукой.

И вырос город на воде,
Шагая напрямик
В неоспоримой правоте
И краткости прямых.

Так, отвергая русский крой
И вычурность Москвы,
Как по команде встали в строй
Каналы и мосты.

Там три столетия подряд
В один и тот же час
Дворцы выходят на парад,
Мундирами кичась.

Там, попирая тонкий грунт,
На утренней заре
Дома становятся во фрунт
И строятся в каре.

Там, прозревая между строк
Неписанный закон,
Идут прохожие сквозь строй
Нацеленных окон.

Как неприятельский редут,
Встал град передо мной,
Чтоб утвердить немецкий дух
Над варварской страной!

1972.

ЛОМБАРДНАЯ БАЛЛАДА

Монотонно, запасясь терпеньем,
Оставляя город под собой,
Я всхожу по каменным ступеням
Вверх, на Исаакьевский собор.

Подо мной парадом юбилеев
Изукрашен мрамор колоннад.
В доме за углом, где жил Рылеев,
Деньги под залог дает ломбард.

Возле стен, где рушились святыни,
Где гудел набат бунтовщиков,
Бережно хранятся в нафталине
Вереницы шуб и пиджаков.

В комнате, где крестным целованьем
Отвергалась истинность присяг,
Нежится каракуль в целлофане
И часы безмолвные висят.

За стеклом хранятся самоцветы
И хрусталь упрятан под замок,
Будто под огромные проценты
Отдана история в залог.

Будто стало прошлое обузой
И его охотно сбыли с рук,
Будто не распутать вечный узел
И не разомкнуть проклятый круг.

Будто бы вокруг стоят постоем
Оккупационные войска,
Будто бы стою я перед строем,
Ощущая холод у виска.

Будто бы к мостам, в стихах воспетым,
Рухну я, подстрелянная влет.
... В Мойке, за гранитным парапетом
Битые бутылки вмерзли в лед.

1972.

ДАН ПРИКАЗ

Втиснут век в свой цвет и запах,
Как в длину и ширину...
"Дан приказ - ему на запад,
Ей - в другую сторону".

Дан приказ, а им навек бы
Лоб ко лбу, щека к щеке,
Только кровь приметой века
Заскорузла на штыке.

Против ляхов и казаков
Надо ехать на войну,
Но зачем - ему на запад,
Ей - в другую сторону?

Ей бы вскинуться, рыдая:
- Не отдам! Не пожила!
"Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай".

Ей бы выть собакой верной,
Ей бы плыть за ним баржой...
"Если смерти - то мгновенной,
Если раны - небольшой".

Что же ей осталось, бедной,
Просто - для себя самой?
"Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой".

Так не примет? Не простит?
Лягут времени приметы
Камнем на его пути.
Умолкает голос крови.
Там, где правит крови цвет, -
Крови кроме, смерти кроме
Ничего на свете нет!

1966.

ПРОЩАНИЕ С РОССИЕЙ

Пришла пора прощания с Россией, -
Проиграна игра по всем ходам,
Но я прошу: О Господи, прости ей
Победный марш по чешским городам!
За череду предательств и насилий
Заслуженную кару отменя,
Не накажи и сжалься над Россией,
Отторгнутой отныне от меня!

Прошу не потому, что есть прощенье,
Что верю в искупление вины,
А потому, что в скорбный час прощанья
Мне дни ее грядущие видны.
Провижу я награды и расправы,
Провижу призрак плахи и костра,
И мне претит сомнительное право
Играть в овечьем стаде роль козла.

И в ореоле надписей настенных,
В истошных криках: "Слава!" и "Хвала"!
Я выпадаю накипью на стенах
Бурлящего российского котла!

1971.

АХ, ТОЛЬКО БЫ...

Ах, только бы воли себе не давать,
Когда с ледяных берегов Колымы
Грозит мне сиротство Синайской пустыней,
И нет ничего холодней и постылей
Российской судьбы и российской зимы,
Российской сумы и российской тюрьмы,
Куда не зазорно явиться с повинной,
И где лишь кривые дороги прямы,
И где не зазорно казенной холстиной
Без всяких гробов мертвецов одевать,
Ах, только бы воли себе не давать!

Ах, только бы первой любви не предать,
Когда из глубин подымается страх,
Когда "Увертюрой 12-го Года"
Ревет в репродукторах голос народа,
А в сводках атаки и танки в тисках,
И ярость в висках, и останки в песках;
И ясно - в огне не отыщется брода:
Ведь жизни и смерти лежат на весах,
И жаждет погрома не горсточка сброда,
А родины-мачехи грозная рать.
Ах, только бы первой любви не предать!

Ах, только б остаться самою собой,
Когда в одинокий прозрения час
Я в прошлом себя узнаю среди прочих,
И я в этом прошлом - не слово, а прочерк:
У предков моих слишком яростный глаз,
А нос слишком длинный и в профиль, и в ф[illegible]
И нет мне березки в березовых рощах
И нет мне спасенья в Успенье и в Спас,
И предков моих на Сенатскую площадь
Никто не пустил под штандарт голубой.
Ах, только б остаться самою собой!

Ах, только б найти Ариаднину нить,
Чтоб сердце дотла отреченьем не сжечь,
Когда умножаются правды и кривды
И каждая правда не стоит и гривны,
И братство лишь с теми, с кем общая печь
А прочие братства не стоят и свеч,
И только на кровь неизменны тарифы.
Лишь ты остаешься мне, русская речь,
И только распев дактилической рифмы
С Россией способен меня примирить,
Ах, только б найти Ариаднину нить!

ИОСИФ БРОДСКИЙ

ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ

Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали Греческую церковь,
дабы построить на свободном месте
концертный зал. В такой архитектуре
есть что-то безнадежное. А впрочем,
концертный зал на тыщу с лишним мест
не так уж безнадежен. Это - храм,
и храм искусства. Кто же виноват,
что мастерство вокальное дает
сбор больший, чем знамена веры?
Жаль только, что теперь издалека
мы будем видеть не нормальный купол,
а безобразно плоскую черту.
Но что до безобразия пропорций,
то человек зависит не от них,
а чаще от пропорций безобразья.

Прекрасно помню, как ее ломали
Была весна, и я как раз тогда
ходил в одно татарское семейство,
неподалеку жившее. Смотрел
в окно, и видел Греческую церковь.

Все началось с татарских разговоров;
а после в разговор вмешались звуки,
сливавшиеся с речью поначалу,
но вскоре заглушившие ее.
В церковный садик въехал экскаватор
с подвешенной к стреле чугунной гирей
И стены стали тихо поддаваться.
Смешно не поддаваться, если ты -
стена, а пред тобою - разрушитель.
К тому же, экскаватор мог считать
ее предметом неодушевленным
и до известной степени подобным
себе. А в неодушевленном мире
не принято давать друг другу сдачи.
Потом - туда согнали самосвалы,
бульдозеры... И как-то в поздний час
сидел я на развалинах абсиды.
В провалах алтаря зияла ночь.
И я сквозь эти дыры в алтаре
смотрел на убегавшие трамваи,
на вереницу тусклых фонарей.

И то, чего вообще не встретишь в церкви,
теперь я видел через призму церкви.
Когда-нибудь, когда не станет нас,
точнее - после нас, на нашем месте,
возникнет тоже что-нибудь такое,
чему любой, кто знал нас, ужаснется.
Но знавших нас не будет слишком много.
Вот так, по старой памяти, собаки
на прежнем месте задирают лапу.
Ограда снесена давным-давно...
Но им, должно быть, грезится ограда,
Их грезы перечерчивают явь.
А может быть, земля хранит тот запах;
асфальту не осилить запах псины.
И что им этот безобразный дом!
Для них тут садик. Говорят вам, - садик!
А то, что очевидно для людей,
собакам совершенно безразлично.
Вот это и зовут "собачья верность".
И если довелось мне говорить
всерьез об эстафете поколений,
то верю только в эту эстафету.
Вернее, в тех, кто ощущает запах.

Так мало нынче в Ленинграде греков;
да и вообще, вне Греции их мало.
По крайней мере, мало для того,
чтоб сохранить сооруженья веры.
А верить в то, что мы сооружаем,
от них никто не требует. Одно,
должно быть, дело - нацию крестить,
а крест нести - уже совсем другое.
У них одна обязанность была,
они ее исполнить не сумели, -
непаханное поле заросло.
"Ты сеятель, храни свою соху,
а мы решим, когда нам колоситься".
Они свою соху не сохранили.

Сегодня ночью я смотрю в окно
и думаю о том, куда зашли мы
И от чего мы больше далеки:
от православья или эллинизма?
К чему близки мы? Что там, впереди?
Не ждет ли нас теперь другая эра?
И если так, то в чем наш общий долг?
И что должны мы принести ей в жертву?

КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

Потому что искусство поэзии требует слов,
Я, один из глухих, облысевших, угрюмых послов
Второсортной державы, связавшейся с этой,
Не желая насиловать собственный мозг,
Сам себе подавая одежду, спускаясь в киоск
За вечерней газетой.

Ветер гонит листву. Старых лампочек тусклый накал
В этих грустных краях, чей эпиграф - победа зеркал,
При содействии луж порождает эффект изобилья.
Даже воры крадут апельсин, амальгаму скребя.
Впрочем, чувство, с которым глядишь на себя -
Это чувство забыл я.

В этих грустных краях все рассчитано на зиму: сны,
Стены тюрем, пальто, туалеты невест /белизны
Новогодней/, напиток, секундные стрелки;
Воробьиные кофты и грязь по числу щелочей;
Пуританские нравы, белье, и в руках скрипачей -
Деревянные грядки.

Этот мир недвижим. Представляя объем валовой
Чугуна и свинца, обалдело тряхнешь головой,
Вспомнишь прежнюю власть - на штыках и казачьих нагайках.
Но садятся орлы, как магнит на железную смесь;
Даже стулья плетеные держатся здесь
На болтах и на гайках.

Только рыбы в морях знают цену свободе, но их
Немота вынуждает нас как бы к созданью своих
Этикетов и касс, и пространство торчи прейскурантом.
Время создано смертью. Нуждаясь в телах и вещах,
Свойство тех и других оно ищет в сырых овощах;
Кочет внемлет курантам.

Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав,
К сожалению, грустно. Красавице платье задрав,
Видишь то, что искал, в не новые дивные дивы.
И не то, чтобы тут Лобачевского твердо блюдут.
Но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут -
тут конец перспективам.

То ли карту Европы украли агенты властей,
То ль пятерка шестых, остающихся в мире частей
Чересчур далека, то ли некая добрая фея
Надо мной ворожит, но отсюда бежать не могу.
Сам себе наливаю кагор - не кричать же слугу -
и чешу котофея.

То ли пулю в висок, точно в место ошибки - перстом.
То ли дернуть отсюдова по морю новым Христом.
Да и как не смешать с пьяных глаз, обалдев от мороза,
Паровоз с кораблем? - все равно не сгоришь от стыда:
Как и челн на воде, не оставит на рельсах следа
Колесо парохода.

Что же пишут в газетах, в разделе "из зала суда"?
Приговор приведен в исполненье. Взглянувши сюда,
Обыватель узрит сквозь очки в оловянной оправе,
Как лежит человек вниз лицом у кирпичной стены,
Но не спит. Ибо брезговать кумполом сны
Продырявленным вправе.

Зоркость этой эпохи корнями вплетается в те
Времена, неспособные в жалкой своей слепоте
Отличать выпадавших из люлек от выпавших люлек.
Белоглазая чуть дальше смерти не хочет взглянуть.
Жалко, блюдец полно, только не с кем стола вертануть,
Чтоб спросить с тебя, Рюрик.

Зоркость этих времен - это зоркость к вещам тупика.
Не по древу умом растекаться пристало пока,
Не плевком на стене, и не князя будить - динозавра.
Для последней строки, эх, не вырвать у птицы пера.

Неповинной главе всех и дел-то, что ждать топора,
Да зеленого лавра.

ИЛЬЯ РУБИН

ПАВЕЛ I

Забытый кем-то в туалете
Скелетик царственный курнос.
Какой туман об этом лете!
Какой кровавый день возрос!

Среди молчащих нежно спален,
Где шопот зреет, как трава,
Всегда найдется некий Пален,
Давно не помнящий родства.

Всегда найдется тень свободы,
Как филин в лысом парике,
И марш солдат, и вдалеке
Сугробов мертвенных разводы.

Слова свободы на бумагу,
Как новобранцев, положить.
Святой молебен отслужить
Сухому гатчинскому шагу.

И нету черточки одной
В кровавом том чистописаньи -
Одни молитвы о спасаньи
И слезы фрейлин за стеной.

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ

1

Кровавое чудо идет по песку.
Кровавые руды ломают кирку.

Босые пророки идут по земле.
Безумные всадники гибнут в седле.

Останется полдень, чтоб землю сушить.
Останутся женщины - саваны шить.

Останутся выть белоглазые псы,
В холодные звезды уткнувши носы.

2

Как Иоанн, царем плененный в яме,
Я причастился крови этих дней.
Я переполнен топотом коней,
Как женщина, тяжелая кровями.

Запачкав душу об улыбку смерда,
Я причастился шума ассамблей,
Когда взошла нечистая комета,
Как некий зверь из глубины полей.

Я на коленях. И не встать с колен.
Ломай меня. Так сладостно ломаться...
А мне бы век с колен не подыматься,
В тебя впадая ручейками вен!

БАЛЛАДА О ГЛИНЯНОМ БОГЕ

Идут солдаты чистым полем.
За ними катится возок.
И я иду за ними - Голем -
Дыханье, глина и песок.

И я, изведавший опалу,
Бреду за ними в те края,
Где, словно дети, зябнут скалы
Вдали от теплого жилья.

Принцесса дремлет. Дождь сочится.
Угрюм и низок небосвод.
И ноет левая ключица,
Как будто сердце там живет.

И мне,наверно, не мешало б
Поспать немного в такт шагам.
Но в эту полночь женских жалоб
Не спится глиняным богам.

Принцесса спит. Ей снятся муки.
И ты, зачем не знаешь сам,
Протянешь глиняные руки
К ее бесплотным волосам.

Она смеяться станет, верно:
"Ну, можно ли тебя любить?
Не оживи, слуга мой верный,
Как будут голову рубить.

Не будь живым. Они, живые,
Поутру в церковь нас везут.
А ночью - псы сторожевые
Им горла тонкие грызут.

В горячечном, кровавом дыме,
Раскинув крылья за спиной,
Они уходят молодыми...
Останься мертвым, но со мной!"

На север тянутся дороги.
В столице тянется процесс.
На север глиняные боги
Увозят плачущих принцесс.

И брат - убит. И муж - не нужен.
И связь времен оборвалась.
Полны любовью неуклюжей,
Идем, обрушиваясь в грязь.

Знать, небеса о нас забыли,
Когда от плахи до судьбы
Стоят жандармы голубые
И полосатые столбы.

Принцесса спит на жесткой койке.
Когда придем в Йошкар-Олу,
Принцесса будет биться в польке
На губернаторском балу.

Провинциальный лев, гуляка,
Ей станет руки целовать.
И ты шагнешь из полумрака,
Твердя приказ: "НЕ ОЖИВАТЬ".

И увезешь из полумрака
Ее, покорную, во мрак,
Где месяц бродит, как собака,
И охраняет наш барак.

1971 г.

ПРОЩАНИЕ С РОССИЕЙ

Пришла пора прощания с Россией, -
Проиграна игра по всем ходам,
Но я прошу: О Господи, прости ей
Победный марш по чешским городам!
За череду предательств и насилий
Заслуженную кару отменя,
Не накажи и сжалься над Россией,
Отторгнутой отныне от меня!

Прошу не потому, что есть прошенье,
Что верю в искупление вины,
А потому, что в скорбный час прощанья
Мне дни ее грядущие видны.
Провижу я награды и расправы,
Провижу призрак плахи и костра,
И мне претит сомнительное право
Играть в овечьем стаде роль козла.

И в ореоле надписей настенных,
В потешных криках: "Слава!" и "Хвала"!
Я выпадаю накипью на стенах
Бурлящего российского котла!

Страница оригинала. Фото. Текст приведен на стр. 227 настоящего издания.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

В настоящей публикации собрано несколько более или менее случайных высказываний выдающихся русских писателей о евреях как национальном и социальном типе. Мы далеки от мысли считать эту подборку достаточно полной, чтобы по ней умозаключать об отношении русских писателей к евреям вообще. Но в ней есть известная представительность.

Наиболее интересным в этой подборке кажется нам некое подобие сюжета, которое возникает, если рассматривать образ еврея в русской литературе, как он изменяется с течением времени. Жалкий и запуганный еврей /"что поплевать на него, да и только"/, вызывающий чувство юмора у Н.Гоголя, превращается в человека себе на уме, настораживающего А.Чехова и, наконец, в субъекта русской истории, одновременно пугающего и притягивающего советских писателей. Нужно сказать, что это превращение было в какой-то степени предварено антисемитскими фантазиями писателей, неравнодушных к еврейскому вопросу - Ф.Достоевского и В.Розанова. Это обстоятельство заставляет нас особенно внимательно отнестись к их предубеждениям, отвечающим, по-видимому, какой-то реальности в еврейско-русских отношениях.

Разумеется, мы не собираемся всерьез рефлектировать по поводу несправедливых упреков Достоевского в адрес евреев, но мы должны отдать себе отчет в том, что такие упреки систематически возникают в русской культуре неслучайно и характеризуют ситуацию, хотя бы и только с русской стороны.

Ниже, в разделе "КТО Я", мы приводим высказывания русских антисемитов, которые не обладают талантом и даром предвидения Ф.Достоевского, но которые повторяют многие из его особенно вздорных утверждений. Возможно, что это просто расхожие мнения, которые были приняты в русском обществе в прошлом и теперь некритически восприняты потомками... Но не исключена также возможность, что эта - метаисторическая тенденция русской культуры, силу которой нам еще предстоит оценить /см. также раздел "История" в этом номере сб./.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЕВРЕЯХ

Н.В.Гоголь

"Перевешать всю жидову"! раздалось из толпы. "Пусть же не шьют из поповских риз юбок своим жидовкам! Пусть же не ставят значков на святых пасхах! перетопить их всех, поганцев, в Днепре!" Слава эти, произнесенные кем-то из толпы, пролетели молниеносно по всем головам, и толпа ринулась на предместье с желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявшие все присутствие своего и без того жалкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печки и даже запалзывали под юбки своих жидовок; но казаки везде их находили.

"Ясновельможные паны!" - кричал один, высокий и длинный, как палка, жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхом, - "Ясновельможные паны! Слово только дайте нам сказать, одно слово! Мы такое объявим вам, чего еще никогда не слыхали, такое важное, что не можно сказать, такое важное!"

"Ну, пусть скажет", - сказал Бульба, который всегда любил выслушать обвиняемого.

"Ясные паны!" - произнес жид. - "Таких панов еще никогда не видывано. Ей-Богу, никогда! Таких добрых, хороших и храбрых не было еще на свете!..." Голос его умирал и дрожал от страха, "Как можно, чтобы мы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее! Те совсем не наши, те, что арендаторствуют на Украине! Ей-Богу, не наши! Те совсем не жиды: то черт знает что. То такое, что только поплевать на него, да и бросить! Вот и они скажут то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?"

"Ей-Богу, правда!" - отвечали из толпы Шлема и Шмуль в изодранных ермолках, оба белые, как глина.

"Мы никогда еще" - продолжал длинный жид, - „не соглашались с неприятелем. А католиков мы и знать не хотим: пусть им черт приснится! Мы с запорожцами как братья родные..."

"Как? Чтобы запорожцы были с вами братья родные?" - произнес один из толпы. "Не дождетесь, жиды проклятые! В Днепр их, панове! Всех потопить, поголовно!"

Эти слова были сигналом. Жидов расхватали по рукам и начали швырять в волны. Жалкий крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе. Бедный оратор, накликавший сам на свою шею беду, выскочил из кафтана, за который было его ухватили, в одном пегом и узком камзоле, схватил за ноги Бульбу и жалким голосом молил: "Великий господин, ясновельможный пан! Я знал и брата вашего покойного Дороша! Был воин на украшение всему рыцарству. Я ему 800 цехинов дал, когда нужно было выкупиться из плена у турков".

- Ты знал брата? - спросил Тарас.
- Ей-Богу, знал! Великодушный был пан.
- А как тебя зовут?
- Янкель.
- Хорошо, - сказал Тарас и потом, подумав, обратился к казакам и проговорил так: "Жида всегда будет время повесить, когда будет нужно, на сегодня от-

дайте его мне". Сказавши это, Тарас повел его к своему обозу, возле которого стояли казаки его. "Ну, полезай под телегу, лежи там и не шевелись; а вы, братцы, не выпускайте жида".

/"Тарас Бульба"/

"Проезжая предместье, Тарас Бульба увидел, что жидок его, Янкель, уже разбил какую-то ятку с навесом и продавал кремни, завертки, порох и всякие войсковые снадобья, нужные на дорогу, даже калачи и хлеб. "Каков чортов жид!" - подумал про себя Тарас, и подъехав к нему, сказал:

"Дурень, что ты здесь сидишь? Разве хочешь, чтобы тебя застрелили как воробья?"

Янкель в ответ на это подошел к нему поближе и, сделав знак обеими руками, как будто хотел объяснить что-то таинственное, сказал: "Пусть пан только молчит и никому не говорит: между казацкими возами есть один мой воз; я везу всякий нужный запас для казаков и по дороге буду доставать всякий провиант по такой дешевой цене, по какой еще ни один жид не продавал. Ей-Богу, так, ей-Богу, так".

Пожав плечами Тарас Бульба подивился бойкой жидовской натуре и отъехал к табору".

/Там же/

"Он прямо подъехал к нечистому, запачканному домишке, у которого небольшие окошки едва были видны, закопченные неизвестно чем; труба заткнута была тряпкой, и дырявая крыша вся была покрыта воробьями. Куча всякого сора лежала перед самыми дверьми. Из окна выглядывала голова жидовки, в чепце с потемневшими жемчугами.

"Муж дома?"- сказал Бульба, слезая с коня и привязывая повод к железному крючку, бывшему у самых дверей.

"Дома", - ответила жидовка и поспешила тот же час выйти с пшеницей в корчике для коня и стопой пива для рыцаря.

- "Где же твой жид?"
- "Он в другой светлице, молится", - проговорила жидовка, кланяясь и пожелав здоровья в то время, когда Бульба поднес к губам стопу.
- "Оставайся здесь, накорми и напои моего коня, а я пойду поговорю с ним один. У меня до него дело".

Этот жид был известный Янкель. Он уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: все валилось и дряхлело, все поразпивалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожара или чумы, выветрился весь край. И если бы 10 лет еще прожил там Янкель, то он, вероятно, выветрил бы все воеводство. Тарас вошел в светлицу. Жид молился, накрывшись своим довольно запачканным саваном, и оборотился, чтобы в последний раз плюнуть, по обычаю своей веры; как вдруг глаза его встретили стоявшего назади Бульбу. Так и бросились жиду в глаза прежде всего две тысячи червонцев, которые были обещаны за его голову; но он постыдился своей корысти и силился подавить в себе вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жида".

/Там же/.

М.Е.Салтыков-Щедрин

"Пропала совесть... По-старому толпились люди на улицах и в театрах... А бедная совесть лежала, между прочим, на дороге, затоптанная ногами пешеходов..." Попала она, разными правдами и неправдами, к Феофану Феофановичу и он, благодаря этому нежеланному приобретению, таких дел натворил, что к концу дня взмолился к супруге своей:

- Федосья Петровна! Матушка! Да свяжи ты меня, ради Христа! Чувствую, что я сегодня таких дел наделаю, что после целым годом поправить нельзя будет!...

Федосья Петровна мигом раздела его, уложила в постель и напоила горяченьким... Через четверть часа пошла она в переднюю и думает: а посмотрю-ка я у него в пальто; может, еще найдутся в карманах какие-нибудь грошики? Обшарила один карман - нашла пустой кошелек; обшарила другой - нашла какую-то грязную замасленную бумажку. Как развернула она эту бумажку - так и ахнула! - Совесть в кармане завел! - И стала думать, кому бы ей эту штуку сбыть, чтобы она того человека не отяготила в конец, а только маленько в беспокойство привела...

И придумала, что самое ей лучшее место будет у отставного откупщика, а ныне финансиста и железнодорожного изобретателя, еврея Шмуля Давыдовича Бржоцского.

- У этого, по крайней мере, шея толстая! - решила она; может быть, и побьется малое дело, но выдержит!... Решивши таким образом, она осторожно сунула совесть в конверт, надписала на нем адрес и опустила в почтовый ящик.

- Ну, теперь можешь, друг мой, смело идти на базар, - сказала она мужу своему, воротившись домой...

Самуил Давыдович Бржоцский сидел за обеденным столом, окруженный всем своим семейством. Подле него помещался 10-летний сын Рувим Самуилович и совершал в уме банкирские операции.

- А сто, папаса, если я этот золотой, который ты мне подарил, буду отдавать в рост по 20% в месяц, сколько у меня к концу года денег будет? - спрашивал он.

- А какой процент: простой или сложный - спросил, в свою очередь, Самуил Давыдович.

- Разумеется, папаса, слозный!

- Если слозный и с усецением дробей, то будет сорок пять рублей и 79 копеек!

- Так я, папаса, отдам!

- Отдай, мой друг, только надо благонадезный залог брать!

С другой стороны сидел Иосель Самуилович, мальчик лет семи и тоже решал в уме своем задачу: летело стадо гусей; далее помещался Соломон Самуилович, за ним Давид Самуилович и соображали, сколько последний должен первому процентов за взятые взаимообразно леденцы. На другом конце стола сидела красивая супруга Самуила Давыдовича, Лия Соломоновна и держала на руках крошечную Ривочку, которая инстинктивно тянулась к золотым браслетам, украшавшим руку матери.

Одним словом, Самуил Давыдович был счастлив. Он уже собирался кушать какой-то необыкновенный соус, украшенный чуть не страусовыми перьями и брюссельскими кружевами, как лакей подал ему на подносе письмо.

Едва взял Самуил Давыдович в руки конверт, как заметался во все стороны, словно угорь на угольях. - И сто зе это такое! И зацем мне эта вессь! - завопил он, трясясь всем телом.

Хотя никто из присутствующих ничего не понимал в этих криках, однако для всех стало ясным, что продолжение обеда невозможно...

Я не стану описывать здесь мучения, которые претерпел Самуил Давыдович в этот памятный день; скажу только одно: этот человек, с виду тщедушный и слабый, геройски вытерпел самые лютые истязания, но даже пятиалтынного возвратить не согласился. - Это сто зе! Это ницего! Только ты крепко дерзи меня, Лия! - уговаривал он жену во время самых отчаянных пароксизмов: - и если я буду спрасивать скатулку - ни-ни! пусть луци умру!...

Но так как нет на свете такого трудного положения, из которого был бы невозможен выход, то он был найден и в настоящем случае. Самуил Давыдович вспомнил, что он давно обещал сделать пожертвование в некое благотворительное учреждение, состоящее в заведывании одного знакомого ему генерала, но дело это почему-то изо дня в день все оттягивалось. И вот теперь случай прямо указывал привести в исполнение это давнее намерение. Задумано - сделано...

Самуил Давыдович осторожно распечатал присланный по почте конверт, вынул из него щипчиками посылку, переложил ее в другой конверт, запрятал туда еще сотенную ассигнацию, запечатал и отправился к знакомому генералу.

- Зелаю, ваше превосходительство, позертвование сделать! - сказал он, кладя на стол пакет перед обрадованным генералом.

- Что же-с! Это похвально! - ответил генерал - я всегда это знал, что вы... как еврей... и по закону Давидову... Плясаше и играше... так, кажется?

Генерал запутался, ибо не знал наверняка, точно ли Давид издавал законы, или кто другой.

- Тоцно так-с; только какие зе мы евреи, ваше превосходительство! - заспешил Самуил Давидович, уж совсем облегченный: - только с виду мы евреи, а в дусе совсем-совсем русские!

- Благодарю! - сказал генерал: - об одном сожалею... как христианин... отчего бы вам, например?.. а?..

- Васе превосходительство... мы только с виду... поверьте чести, только с виду!

- Однако?

- Васе превосходительство!

- Ну-ну-ну! Христос с вами!

Самуил Давидович пролетел домой точно на крыльях. В этот же вечер он уж совсем позабыл о претерпенных им страданиях и выдумал такую диковинную операцию, ко всеобщему удивлению, что на другой день все так и ахнули, как узнали".

/"Пропала совесть"/

"История никогда не начертывала на своих страницах вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский. История человечества вообще есть бесконечный мартиролог, но в то же время она есть и бесконечное просветление. В сфере мартиролога еврейское племя занимает первое место; в сфере просветления оно стоит в стороне, как будто лучезарные перспективы истории совсем до него не относятся. Нет более надрывающей сердца

повести, как повесть этого бесконечного истязания человека человеком...

Ни один человек в целом мире не найдет в себе столько творческой силы, чтобы вообразить себя в положении этой неумирающей агонии, а еврей родился в ней и для нее. Стигматизированный, он является на свет, стигматизированный агонизирует и стигматизированный же умирает. Или лучше сказать, не умирает, а видит себя и по смерти стигматизированным в лице детей и присных. Нет выхода из кипящей смолы, нет иных перспектив кроме зубовного скрежета. Что бы еврей ни предпринял, он всегда остается стигматизированным. Делается он христианином - он выкрест; остается при иудействе - он пес смердящий. Можно ли представить себе мучительство более безумное, более бессовестное?

Мне скажут, быть может: однако ж мы видим, что промышленные центры переполнены евреями, которые нимало не стесняются своим еврейством. Биржи, театры, рестораны, будуары самых дорогих кокоток - все это кишит веселонравными семитами, которые удивляют вселенную наглою расточительностью и нелепой привередливостью прихотей и вкусов. Да, таких субъектов существует достаточно /их-то одних мы и знаем/, но ведь в них еврейство играет уже далеко не существенную роль. Это обыкновенно гулящие люди /многие называют их "татями", но я не вижу надобности следовать этой терминологии/, члены той международной аффилиации гулящих людей, в которую каждая национальность вносит свой посильный вклад. Об еврействе в этих людях говорят только некоторые ухватки, но ведь ухватки самые резкие легко стушевываются в пучине всевозможных интернациональных утонченностей. Тем не менее можно сказать, что даже подобные личности по временам переживают нестерпимо-горькие минуты. Ибо и во сне увидеть себя евреем достаточно, чтобы самого неунывающего субъекта заставить метаться в ужасе и посылать бессильные проклятия судьбе...

... Еврей и ходит не так, и говорит не так, как люди, и смотрит не так. От еврея пахнет; еврей не смотрит, а глаза у него бегают; он не живет, а блудит. А как смешно и даже гнусно он шепелявит!

- Что, еврей, губами мнешь?
- Дурака шашу!

То ли дело Дерунов с Колупаевым! Никогда они не скажут: "шашу", а прямо отчеканят: "сосу дурака" - и шабаш...

Сосать простеца или "дурака" /он же рохля, ротозей, мужик и проч./ очень лестно, но для этого надо иметь случай, сноровку и талант. Дерунов с Колупаевым сосут, а Малявкин и Козявкин хоть и живут с ними по соседству - НЕ сосут. Первые обладают всеми нужными для сосания приспособлениями; вторые - теми же приспособлениями обладают наоборот. Тот же самый закон имеет силу и в еврейской среде. И между евреями правом лакомиться "дураком" пользуются лишь сильные организмы, а Малявкин и Козявкин не только не лакомятся, а напротив, представляют собой материал для лакомства...

Кому же однако приходило в голову указывать на Разуваева как на определенный тип русского человека? А разуваева-еврея непременно навяжут всему еврейскому племени и будут при этом на все племя кричать: ату..."

/"Недоконченные беседы"/.

Ф.М.Достоевский

"... Вот пришел Освободитель и освободил коренной народ, и что же, кто первый бросился на него, как на жертву, кто воспользовался его пороками преимущественно, кто оплел его вековечным золотым своим промыслом, кто тотчас же заместил где только мог и господ упраздненных помещиков, с той разницей, что помещики хоть и сильно эксплуатировали людей, но все же старались не разорять своих крестьян, пожалуй, для себя же, чтобы не истощить рабочей силы, а еврею до истощения русской силы дела нет, взял свое и ушел. Я знаю, что евреи, прочтя это, тотчас же закричат, что это неправда, что это клевета, что я лгу, что я потому верю всем этим глупостям, что "не знаю сорокавековой истории" этих чистых ангелов, которые несравненно "нравственно чище не только других народностей, но и обоготворяемого мною русского народа"... Но пусть, пусть они нравственно чище всех народов в мире, а русского уж разумеется, а между тем я только что прочел в мартовской книжке "Вестника Европы" известие о том, что евреи Америки и Южных Штатов уже набросились всей массой на многомиллионную массу освобожденных негров и уже прибрали ее к рукам по-своему, известным и вековечным своим "золотым промыслом", и пользуясь неопытностью и пороками эксплуатируемого племени. Представьте же себе, когда я прочел это, мне тотчас вспомнилось как мне еще пять лет тому назад приходило это самое на ум, именно то, что вот ведь негры от рабовладельцев теперь освобождены, а ведь им не уцелеть, потому что на эту свежую жертвочку как раз набросятся евреи, которых столь много на свете. Подумал это я, и уверяю вас, несколько раз потом в этот срок мне вспадало на мысль: "Да что же там ничего об евреях не сказано, что в газетах не пишут, ведь эти негры евреям клад, неужели пропустят?" И вот дождался, написали в газетах, прочел. А дней 10 тому назад прочел в "Новом времени" /№ 371/ корреспонденцию из Ковно, прехарактернейшую: "дескать, до того набросились там евреи на местное литовское население, что чуть не сгубили всех водкой и только ксендзы спасли бедных спившихся, угрожая им муками ада..." Ну, вот я все это прочел и знаю, что мне в один миг закричат, что все это ничего не доказывает, что это от того, что евреи сами угнетены, сами бедны, и что все это лишь "борьба за существование", что только глупец разобрать этого не может, и не будь евреи так сами бедны, а, напротив, разбогатей они, то мигом показали бы себя с такой гуманной стороны, так что мир бы весь удивился. Но ведь, конечно, все эти негры и литовцы еще беднее евреев, выжимающих из них соки, а ведь те /прочтите-ка корреспонденцию/ гнушаются такой торговлей, на которую так падок еврей; во-вторых, не трудно быть гуманным и нравственным, когда сомому жирно и весело, а чуть "борьба за существование", так и не подходи ко мне близко... Если начать писать историю этого всемирного племени, то можно тотчас же найти сто тысяч таких же и еще крупнейших фактов, так что один или два факта лишних ничего особенного не прибавят, но ведь вот что при этом любопытно; любопытно то, что чуть лишь вам - в споре ли, или просто в минуту собственного раздумья, - чуть лишь нам понадобится справка о еврее и целях его, - то не ходите в библиотеки для чтения, не ройтесь в старых книгах или в собственных старых отметках, не трудитесь, не ищите, не напрягайтесь, а не сходя с места, не поднимаясь даже со стула, протяните лишь руку к какой хотите первой, лежащей подле вас газете, и поищите на 2-ой или третьей странице: непременно найдете что-нибудь о евреях и непременно то, что вас интересует, непременно самое характернейшее и непременно одно и то же - т.е. все одни и те же подвиги! Так ведь это, согласитесь сами, что-нибудь да значит, что-нибудь да указывает, что-нибудь открывает же нам, хотя бы вы были круглый невежда в 40-вековой истории этого племени. Разумеется, мне ответят,

что все обуреваемы ненавистью, а потому все лгут. Конечно, может случиться, что все до единого лгут, но в таком случае рождается тотчас другой вопрос: если все до единого лгут и обуреваемы такой ненавистью, то с чего-нибудь да взялась же эта ненависть, ведь что-нибудь значит же эта всеобщая ненависть..."

/"Дневник писателя" за 1877 г./.

"И хоть бы они стояли над всей Россией кагалом и заговором и высосали всего русского мужика - о пусть, пусть, мы ни слова не скажем: иначе может случиться какая-нибудь н е л и б е р а л ь н а я б е д а: чего доброго подумают, что мы считаем свою религию выше еврейской и тесним их на религиозной нетерпимости - что тогда будет? Подумать только, что тогда будет!..."

/Из записной книжки/

"Бисмарк, Биконсфильд, буржуазная республика и Гамбетта и т.д. все это, как сила, один только мираж. И чем дальше, тем больше. Господин и им, и всему, и Европе один только жид и его банк. И вот услышим: вдруг он скажет "вето", и Бисмарк отлетит как скошенная былинка. Жид и банк - господин теперь всему: и Европа, и просвещение, и цивилизация, и социализм - социализму особенно, ибо им он с корнем вырвет христианство и разрушит ее цивилизацию. И когда останется лишь одно безначалие, тут жид и станет во главе всего. Ибо, проповедуя социализм, он останется меж собой в единении, а когда погибнет все богатство Европы, останется банк жида. Антихрист придет и станет на безначалии".

/Из записной книжки/

"... Мне иногда приходила в голову фантазия: ну что, если бы это не евреев было в России 3 миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов - ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им сравняться с собой в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали ли бы кожу совсем! Не избили ли бы до тла, до окончательного истребления, как делывали они с чуждыми народностями в старину, в древнюю свою историю? Нет-с, уверяю вас, что в русском народе нет предвзятой ненависти к еврею, а есть, может быть, несимпатия к нему, особенно по местам и даже, может быть, не сильная. О, без этого нельзя, это есть, но происходит это вовсе не от того, что он еврей, не из племенной, не из религиозной какой-либо ненависти, а происходит это от иных причин, в которых виноват уже не коренной народ, а сам еврей..."

/"Дневник писателя" за 1877 г./

"Но несмотря на все мои "фантазии" и на все, что я написал выше, я все-таки стою за полное и окончательное уравнение прав - потому что это Христов закон, потому что это христианский принцип. Но если так, то для чего же я писал столько страниц и что хотел выразить, если так п р о т и в о р е ч у себе? А вот именно то, что я не противоречу себе, и что с русской, коренной стороны нет и не вижу препятствий к расширению еврейских прав, но утверждаю зато, что препятствия эти - лежат со стороны евреев несравненно больше, чем со стороны русских, и что, если до сих пор не созидается того, что желалось бы всем сердцем, то русский человек в этом виновен несравненно меньше, чем сам еврей...Мы и в интеллигентном еврее видим весьма часто...безмерное и высокомерное предубеждение против русского.О, они кричат,что они любят русский на-

род;один так даже писал мне,что он именно скорбит о том,что русский народ не имеет религии и ничего не понимает в своем христианстве. Это уже слишком сильно сказано для еврея и рождается лишь вопрос: понимает ли что в христианстве сам-то этот высокообразованный еврей? Но сомнение и высокомерие есть одно из очень тяжелых для нас, русских, свойств еврейского характера..."

/Там же/

"Нельзя не указать и в Европе на сильное торжество еврейства, заменившего многие прежние идеи своими. О, конечно, человек всегда и во все времена боготворил матерьялизм и наклонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленным из всех сил и запасенными всеми средствами деньгами. Но никогда эти стремления не возводились так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке... А безжалостность к низшим массам, а падение братства, а эксплуатация богатым бедного, - о, конечно, все это было и прежде и всегда, но - не возводилось же на высшую степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель. Стало быть, не даром же все-таки царят там повсеместно Евреи на бирже, не даром они движут капиталами, не даром же они властители кредита и не даром, повторяю это, они же и властители всей международной политики, и что будет дальше - конечно и самой Европы: близится их царство, полное их царство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, матерьялизм, слепая плотоядная жажда л и ч н о г о матерьяльного обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами - вот все, что признано за высшую цель, за разум, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного братского единства людей. Засмеются и скажут, что это там вовсе не от Евреев. Конечно, не от одних Евреев, но если Евреи окончательно восторжествовали и процвели в Европе именно тогда, когда там восторжествовали эти новые начала даже до степени возведения их в нравственный принцип, то нельзя не заключить, что и Евреи приложили тут своего влияния. Наши оппоненты указывают, что Евреи, напротив, бедны, повсеместно даже бедны, а в России особенно, что только самая верхушка Евреев богата, банкиры и цари бирж, а из остальных евреев чуть ли не девять десятых их - буквально нищие, мечутся из-за куска хлеба, предлагаю куртаж, ищут, где бы урвать копейку на хлеб. Да, это, кажется, правда, но что же это обозначает? Не значит ли это именно, что в самом труде Евреев /т.е. огромного большинства их, по крайней мере/, в самой эксплуатации их заключается нечто неправильное, ненормальное, нечто неестественное, несущее само в себе свою кару. Еврей предлагает посредничество, торгует чужим трудом. Капитал есть накопленный труд; Евреи любят торговать чужим трудом! Но все же это пока ничего не изменяет: зато верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть. Евреи все кричат, что есть и между ними хорошие люди. О Боже! Да разве в этом дело? Да и вовсе мы не о х о р о ш и х или д у р н ы х людях теперь говорим. И разве между теми тоже нет хороших людей? Разве покойный парижский Джемс Ротшильд был плохим человеком? Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о ЖИДОВСТВЕ и об ИДЕЕ ЖИДОВСКОЙ, охватывающей весь мир, вместо "неудавшегося" христианства..."

/Там же/

Л.Н.Толстой

"Помню - Гаспра, после выздоровления, прочитав книжку Льва Шестова "Добро и зло в учении Ницше и графа Толстого", он сказал, в ответ на замечание А.П. Чехова, что "книга эта не нравится ему":

- А мне показалась забавной. Форсисто написана, а - ничего, интересно. Я ведь люблю циников, если они искренние. Вот он говорит: "Истина не нужна", и - верно: на что ему истина? Все равно - умрет.

И, видимо, заметив, что слова его не поняты, добавил, остро усмехаясь:
- Если человек научился думать, - про что бы он ни думал, - он всегда думает о своей смерти. Так все философы. А - какие же истины, если будет смерть?...

... Далее по поводу Шестова:
- Нельзя, говорит, жить, глядя на страшные призраки, он-то откуда знает, льзя или нельзя? Ведь если бы он знал, видел бы призраки, - пустяков не писал бы, а занялся бы серьезным, чем всю жизнь занимался Будда.

Заметили, что Шестов - еврей.
- Ну, едва ли, - недоверчиво сказал Л.Н. - Нет, он не похож на еврея; неверующих евреев не бывает, назовите хоть одного... нет!"

/А.М.Горький, "Лев Толстой"/

А.П.Чехов

"Через минуту отворилась дверь и в комнату с большим подносом в руках вошел Соломон. Ставя поднос, он насмешливо глядел куда-то в сторону и по-прежнему странно улыбался. Теперь при свете лампочки можно было разглядеть его улыбку: она была очень сложной и выражала много чувств, но преобладающим в ней было одно - явное презрение. Он как будто думал о чем-то смешном и глупом, кого-то терпеть не мог и презирал, чему-то радовался и ждал подходящей минуты, чтобы уязвить насмешкой и покатиться со смеху. Его длинный нос, жирные губы и хитрые, выпученные глаза, казалось, были напряжены от желания расхохотаться. Взглянув на его лицо, Кузьмичев насмешливо улыбнулся и спросил:

- Соломон, отчего же ты этим летом не приезжал к нам в Н. на ярмарку жидов представлять?

Года два назад, что отлично помнил и Егорушка, Соломон в Н. на ярмарке, в одном из балаганов, рассказывал сцены из еврейского быта и пользовался большим успехом. Напоминание об этом не произвело на Соломона никакого впечатления. Ничего не ответив, он вышел и, немного погодя, вернулся с самоваром.

Сделав около стола свое дело, он пошел в сторону и, скрестив руки на груди, выставив вперед одну ногу, уставился своими насмешливыми глазами на о. Христофора. В его позе было что-то вызывающее, надменное и презрительное и в то же время в высшей степени жалкое и комическое, потому что чем внушительнее становилась его поза, тем ярче выступали на первый план его короткие брючки, куцый пиджак, карикатурный нос и вся его птичья, ощипанная фигурка..."

/"Степь"/

"О.Христофор беседовал с Соломоном.

- Ну что, Соломон премудрый? - спрашивал он, зевая и крестя рот. - Как дела?

- Это вы про какие дела говорите? - переспросил Соломон и пожал плечами. - То же, что и все... Вы видите... Вы видите: я лакей. Я лакей у брата, брат лакей у проезжающих, проезжающие - лакеи у Варламова, а если бы я имел десять миллионов, то Варламов был бы у меня лакеем.

- То есть почему же это он был бы у тебя лакеем?

- Почему? А потому, что нет такого барина или миллионера, который из-за лишней копейки не стал бы лизать руку у жида пархатого. Я теперь жид пархатый и нищий, все смотрят на меня, как на собаку, а если б у меня были деньги, то Варламов передо мной ломал бы такого дурака, как Моисей перед вами.

О.Христофор и Кузьмичев переглянулись. Ни тот, ни другой не поняли Соломона. Кузьмичев строго и сухо посмотрел на него и спросил:

- Как же ты, дурак этакий, равняешь себя с Варламовым?

- Я еще не настолько дурак, чтобь равнять себя с Варламовым, - ответил Соломон, насмешливо оглядывая своих собеседников. - Варламов, хоть и русский, но в душе он жид пархатый; вся жизнь у него в деньгах и наживе, а я свои деньги спалил в печке. Мне не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы и не нужно, чтобы меня боялись и снимали шапки, когда я еду. Значит, я умней вашего Варламова и больше похож на человека!

Немного погодя Егорушка сквозь полусон слышал, как Соломон голосом глухим и сиплым от душившей его ненависти, картавя и спеша, заговорил об евреях; сначала говорил он правильно, по-русски, потом же впал в тон рассказчиков из еврейского быта и стал говорить, как когда-то в балагане, с утрированным еврейским акцентом.

- Постой... - перебил его О.Христофор, - Если тебе твоя вера не нравится, так ты ее перемени, а смеяться грех; тот последний человек, который над своей верой глумится.

- Вы ничего не понимаете! - грубо оборвал его Соломон, - Я Вам говорю одно, а вы другое...

- Вот и видно сейчас, что ты глупый человек, - выдохнул О.Христофор. - Я тебя наставляю как умею, а ты сердишься. Я тебе по-стариковски, потихоньку, а ты, как индюк: бла-бла-бла! Чудак, право...

Вошел Моисей Моисеевич. Он встревоженно поглядел на Соломона и на своих гостей, и опять на его лице нервно задрожала кожа,

- Какой-то он у вас бесноватый, Моисей Моисеевич, Бог с ним! - сказал с улыбкой О.Христофор. - Вы бы его пристроили куда-нибудь или женили, что ли... На человека не похож...

Кузьмичев сердито нахмурился. Моисей Моисеевич опять встревоженно и пытливо поглядел на брата и на гостей.

- Соломон, выйди отсюда! - строго сказал он. - Выйди!

И он прибавил еще что-то по-еврейски. Соломон отрывисто засмеялся и вышел.

- А что такое? - испуганно спросил Мойсей Мойсеевич О.Христофора.

- Забывается, - ответил Кузьмичев. - Грубитель и много о себе понимает.

- Так и знал! - ужаснулся Мойсей Мойсеевич, всплеснув руками.

- Ах, Боже мой! Боже мой! - забормотал он вполголоса. - Уж вы будьте добрые, извините, не серчайте. Это такой человек, такой человек! А, Боже мой! Он мне родной брат, но кроме горя я от него ничего не видел. Ведь он, знаете..

Мойсей Мойсеевич покрутил пальцем около лба и продолжал:

- Не в своем уме... пропащий человек... Ночью он не спит и все думает, думает, думает, а о чем он думает, Бог его знает. Подойдешь к нему ночью, а он сердится и смеется. Он и меня не любит... И ничего он не хочет! Папаша, когда помирал, оставил ему и мне по шести тысячи рублей. Я купил себе постоялый двор, женился и теперича деточек имею, а он спалил свои деньги в печке. Так жалко, так жалко! Зачем палить? Тебе не надо, так отдай мне, а зачем же палить?..."

/Там же/

"Навстречу Якову, улыбаясь и кланяясь, шел Ротшильд.

- А я вас ищу, дяденька! - сказал он. - Кланяется вам Мойсей Ильич и велел вам зараз приходить к нам.

Якову было не до того. Ему хотелось плакать.

- Отстань! - сказал он и пошел дальше.

- А как же это можно? - встревожился Ротшильд, забегая вперед. - Мойсей Ильич будут обижаться. Они велели зараз!

Якову показалось противно, что жид задыхался, моргает и что у него так много рыжих веснушек. И было гадко глядеть на его зеленый сюртук с темными латками и на всю его хрупкую, деликатную фигуру.

- Что же ты лезешь ко мне, чеснок? - крикнул Яков. - Не приставай!

Жид рассердился и тоже крикнул:

- Но ви, пожалуйста, потише, а то ви у меня через забор полетите!

- Прочь с глаз долой! - заревел Яков и бросился на него с кулаками. - Житья нет от пархатых!

Ротшильд помертвел от страха, присел и замахал руками над головой, как бы защищаясь от ударов, потом вскочил и побежал прочь, что есть духу. На бегу он подпрыгивал, всплескивал руками и видно было, как вздрагивала его длинная, тощая спина. Мальчики обрадовались случаю и бросились за ним с криками: "Жид! Жид!" Собаки тоже погнались за ним с лаем. Кто-то захохотал, потом свистнул, собаки залаяли громче и дружнее.. Затем, должно быть, собака укусила Ротшильда, так как послышался отчаянный, болезненный крик..."

/"Скрипка Ротшильда"/

"Скрипнула щеколда раз-другой, и в калитке показался Ротшильд. Половину двора он прошел смело, но увидев Якова, вдруг остановился, весь съежился и, должно быть от страха, стал делать руками такие знаки, как будто хотел показать на пальцах, который теперь час.

- Подойди, ничего, - сказал ласково Яков и поманил его к себе. - Подойди!

Глядя недоверчиво и со страхом, Ротшильд стал подходить и остановился от него на сажень.

- А вы сделайте милость, не бейте меня! - сказал он, приседая. - Меня Мойсей Ильич послали. Не бойся, говорит, поди опять до Якова и скажи, говорят, что без их никак невозможно. В среду швадьба... Да-а! Господин Шаповалов выдает дочку жа хорошего целовека. И швадьба будет богатая, у-у! - добавил жид, и прищурил один глаз.

- Не могу... - проговорил Яков, тяжело дыша. - Захворал, брат.

И опять заиграл и слезы брызнули из глаз на скрипку. Ротшильд внимательно слушал, ставши к нему боком и скрестив руки на груди. Испуганное, недоумевающее выражение на его лице мало-помалу сменились скорбным и страдальческим, он закатил глаза, как бы испытывая мучительный восторг, и проговорил: "Ваххх!" И слезы медленно потекли у него по щекам и закапали на зеленый сюртук.

И потом целый день Яков лежал и тосковал. Когда вечером батюшка, исповедуя, спросил его, не помнит ли он за собой какого-нибудь греха, то он, напрягая слабеющую память, вспомнил опять несчастное лицо Марфы и отчаянный крик жида, которого укусила собака и сказал едва слышно:

- Скрипку отдайте Ротшильду..."

/Там же/

А.М.Горький

"Вы не можете представить, что теперь делают с еврейским населением Польши! Уже выслано до полумиллиона, высылали по 15-20 тысяч, - все еврейское население города - в 24 часа! Больных детей грузили в вагоны, как мороженый скот, как поросят. Тысячами люди шли по снегу целиной, беременные женщины дорогой родили, простужались, умирали старики, старухи. Ужас! Говорят, что массовое обвинение евреев в измене, предательстве вызвано желанием объяснить наши военные неудачи и затушевать действительное предательство Мясоедовых и К^{0}.

Я думаю - иначе: антисемитизм пропагандируется, как я уже писал Вам, - в целях разбить оппозицию на еврейском вопросе. Пропаганда ведется успешно. Жить - стыдно, стыдно встречаться с евреями на улице..."

/Из письма С.В.Малышеву, июнь 1915 г./

"Когда у дяди Хрисанфа веселый студент Маракуев и Пояркoв начинали шумное состязание о правде народничества и марксизма со своим приятелем Прейсом, евреем, маленьким и элегентным, с тонким лицом и бархатными глазами, Самгин слушал эти споры почти равнодушно, иногда - с иронией...

Пояркoв, стараясь говорить внушительно и спокойно, поблескивал желтоватыми белками, в которых неподвижно застыли темные зрачки, напирал животом на маленького Прейса, загоняя его в угол, и там тискал его короткими, сердитыми фразами:

- Интернационализм - выдумка людей денационализированных, деклассированных. В мире властвует закон эволюции, отрицающий слияние неслиянного. Американец-социалист не признает негра товарищем. Кипарис не растет на севере. Бетховен невозможен в Китае...

Все такие речи были более или менее знакомы и привычны: они не пугали, не раздражали, а в ответах Прейса было даже нечто утешительное. Он деловито отвечал цифрами, а Самгин знал, что точный счет - основное правило науки. Вообще евреи не возбуждали симпатии Самгина, но Прейс нравился ему. Он слушал речи Маракуева и Пояркова спокойно, он, видимо, считал их неизбежными, как затяжной осенний дождь. Говорил чистейшим русским языком, суховато, в тоне профессора, которому уже несколько надоело читать лекции. В его крепко сложенных фразах совершенно отсутствовали любимые русские лишние слова, не было ничего цветистого, никакого щегольства, и было что-то как бы старческое,

что не шло к его высокому голосу и твердому взгляду бархатных глаз. Когда Маракуев, вспыхнув фейерверком, сгорал, а Поярков, истощив весь запас коротко нарубленных фраз своих, смотрел в упор на Прейса разноцветными глазами, Прейс говорил:

- Возможно, что все это красиво, но это - не истина. Неоспоримая истина никаких украшений не требует, она - проста: вся история человечества есть история борьбы классов..."

/"Жизнь Клима Самгина"/

"... Через некоторое время Прейс рассказал Климу о стачке ткачей в Петербурге, рассказал с такой гордостью, как будто он сам организовал эту стачку и с таким восторгом, как бы говорил о своем личном счастье.

- Вы слышали что-нибудь о "Союзе борьбы"? Так это его работа. Начинается новая эра, Самгин, вы увидите!

И, ласково заглядывая бархатными глазами в лицо, он спрашивал:
- А вы все еще изучаете длину путей к цели, да? Так поверьте, путь, которым идет рабочий класс, - всего короче. Труднее, но - короче. Насколько я понимаю вас, вы - не идеалист и ваш путь - этот, трудный, но прямой!

Самгину показалось, что Прейс, всегда говоривший по-русски правильно и чисто, на этот раз говорит с акцентом, а в радости его слышна вражда человека другой расы, обиженного человека, который мстительно хочет для России неприятностей и несчастий".

/Там же/

В.В.Розанов

"Как зачавкали губами и "идеалист" Борух, и "такая милая" Ревекка Ю-на, "друг нашего дома", когда прочли "Темн.Лик". Тут я сказал себе: "Назад! Страшись!" /Мое отношение к евреям/.

Они думали, что я не вижу, но я хоть и "сплю вечно", а подглядел...

Таких ф и з и о л о г и ч е с к и х /зрительно-осязательных/ вещиц надо увидеть, чтобы понять их, чему мы не хотим верить в книгах, в истории, в сказаниях. Действительно, ЕСТЬ какая-то НЕНАВИСТЬ между НИМ и еврейством. И когда думаешь об этом - становится страшно. И понимаешь ноуменальное, а не феноменальное: "распни ЕГО".

Думают ли об этом евреи? Толпа? По крайней мере никогда не высказываются".

/"Опавшие листья"/

"СИЛА ЕВРЕЙСТВА в чрезвычайно старой крови...
Не дряхлой: но она хорошо выстоялась и постепенно полировалась /борьба, усилия, изворотливость/. Вот чего никогда нельзя услышать от еврея: "Как я у с т а л", и - "о т д о х н у т ь бы".

/Там же/

"В п о л е - с и л а, п о л е с т ь с и л а. И евреи - с о е д и н е н ы с этой силой, а христиане с нею р а з д е л е н ы. Вот отчего евреи одолевают христиан.

Тут борьба в з е р н е, а не на поверхности - и в такой глубине, что голова кружится.

Дальнейший отказ христианства от пола будет иметь последствием увеличение триумфов еврейства. Вот отчего так "во-время" я начал проповедовать пол. Христианство должно хотя бы отчасти стать фаллическим /дети, развод, т.е. упорядочение семьи и утолщение ее пласта, увеличение множества семей/".

/Там же/

"Сколько шатающихся интеллигентов "болты болтают": а в аптекарских магазинах /по два на каждой улице/ засели прозорливые евреи и ни один русский не пущен даже в приказчики. Сегодня я раскричался в одном таком: "Все взяли вы, евреи, в свои руки". Молоденькая еврейка у кассы мне ответила: "Пусть же русские входят с нами в компанию".

- Ведь 100% дает эта торговля, - сказал я...
- Нет, только 50%.
Пятьдесят процентов барыша!!!"

/Там же/

"Услуги" еврейские как гвозди в руки мои, л а с к о в о с т ь еврейская как пламя обжигает меня.

Ибо пользуясь этими услугами погибает народ мой, ибо обвеянный этой ласковостью задохнется и сгинет мой народ.

Ибо народ наш неотесан и груб. Жесток.
Все побегут к евреям. И через сто лет - "все будет у евреев".

/Там же/

"Если бы предложили в Тамбове или Пензе "выбрать только "на ж а р г о н е" /еврейско-литовский говор в Литве/, то Пенза и выбрала бы еврея. Как? Да очень просто. Русские же смогли бы и не сумели, а наконец, даже и не захотели бы правильно п о з а к о н у, т.е. на ж а р г о н е подать голоса". А сумели бы исполнить это законное требование только 10-15 башмачников евреев. Они и выставили бы "народного трибуна в Думу".

М е х а н и з м выборов в Думу для русского то же, что ж а р г о н; и не рядясь в Винавера - не приступишь к нему. Вот отчего выбирают везде "приблизительно Винавера" и "Винавер есть представитель России".

"Коренной ее представитель".
Но Россия даже и не знает "Винавера".
И Россия, в сущности, знать не знает своего "представительства".
Что делать. Ее метод не "Бюллетени", "избирательные ящики" и "предвыборная агитация". А другой:
Жребий - "как Бог укажет".
И потасовка: "чья сила возьмет".
Так и выбирали "на Волховском мосту". Пока Иван III не сказал:
- Будет драться.
И послал Вечевой Колокол куда-то в Тверь и вообще в "места не столь отдаленные".
Не спорю, что это печально. Но ведь вся Русь печальна. "Все русское печально", и только разведешь руками - тоже по-русски".

/Там же/

"Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно, когда наша "мать пьяна, лжет и вся запуталась в грехах, - мы не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и обглоданная евреями будет являть одни кости - тот будет "русский", кто будет плакать около этого остова, никому не нужного, всеми плюнутому..."

/Там же/

А.А.Фадеев

"Бренча по ступенькам избитой японской шашкой, Левинсон вышел во двор...

Ординарец Морозка, отгоняя плетью осатаневших цесарок, сушил на брезенте овес.

"Свезешь в отряд Шалдыбы, - сказал Левинсон, протягивая пакет. - На словах передай... впрочем, не надо - там все написано."

Морозка недовольно отвернул голову, заиграл плеткой - ехать не хотелось. Надоели скучные казенные разъезды, никому не нужные, а больше всего - нездешние глаза Левинсона. Глубокие и большие, как озера, они вбирали Морозку вместе с унтами и видели в нем многое такое, что, может быть, и самому Морозке неведомо.

"Жулик, - подумал ординарец, обидчиво хлопая веками, и тут же привычно обобщил: - Все жиды жулики".

/"Разгром"/

"Левинсон теперь всегда был на людях - водил их в бой самолично, ел с ними из одного котелка, не спал ночей, поверял караулы, и был почти единственным человеком, который еще не разучился смеяться. Даже когда разговаривал с людьми о самых обыденных вещах, в каждом его слове слышалось:

"Смотрите, я тоже страдаю вместе с вами - меня тоже могут завтра убить, или я сдохну с голода, но я по-прежнему бодр и настойчив, потому что все это не так важно..."

И все же... с каждым днем лопались невидимые провода, связывавшие его с партизанским нутром... И чем меньше становилось этих проводов, тем труднее было ему убеждать, - он превращался в силу, стоящую над отрядом.

Обычно, когда глушили рыбу на обед, никто не хотел лазить за ней в холодную воду, гоняли наиболее слабых, чаще всего бывшего свинопаса Лаврушку - человека безвестной фамилии, робкого и заикавшегося. Он отчаянно боялся воды, дрожа и крестясь, сползал с берега, и Мечик всегда с болью смотрел на его тощую спину в неровных землистых буграх, похожую на выбранное картофельное поле. Однажды Левинсон заметил это.

- Обожди, - сказал он Лаврушке. - Почему ты сам не слазишь - спросил он у кривого, словно ущемленного с одной стороны дверью, парня, загонявшего Лаврушку пинками.

Тот поднял на него злые, в белых ресницах, глаза и неожиданно сказал:

- Слазь сам, попробуй...

- Я-то не полезу, - спокойно ответил Левинсон, - у меня и других дел много, а вот тебе придется... Снимай, снимай штаны... вот уже и рыба уплывает.

- Пускай уплывает... а я тоже не рыжий... - Парень повернулся спиной и медленно пошел от берега. Несколько десятков глаз смотрели одобрительно на него и с насмешкой на Левинсона.

- Ну и морока с таким народом... - начал было Гончаренко, сам расстегивая рубаху, и остановился, вздрогнув от непривычного громкого окрика командира:

- Вернись!.. - в голосе Левинсона брякнули властные нотки неожиданной силы.

Парень остановился и, жалея уже, что ввязывался в историю, но не желая срамиться перед другими, сказал снова:

- Сказано, не полезу...

Левинсон тяжелыми шагами двинулся к нему, держась за маузер, не спуская с него глаз, ушедших во-внутрь и ставших необыкновенно колючими и маленькими. Парень медленно, будто нехотя, стал расстегивать штаны.

- Живей! - сказал Левинсон с мрачной угрозой.

Парень покосился на него и вдруг перепугался, заторопился, застрял в штанине и, боясь, что Левинсон не учтет этой случайности и убьет его, забормотал скороговоркой:

- Сейчас, сейчас... зацепилась вот... а, черт!.. сейчас, сейчас...

Когда Левинсон оглянулся вокруг, все смотрели на него с уважением и страхом, но и только: сочувствия не было. В эту минуту он сам почувствовал себя враждебной силой, стоявшей над отрядом, но он готов был идти и на это: он был убежден, что сила его правильная".

/Там же/

Я.В.Смеляков

Прокламации и забастовка.
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.

Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая ни мать, ни жена.
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она.

Неопрятна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти.
Никому никаких снисхождений
Ни за что у нее не найти.

Только мысли, подобные стали,
Пронизали ее бытие.
И враги перед ней трепетали,
И свои опасались ее.

Брызжет кляксой чернильная ручка,
Брезжит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штучка
На оттянутом сбоку ремне.

Но по-своему движутся годы,
Возникают базар и уют,
И тебе настоящего хода
Ни вверху, ни внизу не дают.

Впрочем, жизнь еще вносит поправки,
И тебя еще в тот наркомат
Из негласной почетной отставки
С уважением вдруг пригласят.

В неподкупном своем кабинете,
В неприкаянной келье своей,
Простодушна, как малые дети,
Ты допрашивать будешь людей.

И начальники нового духа,
Веселясь и по-свойски грубя,
Безнадежно отсталой старухой
Сообща посчитают тебя...

Все мы стоим того, что мы стоим.
Будет сделан по-скорому суд,
И тебя самое под конвоем
Неизвестно куда повезут.

Не увидишь и малой поблажки -
Одинаков железный режим -
Проститутки, торговки, монашки
Окружением станут твоим.

Никому не сдаваясь, однако,
- Ни письма, ни посылочки нет -
В потемневших дощатых бараках
Проведешь ты четырнадцать лет.

И старухой, вконец остролицей,
Сохранившей безжалостный взгляд,
В подобревшее лоно столицы
Напоследок вернуться велят.

В том районе просторном и новом,
Получив как писатель жилье,
В отделении нашем почтовом
Я стою за спиной у нее.

И смотрю, удивляясь не слишком,
/Впечатленьями жизнь не бедна/,
Как свою пенсионную книжку
Сквозь окошко толкает она.

/"Жидовка"/

К Т О Я ?

Современный русский антисемитизм представляет собой сложное общественное явление, без которого не может быть понято положение, в каком находятся советские евреи. Современный антисемитизм существенно отличается от дореволюционного /см. В.И.Алмазов в этом разделе и статью М.Агурского в этом номера сб./ в первую очередь тем, что в нем отсутствует какая-нибудь религиозная и почти отсутствует экономическая мотивация. Это антисемитизм уже чисто расовый, предполагающий, что уже самим фактом своего рождения от еврейских родителей еврей приобретает партийную принадлежность /сионист/. Он коренится в начавшемся формироваться незадолго до революции расизме, характеристике которого и посвящена помещенная в этом номере статья Агурского /"Русский расизм, как мистическое..."/. Из маловлиятельной в начале века идеологии расизм становится доминирующей формой отношения к евреям в России в послевоенный период. За сравнительно короткий исторический период расизм проделывает быструю эволюцию и из тайной идеологии узких, но влиятельных кругов становится орудием официальной пропаганды. Однако официальная пропаганда не дает полного представления о современном антисемитизме, будучи связана многими догматическими ограничениями и международным общественным мнением. Гораздо более полная картина предстает перед нами при чтении антисемитского самиздата. При этом важным фактом для нас является не столько сам факт написания нижеприведенных документов, сколько то, что они имеют своего читателя и реально расходятся по стране.

В нашем распоряжении имелось гораздо больше документов, чем представлено в этом разделе. При выборе мы ограничились документами, имеющими просоветский характер /имеется также обширный самиздат, взваливающий на евреев ответственность за эксцессы советской власти, но общий характер отношения к евреям не зависит обычно от политической позиции автора/ и достаточно репрезентативных, чтобы по ним можно было бы судить об остальных.

Публикуемое здесь впервые стихотворение известного советского поэта С.Васильева было написано им в самый разгар кампании "против космополитов" и, по свидетельству очевидцев, исполнялось на сцене Дома писателей автором. Заметим, что уже тогда С.Васильев приписывал евреям глобальную заговорщическую деятельность против русских.

Другое стихотворение, уже совсем недавнее и гораздо более искреннее, принадлежит также достаточно известному поэту и направлено не только против евреев. Однако евреи здесь возглавляют всю мнимую антирусскую коалицию и как бы осуществляют некий общий план, задуманный не сейчас. В отличие от васильевского, стихотворение А.Маркова носит трагический оттенок и приоткрывает целый душевный мир, для большинства русских евреев в их продолжающемся простодушии совершенно неизвестный.

Совсем иной характер носит анонимный документ, полученный М.Агурским из кругов русских националистов /его аутентичность подтверждается такими известными националистами как В.Осипов, Л.Бородин, А.Скуратов, Г.Шиманов/. Этот документ явно исходит откуда-то сверху, на что прямо указывают его директивный тон и близкое соответствие лекционной /устной/ пропаганде. Характер документа совершенно недвусмысленный. Он прямо призывает к беспощадной борьбе с евреями и при этом имеет в виду вовсе не какую-нибудь идейную борьбу. Его новизна в том, что он возлагает на евреев ответственность также и за христианство и даже ислам, противопоставляя ему новую форму язычества. Документ указывает и на то, что остатки христианства в России рассматриваются как главное препятствие

к тотальной борьбе против евреев.

Трудно сказать, какое воздействие может оказать чтение подобных документов на прекраснодушных советских евреев, не отдающих себе отчета, какие серьезные процессы происходят у них под носом. Легко видеть перед собой еврея,воскликцавшего: "А что, я не знаю, что в России есть антисемитизм? Всегда так было... Да и вообще, кто может доказать, что это письмо не сочинили сами же евреи?"

Наверное, благодушные немецкие евреи когда-то так же посмеивались над нацистскими штурмовиками, щеголявшими на улицах Германии, как над экстравагантными чудаками...

Наконец - подлинная инструкция для районов показывает, что ее авторы так же далеки от понимания реальных процессов в советском обществе, как и обычные люди. Текст лекции В.Емельянова, которая, конечно, не была инспирирована властями, показывает, что лектор стремился к цели прямо противоположной, чем та, на которую рассчитана лекционная пропаганда по идее.

Последний документ опять подчеркивает ту неравноправную позицию, которую занимают евреи в споре с антисемитизмом. По-видимому, для ненависти совсем не обязательна взаимность.

Общий анализ антисемитских текстов и полное отсутствие в самиздате каких-либо русофобских документов подчеркивает, как нам кажется, тот факт, что евреи, в частности, отличаются от окружающих также и относительно меньшей ролью, которую играют в их мировосприятии различные отрицательные чувства /фобии, отталкивания/.

Было бы интересно проверить эту гипотезу на уровне объективного социологического исследования.

В.И.АЛМАЗОВ

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

При разрешении еврейского вопроса наталкиваешься на такие противоречия, то правильно и справедливо разрешить его почти невозможно. Во всяком случае, чтобы разрешить хоть немного правильно его, нужно начать с ясной и четкой постановки вопроса. Нужно разбирать только бесспорные факты. Нужно всесторонне разобраться: что и кто мы, и кто и что евреи?

Евреями я признаю тех евреев, которые открыто, нелицеприятно, крепко придерживаются, не стыдясь, своей веры. Всех остальных зову жидами.

Есть очень хорошие люди из евреев, но это редкие единицы, которые своей редкостью еще более ярко оттеняют всю мелкую жидовскую массу.

Еврейский вопрос - вовсе не вопрос религиозный. Это вопрос глубоко социальный, вопрос труда, вопрос эксплуатации материальной и духовной.

Евреи, вне сомнения, великий народ; он может гордиться тем, что несмотря на все ужасные гонения не только не погиб, а все растет и крепнет. Евреи своей живучестью невольно заставляют думать, что несут какую-то неведомую нам миссию и предопределение.

Учение Маркса - разделение на классы - это, в сущности, деление на бедных и богатых. Чего стоит все хозяйство, все классы по Марксу, если они не опираются на землеробов? Народ есть организм, люди - клеточки, которые функционируют по специальности для пользы всего организма. Как нельзя, чтобы равновесие клеток нарушалось в организме, так нельзя, чтобы один класс выходил из равновесия. У евреев равновесие нарушено - они все "свободники". "Свободников" можно разделить на два разряда: 1/ мускульный /трудный/: плотники, каменщики, фабричный рабочий, солдат и т.д. Это - "передовики"; 2/ умственный /легкий/: ремесленники, купец и пр. Это, собственно, "свободники".

Евреи не добывают основные, первичные, жизненные продукты, мало перерабатывают их, а пользуются только прибылью при обмене их, т.е. занимаются самым легким и выгодным трудом.

Евреев-крестьян, рудокопов, рабочих и т.п. совсем нет. Евреи стремятся быть с господствующими классами, наверху, а не внизу. Когда-то жиды были землеробами и трудовиками, свободниками. Теперь они немного трудовики и все стремятся в свободники.

Свободные профессии евреев весьма своеобразны, специфичны, - они обязательно эксплуататорские.

Евреям для их существования, согласно их природе, нужна не мертвая земля, как материал для обработки эксплуатации, а человечество, люди - как живой материал.

Землеробы эксплуатируют землю в поте лица тяжелым трудом. Евреи эксплуатируют человека, выжимая из него соки. В древности, во все времена труд землеробов был трудом рабов, но настанет время и труд землеробов станет трудом богов - владык человечества.

Наши землеробы имеют тенденцию переходить в свободные, но зато и свободники нередко переходят в землеробы. Евреи же всегда имеют тенденцию переходить из землеробов в трудовики, а из трудовиков в свободники. Они всегда бросают

трудную профессию ради более легкой и выгодной. Евреи - закоренелые свободники; они навсегда бросили землю и никакие силы не заставят их вернуться к ней.

Евреи захватывают выгодные профессии не потому, что они дурные люди, а потому, что более способны и трудолюбивы. То, что евреи культурнее русских, вполне понятно; они имеют за собой несколько тысячелетий культурного развития, а за русскими - только одно тысячелетие.

Мы и сами можем быть свободниками. Евреев для этого нам не нужно. А вот евреи могут ли быть земледельцами?

Землеробы - основание, фундамент всей цивилизации, культуры и истории человечества. Они выкормили все человечество, в поте лица добывали для него хлеб насущный и не заботясь при этом о борьбе классов и прибавочной стоимости.

Во всю всемирную историю свободники всегда эксплуатировали землеробов, делали из них рабов, рабочий скот; квинтэссенция же свободников - жиды.

Евреи, прежде всего, хищное племя, как все паразиты: все для себя, ничего для других; все человечество для них, а не они для человечества.

Евреи делятся на два класса: бедные и богатые. Бедняки - скученные, плодовитые, голодные, холодные, невежественные, живущие в тяжелых экономических условиях, - готовы целый день рыться в навозе, чтобы добыть корку хлеба. При случае они переходят в разряд богатых; богатые же гордые и надменные, всецело предаются эксплуатации неевреев.

В священных книгах евреев им обещаны "города, которых они не строили, с домами, полными чужого добра, с землями, обрабатываемыми не ими". Выходит, им обещана жизнь за счет труда других народов.

Свой паразитизм евреи считают избранничеством. Они, действительно, единственный из всех народов, избранный на роль паразита. Причина причин ненависти всех наций к евреям и презрения евреев ко всему человечеству: паразитизм евреев; все другие объяснения - религиозные, классовые - только следствие, а не причина.

Что дают нам евреи? У нас они берут все: легкий хлеб, родину, государственность, язык, науку, литературу и т.д. - во все это вносят свой иудаизм, свою ненависть, подрывая и растлевая все основы европейской культуры.

Евреи не живут на своей земле, потому что не имеют ее в отличие от всех народов. Они живут среди других народов, у них на шее.

Евреи, как племя, живущее среди других племен и народов, во всю свою историю не были и не могли быть равноправным племенем. Фактически, они всегда господствовали или были порабощены.

Все народы пришли и сели на землю, как племена трудовые, производительные, а жиды также пришли и сели - не на землю, а на нашу спину. Никто не сделал их паразитами - они таковы по своей воле. Весь еврейский народ состоит из буржуазии.

Русский народ представляет собой почву, на которой очень хорошо размножаются паразиты - жиды.

Естественно, что евреи, будучи по природе своей паразитами, волею судеб [illegible]ны неизбежно нести и ответственность за последствия.

Евреи, если бы захотели быть полезными всему человечеству, должны были бы [illegible]тить свой паразитизм, обособление, обрезание, слиться со всеми народами.

Но евреи предпочитают быть во веки веков избранным и всеми презираемым и ненавидимым народом. Что за упорство? Ни одна нация в мире этого не проявляет.

Дали бы евреям /они не берут, не хотят/ особую землю - Уганду, что ли! - тогда лучшее будет доказательство, могут ли они существовать на своей земле. Но нет, - евреи, как нация, могут существовать только при условии паразитизма. Если евреи захотят жить так, как другие, не паразитные, народы, то в борьбе за существование они, как нация, погибнут.

Евреи правильно поняли свое призвание. Если они паразитная нация, то настанет время, когда они будут главенствующей нацией, ибо они все свободники. В конце концов, они все до единого займутся свободными профессиями и объевреят всю интеллигенцию, а интеллигенция всемирная объевреит все народы.

Евреи - паразиты всего человечества. Надо полагать, такие паразиты необходимы для эволюции. Нужно, чтобы человечество чесалось и не засыпало. Мы не отрицаем, что у евреев есть и хорошее: деловитость и т.п. - только все это у них - для них. И неправда, будто борьба с евреями идет из-за веры. Нет, борьба происходит между жертвой и паразитом, борьба биологическая. Антипатия к евреям - нечто не привитое, вынужденное, она не зависит от воли народа. Ведь евреи собирают сливки труда, - кому это может нравиться? В еврее ненавидят его исключительную способность господствовать над другими.

Избавление от землеробства дает евреям привилегию - всю свою энергию направлять на занятие свободными профессиями. Этой привилегией пользуется целый народ, а не один из его классов, как у других народов. Другие народы, тратя свою энергию на развитие всех видов труда, конечно, не могут уделить столько на развитие свободных профессий. При таких условиях порабощение нас евреями фатально неизбежно.

Евреи кичатся, что они свободный народ. Так ли? Легко им быть на все способными, когда они живут не на земле, а на чужой спине.

Если бы евреи были землеробами, они довольствовались бы своей оседлостью и не искали бы расселения по всему миру. Им для эксплуатации нужен большой район, им нужен простор. Жалобы евреев на скученность - самое яркое доказательство их паразитической сущности. Смотрите, как роскошно живут и живо богатеют жиды за чертой, где для эксплуатации поле и простор! За 10-20 лет там, где раньше их были единицы, теперь их тысячи, и они завладели новыми промыслами. Они внесли оживление для себя, но местное население тощает. Они живут барами, как господа, им служат русские. В Молдавии от эксплуатации евреев население вымирает, а сами евреи сильно множатся, а в Румынии, где мало евреев, население благоденствует.

Еврейское требование равноправия есть утверждение права евреев на паразитизм. Это не равноправие, а сверхправие, их господство и наше порабощение. Того же характера их антинационализм. Будучи ярыми националистами среди своих, они среди других народов становятся в позу всечеловеков и проповедуют антинационализм. Обособляясь и ненавидя всех, они проповедуют единение всех народов и любовь между ними. Это их главный лозунг. Мы все - прежде всего - люди, а уж потом русские, французы и т.д. Евреи же - прежде всего - евреи, а в сущности - жиды.

Не евреев ненавидит все человечество, а евреи ненавидят его. Под сурдинку громких фраз о равноправии всех национальностей евреи, в сущности, стараются пересорить все национальности, проводят одну коренную идею: порабощение всех национальностей жидовством.

Евреи - не народ, не племя, а особая, замкнутая, крайне фанатическая раса, враждебная всем другим народам. Инстинкты этой расы противоположны инстинктам всех других народов.

Евреи проповедуют нам идеи не ради идей, а лишь тогда, когда им это выгодно. Никакая правда, никакая истина не будет признаваться евреями, если она не в пользу их. Но всякую ложь, им полезную, они будут признавать за истину.

Что же нужно евреям и чего они добиваются?

1/ Сохранить свою расу неприкосновенной, не смешивая ее с другими расами.
2/ Захватить экономику, финансы и т.д.
3/ Властвовать над духовной и прочими силами народов.
4/ Держать все другие расы в подчинении, не доводя до гибели, чтобы их кормили.

Ненависть всех народов к евреям - это ненависть одной расы к другой, и до тех пор, пока евреи не откажутся от своей расы и не сольются с другими, ненависть эта будет вечной. Еврею, пока он еврей, суждено быть вечным жидом.

Жидов меньшинство. А почему же они сами ничего не делают, чтобы заслужить и добиться расположения других народов? Будь жиды приятны и полезны, ненависть к ним была бы невозможна.

Сами евреи сознают, что все человечество их ненавидит, но объясняют это своим превосходством. А между тем, что есть своего у евреев? Нет языка, литературы, науки, искусства, изобретателей, отечества. Все это они заимствовали у других народов. Свои у евреев только талмуд, вера в Мессию, гешефт и любовь к Ваалу.

Евреи не только хищники, паразиты плоти нашей, но и духа. Они везде и всегда, все и вся фальсифицируют, наше портят, а свое фальшивое выдают за настоящее. Тлетворное влияние евреев всюду разлагает нравы соприкасающейся с ним среды.

Евреи не так эксплуатируют людей, как дела, за которые они берутся. Из всякого дела они стараются как можно скорей и как можно больше извлечь денег. Свое дело они называют гешефтом. А гешефт - смерть делу. Хлебное дело убивают подмесью сора, лесное - истреблением лесов, аптечное - фальсификацией и т.д. Всякое производство они эксплуатируют подделкой, фальсификацией, обвесом, обманом, подлогом, обмером и проч. и проч. Во всех промыслах евреи бесчестны с той или другой стороны.

Поэтому евреи вредны нам не столько в экономическом отношении, сколько в нравственном. Они растлевают наши нравы. Они загрязняют все наши идеалы. Вся упадочность, гнойность, мерзостная сторона нашей молодежи и интеллигенции - все это привито и посеяно главным образом евреями и еще больше юдофилами.

Евреи проповедуют всем другим народам бросить свою народность и стать космополитами. Сами себя они признают космополитами, но при этом не отказываются от своей народности, а остаются ярыми евреями.

Скоро все человечество начнет сознательно изгонять и ограничивать жидов. Жиды это предчувствуют и потому стараются скорее захватить печать, торговлю и банки.

Евреи эксплуатируют нас духовно во-всю, а что они дают нам? Иудаизм, растление, шулерство, фальсификацию, ненависть и прочие прелести. С расселением по всей России еврейских докторов и фельдшериц повсюду страшно распространяется

вытравление плода. Евреи удивительно умело дают взятки, наши же за взятки что угодно сделают, считая, что если не возьмешь - другой все равно возьмет. Евреи заставляют нас презирать все наши исторические ценности, но свято и фанатично охраняют свои.

Характер евреев жестокий, у них не развито чувство сострадания. Они не любят животных. С какой жестокостью они режут свой скот!

Евреи внушают нам безверие и безнациональность. Они не знают патриотизма, как мы.

Все свободы, прогресс, радикализм, социализм и т.д. для евреев - не цель, а средство достижения господства.

Вреднее всего не бедные, пейсатые евреи, а их интеллигенты. Жиды и всякая сволочь - юдофилы присосались к освободительному движению и высосали все лучшее: все их участие, за малым исключением, было сплошное провокаторство и азефщина. Подлая роль евреев в революции еще более вооружила народ против евреев: расчет еще будет, и евреям за это не простится.

Вглядываясь в историю еврейского народа, замечаем, что этот народ с изумительной силой и последовательностью стремится к одной определенной цели - господству. Больше всего способствуют достижению этой этой цели пассивность других народов, неумение сопротивляться.

Нужно учредить и распространить по всему миру общество самозащиты от евреев.

Возможно ли реально и практически создать такие ограничения, которые евреи не смогут обойти? Тут нужна политика ограничительная и стойкая. Действенные и радикальные меры были бы, примерно, следующие: черту оседлости сделать абсолютно непереходимой, не допускать евреев совсем в учебные заведения, запретить им торговлю и т.д. Всех их переселить в Восточную Сибирь.

Нужно запретить евреям те профессии, в которых они вредны.

Евреи очень стремятся к образованию и, если дать им волю, они заполнят все наши учебные заведения, так что русским не хватит места. Чтобы поместить всех, надо прибавить много учебных заведений, но где взять деньги и преподавателей? Так пускай инородцы заводят учебные заведения за свой счет.

Если евреи в учебных заведениях растлевают нашу молодежь - разрешить евреям иметь свои учебные заведения, но не закрывайте им доступ к учению. Запрещать евреям учиться только потому, что они обгоняют нас, - несправедливо.

Надо карать законом за варварский обычай обрезания. Обрезание объединяет евреев и поддерживает обособление их расы. Обрезание не есть религиозное требование евреев, это их тавро фанатического национального обособления. Жид гневу Иеговы пожертвовал обрезанный член, - и тут жид тоже сделал гешефт: отдал, что ему не нужно, опаскудил своего Бога. Запретите этот еврейский обычай, и еврейство со временем распадется.

Ассимиляция - самое лучшее и самое верное решение еврейской проблемы. Но ассимиляция евреев в течение тысячелетий нигде в мире не состоялась, и все попытки к этому не дали благоприятных результатов. В этом отношении - евреи представляют несокрушимую силу, безграничную силу сопротивления. Надо это понять и с этим считаться. Евреи тысячелетиями упорно берегут чистоту своей расы и не вливают в свою среду чужой крови. Какая сила постоянства, какой специфически стойкий тип выработался! Вся история евреев - одно страдание, трагизм. А они все переносят и живут. Следовательно, разрешение еврейского вопроса зависит не от нас, а от них самих.

Теперь во всем мире евреи объединяются, стремятся организовать единую еврейско-народную силу, еще крепче ограждая ее от ассимиляции. Всемирный еврейский союз создает среди всего человечества, всех государств и народов нечто сверх-народное, сверх-государственное.

Слепляет евреев кровь, фанатики-раввины скрепляют их мацой с кровью. Совершается ритуальное убийство, кровь смешивается с мукой и выходит маца. Жидовство, несомненно, ведет человечество к гибели и рабству. Еврейство - это организация, чудовищно опасная для всех других. Из всех социально-религиозных организаций самая сильная и замкнутая в мире - это еврейский кагал. Мировой кагал - душа всего еврейства. Все народы бессильны в борьбе с кагалом, существующим тысячелетия. Недаром евреи так упорно скрывают и отрицают силу и значение кагала.

Опасность и сила евреев - в их солидарности, в их кагале. Вот это объединение и нужно уничтожить. Против их религии ничего нельзя иметь, если бы она не объединяла. Еврея, отказавшегося от еврейства, мы должны принять в свою среду как равного. Еврейство - жестоко гнать, гнать и угнетать. Кагал и синагогу - вон!

Говорят, что такими ограничениями мы только озлобим евреев и сделаем их своими врагами. Но евреи озлобляют все человечество. Заверяют, что евреев можно или уничтожить, или дать им все права. Но эта альтернатива - чисто жидовская, шулерская. Почему такая альтернатива? Можно и не уничтожать их, и прав им не давать.

Сейчас никто не может, не смеет публично говорить не за евреев. Евреи в печати, обществе, правительстве - везде всех держат в страхе, террором. Евреи-идол нашей молодежи. При первом слове против них жиды затыкают глотку противнику кличкой "антисемит". Можно все на свете критиковать, проваливать, разрушать, но быть антисемитом - преступление против человечества; как будто жиды-сверхчеловеки.

Свобода учения и равноправия для евреев - это значит, в конце концов, всю интеллигенцию России сделать на 60 процентов еврейской, а эта жидовская интеллигенция будет исповедывать другую этику и культуру, враждебную всему численно господствующему племени.

Евреи стараются погубить и затолкать в грязь все русское. Они растлевают умы, разрушают патриотизм, национализм и везде насаждают космополитизм. Евреи не имеют отечества и потому они обязательно космополиты.

Евреи проповедуют космополитизм для других народов, а сами теперь через сионизм, Бунд и т.п. организуют свою национальность, требуют своего еврейского самоопределения. Они везде разными путями /деньгами, печатью/ привлекают на свою сторону продажных людей, изменников, неудачников и т.п., все худшее в народе. Евреи проповедуют передовые идеи, но только среди нас зная, что мы следуем за этими идеями,как бараны. Евреи всякое человеческое учение перетолкуют в свою пользу, переврут и испакостят. Евреи губят нас не эксплуатацией, а принятием вредных идей. Наша печать в руках евреев, и они не для своих печатают все, а для нас, и всемерно нас развращают. Что такое печать и свобода слова в руках подлецов, шулеров и разбойников?

Во всей почти печати, в движении молодежи, интеллигенции и проч., красной нитью проходит еврейство, и русский дух теперь уж сильно объевреился.

Русские простоволосы и неосведомлены.
Наши школьные забастовки, корень их? Жиды.

Молодежь - это навоз, куда сеют жиды свои фразы для славы жидовского паразитизма. Евреи эксплуатируют все наши пороки и добродетели. Эротика у нас предмет выгодной торговли. Ее завезли, распространяют по всей России почти исключительно евреи.

Везде - в университетах, печати и т.п. - тон задают евреи, они же дают средства на революцию.

Путем кабаков, водки евреи высосут все соки из нашего народа. Евреи сами не пьют /прием паразита/, но нас и и весь русский народ одурманивают спиртом до остервенения. Надо водку запретить, и жид подохнет, а мы воскреснем.

В Венгрии господствуют евреи, и все банкиры, лавочники, кабатчики и т.п. - все евреи. Весь народ в Венгрии в кабале у евреев.

Евреи пользуются простотой русских. Цель евреев враждебна русскому племени, евреи разрушают, а не возрождают Россию.

Жиды, строго говоря, требуют, чтобы государственное устройство России отвечало исключительно интересам еврейства. Не они для России, а обратно. Россия, как государство, евреям совсем не нужна. Наоборт, им нужно ее разрушение.

Евреи объединяются, хлопочут о своем самоопределении. Все это вместо того, чтобы сливаться с народом, среди которого они живут. Все это ведет не к разрешению еврейского вопроса, а к его жгучему обострению.

Сейчас в России 7 миллионов евреев. Как и чем с ними бороться?

Нужно крепко усвоить, что еврей, как человек, - одно, а еврей, как нация,- нечто совершенно противоположное.

Нужно уничтожить нацию и с ней воевать.

Нация не имеет права на существование, а еврей имеет.

Жидов нужно держать жидами: пускай ходят в пейсах и лапсердаке.

В Европе у евреев капитал, а с капиталом печать и все прочее. Во Франкфурте все банкиры - евреи. Как ограничить капитал у евреев? Нужно запретить им профессии, дающие силу, лишить права быть свободниками. Пускать только в те школы, из которых выходят трудовики. Нужно сделать жизнь еврея у нас трудной. Нужно, чтобы они предпочитали жить вне России, и потому широко помогать их переселению.

Русские по своему характеру не могут конкурировать с евреями, с их изворотливостью, энергией, солидарностью, настойчивостью, пронырливостью. Русские добродушны и доверчивы. С евреями трудно бороться даже таким твердым народам, как немцы и американцы. Мы мрем от голода, пьянства, нищеты, лени, праздности. А евреи все крепнут и помогают друг другу. У нас ни Бога, ни черта, ни принципов, а только утопия и фразы, они же твердо знают, чего хотят и не ведают колебаний. Россия - благодатная почва для их деятельности. У кого деньги, богатства, миллиарды? Душа русской интеллигенции в руках жидов, интеллигенция готова оплевать свою Родину.

Не ограничить нам нужно жидов, а объявить им войну не на живот, а на смерть.

1912 г.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

БЕЗ КОГО НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

В каком году - рассчитывай,
в какой земле - угадывай,
на столбовой дороженьке
советской нашей критики
сошлись и зазлословили
двенадцать злобных лбов.
Двенадцать кровно связанных,
Нахальницкой губернии,
уезда Клеветничьего,
Пустобезродной волости,
из смежных деревень:
Бесстыжева, Облыжева,
Дубинкина, Корзинкина,
Недоученка тож.
Сошлися - и заспорили:
где лучше приспособиться,
чтоб легче было пакостить,
сподручней клеветать?
Куда пойти с отравою
всей дружною оравою -
в кино, в театр, в поэзию,
иль в прозу напрямик?
Кому доверить первенство,
чтоб мог он всем командовать,
кому заглавным быть?
Один сказал: - Юзовскому!
- А может, Борщаговскому? -
второй его подсек.
- А может, Плотке-Данину? -
сказали Хольцман с Блейманом.
- Он, правда, молод, Данин-то,
но в темном деле - хват! -
Субоцкий тут натужился
и молвил, в землю глядючи:
- Ни Данину, ни Левину,
Ни Якову Варшавскому
я первенства не дам!
Хочу я сам командовать
такою шайкой-лейкою,
хочу быть главным сам!
- Ужо, куда отважился! -
вскричал Малюгин яростно, -
Не быть тебе начальником,
ни в жизнь не допущу!
- А ты молчал бы, выродок! -
Малюгину вдруг Трауберг,
как ножик под ребро.
- Уж лучше Бояджиева
иль Оттена бывалого
заглавным посадить!
Нашелся, тоже, выскочка,
ублюдок, прости господи,
тьфу, пакость, драмодел!

Космополит, он смолоду,
упрям, как бык: втемяшится
в башку какая блажь, -
колом ее оттудова
не выбьешь: упираются,
всяк на своем стоит!
Такой скандал затеяли,
что думают прохожие,
советские читатели:
чай, клад космополитики
тут делят меж собой?
Идут и чертыхаются,
цитатами бодаются,
что дале, то сильней.
За спором не заметили,
как село солнце красное,
как дверь гостеприимная
открылась в ВТО,
как в "Литгазете", в "Знамени"
и в "Новом мире" в сумерках
заснули сторожа.
- Давай сюда! - с оглядкою
друг другу шепчут странники, -
скорей, скорей сюда!
Кто на чердак ударился,
по дымоходу снизился,
кто в дырочку, кто в щелочку,
кто по трубе в окно.
Кто по верху вскарабкался,
кто внутрь прорвался по низу,
кто проскользнул ужом.
- Потом! - решили склочники
потом старшого выберем,
не время тут артачиться,
кто будет главным значиться,
доспорим опосля!

Как порешили странники,
охальники-бездомники,
так сей же час и сделали:
один проник в кино,
один за горло прозу взял
другой прижал поэзию,
а остальные спрятались
в хоромах ВТО.
Пристроились, освоились,
освоившись, размножились,
размножившись, приладились,
а там и прижились.
И зачали, и почали
чинить дела по-своему,

по-своему, по-вражьему,
народа супротив.
Юродствовать, юзовствовать,
лукавить - ненавистничать,
врагам заморским наруку,
друзьям Руси на зло.
У каждого начальника
по пять лихих сподручников,
по восемь заместителей,
по десять холуев.
Один бежит за водкою,
второй мчит за селедкою,
а третий, как ужаленный,
летит за чесноком.
За дегтем двое посланы,
за сажей трое выгнаны,
а четверо, с ведерками, -
за серной кислотой.
- Зачем нам проза ясная?
Зачем стихи понятные?
- Зачем нам пьесы новые,
спектакли злободневные
на тему о труде?
- Подай Луи Селина нам,
подай нам Джойса, Киплинга,
подай сюда Ахматову,
подай Пастернака!
- Поменьше смысла здравого,
побольше от лукавого
взамен двух тонн свежатины-
сто пять пудов тухлятины
и столько же гнильцы!

Один удар по Пырьеву,
другой удар по Сурову,
два враз по Недогонову,
щелчок по Кумачу.
Бомбежка по Софронову,
долбежка по Ажаеву,
по Грибачеву очередь,
по Бубеннову залп!
по Казьмину, Захарову,
по Семушкину Тихону,
пристрелка по Вирте.
Пинок Максиму Рыльскому,
удар Малышке, Смоляку,
плевок Корнейчуку.
Статьи строчат погромные,
проводят сходки темные,
зловредные отравные
рецензии пекут.
Жиреют припеваючи,
друг другом не нахвалятся:
- Вот это сотоварищи!
Какие гонорарищи
друг другу выдаем!
Спешат во тьме с рогатками,
с дубинками, с закладками,
с трезубцами, с трегубцами
в науку, в философию,
на радио, и в живопись,
и в музыку , и в спорт.
Гуревич за Сутыриным,
Бернштейн за Финкельштейном,
Черняк за Гофееншефером,
Смульсон за Кацнельсонами,
за братьями за родными -
Абрамом и Ильей.
Б.Кедров за Селектором,
М.Гельфанд за Б.Руниным,
за Хольцманом Мунблит.
Такой бедлам устроили,
так нагло распоясались,
вольготно этак зажили,
что зарвались вконец.
Плюясь, кичась, юродствуя,
открыто издеваяся
над Пушкиным самим,
за гвалтом, за бесстыдною,
позорной, вредоносною,
мышиною возней
иуды-зубоскальники
в горячке не заметили,
как взял их крепко за ухо
своей рукой могучею
советский наш народ!
Взял за ухо, за шиворот,
за руки загребущие,
за бельма завидущие -
да гневом осветил!

* * *

В каком году - рассчитывай,
в какой земле - угадывай,
на столбовой дороженьке
советской нашей критики
вдруг сделалось светло.
Вдруг легче задышалося,
вдруг радостней запелося,
вдруг пуще захотелося
работать во весь дух,
работать по-хорошему,
по-русски, по-стахановски,
по-пушкински, по-репински,
по-ленински, по-сталински,
без устали, с огнем.
Писать, душою радуясь,
творить, сил не жалеючи, -
и все во имя Родины,
во имя близкой завтрашней
зари коммунистической,
во имя правды утренней,
во имя красоты.

1949 год

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ

МЕЖЕЛАЙТИСУ

На территории Литвы закидали камнями
поезд Москва-Каунас.

/Из ненапечатанного в газетах/

Ну что ж, Межелайтис, Вы пишете здорово!
Рукой человек достает до звезды,
И след на Луне от его борозды,
И это его отличает от борова.

Но вот незадача; мы ехали поездом -
Хотела Россия проведать Литву.
Погреться на пляже Прибалтики попросту,
Послушать, как ветры листают листву...

Лишь только в пределы литовские въехали,
Посыпались с насыпи в нас голыши.
По стенкам, по стеклам гремели орехами
От всей преисполненной злобой души.

Нас бьют, а мы терпим и терпим - мы русские.
Подсолнышек-мальчик, рубаха в крови.
Двустволкою очи наставлены тусклые.
Терпи и помочь никого не зови.

Никто не придет на подмогу, не выручит.
Пусть русские сгинут! Родили они
Того, кто колхозы проклятые выняньчил,
Оставив от счастья минувшего пни!

Скажите, душа у Вас есть, Межелайтис?
За что моим детям расквасили нос?
Тревоги земные Вы знать не желаете,
Вас больше тревожит мерцание звезд.

Нас бьют, а мы терпим. Боимся, что за морем
Окрестят разбойничьим именем Русь.
Мол, эта Россия - ну, самое, самое...
/Какая, я даже сказать не берусь/.

Туркмены, узбеки плодятся и множатся
И ходят в заглавных чукча и манси
И только российскому люду не можется,
Все меньше становится нас на Руси.

У нас Достоевские были и Гоголи,
Тургеневы были... Да мало ли их!
На тройке на русской так весело цокали,
Что Запад надменный ревниво притих.

По свету развеяны наши Шаляпины,
Где в мире нет косточек русских, скажи?

И сердце России в рубцах и царапинах
Болит и болит... Голосят камыши...

Сегодня Расулы, Кайсыны Кулиевы
И - вымолвить трудно! - Задэ да Оглы!
А ты все молчи, чтоб "русизм" свой не выявить,
Иначе подраишь в бараках полы.

Русизм? По заветам мудрейшей талмудики -
По морде! По вывеске бей! Не робей!
В ЧК раскаленным учили нас прутиком
За очень невинное слово - еврей.

Наверно, поэтому умники ратуют
В советскую нацию всех записать.
Да только и ныне "советские" драпают
В Израиль, где их настоящая мать.

А что им, прикажешь Россию оплакивать?
Ведь все что смогла, отдала им земля.
Поедут другому "пророку" поддакивать,
Испытанной лестью дорогу стеля.

Под северной стужей распяли крестьянина
За то, что он Русскую землю любил.
И хлебушек просим сегодня отчаянно
У старого мира гнилых воротил.

Все страны в России, как в доме отеческом,
Одна лишь Россия чужая для всех.
Печаль затаив, в одиночестве мечется,
Не греет ее пятилеток успех.

Я только за то, Эдуард Межелайтис,
Чтоб каждому было тепло на земле.
А ну-ка с заоблачных высей спускайтесь
Отведать картошки печеной в золе.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА О РУССКОМ ПАТРИОТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ "ВЕЧЕ"

В январе 1971 года вышел в свет первый номер домиздатского журнала "Вече". До конца 1973 года вышло всего восемь номеров. Итак, 8 номеров за три года - уже есть над чем поразмыслить.

Во введении к первому номеру журнала редакция провозгласила его русским патриотическим журналом. Основным идейным направлением журнала стало славянофильство.

Основная цель журнала - поднять русское национальное самосознание. "Все наши споры должны иметь одну цель - благо России".

Итак, цель провозглашена. Посмотрим, как удалось журналу ее осуществить за прошедшие три года.

Как известно, славянофильство зижделось на трех китах: православие, самодержавие и народность. К сожалению, редакция журнала в своих программных статьях о славянофилах не дала понять читателю: остаются ли все три кита, или внесены какие-то коррективы на 70-е годы XX века. А ведь Россия еще в 1917 году окончательно покончила с самодержавием и бесповоротно отвернулась от одной из двух /православие и католицизм/ форм реформированного иудаизма - православия. Нужно помнить, что христианство вообще, и православие в частности, если к ним подходить с хорошо изученной Библией в руках, были созданы как раз для стирания всего самобытного и национального, для превращения всех, кто их исповедует, в безродных космополитов /без роду и племени, независимо от цвета кожи, языка, национальных обычаев и превращения всех людей православных в беспородных/. Странно, почему журнал в таком случае восстает против смешанных браков между единоверцами православными - русскими и грузинами, ведь они же полные братия во Христе?

Кстати говоря, великое счастье русского народа заключается в том, что до 1818 года он не знал даже Четвероевангелия на понятном ему русском языке. До этого почти тысячу лет он слышал его на малопонятном церковно-славянском языке и поэтому, слава богу, не мог вникнуть в суть этого космополитического учения по-настоящему. Как только в 1818 году появился перевод Четвероевангелия на русский, а затем в 1821 году вышел полный текст Нового Завета, на юге России и Малороссии /особенно/ и в других местах начались массовые крестьянские выступления, основой которых явилась растленная космополитическая проповедь, приписываемая Христу и апостолам. Так начался разброд в русском народе, так начала разваливаться русская народная самосознательность, существовавшая до этого стихийно в течение тысячи лет. Ее не сломали ни 300 лет татаро-монгольского ига, ни польские, ни шведские, ни немецкие и пр. интервенты. Ее уничтожил космополитизм Нового Завета и иудейский фашизм Ветхого Завета. Не на шутку встревоженное крестьянскими бунтами самодержавие конфисковало все экземпляры Евангелия, которые сумело обнаружить на руках. Тогда его стали переписывать от руки /домиздат XIX века/. Постепенно революционное движение, начатое православием /путем публикации на русском языке Евангелия/ против Самодержавия, вылилось в народничество /сначала в народ несли именно Евангелие/, потом в социал-демократию и т.д.

Ветхий Завет, а вернее целиком вся Библия на русском языке вышли в свет, чтобы окончательно доканать русское национальное самосознание, впервые только

в 1876 году. Таким образом православие сыграло роль Иуды-предателя и по отношению к самодержавию, и по отношению к русскому национальному самосознанию или, как называли его славянофилы, к народности.

Но как и всякое предательство не остается без отмщения, так не осталось без отмщения и православие. Русский народ отомстил ему не за прогнившее самодержавие /кстати, последней каплей растления царской семьи был архиправославный агент международного сионизма Гришка Распутин/. Русский народ вышвырнул из своей души православие именно за предательство последним самого дорогого, что он имел - народности.

Если по сей день у нас есть еще верующие в православных церквях, то это те, кто верит невежественно: не знает ни Библии, ни Евангелия, ни предательской роли православного космополитизма, проложившего к нашим дням дорогу сионистским космополитам. Если сейчас кому-нибудь и нужно реабилитировать православие, то в первую очередь тем, кто его создавал - сионистам. Потому что для себя они создали иудаизм, по которому человечество делится на людей /это только евреи/ и на гоев /это неевреи: русские, негры, китайцы, папуасы и т.д./. Для гоев было создано христианство и ислам - дочерние предприятия от иудаизма с ограниченной ответственностью /по-английски - лимитед компани/, призванные держать в повиновении перед высшей расой или народом, избранным богом /т.е. евреями/ всех остальных. Гои же согласно Ветхому Завету должны стать рабами евреев по их расчетам к 2000-му году.

Великая заслуга русского народа состоит в том, что он первым среди других народов покончил с православием как с предбанником иудейского рабства, намеченного на 2000-й год, как с предбанником крематория, в котором сионисты намерены спалить всех гоев.

Русский народ в 1917 году понял, что он в течение 1000 лет имел на вооружении идеологию, направленную против него же. Он заменил ее идеологией коммунизма. Одновременно с этим он понял, что всякий, кто попытается вернуть его в христианский предбанник сионистского крематория- Иуда-предатель.

Он прекрасно помнил о русском вечевом республиканском самоуправлении и поэтому в огне баррикад 1905 года создал советы /кстати, - от того же, что и в е ч е корня - "вет" с приставкой "со"/.

Итак, русский народ вместо лозунга славянофилов : православие, самодержавие и народность понес, если можно так обобщить, лозунг: коммунизм, советская власть и народность. Большинство славянофилов были патриотами, но патриотами своего времени. Они прекрасно понимали, что сокрушение двух из трех китов /самодержавия и православия/ несвоевременно и дорого обойдется русскому народу. Жили бы они в наше время, они бы не стали восставать против существующей идеологии и формы правления, а наверняка стали бы их защищать на благо русского народа. Так как низвергнуть сейчас нашу идеологию и нашу форму правления - значит открыть двери перед захватом страны сионистским капиталом, а это, в свою очередь, будет самым большим предательством русского народа. Таким образом, из учения славянофилов нужно взять и развивать только то, что будет отвечать принципу народности. В этом плане можно было бы посоветовать редакции взять из славянофильства его детище народность и выплеснуть на помойку истории грязную воду как самодержавие, так и православие.

К сожалению, редакция журнала берет учение славянофилов целиком без критического подхода.

Спасти русский народ можно не через ниспровержение коммунизма и советской власти, а только через их укрепление, путем очищения их от плесени просочившегося в них сионизма. Если бы журнал взял на себя именно эту благородную миссию, он был бы понятен и дорог самым широким слоям нашего народа.

То направление, которое журнал имеет в настоящее время, практически превращает его в предбанник сионистствующих инакомыслящих СССР, для которых годится любое инакомыслие, лишь бы оно расшатывало нашу Родину изнутри.

Журнал назвал себя патриотическим русским журналом, работающим на благо России, но как русский человек может этому поверить, когда журнал предоставляет свои страницы таким заклятым врагам русских и России, как А.Сахаров и А.Солженицын /Солженицын "Август 14-го"/? Журнал оплакивает вместе с сионистским домиздатом Галанскова. Но всякая ли жертвенность идет на пользу России и русских? За кого боролся /в основном/ и за кого сидел Галансков? За тех же злейших врагов России и русских - сионистов, за протоколы процессов сионистской агентуры в овечьей шкуре инакомыслящих - за Даниэля и Синявского.

Позором для журнала является перепечатка заявлений А.Сахарова, Шафаревича и прочей сионистствующей своры ученых и псевдоученых, воющих о свободе печати. К.Аксаков тоже хотел свободы печати. Там, где ее добились формально /США, Англия и др. западные страны/,она, эта печать, полностью монополизирована сионистами. Какая же это свобода печати? Нет, уж пусть лучше Главлит, чем такая свобода!

Журнал выступил против загрязнения окружающей среды. Очень хорошо. Но к чему призывает журнал - к сокращению промышленного производства. Причем можно понять, что в одностороннем порядке. Но ведь мы не одни на планете. Русский народ сократит производство, а сионисты его задушат - вот и весь патриотизм на благо России.

Расшатать легко! Ну, а потом-то что? Ведь если скинуть большевиков, к власти придут сионисты и только сионисты, у них деньги и агентура плюс блестящая организованность - у нас ничего, кроме большевистской партии, которая пусть хоть плохо-бедно, но защищает нас. Представьте, что будет, если премьером будет Сахаров с Солженицыным, Высоцким, Райкиным, Якиром, Даниэлем и прочими в правительстве! Вас с вашим журналом выбросят как выжатый лимон куда-нибудь в Магадан и не ближе, если не сразу - в газовую камеру. И это несмотря на то, что сейчас вы расшатываете вместе с ними. Ведь такие же расшатывания были и в Чехословакии в 1968 году. К власти же пришли сионисты: Шик, Пеликан и пр.

Международный сионистский концерн сосредоточил сейчас в своих руках 80% всего капитала всего несоциалистического мира. Это пострашнее фашистской чумы. Если они победят - это смерть всем, в первую очередь русским, которых они окрестили зоологическими антисемитами и поставили целью физическое уничтожение всех поголовно. Любое расшатывание в такое время - худшее предательство против русского народа, которое он когда-либо знал. Также, как во время Великой Отечественной войны все русские люди, независимо от их воззрений /причем и руководители православной церкви сыграли тогда свою патриотическую роль/ объединились для борьбы с общим врагом, мы должны сейчас объединиться для борьбы с сионизмом: разоблачать и бить всех, кто за них, поддерживать и поощрять всех, кто против них. Отношение к сионизму - та лакмусовая бумажка, которая выявляет патриотизм или предательство. Середины нет! Кто не с нами - тот против нас! Кто не против сионизма во всех его проявлениях - тот против русских, против славянофилов, против всего честного, что есть на земле.

В этом свете журналу, если он действительно хочет сделаться патриотическим русским журналом, а не предбанником сионистских инакомыслящих, их бесплатным агентом, следует уяснить, что во всей цепи проблем, стоящих перед русским народом, главным звеном является борьба с сионистским засилием. Ухватившись за это звено /и только за это/ можно будет вытянуть всю цепь проблем. Если этого не сделать, сионисты к 2000-му году уничтожат русский народ физически вместе со всеми его проблемами. Так обстоит вопрос на сегодня.

Журналу необходимо ориентироваться не на ничего не смыслящих в Библии верующих, которые своими молитвами России от сионизма не спасут, не на подонков типа Сахарова и Солженицына, для которых нужен космополитизм, а не русский народ, не на самопожертвователей типа Галанскова, который, видимо, так до смерти и не понял, что оказался мелкой разменной монетой в руках врагов русского народа, не на обиженных прихожан и священнослужителей, которые тоже не в состоянии спасти Россию от сионизма, а на честных партийных, советских, военных работников, патриотически настроенных деятелей культуры и искусства /кстати, статьи об охране архитектурных памятников - это то,что нужно/ и прочих советских людей, коммунистов и беспартийных, имеющих вес и голос в органах управления. Таких людей много, но они заняты текучкой, мешающей видеть и сознавать всю степень опасности сионизма, в том числе и для текущей их работы. Задача журнала донести до них правду о сионизме. Кстати, домиздат лучше и внимательнее читают, чем официальные органы. Это преимущество следует использовать.

Публиковать материалы о никчемности научных работ сионистов-псевдоученых, материалы о выпадах сионистов против честных русских людей и людей других национальностей, материалы о взяточничестве и разврате сионистствующих, материалы об их сборищах у синагог и в других местах, письма с мест о безобразиях внутренних эмигрантов, о захвате жилого фонда в городах, требовать справедливого распределения квартир в пользу коренного населения, в том числе русских, а не сионистствующих, задавать органам прокуратуры вопросы - на какие деньги сионистствующие приобретают автомашины, дачи и т.д., задавать вопросы, почему в том или ином учреждении 90 или 70% евреев, требовать процентного по отношению к населению данной местности представительства в учреждениях, вузах и пр. Требовать процент поступления в вузы и спецшколы еврейской молодежи,устанавливать в соответствии с процентом проживающих в стране евреев /а это около 1%: 2,2 млн. евреев на 250 млн. населения СССР/. Требовать, чтобы этот 1% был распространен на все учреждения и предприятия: под лозунгом равенство для всех, никаких преимуществ тем, кто завтра может оказаться в Израиле.

Признать, что журнал в своих первых 8 номерах имел расплывчатую, объективно просионистскую платформу. Материалы антисионистского характера придавали журналу лишь видимую объективность. Сионистам этого только и надо: ложь из расчета - 50:50% /фифти-фифти/ - лучшая ложь. Поэтому журнал против своей воли себя скомпрометировал, как пособник сионистов. В связи с этим название нужно изменить и нумеровать снова с № 1. Предлагаемые названия: "Вечевой колокол", "Набат", "Русский набат", "Единство".

Журнал должен выходить под шапкой: "Смерть сионистским захватчикам!" или "Все на борьбу с сионизмом!".

В нынешнем же виде журнал в идеологическом плане похож на полукровку, против которых он же в биологическом плане выступает.

Стремление к объективности и так называемой свободе слова ведет к предоставлению страниц как полнокровным, так и полукровным сионистам. Но ведь у них и так предостаточно средств массовой информации как официальных с миллионными

тиражами, так и домиздатовских. Если русские люди не в состоянии создать не зараженный сионизмом журнал, то его вообще незачем создавать, т.к. это не патриотический, а антипатриотический журнал. Он работает не на объединение русского народа, а на его еще большее разъединение.

Уже сам факт выхода журнала под лозунгом православия разъединяет русских на ничтожное меньшинство верующих, к которым журнал стремится приторочить подавляющее большинство атеистов. Можно подумать, что все атеисты антипатриоты, а чтобы стать патриотами, им надо вернуться в гнилое болото христианского космополитизма, разложившего все народы Запада и превратившего их в безропотных слуг сионистов и Израиля. Солженицын требует от патриарха, чтобы он призвал русских внутри России водить детей в церковь - учить их поклоняться иудейским пророкам, с детства приучать к мысли о богоизбранности евреев, о том, чтобы они сознательно готовили себя к роли рабов евреев. Быть истинным православным , по мнению журнала,- значит быть истинным патриотом. Но быть истинным православным- значит боготворить каждое слово обоих заветов Библии. А это значит примириться с мыслью об иудейском господстве. Где же здесь патриотизм?

Может быть, патриотизм нужно искать у христианских народов Запада, которые сейчас смиренно вот уже более 6 лет плавают себе в убыток вокруг Африки /вместо прохода через Суэцкий канал/ и уже начали холодать от нехватки нефти и голодать от безработицы, вызванной той же нехваткой нефти в угоду народу, избранному богом? Так, в Англии промышленность переведена на трехдневную неделю. В США увольняются с работы десятки тысяч рабочих и служащих, а "свобода печати" не смеет заикнуться о том, что во всем виноват сионизм. Такой свободы хотят от нас Сахаров и Солженицын. Странно, что этого же, видимо, даже не сознавая, требует журнал, претендующий называться русским патриотическим!

Журнал правильно поднимает вопрос о распространении пьянства и борьбе с ним. Но для чего журналу потребовалось давать составленный явно в интересах сионизма очерк о распространении пьянства в широких кругах русского народа в дореволюционный период? Для объективности? Но ведь такая "объективность" только дает сионистам в руки материалы для подтверждения "исконного алкоголизма русских", о чем они кричат на всех углах. Таким образом, этот материал из того же расчета 50:50% полезен больше сионистам, а не русским, так как журнал и русских убеждает в "правильности" лжи сионистов, горланящих на всех углах, что без их "серого вещества" русские давно бы сдохли с голода от запоя. Вместо этого журналу следовало бы показать, что способные русские люди, которым сионистская бездарь закрывает доступ к свободной творческой деятельности, учебе, работе по призванию, спиваются оттого, что им не дают развернуться во всю ширь русского характера и способностей.

В средние века чешский народ поднялся на борьбу с немецким засилием. Сейчас главная задача как русского, так и всего советского народа - в борьбе с сионистским засильем. Вскрывать это засилие, призывать бороться с ним - это самое неотложное, что предстоит сделать настоящим русским патриотам. Все остальные проблемы даже нет смысла поднимать, так как они неразрешимы, пока существует сионистское засилье. Попытки разрешить их при сохранении сионистского засилья на руку только сионистам, которые используют эти попытки в своих же интересах.

Индо-европейские народы достигали наивысшего расцвета /Древняя Греция, Рим/, когда они имели на своем вооружении идеологию, возникшую и развивавшуюся на их национальной почве - индоевропейский пантеон богов: Зевс то будь, или Перун, или Юпитер, Афродита или Лада и т.д. Истинно народные праздники - масляница /времен этих богов/ пережили тысячелетие православного безродного космополи-

тизма и ныне здравствуют в празднике Русской зимы. Настоящие русские патриоты любовно сохраняют, и советская власть не препятствует, имена своих светлых легендарных богов в названиях автомобилей /"Лада"/, ресторанов /"Лель"/ и т.д. Индоевропейцу и, в первую очередь, русскому, как наиболее древнему из индоевропейцев, омерзительны /если он с ними по-настоящему знаком/ деяния иудейских пророков и христианских святых, вдохновленных ими /см.П.Гольбах, "Галерея святых"/. И именно христианство как агент иудаизма сначала внесло междоусобицу в Римской империи, разделив ее на Восточную и Западную, а потом довело их поодиночке до грани падения. Христианское средневековье отбросило Европу на сотни лет назад и только духовное раскрепощение периода ренессанса /возврата к исконным индоевропейским духовным ценностям,в том числе языческим образам/дало толчок к возрождению. Оформление политического сионизма в 1897 году прошло под лозунгом: "Уже не далек тот день, когда все богатства земные перейдут в собственность детей Израиля!" /Израиль - в переводе с иврита - "семья божья", неевреи - гои - в семью божью не входят/. Этот лозунг последовательно, по плану осуществляется сионистами в капиталистическом мире. Сиону ныне принадлежит уже 80% всех капиталов капиталистического мира. Мировому господству препятствует только соцсистема.

Советская власть,пришедшая на смену самодержавию сделала главное - лишила сионистов в нашей стране права частной собственности на орудия и средства производства. Может быть,эта фраза набила кое-кому оскомину, но если бы не это, 2000-й год для детей Израйля уже давно бы наступил, и все проблемы русского народа уже давно лежали бы на дне топок сионистских крематориев. Под лозунгом предоставления свобод Сахаров и Солженицын хотят вернуть сионистам это, утраченное в 1917 году, право. А сионисты заявляют, что на следующий день после этого они скупят или просто захватят всю территорию СССР до последнего гектара сибирской тундры. Судьба палестинских арабов, оставшихся без родины, подтверждают, что это не пустые слова.

Сионистствующие инакомыслящие при поддержке на государственном уровне со стороны конгресса США и правительств других сионизированных стран Запада различными средствами пытаются подорвать нас изнутри, чтобы проложить дорогу детям Израиля к мировому господству.

По пути ли с ними русскому патриотическому журналу?

Коммунизм и советская власть /вся соцсистема/ сейчас единственное могучее препятствие на пути шествия сионизма к его 2000-му году.В авангарде СССР и,следовательно, всей соцсистемы идет русский народ.

Спора нет - ему тяжело в цепях сионистского засилия, но еще тяжелее, когда удар наносят в спину русские по паспорту /как Солженицын, которого он уважал за "Ивана Денисовича", "Матренин двор", но который растоптал его доверие и уважение "Августом 14-го"/, еще тяжелее, когда русские люди из благих побуждений организуют домиздатский русский патриотический журнал и бьют доверчивый русский народ камнем по голове, как тот крыловский медведь пустынника.

Мы не против славянофилов. Но из их наследия нужно взять только все истинно славянское, русское /они много, больше, чем кто-либо другой потрудились над этим/. Но нельзя считать, что все, что вышло из-под их пера непогрешимо и применимо в 70-х годах XX века.

Очиститься от всей скверны иудаизма и сионизма и их предбанника церкви - другого пути для спасения русского самосознания сейчас нет!

Попытка загнать русского человека в космополитический православный пред-

банник сионизма - верх антипатриотизма и верх предательства всего истинно русского и славянского!

Выпуск домиздатского журнала - сам по себе акт самопожертвования.

Но самопожертвования ради чего?

Будет обидно, если издатели журнала будут рисковать так же глупо и более того - объективно вредно для русского народа, как это делал Галансков и ему подобные.

Никакая борьба не обходится без жертв!

Но, уж если жертвовать собой, то действительно ради своего русского народа, а не ради мирового сионизма, несущего ему смерть!

Евреи, если бы захотели быть полезными всему человечеству, должны были бы отбросить свой паразитизм, обособление, обрезание, слиться со всеми народами. Но евреи предпочитают быть во веки веков избранным и всеми презираемым и ненавидимым народом. Что за упорство? Ни одна нация в мире этого не проявляет

Дали бы евреям (они не берут, не хотят) особую землю - Уганду, что ли! - тогда лучшее будет доказательство, могут ли они существовать на своей земле. Но нет, - евреи, как нация, могут существовать только при условии паразитизма. Если евреи захотят жить так, как другие, не паразитные, народы, то в борьбе за существование, они, как нация, погибнут.

Евреи правильно поняли свое призвание. Если они паразитная нация, то настанет время, когда они будут главенствующей нацией, ибо они все свободники. В конце концов, они все до единого займутся свободными профессиями и объевреят всю интеллигенцию, а интеллигенция всемирная объевреят все народы.

Страница оригинала. Фото. Текст приведен на стр. 254-255 настоящего издания.

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ ПО УСИЛЕНИЮ АНТИСИОНИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И УЛУЧШЕНИЮ ПАТРИОТИЧЕСКОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ И МОЛОДЕЖИ

/Инструкция ЦК, разосланная в РК КПСС/

1. Провести совещания по вопросам антисионистской пропаганды, разъяснительной работы среди лиц, изъявивших желание уехать в Израиль.
2. Использовать все виды и средства агитации и пропаганды для показа торжества ленинской национальной политики, в том числе и в отношении граждан еврейской национальности.
3. Разработать тематику и регулярно проводить в трудовых коллективах, по месту жительства лекции по антисионистской тематике: обратить особое внимание на разоблачение классовой, национальной, расистской сущности сионизма, несовместимости его интересов с интересами основной массы еврейского населения. Освещать принципиальную, последовательную политику КПСС за прочный и справедливый мир на Ближнем Востоке, в защиту интересов национально-освободительного движения и укрепления прогрессивных режимов на арбском Востоке
4. Последовательно осуществлять меры по усилению идейно-политического воспитания советской молодежи еврейской национальности, нейтрализации на нее влияния сионистской пропаганды.
5. В лекторской группе общества "Знание" выделить специальную группу лекторов для чтения лекций по антисионистской тематике.
6. Изучить вопрос о работе педагогической организации школы № 17 по интернациональному и патриотическому воспитанию и усилению борьбы с антисоветской деятельностью сионизма.
7. Осуществлять систематическую индивидуальную работу с лицами еврейской национальности, которым отказано в выезде за рубеж, принять меры к их трудоустройству на работу, разъяснять им ошибочный характер их поступков.

Осень 1974 г.

г.Москва

В.ЕМЕЛЬЯНОВ

ИУДАИЗМ И СИОНИЗМ

/лекция/

19 февраля 1974 г. в научно-исследовательском институте резиновой промышленности была прочитана лекция на приведенную в названии тему. Лектор - кандидат экономических наук В.И.Емельянов, как позже информировало партбюро института, является лектором общества "Знание" при Ленинском райкоме КПСС г. Москвы и преподает в институте иностранных языков. Лекция, по просьбе слушателей, проводилась повторно. В лекции лектор заявил, что он знает арабский и древнееврейский языки и преподает их. Ниже приводится конспект этой лекции. Для его составления слушатель пользовался своей памятью, своими записями и записями еще одного слушателя. В конспекте по возможности сохранены /не преувеличены/ выражения и эпитеты лектора. Автор конспекта отдает себе отчет относительно духа лекции и тех элементарных исторических ошибок, которые допущены лектором, но ничего не может изменить, так как все это было сообщено с высокой трибуны. На лекции присутствовало 150-200 человек. В лаборатории автора конспекта на лекцию обязали пойти всех комсомольцев и слушателей политпросветсети.

— — — — — —

В последние годы мир неоднократно стоял на грани войны из-за агрессивной политики Израиля. Например, в последнюю войну дело дошло до того, что американцы объявили боевую готовность своим частям. Потери мировой экономики из-за ближневосточных войн во много раз превышают стоимость всего Израиля. Как же объяснить, что государство, территория которого так мала, что ее не видно на большой карте, таким образом обращается со всем миром? Все дело в сионизме. Сионизм представляет собой самую мощную межгосударственную монополию, которая контролирует до 80% экономики капиталистических стран. Название "сионизм" происходит от горы Сион, в русском употреблении "Сиян", что, конечно, правильнее, так как родственно с "Сиянием". Сионизм основан на иудаизме. Идея иудаизма - идея мирового фашизма.

Из всех семитских народов - евреи самый молодой народ. Самые древние - аравийские бедуины, т.е. арабы.

Принцип иудаизма сформулирован в Ветхом Завете Библии, который называют Торой, так как в синагогах им пользуются в виде свитка. Тора - самая черная книга, созданная за всю историю человечества /при этих словах лектор поднял вверх книгу в черном переплете/. Все государства, вступая в ООН, передают текст своей конституции. Израиль передал Библию.

Основные положения Ветхого Завета: 1. Евреи - избранный народ и 2.Призыв к захвату чужих территорий. Древнюю Палестину населял ряд народов, в том числе, как показали раскопки русско-немецкого ученого Шлимана, хеты - предки славян; не было никакого запаха евреев. Хотя Библия и говорит, что первые люди - Адам и Ева - были евреями, это миф. Еврейский язык - торгашеское эсперанто, возникшее на базе арабского языка, только алфавит отличен. Около 1250 г. до нашей эры евреи вывалились из глубин Аравийского полуострова, как очередная партия саранчи. Кстати, в плену у египтян они никогда не были. Это миф, который не подтверждают никакие египетские письменные источники. Палестина к тому времени уже была освоена: поля распаханы, города построены, что подтверждается тек-

стом Ветхого Завета. Война длилась 7 лет. Главный город хетов - Наблус - держался 20 лет /по мужеству можно сравнить со Сталинградом/. Иисус Навин - завоеватель Палестины - подобен Чингис-хану. При царе Соломоне на развалинах хеттского города был создан Иерусалим - город мира в переводе, на самом деле притон для воров и преступников, так как в этом городе нельзя было судить. Евреи появились недавно, ничего оригинального они не принесли, и об этом свидетельствует их конституция - Библия. Ими был провозглашен расистский принцип: евреи не должны работать, заниматься физическим трудом, эта роль отводится гоям /и раннее понятие слова "гойя" - просто житель, селянин/. Таким образом, возникло деление человечества на собственно людей-евреев и двуногий скот - гоев /русские, китайцы и пр./. Все народы должны стать рабами евреев. Иудаизм - это, фактически, не религия, это обещание всех благ при жизни; тут Богом и не пахнет; Бог - это ширма. Маркс в статье "К еврейскому вопросу" писал: "Деньги - Бог Израиля. Вексель - вот действительный Бог евреев". Это слова, если уж на то пошло, сына крещеного еврея: отец Маркса перешел в католичество. Между прочим, 1-й том собрания сочинений с этой статьей в последнее время усиленно крадется из библиотек.

Евреи претендуют на то, что первыми открыли единого Бога, но это ерунда: они были язычниками, у них было многобожие, а единого Бога они позднее восприняли от христиан.

Итак - деньги, а дальше идея мирового господства, идея, формулирующая, что все остальное человечество - двуногий скот.

Еврейская захватническая орда пребывала в Палестине с 1250 г. до н.э. до 70 г. н.э. и даже тогда они не составляли большинства населения. В 70-х годах орда была вытурена оттуда и до конца прошлого века евреев в Палестине не было, а жило арабское население.

Кроме Ветхого Завета существует Талмуд - многотомное толкование Библии и свод ритуалов.

Но все это только цветочки, которые мало кого волнуют. Есть более серьезные дела. Недавно Никсон договорился с Брежневым о предоставлении СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле /это нормальный закон, в соответствии с которым ведется торговля с другими капиталистическими странами, т.е. речь идет об уничтожении дискриминации в торговле/. Никсон обещал, но затем начали работать сионисты /весь конгресс США, может быть, кроме Фулбрайта, состоит из сионистов/, и пресловутый сионист сенатор Джексон внес поправку, состоящую из двух пунктов, без выполнения которых закон о торговле не может быть принят:

1. Евреям разрешить свободно выезжать из Советского Союза, но не только выезжать, а и свободно возвращаться, т.е. циркулировать. Все народы СССР живут спокойно, а евреи ездят туда-сюда.

2. Тем евреям, которые пожелают остаться, предоставить право еврейского национального воспитания в еврейском духе, т.е. еврей - высшая раса, а все остальные - низшие. В соответствии с книгой средневекового толкователя Талмуда, в которой изложено его краткое содержание, конспект /фамилии автора не расслышал/, еврей не должен убивать еврея, но других - можно; помогать гойе рожать в субботу нельзя, а еврейке - можно; лечить гоев нельзя, только в исключительных случаях, когда имеется угроза жизни еврею, - можно. Десят заповедей Моисея распространяются только на евреев. Эти заповеди переняла христианская религия и распространила их на всех людей /христианином может быть любой: негр, самоед и др./. А вот по иудейской вере обмануть, убить гоя - ради Бога. Собака лучше

гоя. Гоя можно испробовать на новых лекарствах. Эта книга секретна. В иудейской религии 99 ступеней секретности: 33 ступени доступны всем мудеям, а 66 - только левитам /лектор рисует на доске схему/. Сионисты считают, что каждый еврей - сионист. Недавно в Израиле вышел закон, что евреи всего мира являются гражданами Израиля, т.е. обладают двойным гражданством. Главной обязанностью евреев является служба Израилю. Еврей может протестовать против войны во Вьетнаме, против чилийской хунты, но против политики Израиля - никогда.

В настоящее время в мире насчитывается около 14 миллионов евреев /сионисты считают, что 30 миллионов/, а гоев - 3 миллиарда. Так как сионисты запланировали к 2000 г. мировое господство, то кадров нехватает. Вы же знаете, что это значит, когда кадров не хватает. И вот появляется пятая колонна иудаизма - масонство. Во Франции в средние века возник орден Тамплиеров. Этот орден был случайно вскрыт при короле Филиппе Красивом /донес один узник тюрьмы/. По списку членов ордена арестовали и казнили. Название орден получил по французскому городу Тампль. Масоны поклонялись сатане, дьяволу, которого называли Люцифером. Цель масонского движения - расшатать гойские церкви, гойские режимы. В 1534 г. крещеный испанский еврей Игнатий Лойола, якобы для борьбы с масонством организовал орден иезуитов, который создал инквизицию. На костры инквизиции ведут лучшие гойские умы, например, Джордано Бруно. Таким образом, в средние века иудаизм создает себе дочернее предприятие - масонство, которое руками гоев уничтожает лучших гоев. В России тоже были масонские ложи, их называли франк-масонскими, так как они пришли из Франции. В эпоху Просвещения в масонские ложи вступают императрица Елизавета, граф Воронцов и др. Масоны пользовались легальностью. Сейчас масонство распространено на Западе, особенно в скандинавских странах и странах Южной Америки, поэтому эти страны хорошо относятся к Израилю. Иногда масоны возглавляют правительства. Например, в Швеции Пальма - масон, поэтому он приглашал к себе масона Соженицына. У нас масонами были Керенский и все его правительство; поэтому о них плачет Солженицын. Существует масоно-сионистское засилье. Чем выше стоит гой-масон, тем он нужнее сионистам. Сионисты внедряются в гойскую среду через масонов. Масонская организация должна пробивать дорогу сионизму. В масоны затягивают людей, используя их оппозицию официальной религии: человек верит не в Бога, а в сатану. Масонам давали подачки, они прежде других узнавали курс акций, им обеспечивали ускоренное продвижение по службе, для деятелей культуры, писателей организовывали незаслуженные аплодисменты, например, лидеру масонов - Солженицыну, Сахарову. Тут же выскакивает и Евтушенко, подхватывает знамя, пишет пасквильное письмо Брежневу, что отменены его концерты. Для современного этапа не требуется вступления в масонскую ложу - человек может и не знать, что он масон. Каждый масон - просто активный осведомитель сионистов. Масон должен больше делать, меньше знать. Сионисты опираются на иудейско-масонскую пирамиду, а также на 80% экономики в капиталистических странах и на 90-95% средств информации, дурманящих народ. В Чехословакии сработали сионисты и масоны. Что там греха таить, они в течение нескольких месяцев разложили большинство населения страны.

Сионисты к антисемитам-практикам или зоологическим антисемитам относят Богдана Хмельницкого, Петлюру, Сталина, Гитлера и Насера, а вместе с ними и народы, стоящие за их спиной. Богдан Хмельницкий боролся против евреев по классовому принципу, он боролся и против польских панов. Вот у Гоголя запорожцы щиплют Янкеля, потому что он разорил всю округу. За Сталиным не грузины, а русские, славяне. За Насером все арабы. Все они должны быть уничтожены, уничтожены по признаку расы. Особенно сионисты злобствуют против поляков, обвиняя их в том, что они не защищали евреев во времена оккупации, а заставляли

идти в партизаны. Это все не сказки, а то, чему должны учить детей в еврейских школах. Сионисты противопоставляют полякам датчан. Во время оккупации Дании немцы приказали евреям надеть желтые шестиконечные звезды на рукав одежды. Датский король любил гулять у дворца с королевой, а датчане смотрели и умилялись. На следующий день после приказа король, так как он был в долгу у еврейских банкиров и, видимо, получил приказ из-за океана, надел желтую звезду. И все датчане надели желтые звезды. Евреев стало невозможно отличить, и ночью их всех вывезли в нейтральную страну. Но из-за этого погибло много датчан. Евреи хотели бы, чтобы в Польше было так же. В благодарность, датчане подлежат не физическому уничтожению, а биологическому. Вот, если вас обработать биологическим оружием и вы придете на работу к сионистскому директору, то за кусок хлеба с солью, который он вам даст, вы ему руку будете лизать. Но если сломаете ногу, то лечить вас не будут. Это не сказки. Наверное, они с арабами так и поступают. Сионисты объявили: мировое господство к 2000 г. Предстоит борьба, но победа будет за нами. А победа требует жертв. В 1941 г. мы заявили: победа будет за нами, но за эту победу пришлось заплатить 20 млн. жизней.

Все "радио-голоса" ругают только арабов и в энергетическом кризисе обвиняют их, а не непосредственного виновника - Израиля.

От нас зависит, будем ли мы высыласть таких, как Евтушенко, а не оставлять, как оставляли Солженицына. У нас нет места для масонской дряни. Рецептов я дать не могу, но вы люди ученые.

Это не значит, что мы не должны доверять всем евреям. Евреи честно работают, и нельзя допускать никаких ограничений по службе. Но нужно учитывать, что ежегодно уезжает 40 тысяч. И уезжают не просто из социалистического государства в капиталистическое, а в фашистское.

— — — — — —

Отвечая на вопрос о различии между христианством и иудаизмом, лектор сказал: Библия состоит из двух частей: Ветхого и Нового завета. Новый Завет исправляет фашистскую сущность Ветхого. Различие еще в том, что христианином может стать любой человек, а приобщиться к иудаизму - не каждый. Даже Горький, были у него завихрения, пришел к ним, а они его не приняли, несмотря на величину Горького.

По рассказам, лектор объявил масоном Образцова, который под видом антирелигиозной пропаганды ставит масонские спектакли "Чертова мельница", "Божественная комедия". Кроме того, на первой лекции он сообщил, что число евреев, погибших в войну, составляет не 6 млн., а 1 млн., и что Эйхман был еврей.

— — — — — —

В О С П О М И Н А Н И Я

Помещая в этом номере рассказ Т.Боровского /поляка по происхождению/, мы хотели бы напомнить читателю, что культурные взаимоотношения евреев с другими народами могут неожиданным образом сказаться на их судьбе, и эту возможность никогда не следует упускать из виду при обсуждении различных тонких аспектов этого взаимодействия.

Характер прецедента таков, что теперь трудно придумать такую сферу жизни или культуры, на которую эти воспоминания не отбрасывали бы своей зловещей и многозначительной тени.

Т.БОРОВСКИЙ *

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГАЗОВЫЕ КАМЕРЫ, ГОСПОДА!

Сегодня лагерь разделся догола. Правда, наши блоки уже успели пройти дезинфекцию и получить обратно одежду, побывавшую в бассейнах с раствором циклона, - циклон, растворенный в воде, травит вшей в одежде также надежно, как и людей в газовой камере. Одни только блоки, отгороженные от нас "испанскими кобылами", еще не получили "обмундирования". Но голыми ходят все: жарко, как в пекле. Лагерь закрыт намертво. Не то, что заключенный, - даже вошь, и та не посмеет сунуть нос за ворота. Спецкоманды тоже не работают. С самого утра тысячи голых тел копошатся на дорожках и плацах, лежат пластом под стенами бараков, теснятся на крышах. Спят вповалку на голых досках, - матрацы и подстилки тоже ушли в вошебойку. Из крайних блоков виден женский лагерь, - там тоже идет дезинфекция. С утра двадцать восемь тысяч женщин раздели догола и выгнали из бараков, - вон они толпятся на площадках, дорожках, плацах.

С утра ждут обеда, уминают передачи, таскаются из гостей в гости. Время тянется медленно, как всегда в жару. Даже привычного развлечения сегодня нет: широченные дороги, ведущие в крематорий, безлюдны. Вот уже несколько дней, как нет транспортов. По этому поводу часть "канады" расформировали и распределили по другим спецкомандам. Наших сунули в одну из самых тяжелых, - на Гарменцу. Хватит, дескать, обжираться и дрыхнуть. В лагере царит завистливая справедливость: стоит кому посильнее споткнуться, дружки тут же постараются свалить его насовсем. "Канада" - наша "канада" - пахнет, правда, не сосновой живицей, как настоящая, но вряд ли в той сыщешь столько высоких сосен, сколько в нашей запрятанных бриллиантов и звонкой монеты всех европейских чеканок.

Мы сидим на нарах, свесив ноги в проход, кроим белый, пышно выпеченный хлеб, - крохкий, рассыпчатый. Хлеб слегка отдает горелым, но зато неделями не плесневеет. Его мне прислали из Варшавы. Неделю назад он был в руках моей матери. О боже...

Достаем ветчину, достаем лук, вскрываем банку сгущенки. Огромный, лоснящийся от пота Анри мечтательно вспоминает о французском вине. Оно иногда появляется за нашим столом, - когда приходят транспорты из Марселя, Парижа, Страсбурга.

- Клянусь, дружище, как только опять пойдем на рампу, обязательно раздобуду тебе бутылку шампанского. Ты когда-нибудь пробовал настоящее шампанское?

- Не приводилось. Да ведь бутылку не протащишь через ворота, чего зря трепаться. Ты лучше организуй мне ботинки. Знаешь,есть такие - с дырочками, на двойной подошве. И рубашку... сто лет уже обещаешь.

- Ну, потерпи, дружище, потерпи. Пусть только придет настоящий транспорт. Нас пошлют на рампу...

- А может, они вообще больше не придут? Смотри, как полегчало, - передач навалом, бить запрещается... Письма домой разрешили... Говорят, новые правила какие-то, ты сам говорил... И вообще, - им же, в конце концов, просто людей не хватит, гори они огнем!

- Чушь порешь...

Это отзывается марселец. У него лицо жирного ангелочка. Я дружу с ним

---

* Об авторе см. стр. 289

давно, но так и не знаю, как его зовут. Рот у него набит бутербродом с сардинками. Он с усилием проглатывает здоровенный кусок /"проскочил, мат его..."/ и повторяет:

- Чушь порешь. Как же это может быть, чтоб людей не хватило! Мы ж тут все тогда с голоду посдыхаем. Что бы мы жрали, если б не транспорт?!

- Так уж и все! А передачи на что?

- Это тебе шлют передачи, и дружку твоему, и еще десятку-другому таких, как ты. Вам шлют, полякам. А нам, евреям, а русским что жрать прикажешь? Если б не транспорты, думаешь так бы и жрали спокойно свои передачи? Так бы мы вам и дали?

- Небось, дали бы. А нет, - так и дохли бы с голодухи. Как греки вон. В лагере у кого жратва, у того и сила

- Да ладно, чего там спорить... У вас жратва есть, и у нас жратва есть, чего делить-то...

Что верно, то верно, спорить нам не о чем. У него есть, и у меня есть, мы едим вскладчину, спим на одних нарах... Анри режет хлеб, крошит помидоры для салата. Помидоры с лагерной горчицей - салат получается отменный.

Под нами теснятся на нарах голые, потные тела. Повсюду люди - они толпятся в проходах между нарами, дремлют около громадной, наславу сложенной блоковой печки, тоскливо ждут в очереди около "приспособлений" /такое небольшое усовершенствование, и бывшие конюшни - на дверях еще висит табличка" "больных лошадей надлежит отправлять туда-то и туда-то" - сразу превращаются в этакие уютные домики человек на пятьсот с лишним каждый/. Под нами, на нарах люди лежат впритык друг к другу, по восемь, по девять кряду, голые, костлявые, их тела пахнут потом, мочой и калом, изможденные лица, запавшие щеки. Прямо подо мной, в проходе, счорчился раввин; он накрыл голову какой-то грязной тряпкой, - вырвал, должно быть,из матраца, - шпарит по древнееврейскому молитвеннику. Этого добра здесь... Он воет громко и монотонно.

- Может,его слегка успокоить, а? Разорался тут, будто господа бога за яйца ухватил...

- Да ну его, слезать неохота. Пусть надрывается, - скорее в печь попадет.

- Религия - это опиум для народа... - задумчиво произносит марселец. Он бывший коммунист и рантье. - Хорошая штука опиум, я когда-то курил... Если б они поменьше верили в бога да загробную жизнь, могли бы давно разнести крематории в щепки...

- А вы-то чего же не разнесете?

Совершенно риторический вопрос.

- Идиот ... - отвечает марселец, сует в рот помидор, машет рукой, словно собирается еще что-то сказать, но только жует и молчит.

Мы подбираем последнее, когда в дверях барака вдруг возникает какая-то суета. От входа бочком отскакивают арабы и бросаются наутек между нарами. В конторку блокового старосты влетает посыльный. Минуту спустя величественно выплывает блоковой.

- Канада! Antreten! Пошевеливайтесь! Транспорт на подходе!

- Боже всемогущий! - Это радостно вопит Анри, слетая с нар.

Марселец, давясь помидором, хватает куртку, орет сидящим внизу: "raus" и мгновение спустя оба они уже в дверях. На других нарах тоже забурлило. Канада уходит на рампу.

- Анри, ботинки! - кричу я вдогонку.
- Keine Angst! - отвечает он, уже снаружи.

Я прячу жратву, перетягиваю веревкой чемодан, в котором лук и помидоры - с отцовского огорода под Варшавой - лежат вперемежку с португальскими сардинами и люблинская ветчина /от брата/ покоится рядышком с натуральными греческими маслинами. Все запаковано, я натягиваю штаны и слезаю с нар.

- Platz! - покрикиваю я, протискиваясь между голыми греками. Они торопливо расступаются. В дверях, нос к носу - Анри.

- Aller, aller. vite, vite!
- Was ist los?
- Хочешь с нами на рампу?
- Могу...
- Давай по-быстрому, где куртка? У нас людей не хватает, с капо я уже потолковал... - и он выталкивает меня из барака.

Мы строимся в шеренги, кто-то записывает наши номера, кто-то впереди подает команду: "Марш! Марш! - и вот мы бежим к воротам под воющие крики разноплеменной толпы, которую плетками разгоняют по баракам. Не каждому дозволено идти на рампу... Вот мы уже у ворот. - "Links, zwei, drei, vier! Mutzen ab!" - Выпрямившись, неподвижно прижав руки к бедрам, мы проходим в ворота, - бодро, подтянуто, почти изящно. Сонный эсесовец с огромным списком в руках лениво пересчитывает проходящих, отмечая пальцем в воздухе каждую очередную пятерку.

- Hundert! - выкрикивает он, когда последняя пятерка проходит мимо него.
- Stimmt! - хрипло отзываются откуда-то спереди.

Мы идем быстро, мы почти бежим. Вокруг множество постовых, - молодые немцы, с автоматами в руках. Мы пересекаем территорию лагеря 11В, пустынные плацы незаселенного лагеря С, площади чешского лагеря, идем через карантин, через грушевые и яблоневые посадки, что высажены вокруг труппенлазарета, проходим среди непривычно странной, словно неземной зелени, что так буйно разрослась за эти несколько солнечных дней, мы обходим стороной какие-то бараки, пересекаем линию главных заграждений, выбегаем на шоссе, - теперь мы уже почти на месте. Еще несколько десятков метров и впереди, за деревьями, - рампа.

Идиллическая картинка: перрон - из тех, что встретишь на любом заброшенном полустанке; небольшая площадь, усыпанная гравием и обрамленная зеленью высоких деревьев; маленький деревянный барак, прикорнувший сбоку у дороги, замызганный и жалкий, как все провинциальные вокзальчики. Поодаль - груды сваленных штабелем рельсов, горы досок, деревянные рамы, кирпичи, камни, колодезные срубы. Отсюда идут грузы на Биркенау: строительные материалы для лагеря и люди для его газовых камер. Обычные трудовые будни: подкатывают грузовики, в кузова наваливают доски, кирпичи, мешки с цементом, евреев...

Постовые занимают места на рельсах, на балках, в зеленой тени силезских каштанов. Тесным кольцом окружают перрон. Утирают пот со лба, пьют из фляжек. Жара чудовищная, солнце недвижимо торчит над головой. - Разойтись! - Мы втискиваемся в жалкие клочки тени под рельсами. Голодные греки /один черт знает, как они сюда затесались!/ тотчас начинают рыскать среди рельсов. Кто-то поднимает банку консервов, другой нашел заплесневевшую булку,недоеденные сардинки. Они торопливо, жадно пожирают объедки, озираясь исподтишка.

- Schweinedreck, - сплевывает в их сторону молодой рослый постовой. У него пышная светлая шевелюра и мечтательный взгляд голубых глаз.

- Тут же сейчас столько жратвы подвалит - в жизни не сожрать. Надолго отобьет охоту...

Он поправляет автомат, утирает лицо платком.

- Это же греки. Скоты, - вторим мы постовому.
- Ты, жирный, - ботинок постового прикасается к затылку Анри, - mal auf, хочешь лакать?
- Хочу, да марок нету, - со знанием дела отвечает Анри.
- Schade, жаль.
- Herr Post, разве мое честное слово уже ничего не значит? Разве Herr Post не имел со мной дела? Wiefiel?
- Сто. Gemacht?
- Gemacht.

Пьем воду, теплую, безвкусную, в счет тех денег и тех людей, которых пока еще нет. Француз отбрасывает пустую бутылку, и она со звоном разлетается где-то сзади, на рельсах.

- Ты, слушай, - деловито говорит он мне, - денег не бери, могут устроить шмон. На хрена тебе тут деньги, жратвы у тебя и так хватает. Шмутки тоже не бери, пахнет побегом. Рубашку можешь взять, только шелковую, с воротником. А на тело - спортивную. Найдешь что-нибудь выпить, меня не зови, я себя не обижу. Главное, поглядывай, чтоб не перепало.

- Бьют?
- Запросто. Спиной и то смотреть надо. Даже задницей.

Вокруг сидят греки, давясь, ворочают челюстями, - будто громадные чудовищные насекомые, - пожирают зачерствевшие куски хлеба. Они поглощены едой, не знают еще, что им предстоит. Балки и рельсы их тревожат. Они не любят тяжестей.

- Was wir arbeiten? - спрашивают они.
- Никс. Транспорт коммен, аллес кремториум, комприс?
- Alles verstanden, - отвечают они на лагерном эсперанто. Успокаиваются: значит,работа легкая, не то, что грузить рельсы или балки.

На перроне становится все оживленнее и многолюдней. Форарбайтеры распределяют заключенных по группам. Одни будут открывать и разгружать вагоны, другие пойдут к деревянным лестницам у грузовиков. Лестницы переносные, широкие, удобные - вроде тех, по которым поднимаются на трибуны. Один за другим, рыча, подъезжают мотоциклы, из колясок вылезают усыпанные серебром позументов офицеры СС, крепко сколоченные, откормленные битюги, в лакированных сапогах, с лоснящимися, грубыми лицами. Некоторые с портфелями, у других в руках - гибкие бамбуковые трости. У них деловой, подтянутый вид. Офицеры исчезают в кантине, крохотный барак на отшибе - это их кантина, где летом приготовлены бутылки минеральной воды, а зимой можно согреться теплым вином. Они приветствуют друг друга церемониально- по-римски выбрасывая руку, потом обмениваются сердечными рукопожатиями, дружескими улыбками, громко говорят о письмах, о новостях из дома, о детях, обмениваются фотографиями. Некоторые с достоинством прохаживаются по перрону, хрустит гравий, хрустят сапоги, серебряные квадраты поблескивают на воротничках, бамбуковые трости нетерпеливо посвистывают в воздухе.

Толпа людей в полосатых одеждах терпеливо ждет под рельсами. Лежат в узкой полоске тени, тяжело и неровно дышат, говорят о своем, тупо и равнодушно

поглядывают на величаво прохаживающихся людей в зеленых мундирах, на близкую и недоступную зелень деревьев, на колокольню виднеющейся вдали церквушки, откуда доносится еле слышный перезвон обеденной мессы.

- Транспорт... - говорит вдруг кто-то, и все вскакивают и замирают в напряженном ожидании. Из-за поворота один за другим выкатываются товарные вагоны, паровоз, пятясь, толкает их в тупик. Железнодорожник, стоящий на тормозной площадке, высунулся вбок, замахал рукой, засвистел. Паровоз отозвался пронзительным свистком, состав медленно катится вдоль станции. В крохотных зарешеченных оконцах видны человечьи лица - бледные, измятые, со спутанными волосами. Медленно проплывают мимо, вглядываются. Потом внутри вагонов что-то начинает тяжело ворочаться и колотиться в деревянные стенки.

- Пить! Воздуха! - глухо воют вагоны.

В окнах появляются все новые и новые лица, разинутые рты судорожно хватают воздух. Несколько торопливых вдохов, и они исчезают, а на их месте появляются другие - и тоже исчезают. Стонущий вой нарастает с каждой минутой.

Эсэсовец в зеленом мундире, гуще других усыпанный серебром, брезгливо поджимает губы, глубоко затягивается папиросой, потом внезапно отбрасывает ее, перекладывает портфель из правой руки в левую и делает знак постовому. Тот неторопливо, медленно стягивает с плеча автомат, поднимает его и дает очередь по вагонам. Мгновенно все затихает. Уже подъехали грузовики, к бортам приставлены лестницы, люди деловито расходятся вдоль поезда. Огромный эсэсовец с портфелем поднимает руку:

- Тот, кто присвоит золото или другие вещи, непригодные в пищу, будет расстрелян как похититель собственности Райха. Понятно?

- Yawohl! - Канада орет вразброд, но зато от чистого сердца.
- Also loos! Работать!

Лязгнули засовы, с грохотом откатились двери вагонов. Волна свежего воздуха хлынула внутрь, ошеломляя людей, спресованных вперемежку с чемоданами, рюкзаками, баулами, узлами, саквояжами /в них все, что составляло их прежнюю жизнь и предназначено для новой/. В чудовищной тесноте закрытых вагонов они теряли сознание от духоты, задыхались сами и душили, давили других. Теперь они давятся у открытых дверей, ловят воздух разинутыми ртами, словно рыбы, выброшенные на песок.

- Внимание. Всем выходить с вещами. Все вещи забирать с собой. Все упакованное складывать около вагонов. Пальто сдавать. Сейчас лето. Переходить налево. Понятно?

- Что с нами будет? - они уже спрыгивают на гравий, взволнованные, беспокойные.
- Вы откуда?
- Сосновец, Бендзин, гетто. Что с нами сделают? - настойчиво допытываются они, жадно всматриваясь в чужие, измученные глаза.
- Не знаю, не понимаю по-польски.

Таков уж лагерный закон, - людей, идущих на смерть, обманывают до последней минуты. Это единственная допустимая форма жалости.

Жара страшная. Солнце стоит в зените, раскаленное небо дрожит, воздух струится волнами, ветер, временами освежающий лица, - словно вязкая раскаленная смола. Губы потрескались, во рту - соленый привкус крови. Тела, разомлев-

шие на солнце, вялы и непослушны. Пить, только пить.

Из вагонов течет пестрая лавина, навьюченная вещами, подобная обезумевшему, слепому потоку, который тычется в поисках нового русла. Они еще не успели прийти в себя, одурманенные свежим воздухом и запахом зелени, и из рук у них уже выдирают свертки, стягивают с плеч пальто. У женщин вырывают сумочки, отбирают зонтики.

- Господа, господа, это от солнца, я так не могу...
- Verboten! - раздается, как лай, хрипло, сквозь зубы.

За спиной стоит эсэсовец спокойный, сдержанный, деловитый.
- Meine Herschaften, нельзя же так разбрасывать вещи, господа. Проявите чуточку доброй воли, - слова звучат добродушно, а тонкая тросточка нервно гнется в руках.

- Да, да, конечно, - проходя, отвечают они на множество голосов и торопливой толпой текут вдоль вагонов. Какая-то женщина нагнулась и быстро подобрала упавшую сумочку. Свистнула трость, женщина вскрикнула, споткнулась и упала под ноги толпы. Ребенок, бежавший за ней, пискнул: "Мамеле!" - такая крохотная, распатланная девчушка...

Растет холм из коробок, узлов, рюкзаков, портпледов, костюмов, сумок; падая, они раскрываются, из них вываливаются радужные банкноты, золото, часы. Перед вагонами вздымаются горы хлеба, громоздятся разноцветные банки джемов и варений, растут груды колбас и ветчин, рассыпается по гравию сахар. С воем отъезжают набитые людьми машины, в воздухе звенит надсадный крик женщин, которые оплакивают своих детей, ошеломленно и тупо молчат внезапно осиротевшие мужчины. Это все те, которых перегнали направо, молодые и здоровые. Эти пойдут в лагерь. Газа им все равно не миновать, но сначала они еще поработают.

Машины уходят и возвращаются снова, без промедления, словно на чудовищном конвейере. Непрерывно курсирует карета Красного Креста. Огромный кроваво-красный крест, намалеванный на капоте, почти невидим в солнечном блеске. Неутомимо курсирует карета Красного Креста: в ней перевозят циклон - тот самый циклон, которым травят этих людей. И вшей в лагерной одежде.

Тем из "канады", кого определили к лестницам, некогда передохнуть. Они сортируют: налево - в газ, направо - в лагерь; тех, кто налево, заталкивают на лестницы, битком набивают в кузов, в каждый душ по шестьдесят. Плюс-минус, конечно.

Рядом стоит молодой, гладко выбритый тип, эсэсовец, с блокнотом в руках. Каждая машина - черточка в блокноте, каждые шестнадцать машин - тысяча евреев. Плюс-минус, конечно. Эсэсовец сдержан и аккуратен. Машина не тронется, пока он не поставит черточку в блокноте, не отдаст команду "Ordnung muss sein". Черточки складываются в тысячи, тысячи - в целые составы. О них говорят коротко: "Из Салоник", "Из Страсбурга", "Из Роттердама". Об этом уже сегодня вечером будут говорить: "Бендзин". Но полное его название будет "Бендзин-Сосновец". Те из этого транспорта, что отправятся в лагерь, получат номера 131-132, - тысяч, разумеется, но для краткости будут говорить именно так: 131-132.

Транспорты складываются в недели, месяцы, годы. Когда закончится война, начнут считать сожженных в печах. Насчитают четыре с половиной миллиона. Плюс-минус, конечно. Самое кровавое сражение всей войны, величайшая победа единой и сплоченной Германии. Ein Reich, ein Volk, ein Fuhrer и четыре крематория. Потом крематориев в Освенциме станет шестнадцать, в них можно будет

сжигать по пятьдесят тысяч человек ежедневно. Лагерь будет все расширяться и расширяться, пока не упрется в Вислу своими проводами под током; в нем будут жить триста тысяч людей в полосатых куртках, он получит название verbrecherstadt - "город преступников". Нет, людей хватит. Сожгут евреев, сожгут поляков, сожгут русских, придут люди с запада и юга, с континента и островов. Придут люди в полосатых куртках, восстановят разрушенные немецкие города, поднимут одичавшую землю, в когда свалятся от каторжного труда, от вечного Bewegung - откроются перед ними двери газовых камер. Камеры станут совершеннее, дешевле, их тщательнее замаскируют, они будут как те, в Дрездене, о которых уже ходят легенды.

Вагоны уже опустели. Худой, в оспинах, эсэсовец спокойно заглядывает внутрь, брезгливо кивает, оглядывается на нас и приказывает жестом:

- Rein! Очистить!

Мы прыгаем внутрь. В углах, среди человеческого кала и вырванных с мясом часов валяются раздавленные, задохшиеся и растоптанные грудные младенцы - голые уроды с огромными головами и вздутыми барабанами животов. Мы выносим их, как цыплят, - за ноги, по два в каждой руке.

- В машину не тащите. Отдайте женщинам, - говорит эсэсовец, раскуривая папиросу. Зажигалка барахлит, он весь поглощен ею.

- Да заберите же вы их, бога ради! - что-то взрывается во мне, а женщины в ужасе шарахаются прочь, втягивая головы в плечи.

Странно и чуждо звучит здесь имя божье, потому что женщины с детьми идут в машины, - все, без исключения. Все мы знаем, что это значит, и поэтому смотрим друг на друга с ненавистью и страхом.

- Как, вы не хотите взять бедных младенцев? - почти удивленно и укоризненно спрашивает эсэсовец и начинает расстегивать кобуру.

- Не стреляйте, не нужно. Я возьму...

Седоволосая, высокая женщина берет у меня мертвых детей и мгновенье смотрит на меня. Прямо в глаза.

- Ребенок, ребенок, - тихо говорит она, чуть заметно усмехается и отходит, спотыкаясь на рельсах.

Я прислоняюсь к стенке вагона. Я здорово устал. Кто-то тянет меня за руку.

- Пошли, выпьем. Ты выглядишь, словно блевать собрался. En avant, под рельсы, быстрее!

Я вглядываюсь, но лицо скачет перед глазами, расплывается, становится огромным, прозрачным, сквозь него просвечивают неподвижные и почему-то черные деревья, текущая по перрону бесконечная толпа... Я зажмуриваю глаза, открываю: Анри.

- Анри, скажи, мы порядочные люди?

- Что ты ерунду городишь?

- Понимаешь, Анри, я почему-то чертовски злюсь, злюсь на этих несчастных, ведь это из-за них мы здесь торчим. И меня не трогает, понимаешь - абсолютно не трогает, что они идут в газ. По мне, пусть они хоть сквозь землю все провалятся! Я сам готов дубасить их кулаками. Это,наверное,извращение какое-то, я сам себя не понимаю...

- Да нет же, дружище, напротив, все нормально, все так задумано и рассчи-

тано. Тебя мутит на рампе, ты кипишь от злости, а на ком легче всего отвести душу? - на слабом, конечно. Даже желательно, чтобы ты ее отвел. Вот оно как получается, по-нашему, по-простому, комприс? - чуть насмешливо говорит француз, поудобнее устраиваясь под прикрытием рельсов.

- Ты лучше на греков погляди, вот кто умеет ловить момент! Жрут и жрут - все, что под руку попадет. При мне один банку джема слопал, с полведра, наверно...

- Это скоты. Завтра половина из них подохнет от срачки.

- Скоты? Ты тоже не так давно пух с голодухи.

- Все равно скоты, - упрямо повторяю я. Закрываю глаза, слышу крики, ощущаю подрагивание почвы и распаренный воздух на веках. В горле все пересохло.

Люди идут и идут, грузовики рычат, как разъяренные псы, в закрытых глазах маячат выброшенные из вагонов трупы, растоптанные дети, калеки, уложенные рядом с мертвецами, и толпа, толпа, толпа... Подкатываются вагоны, растут груды тряпок, чемоданов и рюкзаков, люди выходят, щурятся на солнце, жадно дышат, молят о воде, взбираются на машины, их увозят. Снова идут люди... Видения и явь перемешались во мне, я уже не понимаю, что происходит на самом деле, а что лишь чудится. В голове шумит, я чувствую, что меня сейчас вырвет.

Анри дергает меня за локоть.

- Не спи, идем грузить барахло.

Людей из транспорта уже нет... Последние грузовики мчатся вдали на шоссе, поднимая громадные клубы пыли, состав отошел, по опустевшему перрону снова солидно прохаживаются эсэсовцы, поблескивая серебром воротничков. Глянцевито сверкают сапоги, блестят налитые кровью лица.

Мы грузим барахло. Надрываясь, тащим тяжеленные, шикарные, пузатые чемоданы, кряхтя, с надсадом, забрасываем их на грузовики. Там их складывают кучей, уминают, заталкивают, вспарывают, что удастся, ножом - из злорадства, да и просто в поисках водки и духов. Флаконы с духами тут же опорожняют - прямо на голое тело. Один из чемоданов разваливается, из него летят на землю костюмы, рубахи, книги... Я хватаю выпавший сверток: он оттягивает руку. Развертываю: золото, добрых две пригорошни, браслеты, перстни, колье, бриллианты...

- Gib hier, - спокойно говорит эсэсовец, подставляя открытый портфель, битком набитый золотом и разноцветной иностранной валютой. Потом закрывает портфель, отдает его офицеру, берет у него пустой и подходит к другому грузовику. Это золото пойдет в Райх.

Жара, страшная жара. Воздух стоит недвижимым, раскаленным столбом. Горло пересохло, каждое произнесенное слово причиняет боль. Напиться бы. Лихо, радостно мечемся по перрону, лишь бы поскорее кончить, лишь бы в тень, лишь бы отдохнуть. Погрузка кончается, отъезжают последние машины, мы еще выбираем напоследок из мелкого, хрустящего гравия нездешний завезенный транспортом мусор, - "чтобы ни следа этого свинства не осталось" - и в ту минуту, когда последний грузовик исчезает за деревьями, а мы тащимся - наконец-то! - в сторону рельсов, из-за поворота снова доносится свисток. Медленно, неимоверно медленно вкатываются на станцию вагоны. Пронзительным свистком отзывается паровоз, из окон снова смотрят бледные и помятые лица, - плоские, будто вырезан-

ные из бумаги, с огромными, лихорадочно блестящими глазами. Опять подкатили машины, опять появился на перроне спокойный господин с блокнотом, опять вышли из кантины эсэсовцы с портфелями - собирать золото и валюту. Мы опять открываем вагоны.

Нет, владеть собой уже совершенно немыслимо. Грубо рвешь из рук чемоданы, сдергиваешь пальто, отрывая пуговицы и рукава. Да идите же, идите скорей, сгиньте, пропадите пропадом! Идут, - чтобы сгинуть... Мужчины, женщины, дети... Некоторые уже знают.

Вот идет женщина, едва заметно, но явно прибавляя шаг. Маленький ребенок с пухлыми щечками и румяным личиком херувима, не поспевая, бежит за ней и с плачем тянет ручки:

- Мама! Мама!
- Эй, ты, да возьми же ребенка на руки!
- Это не мой ребенок, господин, это не мой! - истерически кричит она и бросается бежать, закрывая лицо рками. Она хочет скрыться, хочет втиснуться среди тех, которые не поедут в грузовике, тех, что пойдут пешком, что будут еще немножечко жить. Она молодая, красивая, здоровая. Она хочет жить.

Ребенок ковыляет за ней, плаксиво жалуясь во весь голос:
- Мама, не убегай, мама!
- Это не мой, не мой, нет!
Ее догоняет Андрей, моряк из Севастополя. У него мутные от жары и водки глаза. Он догоняет ее, одним размашистым ударом швыряет наземь, падающую подхватывает за волосы и вздергивает на ноги. Его лицо искажено бешенством:

- Ах ты, еб твою мать, блядь жидовская! Родное дитя бросаешь?! Я ж тебе дам, курва ты ебаная! - он перехватывает ее в талии, здоровенной лапой стискивает горло, пытавшееся вскрикнуть, и с размаху забрасывает в кузов, - словно куль с мукой.

- Gut gemacht! Вот как надо наказывать выродков! - говорит эсэсовец, стоящий у грузовика. - Gut, gut руски.

- Заткнись! - ненавидяще цедит сквозь зубы Андрей и отходит к вагонам. Достает спрятанную под грудой тряпья бутылку, вышибает пробку, подносит к губам. Потом передает мне. Спирт обжигает небо, течет по подбородку. Голова гудит, ноги подкашиваются, тошнота подступает к горлу.

Внезапно из этого безликого людского потока, который слепо прет в сторону машин, словно река, гонимая невидимой силой, выныривает девушка. Она легко спрыгивает с подножки на гравий, пытливо оглядывается, как человек, чем-то безмерно удивленный.

Пышные светлые волосы мягкой волной рассыпались по плечам, она неприметно одергивает юбку. Мгновенье она стоит молча, потом наши глаза встречаются.

- Слушай, ты, - скажи, куда они нас поведут?

Я смотрю на нее. Вот она стоит передо мной, девушка с изумительными светлыми волосами, с высокой грудью под летней батистовой блузкой, с мудрыми, взрослыми глазами. Стоит, смотрит мне прямо в лицо и ждет. Вот газовая камера:

общая смерть, отвратительная и грязная. Вот лагерь: бритая голова, советские ватные брюки в холод и в жару, тошнотворный запах грязного, распаренного женского тела, звериный голод, нечеловеческий труд и та же самая газовая камера, только смерть еще отвратительней и грязней. Кто однажды сюда вошел, тому уже ничего, даже праха своего не вынести за оцепление, никогда не вернуться к прежней жизни.

- Слушай, скажи.

Я молчу.

- Понимаю, - говорит она с брезгливым презрением, поворачивается и решительно идет в сторону грузовиков. Кто-то пытается ее задержать, она надменно отстраняет протянутую руку и взбегает в почти переполненный кузов. Грузовик трогает. Издалека видны ее пышные светлые волосы, развеваемые встречным ветром.

Я иду из вагона в вагон, собираю и выношу раздавленных младенцев, вышвыриваю забытые вещи. Трупы валяются повсюду, вповалку: в вагонах, на гравии, на цементной дорожке перрона. Изломанные куклы, грудные дети, чудовищно распухшие голые бабы, скорчившиеся в последних судорогах мужчины. Я бегу, кто-то бьет меня тростью по спине, наотмашь, - краем глаза замечаю разразившегося бранью эсэсовца. Я вырываюсь из его рук и ныряю в толпу полосатой "канады". Потом я снова оказываюсь под рельсами. Солнце уже стоит низко над горизонтом и кровавым, закатным светом заливает перрон. Тени деревьев жутко удлинились; в тишине, которая обычно наступает под вечер, вой тысяч людей поднимается к небу еще громче и настойчивей.

Отсюда, из-под рельсов, видно все, что творится на запруженной людьми станции. Вон двое упали на землю, сплетенные в последнем отчаянном объятии. Мужчина судорожно вцепился скрюченными пальцами в тело женщины, зубами ухватился за ее одежду. Она воет по-звериному, клянет, богохульствует. Ее придавливает лакированный сапог, они начинают хрипеть, потом умолкают. Их растаскивают, как колоды, и порознь забрасывают в машины. Там четверо из "канады" тащат огромный, распухший труп какой-то бабы; они матерятся, пот льет с них градом. Пинками отгоняют потерявшихся детей, - они тычутся по всему перрону и визжат пронзительно, как щенки. Их хватают за что попало - за головы, за руки - и швыряют в машины, в кучу, навалом. Те четверо никак не могут закинуть бабу на грузовик, они зовут подмогу, общими усилиями им удается, наконец, перевалить гору мертвого мяса через борт в кузов. Со всего перрона стаскивают к машинам трупы - громадные, распухшиеся, вздувшиеся. Поверх швыряют калек - парализованных, раздавленных, потерявших сознание. Гора трупов шевелится, воет, мычит. Шофер выжимает сцепление, грузовик трогает...

- Halt! Halt! - орет издали эсэсовец. - Стой, стой, чтоб тебя!

Волокут какого-то старика, во фраке, с повязкой на руке. Голова болтается на тощей шее, колотится по земле, бьется о гравий, о камни. Старик без умолку, визгливо, на одной ноте, тянет "Ich will mit dem Herrn Kommandanten sprechen - я хочу говорить с господином комендантом". Со старческим упрямством он повторяет это раз за разом. Его забрасывает в задержавшийся грузовик, втаптывают ногами в груду трупов, грузовик отъезжает, из-под трупов все еще слышится полузадушенный хрип: "Ich will mit dem ..."

- Да успокойся же, ты, наконец! - хохоча во все горло, кричит молодой эсэсовец. - Потерпи полчасика, тебе дадут поговорить с самым главным комендантом! Только не забудь его поприветствовать!

Несут безногую девочку; ее волокут за руки и за уцелевшую ногу. По лицу текут слезы, она стонет шепотом: "Больно, пожалуйста, мне больно". Ее швыряют в тот же кузов, куда сваливают мертвецов. Сгорит живьем, вместе с ними.

Спускается вечер, прохладный и звездный. Мы лежим на рельсах, вокруг стоит невообразимая тишина. На высоких фонарных столбах горят тусклые лампы, за конусами света простирается непроглядная темень. Ступни в нее, и исчезнешь навсегда. Но глаза часовых смотрят внимательно, автоматы заряжены.

- Сменил ботинки? - спрашивает Анри.
- Нет...
- Чего ж ты...
- Я и без ботинок сыт по горло, понял?! С меня хватает!
- На первом же транспорте скис, эх ты! Погляди на меня - вот через эти руки с рождества прошло не меньше миллиона людей, наверно... Самое мерзкое знаешь что? - когда составы из-под Парижа. Нет-нет, а наткнешься на знакомых...
- Что же ты им говоришь?
- Что их сейчас поведут в баню, а вечерком мы с ними увидимся в лагере... А ты бы что сказал на моем месте, умник?

Я молчу. Мы пьем кофе с сахаром. Из банки загребают просто ладонью, сладкое какао приторно залепляет рот. Потом опять кофе, опять спирт.

- Чего мы еще ждем, Анри?
- Говорят, будет еще один транспорт. Но это не точно.
- Если будет, я не пойду разгружать. Я не смогу.
- Скрутило, а?! Вот она, "канада", верно? - Анри добродушно усмехается и исчезает куда-то в темноту. Потом он возникает снова.
- Порядок. Только гляди, чтоб постовой тебя не засек. Отсидишься тут. А ботинки я тебе скомбинирую.
- Черт с ними, с ботинками.

Мне хочется только спать. Уже ночь скоро.

Снова "antreten", снова транспорт. Из темноты возникают вагоны, проплывают полосу света и снова исчезают в темноте. Перрон невелик, но круг света еще меньше. Придется разгружать поочередно. Где-то в темноте ревут машины, угольно-черными тенями громоздятся над лестницами, столбами фар упираются в деревья. Wasser! Luft! Опять то же самое, запоздалый сеанс все того же постылого фильма: треск автоматной очереди - и вагоны затихают. Только какая-то девочка перегнулась наполовину из оконца и, потеряв равновесие, вывалилась на гравий. Минуту она лежит оглушенная падением и ударом, потом поднимается, бессмысленно смотрит вокруг и идет по кругу, все быстрей и быстрей. Она идет по кругу, неуклюже, как на зарядке, машет руками, хрипло, с присвистом дышит и воет: монотонно, пронзительно воет. Видно,сошла с ума. Ее кружение всех раздражает, к ней бросается эсэсовец, кованым сапогом ударяет в спину, - упала. Он притаптывает ее сапогом, достает револьвер, целится в затылок, потом стре-

ляет. Задергалась, засучила ногами, застыла - наконец-то! Командуют открывать вагоны.

Я снова у дверей. В ноздри ударяет горячий, сладкий смрад. В вагоне до половины высоты - сплошная гора тел, неподвижная, сплетенная в какой-то чудовищный узел, еще теплая.

- Ausladen! - раздается окрик эсэсовца, появившегося из темноты. На груди у него переносной фонарь. Луч света шарит внутри вагона.

- Что стоите, кретины?! Разгружать! - Трость со свистом опускается на спину. Я ухватываюсь за ближайший труп: его рука вдруг судорожно вцепляется в мою. Я с воплем вырываюсь и мчусь в темноту. Сердце грохочет, горло перехватило. Неукротимый приступ тошноты скрутил все тело. Скорчившись под вагоном, давлюсь собственной блевотиной. Потом, обессиленный, шатаясь, крадусь в темноте под рельсы.

Я лежу на приятном, холодном железе и мечтаю о возвращении в лагерь, о нарах без матраца, о коротком сне среди товарищей, которых не отправят ночью в газовые камеры. Лагерь вдруг кажется мне каким-то островком блаженства. Ведь умирают все другие, сам как-то ухитряешься выжить, есть жратва, есть силы, чтобы работать, есть родина, дом, девчонка...

Фонари призрачно мигают, людской поток плывет бесконечно, - мутный, лихорадочный, одуревший. Этим людям кажется, что сегодня они начинают новую, лагерную жизнь, и они психологически готовят себя к долгой, тяжелой борьбе за существование. Они не знают, что через несколько минут умрут, и что золото, деньги, бриллианты, которые они так предусмотрительно укрывают в складках и подшивке одежды, в каблуках туфель, в потаенных уголках собственного тела, - им уже никогда не понадобятся. Специальные люди заученными профессиональными движениями будут ковыряться в их внутренностях, извлекут золото из-под языка, бриллианты из матки и прямой кишки. Вырвут золотые зубы. В тщательно заколоченных ящиках отошлют в Берлин.

Черные фигуры эсэсовцев проходят спокойно, деловито. Господин с блокнотом в руках ставит последние черточки, подводит итог: пятнадцать тысяч.

Много, много грузовиков пошло сегодня в крематорий.

Уже кончают. Последняя машина забирает трупы, разбросанное по перрону барахло уже погружено. "Канада", навьюченная хлебом, джемом, сахаром, пахнущая духами и чистым бельем, выстраивается в обратный путь. Капо заканчивает набивать котел из-под чая золотом, шелком, пакетами кофе. Это - для часовых на воротах, чтобы пропустили "канаду" без обыска. Несколько дней лагерь будет жить за счет этого транспорта: есть его ветчины и колбасы, фрукты и конфитюры, пить его водки и ликеры, расхаживать в его белье, торговать его золотом и барахлом. Многое вынесут из лагеря гражданские в Шленск, в Краков и дальше. За это они привезут нам папиросы, яйца, водку и письма из дому.

Несколько дней лагерь будет говорить о транспорте "Сосновец-Бендзин". Хороший был транспорт, богатый.

Когда мы возвращаемся в лагерь, звезды уже начинают блекнуть, небо становится все более прозрачным, уходит ввысь, темнота проясняется. День обещает быть безоблачным, жарким.

Над крематорием поднимаются огромные столбы дыма, соединяясь вверху в громадную черную реку, которая страшно медленно ползет по небу над Биркенау

и исчезает за лесами в направлении Тщебини. Сосновецкий транспорт уже горит.

Навстречу идет отряд СС. Это автоматчики, на смену караулов. Они идут четко, ряд в ряд, единой массой, единой волей.

- Und morgen die ganze welt, - во все горло орут они.
- Rechts ran! Направо! - звучит спереди команда.

Мы уступаем им дорогу.

* * *

*ТАДЕУШ БОРОВСКИЙ родился в 1922 г. Во время оккупации изучил полонистику в подпольном Варшавском университете, одновременно работал в строительстве. Дебютировал в 1942 г. конспиративно изданным циклом стихов "Где бы ни была земля..." В 1943 г. был вывезен в Освенцим. Пережитое в лагере легло в основу сборника репортажей и очерков "Мы были в Освенциме", опубликованного в Мюнхене в 1946 г., а также сборников рассказов "Некий солдат", "Прощание с Марией", "Каменный мир", опубликованных уже после возвращения в Польшу. Боровский был "автором одной темы", и этой темой была судьба людей в полосатых куртках. Его рассказы о лагере предельно реалистичны и абсолютно достоверны, они ближе к человеческому документу, чем к художественной литературе. Таким документом, свидетельствующем об одном крохотном эпизоде из истории гибели евреев Европы, является и публикуемый нами рассказ.

Боровский писал о себе: "Я не ел человечьих мозгов, не убивал детей, не сидел в карцере, не хаживал с немцами в оперу - вообще мне было бы чрезвычайно неприятно, если бы мои рассказы рассматривались как листки из авторского дневника лишь потому, что они написаны от первого лица".

Многие писатели, пришедшие из лагерей, воздали должное лагерной теме и затем перешли к другим, казавшимся им более актуальными. Для Боровского эта тема оставалась актуальной всегда: переход к "обычной" жизни для него оказался невозможен. Забвение и замалчивание прошлого он оценивал как предательство. Предать он не мог. В 1951 году он повесился.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Братья евреи!

Сегодня, когда мы снова одни перед лицом объединенного международного антисемитизма, когда человеконенавистничество новейших бандитов возводится в закон уже от имени Организации Объединенных Наций, - мы, прошедшие примерно одинаковую школу жизни и войны, собирающиеся выехать на свою историческую родину, должны спросить сами себя:

"Как мы представляем себе свое собственное будущее и будущее возрожденного спустя две тысячи лет отечества? Что мы, собравшиеся из разных стран, приносим с собой в Израиль и что намерены от него получить? На какой основе и каким образом рассчитываем мобилизовать для победы свои не столь уж большие силы в борьбе с многочисленными и непримиримыми врагами? Какими принципами должны руководствоваться в своей, для большинства из нас новой, жизни. Что было в прошлом и что должно быть в будущем той основой, на которой держалась и должна держаться впредь наша воля, сплоченность и мужество?"

Сегодня большую часть израильской иммиграции составляют советские евреи. В Израиле многие из них сталкиваются с серьезными, а для части - оказывающимися и непреодолимыми трудностями абсорбции. Многие из советских евреев являются по воспитанию атеистами, философскими и практическими материалистами. Им трудно представить себе общество, пронизанное теократическими принципами. Для них непреодолимой сложностью становится уже сама мысль, что господствующей концепцией в стране является не какая-либо политическая концепция, вроде маоизма, марксизма или маркузианства, а концепция религиозная, древнее учение Бога - иудаизм. Воспитанные в атеистической традиции, они с огромным трудом примиряются с мыслью признать в качестве Высшей истины Бога, а не слепую эволюцию, лишенную начала и конца, целенаправленности и смысла.

Автор этих строк - рядовой гражданин СССР, в прошлом - офицер, вышедший на пенсию по выслуге лет, - как и большинство советских евреев тоже в недавнем прошлом был атеистом. Всю свою предшествующую жизнь он, как и все они, был стихийным безбожником в силу, так сказать, общественного автоматизма.

Все мы, стараясь быть "как все", никогда фактически не задумывались над высшим смыслом мира, не задавались вопросом о смысле бытия и его Создателе и так провели большую часть своей жизни. Но в последние годы, в процессе осмысления нашей национальной судьбы, каждый из нас постепенно ощутил Бога, почувствовал высший смысл Вселенной, истории нашего народа и отечества. Мы поняли, что во Вселенной кроме поверхностного смысла есть еще иное, глубинное начало, доступное лишь тому, кто уверовал в Бога.

Лучшим агитатором и пропагандистом в пользу Божественного смысла является сама историческая судьба народов. Тот факт, что на карте мира возникло Государство Израиль, означает, что Тот, кто распоряжается будущим, не бросает слов на ветер. Это означает, что многовековые слезы и молитвы евреев у стены плача не остались неуслышанными.

Вдумаемся в слова пророка Иеремии, говорившего, что настанут времена, когда скажут: "Жив Господь, который вывел сынов Израилевых из земли северной и из всех земель, в которые изгнал их,... ибо возвращу их в землю их, которую я дал отцам их" /16, 14-15; 7-8/. Это было сказано, когда никакой "северной земли" еще не было на земном шаре - нашей северной земли.

Пройдя по ступеням отрицания Бога, мы чувствуем себя сейчас блудными сынами Отца своего. В возвращении в Израиль мы слышим не только зов времени, но также властный и категорический императив Бога нашего, призывающего нас к возвращению.

Я не пишу трактат в пользу бытия Божьего. Это сделали до меня многие выдающиеся умы человечества. Я выражаю лишь свою твердую убежденность в двух вещах- в том, что Бог есть, и в том, что он печется о нашей Родине. Чем больше я размышляю о судьбе своего Отечества, тем более убеждаюсь, что без веры в Бога оно обречено на самый банальный вариант вырождения и гибели.

Будущее общечеловеческой цивилизации неразрывно связано с судьбой нашего народа. Тысячи лет он был тем материалом, который все "строители" отбрасывали как "негодный". Пришло время, когда этот "камень" будет, наконец, положен "во главу угла".

Вовсе не нужно быть профессиональным историком, чтобы осознать, что история скомпрометировала все прежние формы человеческого общежития, все политические системы, все виды государственного правления. История показала, что на каком бы "изме" не основывался социальный строй, он неизбежно вырождается и терпит крах, поскольку в нем нет места для Бога.

Ныне большинство людей, способных видеть, понимает, что человеческий прогресс зашел в тупик, упершись в проблему нравственности. Первым и главным итогом атеистического пути эволюции является отсутствие морали.

Видимо, человечеству суждено было пройти этот путь, чтобы придти к простейшей истине: без Бога нет нравственности, а без нравственности нет цивилизации.

Вся предшествующая история современного общества - это, по существу, процесс постепенного отхода от Бога, и кульминацией его явилась первая в истории попытка построения полностью атеистического строя.

Израиль населен людьми, исповедующими разные мировоззрения. Это создает объективное препятствие на пути к превращению страны в монолитное целое. И более всего этому препятствует атеизм.

Я призываю всех в Израиле и всех, кто находится на пути к нему, еще раз подумать об этом и решить - каждому для себя: как мы будем жить и строить? Не очевидно ли, что повторять уже скомпрометировавший себя атеистический вариант столь же бессмысленно и бесперспективно, как пытаться повторить буржуазный или социалистический варианты государственности?

Бог - вот кто должен стать для нас центральной фигурой нашей истории, главной опорой нашей жизни. Ибо без Бога несостоятельна история, бессодержательна жизнь.

Воспитание, образование, науки и быт должны быть подчинены религии. Ибо религия - это не "нравственная узда для масс" и не "опиум для народа", а единственное верное мировоззрение.

Я убежден, что Израиль должен стать государством, основанным на принципах справедливости и доброй воли - на тех самых заповедях, которые Бог некогда завещал евреям через Моисея. Эти заповеди должны стать основой и критерием нашй нравственности, ибо историей человечества неопровержимо доказано, что самым "выгодным", в конечном счете, вариантом общественного и личного бытия является путь честности и правдивости.

Иные говорят, что Писание устарело. Но разве не являемся мы все свидетелями того, как ныне, на наших глазах, продолжается Священная история? Разве не говорит сам за себя тот факт, что сбывается предсказанное в Писании? И когда мы видим, что против крохотного народа выступает такое множество сильных врагов, как предсказано Богом, - разве не говорит это о том, что правда и будущее за Израилем? Что народ наш, впитавший трагический опыт истории, преодолеет и нынешние трудности?

Сейчас, как никогда, уместно напомнить о годах фашизма, когда народ наш был покинут цивилизованным человечеством и потерял 40 проц. своих сыновей, когда погибли величайшие еврейские библиотеки и драгоценнейшие памятники иудаизма, когда были уничтожены еврейские общины и очаги еврейской учености в странах Европы, а большинство наших духовных руководителей погибло в крематориях, газовых камерах и концентрационных лагерях.

Ныне в руках тех, кто остался в живых, находится будущее данного нам Богом учения, как образа жизни и борьбы, позволившего нашему народу выжить и сохранить себя, несмотря на все трудности, встававшие перед ним на протяжении двух с лишним тысяч лет. И наш долг - сохранить и передать этот образ жизни грядущим поколениям, передать таким же цельным и сильным, каким он остался на протяжении этих тысячелетий.

Израиль должен воспитать новый тип человека, которому "выгодно" было бы быть честным, - человека, свободного от корысти и эгоизма. В конечном итоге сила человека только в борьбе за истину. В борьбе против истины человек бессилен. Так и мы непобедимы, пока мы боремся за Израиль, возглавляемый Богом,- ибо с нами высшая истина.

Собравшись в своей земле, мы обязаны проявить свои лучшие качества. Мы должны честно и недвусмысленно заявить, что, пройдя тяжкий жизненный путь в диаспоре, мы возвращаемся на древнюю землю не барышничать, не стяжать благополучие, а работать во имя возрождающегося Израиля и если надо - копать землю и защищать ее с оружием в руках.

Надо быть слепым, бесчувственным и лишенным разума, чтобы не увидеть и не уразуметь, что не временные радости, не мелкие удачи или неудачи прибывших в Израиль иммигрантов определяют будущее нашего народа и государства. Напротив, - в судьбе каждого, кто уже возвратился в свое Отечество, равно как и в судьбах тех, кто еще на пути к нему, в судьбе всего нашего народа нужно видеть строгий и продуманный план Создателя.

Сколько древних народов, видевших начало земной истории, но не имевших связи с Богом, вымерли или выродились - так, что от них не осталось и памяти? Пусть же удивляются все, способные удивляться: семьдесят лет в Вавилонском плену, две тысячи лет среди чужих и враждебных народов в труднейших и жестокайших условиях, и все же мы, в массе своей, остались верны себе и своей вере

Полковник Л.П.ОВСИЩЕР

Это письмо прислал в редакцию нашего журнала доктор биологических наук Самуил Ромбе. Сам автор справедливо отмечает, что его взгляды разделяют многие евреи как в СССР, так и за рубежом. Поэтому мы сочли необходимым опубликовать полный текст этого письма - без комментариев или возражений.

Мое обращение носит сугубо личный характер. Меня глубоко волнует судьба Израиля и будущее всего еврейского народа. Однако я полагаю, что мое мнение разделяют многие евреи - как в Советском Союзе, так и за его пределами.

Чаще всего до вас доносятся голоса тех, кто сегодня отважно отстаивает свое законное право на выезд в Израиль, тех, кто уже подал документы на выезд и получил отказ. Но ведь это - голоса немногих. Эти немногие готовы понять и оправдать любые действия Израиля. Их чувства - чувства динамичной еврейской элиты - не показательны для настроений большинства русских евреев. Алия выдохлась, затаилась и ждет. Ждет, потому что считает новую войну величайшим несчастьем для Израиля. Новая война и на шаг не сдвинет проблем арабо-израильских отношений, но может разрушить все надежды советской алии.

Сегодня Израилю противостоят Сирия, Египет, Иордания, палестинцы Арафата. Вторым эшелоном являются Алжир, Ливия, Судан и Марокко на западе и Саудовская Аравия, Ирак, Кувейт и Йемен - на востоке и юге. При сказочно благоприятном исходе войны и полном разгроме первых в конфликт сразу же вступят все остальные. Полагаю, что в Израиле совершенно не учитывают готовности советского правительства в случае необходимости осуществить военное вмешательство - вплоть до высадки в Латакии, Александрии и даже в Хайфе. Думаю так же, что Израиль ошибается в своей оценке решимости американцев не допускать прямого вмешательства Советского Союза в ближневосточный кризис.

Лучшим исходом такой войны для Израиля явился бы возврат к границам 1947 года, причем не исключено создание самостоятельного палестинского государства без участия и учета интересов Израиля. Альтернативой же войне может быть только признание палестинцев равноправными партнерами по мирным переговорам. В конце концов, переговоры можно вести и с террористами - если террористы захватили заложников.

Многие вне Израиля - и евреи, и неевреи - хотят войны. Войны, которую будете вести вы - дорогие мои соплеменники. Обыватель на Западе смотрит на Ближний Восток как на цирковую арену, где на потеху ему гибнут гладиаторы - арабы и евреи. Обыватель готов платить и делать на вас ставки. Он непрочь поглядеть по телевизору, как вы берете Каир, Аман или Дамаск. Но если все будет совсем иначе - он несколько расстроится - и не более того.

Израильтяне должны быть не гладиаторами, а воинами. Ведь у гладиатора не бывает побед. Выигранный бой - для него только отсрочка. А сегодня нужна не сила, а мудрость. Мудрость для того, чтобы отступить. Танки М-60 не могут покорить весь Ближний Восток от Багдада до Касабланки. Т-54 тоже не плохая машина, и у арабов есть кого посадить за ее рычаги.

Переговоры должны начаться. И если они будут сорваны, виновником срыва не должен быть Израиль. Пусть им будет Сирия или Арафат.

Не знаю, нужна ли сейчас Израилю алия из Советского Союза. Знаю только, что советским евреям нужен Израиль - пусть маленький, но благополучный, мирный и гостеприимный. Лучше орошать потом пустыню Негев, чем терять своих сыновей в Синае и на Голанских высотах.

САМУИЛ РОМБЕ, 42-х лет, отец двоих детей - Иакова, 13 лет и Анны, 4 лет.

ЕВРЕИ В СССР

יהודים בבריה"מ

אסופת כתבים מוקדשים לתולדות היהודים בבריה"מ
לתרבותם ולבעיותיהם

מס' 7 מאי - יוני 1974

מס' 8 יולי - אוגוסט 1974

העורכים:

א. וורונל ונ. וורונל
מוסקבה
רח' נרודנובו אופולצ'ניה
בית 45 דירה 103

מ. אזבל
מוסקבה
רח' ווייישניאקובסקיה
בית 4, בלוק 2, דירה 5

מ. אגורסקי
מוסקבה
רח' פרופסויוזניה
בית 102, בלוק 5, דירה 176

א. לונץ
מוסקבה
רח' גריבלדי
בית 15, בלוק 2, דירה 76

ו. בריילובסקי
מוסקבה
רח' וורנדסקובו
דירה 99, בלוק 1, דירה 128

אי. רובין
מוסקבה
פריצ'לני פרויזד
בית 3, בלוק 3, דירה 109

הנושאים העוברים כחוט השני בקבצים הנוכחיים והמאחדים את המסמכים השונים המופיעים בכרך זה, הינם בעית ההתבוללות וההכרה העצמית של היהו-די הסובייטי המתבולל (מס' 7), ובעית יחסי הגומלין בין העמים הרוסי וה-יהודי, בעיה המוצאת ביטויה על רקע הסטורי-תרבותי נרחב.

הפרסום "יהודים בבריה"מ", למרות אופיו האפוליטי הבולט, היה, וממ-שיך להיות נתון לרדיפות שיטתיות מצד השלטונות. הקבצים 7 ו-8 כאחד, הוח-רמו בביתו של פרופ' וורונל, בשעת חיפוש.

בדומה לנהוג בפרסומים הקודמים, שמות העורכים והמחברים הינם אמיתי-ים ומובאים בשלמות.

דבר המערכת

מלחמת ששת הימים חוללה תמורות עמוקות בחיי היהודים בבריה"מ הלכו ותכפו גלויי ההזדהות עם מדינת ישראל, אשר התפתחו עם הזמן למאבק למען זכות העליה לכל דורש (בהקשר זה ראה גם הקובץ "עצומות, מכתבים ופניות של יהודי בריה"מ", שהופיע אף הוא בהוצאת המרכז לתעוד יהדות מזרח אירופה). במקביל לכך רבו התהיות על ייחודו ומשמעותו של הקיום היהודי וגבר הרצון להוסיף דעת על תולדות העם, תרבותו וקורותיו בהווה.

מאחר שאין ליהודי בריה"מ גישה חופשית למקורות מהמנים כדי לשאוב מהם את המידע ואין להם במה פומבית משלהם להעלות בה נושאים אלה לברור, טבעי שפנו אל דרך ה"סמיזדאט" כדי למלא אחרי החסר. החוברת הראשונה של הסמיז-דאט היהודי יצאה בריגה בפברואר 1970. מאז יצאו ומוסיפים להופיע בבריה"מ חוברות נוספות לצד מידע על בעיות השעה. מתפרסמים בהן גם מאמרים, דברי הגות ויש המכילים גם שירים ויצירות ספרותיות

עם פרסום הסדרה ה"סמאיזדאט היהודי", מגשימה המערכת את כוונתה לכ-נס ולהוציא לאור מירב היצירות מהסוג הזה שהגיעו למערב. החומר סודר ב-דרך כלל לפי סוגי הפרסומים ועל פי הסדר הכרונולוגי של הופעתם בסמאיזדט. מאחר שהעותקים אשר בידי המערכת איכותם ירודה יחסית ואינה מאפשרת הבאת החומר בצלום, הועתק הכל מחדש,תוך שמירה מירבית על נאמנות למקור. במקרים בודדים, כשראינו צורך להבהיר,נעשה הדבר בסוגריים מרובעים.

הכרך הנוכחי, ה-10 במספר, של הסדרה "הסמיזדאט היהודי" כולל את הקבצים 7 ו-8 של הפרסומים "יהודים בבריה"מ", אשר יצאו במוסקוה במאי - יולי ויולי - אוגוסט 1974.

פרסומים קודמים של הוצאה זו, אשר נוסדה ב-1972 ע"י פרופ' א. וו-רונל וו. יחוט, ראו אור בכרכים ה-4, ה-6 וה-7 של הסדרה הנוכחית. בחיב-ורם ובעריכתם של הקבצים המתפרסמים בכרך זה, נטלו חלק, בשורה אחת עם פרופ' א. וורונל, גם פרופ' מ. אזבל, ד"ר א. לונץ וד"ר נ. בראילובסקי, מהנדס קיברנטיקה מ. אגורסקי, המחברים נ. וורונל, א. רובין וא. לובוב (לובושיץ).

פרסום זה יוצא לאור בסיוען האדיב של
קרן זיכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק
והאגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

האוניברסיטה העברית בירושלים
המרכז לחקר ולתיעוד יהדות מזרח אירופה;

יהודים והעם היהודי

"סמאיזדט" יהודי

ערך אברהם בן-אריה

כרך 10

ירושלים 1976

יהודים והעם היהודי

"סמאיזדט" יהודי

כרך 10

האוניברסיטה העברית בירושלים המרכז לחקר ולתיעוד יהדות מזרח אירופה